

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

IV

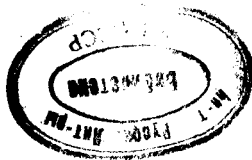
МОСКВА . ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР . ЛЕНИНГРАД

1940

Ответственный редактор акад. А. С. Орлов

116887

Редактор Издательства Д. С. Лихачев

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор А. А. Мирошников
Сдано в набор 13 апреля 1938 г. — Подписано к матрицированию 28 декабря 1938 г.

Подписано к печати с матриц 23/II 1940.

253 стр. (3 фиг.)

Формат бум. 70×108 см. — 15⁷/₈ печ. л. — 19 уч.-авг. л. — 52224 тип. зн. в л. — Тираж 1500
Ленгорлит № 927. — РИСО № 745. — АНИ № 347. — Заказ № 509.

Набрано в типографии Изд. Ак. Наук СССР. Отпечатано в тип. им. Володарского
Ленинград, Фонтанка, 57.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	5
Акад. А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. От редактора. [Введение.] — I. Списки «Повести временных лет». II. Объем и состав «Повести временных лет». — III. Обзорение со- става Несторовой летописи. — IV. Источники «Повести временных лет»: 1. Книги «св. Писания». 2. Хроника Георгия Амартола и его продолжателя. 3. «Никифоров летописец вскорее». 4. Житие Василия Нового. 5. Хронограф особого состава. 6. Статья Епифания Кипр- ского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника. 7. Ска- зание о предложении книг на славянский язык. 8. Откровение Мефо- дия Патарского. 9. Поучение о казнях божиих. 10. Договоры с гре- нами. 11. Речь философа. 12. Легенда об апостоле Андрее	9
Д. В. Айвалов, чл.-корр. АН. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» I. Плач Ярославны. II. «Не быть кликну». III. На каком инструменте играл Боян?	151
М. О. Скрипиль. Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской»	159
В. Ф. Покровская. Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии (к истории переводной литературы XVII в.).	176
В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы первой четверти XVIII в. Сатире на Феодосия Яновского.	199
В. П. Адрианова-Перетц. Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в. I. Троицкий диалог. II. К истории школьного театра в Астрахани	207
И. П. Еремин. Драма-игра «Царь Ирод»	223
Акад. А. С. Орлов. Гистория об Илье Муромце и Соловье Разбойнике	241
В. И. Малышев. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей	247

Я
И
ЭГ
1
44
ра
д

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемые Отделом древней русской литературы Института литературы Академии Наук СССР «Труды» ставят своей задачей публикацию исследований литературных памятников русского средневековья, еще не включенных в научный оборот, и издание еще неизвестных текстов.

В связи с нарастающим интересом советского культурного читателя к древне-русской литературе, все необходимое становится установление правильной исторической перспективы в этой области. Вместе с тем необходимо усвоить из старого научного наследия все то ценное, что в нем имеется: в частности, по-настоящему оценить образцовые труды акад. А. А. Шахматова по русскому летописанию.

Одной из характерных особенностей изучения древне-русской литературы является его органическая связь с родственными науками: историей, лингвистикой, историей искусства, фольклористикой. Эти связи надо всячески закреплять и поддерживать.

Состав IV тома «Трудов ОДРЛ» в основном посвящен разработке литературоведческих тем, связывающих историю древне-русской литературы с историей (работы акад. А. А. Шахматова, М. О. Скрипиля), историей русского просвещения (работы В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, В. Ф. Покровской), фольклористикой (работа акад. А. С. Орлова) и отчасти историей искусств (частично работа Д. В. Айналова).

Первое место в IV томе «Трудов ОДРЛ» занимает недавно найденное среди бумаг покойного акад. А. А. Шахматова его исследование „Литературные источники «Повести временных лет»“¹, выполненное лучшим знатоком русского летописания, в лице которого объединились литературовед, лингвист и историк. Это исследование расширяет отношение к одному из важнейших источников истории начального периода русского государства. А. А. Шахматов вскрывает обилие привлеченных в «Повесть временных лет» литературных материалов, показывая на этом примере, как высоко стояла литературная культура Киевской Руси еще в XI в. Круг использованных в «Повести временных лет» литературных памятников показывает связь Киевской Руси с общеевропейской культурой, частично уходящей корнями в античность. В своем исследовании А. А. Шахматов показал своеобразие использования литературных источников летописцем. Подбор источников оказался не случайным, он определялся теми широкими общественно-политическими задачами, которые выдвигала летопись, отвечая на вопрос: «откуда есть пошла русская земля», изображая ее международную роль в начале XII в. Учет иноземных источников необходим, чтобы воссоздать историю нашего народа не в отрыве от «истории общеевропейской и, вообще, мировой истории»

¹ Хранится в Архиве АН СССР; шифр издаваемой рукописи — «фонд 134, опись I, № 144»; в том же собрании хранится рукопись изданного в этом году Институтом Литературы АН «Обозрения русских летописных сводов XIV—XVI вв.» — шифр «фонд 134, опись I, № 110».

(И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. 8 августа 1934 г.).

Далее, в IV томе помещаются статьи и материалы, относящиеся к древне-русской беллетристике, дополняющие наши сведения по истории повести, сатиры и драмы с XII по XVIII в.

Статья члена-корреспондента Академии Наук СССР Д. В. Айналова «Заметки к тексту Слова о полку Игореве» касается чтения отдельных мест «Слова» и толкования его реалий. В период оживленного интереса к «Слову» работы Д. В. Айналова — историка искусства и литературоведа — ценны многосторонностью отношения к материалу.

Статья М. О. Скрипицы «Повести о Юлиании Вяземской» касается мало освещенного в литературоведении вопроса о зачатках оригинальной историко-бытовой повести, об ее общественно-политической роли и о борьбе этого жанра с церковными тенденциями в литературе. Исследователь показывает, как «Повесть о Юлиании Вяземской», в старшей редакции XVI в. передающая подлинный исторический факт, вскоре перерабатывается с политической целью прославления рода московских князей, а позже в руках церковников превращается в традиционно-житийное сказание, стирающее конкретные исторические черты. К исследованию приложены неизданные тексты этой повести.

В. Ф. Покровская в статье «Повесть о Бруне и Мелеонии» обнаруживает среди церковно-исторических переводов с новогреческого языка, сделанных в Москве во второй половине XVII в., повесть с любовным сюжетом, хотя и поданным в очерковленной форме, и показывает, что другой вариант того же сюжета одновременно пришел с Запада в виде занимательного романа приключений («Повесть о Петре Златых ключах»). Этот светский вариант получил широкое распространение, тогда как «Повесть о Бруне и Мелеонии», перегруженная нравочениями, написанная тяжелым книжным языком, не привилась среди читателей. Этот вывод подтверждает наше представление об ослаблении у читателей во второй половине XVII в. интереса к назидательным тенденциям в литературе и о нарастании вкуса к новой тематике, более отвечающей новому соотношению сил в общественно-политической жизни Московского государства.

Статья В. П. Адриановой-Перетц «Сатира на Феодосия Яновского» знакомит с неизвестным еще памятником сатирической литературы первой четверти XVIII в. Точно изображающая подлинный исторический факт, эта сатира характеризует быт и нравы «князей церкви» Пестровской эпохи.

В статье того же автора «Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.» приводятся сведения о неизвестных пьесах, продолжающих в XVIII в. традиции школьного театра XVII в. Первая из исследуемых пьес — «Троицкий диалог» 1740-х гг. — показывает, как в духовных школах елизаветинской поры насаждались тенденции официальной публицистики. Вторая пьеса, повторяющая традиционную форму рождественской драмы XVII в., указывает на существование неизвестного до сих пор школьного театра в Астрахани. Этот город, где с начала XVIII в. столкнулись разнообразные культурные воздействия капуцинов и иезуитов, с одной стороны, киевской и московской академий — с другой, включается новым материалом в группу очагов школьной литературы, воспитывавших в XVIII в. в определенном направлении вкусы учащихся. Под этими воздействиями, между прочим, прошло детство В. К. Тредьяковского.

И. П. Еремин сообщает новые материалы, касающиеся драмы-игры «Царь Ирод», шутовской буффонады, восходящей корнями к мистериальному театру западноевропейского средневековья. Длительное бытование этой

драмы-игры в демократической среде показывает, что царское правительство, мешавшее продвижению в народные массы «литературной» драмы, не препятствовало исполнению примитивных пьес типа «Царя Ирода». С другой стороны, тексты этой драмы-игры иллюстрируют наглядно процесс превращения именно в народной среде первоначально церковной мистерий в шутовскую буффонаду.

Акад. А. С. Орлов сообщает найденный им в рукописи XVIII в. текст былины об Илье Муромце, обработанной в форме книжной повести — «истории».

Заметки В. И. Млышева о некоторых осмотренных им рукописных собраниях Севера обращают внимание на необходимость систематического их обследования, так как состав дореволюционных рукописных собраний значительно изменился: часть рукописей вошла в более крупные книгохранилища, на их место поступили материалы, не бывшие прежде на учете. Улучшение условий хранения всех этих материалов и научное описание их способствовали бы включению их в научный оборот.

А. ШАХМАТОВ

„Повесть временных лет“ и ее источники

ОТ РЕДАКТОРА

Выпуская в свет в 1916 г. первый том своего известного исследования «Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания» (Пгр., 1916), А. А. Шахматов в предисловии указал, что «II том этого труда (в рукописи почти уже оконченный) будет посвящен исследованию источников „Повести временных лет“ и характеристике редакционной работы ее составителей».

При разборе бумаг А. А. Шахматова, скончавшегося 16 августа 1920 г., была найдена рукопись, оформленная как университетский курс лекций о «Повести временных лет», но в существе несомненно представлявшая подготовленный вчерне II том исследования «Повесть временных лет», о котором было заявлено автором в 1916 г. при выпуске I тома. Как известно, в 1918/19 уч. году А. А. Шахматов читал в Ленинградском университете курс, названный «Повесть временных лет. Состав и источники».

Если во II томе своего исследования «Повесть временных лет» А. А. Шахматов предполагал дать исследование источников и характеристику работы ее составителей, то условия преподавания вынудили к известному рода расширению программы. «Свое изложение (пишет во «Введении» к курсу А. А. Шахматов) я разобью на несколько отделов: в первом укажу на списки „Повести временных лет“, во втором и третьем определяю объем и состав исследуемого летописного свода, в четвертом выделю его источники, в пятом остановлюсь на вопросах о времени, месте составления и об авторе свода, в шестом скажу кратко о предшествующих летописных сводах, в седьмом охарактеризую редакторскую работу составителя свода, наконец, в восьмом сообщу данные о древнейших переделках нашего свода».

К сожалению, ни эта программа университетского курса, ни программа обещанного II тома «Повести временных лет» не были выполнены А. А. Шахматовым в настоящей рукописи. Пред нами — курс лекций, в котором из намеченных «Введением» 8 отделов изложены только 4. Однако, всякий читатель, знакомясь с IV отделом этого курса (источники «Повести»), согласится с А. А. Шахматовым, что даже при наличии только этого вида своего труда он имел право сказать еще в 1916 г., что II том «Повести» в рукописи уже почти закончен. Действительно, IV отдел курса (источники) в пять раз превышает все три первые отдела вместе взятые и в своем изложении даст 12 самостоятельных исследований о 12 источниках «Повести». Как и в прежних работах, так и в публикуемой теперь посмертной работе А. А. читатель поражается и изумительной широтой охваченного и вовлеченного в изучение материала и блестящим использованием этого материала в безукоризненной исследовательской манере.

Постоянным сличением текстов автор принуждает читателя признавать в числе источников «Повести» все новые и новые источники переводные, удивляя количеством этих источников в руках летописателя начала XII в. Можно смело теперь утверждать, что никогда позднее русское летописание в вопросах о том, «откуда пошла Русская земля», не подымалось на такую ступень ученой любознательности, как в начале XII в. Выполняя эту часть исследования, А. А. Шахматову не приходилось беспокоиться о том, чтобы дать «характеристику редакционной работы составителя» в таком же изложении, потому что характеристика эта не требовала от автора таких же кропотливых текстологических изысканий, как главы об источниках, а дело сводилось лишь к написанию тех долготлетних наблюдений над «Повестью», какие изложились у исследователя.

Рукопись издается в том виде, какой она имеет в настоящее время, без всяких попыток со стороны редакции внести какие-либо дополнения и поправки, кроме технических. Конечно, подготавливая ее к печати, автор, весьма взыскательный и к внешней отделке своих трудов, многое бы изменил, а главное дополнил и закончил в рукописи, но и в этом черновом своем виде работа читается без всяких затруднений, будя лишь в читателе сожаление, что автору так и не удалось завершить своего труда — подготовить к печати и издать II том «Повести временных лет».

Здесь уместно отметить, что тот проспект подлежащих рассмотрению в курсе источников «Повести», который наметил автор в конце вводной части своего IV отдела, не совсем соответствует тому составу источников, который теперь в этом отделе читается (не затронуты: «символ веры», преподанный Владимиру, как и рассказ об убиении Бориса и Глеба; житие же Мефодия Словенского, обещанное как отдельное исследование, затронуте лишь в разборе «Сказания о предложении книг»). Мало того, принцип группировки источников «Повести», указанный в конце вводной части IV отдела, оказывается невыдержанным в рукописи. Это свидетельствует о том, что при обработке своих исследований для курса А. А. Шахматов намечал тот окончательный вид своей работы, который она получила бы в печати.

М. Приселков.

ВВЕДЕНИЕ

Под Несторовою летописью я, согласно с установившеюся давно традицией, разумею дошедший до нас в нескольких поздних обработках летописный свод, озаглавленный в древнейших списках «Повѣсть (или Повести) временных лѣтъ (черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго), откуда есть пошла Руская земля и кто въ Киевѣ нача первѣе княжити». Правда, историческая критика XIX в. приходила к выводу, что авторство Нестора не имеет для своего признания достаточных оснований; дошедший до нас свод приписывали труду иных лиц, между прочим труду игумена Михайловскаго Выдубицкаго монастыря Сильвестра; но, как увидим, традиция, связавшая «Повесть временных лет» с именем Нестора, восходит к XIII в., и уже это должно препятствовать отрицанию за ней исторической действительности. Для предстоящей нам задачи вопрос об авторстве Нестора представляется несбразличным: объявленный мною курс имеет целью дать историко-литературное освещение тому летописному своду, заглавие которого я только что привел; понятно, что вопросы о месте и времени составления свода, а также об его источниках и его авторе должны быть подвергнуты обстоятельному рассмотрению. Свое изложение я разобью на несколько отделов: в первом укажу на списки «Повести временных лет», во втором и третьем определю объем и состав исследуемого летописного свода, в четвертом выделю его источники, в пятом остановлюсь на вопросах о времени, месте составления и об авторе свода, в шестом скажу кратко о предшествующих летописным сводам, в седьмом схарактеризую редакторскую работу составителя свода, наконец, в восьмом сообщу данные о древнейших переделках нашего свода.

Лучшим введением к моему курсу может служить знакомство с текстом, подлежащим нашему исследованию. Он имеется в нескольких изданиях, основывающихся на разных списках и изводах. Но в основание нашего исследования будет положен древнейший список, сохранившийся в так наз. Лаврентиевском списке Суздальской летописи. Отсылаю вас поэтому прежде всего к изданию этой летописи. Последнее издание ее относится к 1897 году и вышло под заглавием «Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической Комиссии». В продаже этого издания теперь уже нет. В виду этого вы можете для начала ограничиться изданием, преследующим прежде всего цели университетскаго преподавания. Оно озаглавлено «Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической Комиссии. СПб., 1910» и содержит именно ту часть Лаврентиевскаго списка, которая подлежит нашему изучению. Укажу здесь на то, что эта же часть Лаврентиевскаго списка в 1875 г. появилась

в Летописном издании той же Комиссии, до сих пор имеющемся в продаже. Впрочем, с «Повестью временных лет» можно познакомиться и в другом издании Археографической Комиссии, а именно в издании так наз. Ипатьевской летописи, в составе II тома Полного собрания русских летописей. «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку появилась также в Летописном издании в 1876 г. Считаю своим долгом предупредить вас, что за моим чтением можно следить также, имея перед собой текст «Повести временных лет».

Для тех из вас, которые пожелают прослушать и позднейшие отделы моего курса, а именно четвертый и последующие, придется познакомиться и с текстом других летописных сводов в издании Археографической Комиссии; назову в особенности издание Новгородской 1-й летописи (СПб., 1888).

Отдел I. Списки „Повести временных лет“

«Повесть временных лет» не дошла до нас в первоначальном своем виде и сохранилась лишь в составе позднейших летописных сводов, в соединении с другими летописями. Решению вопроса о первоначальном составе и объеме «Повести временных лет», столь существенного для нашей задачи, должно быть предпослано обозрение дошедших до нас списков.

Таких списков имеется весьма значительное количество, если принять во внимание совокупность всех дошедших до нас летописных сводов. Но если исключить позднейшие своды, возникшие в Новгороде, Москве, Смоленске и некоторых других центрах западной и южной России и остановиться на древнейших, восходящих по времени своего составления к XIII—XIV в., то число летописных списков, содержащих «Повесть временных лет», значительно ограничится. Время составления летописного свода определяется частью его хронологическим объемом, ибо, конечно, не может не существовать связи между содержанием исторического памятника и моментом его возникновения. Поэтому к древнейшим летописным сводам относим все те своды, которые доводят изложение до событий XIII или XIV в. Древность свода определяется частью древностью дошедшего списка; но, конечно, между временем составления списка, копии, и временем появления оригинального памятника не может быть обязательной связи; памятники XI—XII в. могли подвергаться переписке и в XVI и в XVII ст.

Перечислю сначала древнейшие летописные своды, не переходящие в своем содержании за хронологические пределы XIII и XIV вв.

1. Л а в р е н т и е в с к и й список [Гос.] Публичной библиотеки [Лавр.]. Составлен, как видно из записи в конце его, монахом Лаврентием в 6885 (1377) г. при великом князе Дмитрие Константиновиче и епископе Дионисии, по заказу и благословиению которых предприят Лаврентием самый труд, в Нижнем Новгороде. Едва ли может подлежать сомнению, что Лаврентий не был сам летописцем, что не он заносил в свой труд сообщения о тех или иных событиях: на это указывает, во-первых, кратковременность его работы — два месяца с небольшим (14 января—20 марта),

достаточных для одной только переписки, во-вторых, то, что летописный рассказ доведен до 6813 (1305) г.; если бы Лаврентий был летописцем, он довел бы свою летопись до своего времени. Признать Лаврентия простым переписчиком мы также не имеем основания. В виду этого естественнее всего думать, что труд Лаврентия, как многие другие памятники древнерусской письменности, был трудом компилятивным, сводным: он соединил в одно целое несколько старших летописных сводов. Сравнение с другими летописями обнаруживает эти составные части Лавр. летописи. Как увидим ниже, в части до 1205 г. Лавр. близко сходится с летописями Радзивиловскою и Московско-Академическою; начиная с 1206 г., содержание Лавр. обнаруживает несомненно ростовское происхождение и представляется трудом лица, близкого к ростовскому князю Константину Васильевичу. Но приблизительно с 1233 г. ростовские известия становятся все реже, отсюда и до конца свода, т. е. до 6813 (1305) г., видим общерусскую по содержанию приведенных в ней известий летопись. Общерусскою называем ее потому, что эти известия по происхождению своему принадлежат к различным политическим центрам, правда, преимущественно северо-восточной Руси; мы находим здесь ростовские, московские, тверские, костромские, переяславские и т. д. известия, среди них попадаются также новгородские, смоленские, рязанские и даже южнорусские. Определяя первую часть Лавр. летописи как свод Владимирский, вторую как Ростовскую летопись, а третью как общерусский свод, видим, что Лаврентию принадлежит спайка этих трех источников, соединение их в одно целое.

Скажу несколько слов об общерусском своде, вошедшем в состав Лавр. летописи в части приблизительно от 1233 до 1305 г. Несомненно, что такой свод обнимал не только эти годы, но и предшествующее время; но вероятно, что доведен он был именно до 1305 г. Общерусский свод, как указано, отличался от местного свода, частного свода, тем, что содержал известия, восходящие ко всем центрам русской жизни. Невозможно думать, чтобы подобное его содержание было делом случая, случайного соединения в одном своде летописей, относящихся к различным областям; соединение летописных известий двух-трех центров, сосредоточение их в руках сводчика или редактора может быть делом случая, но включение в один свод известий из всей Руси северо-восточной, приобщение к ним известий новгородских и южнорусских предполагает определенный умысел у составителя и планомерные усилия для достижения желанного результата. Невроятным представляется, чтобы замысел составить общерусский летописный свод принадлежал князю Дмитрию Константиновичу или суздальскому епископу Дниписию; если бы даже у них явился такой замысел, им не хватило бы средств привести его в исполнение. Идея общерусского летописного свода могла явиться только у митрополита «всей Руси»; он один при политической раздробленности России XIV в. имел характер всероссийский и питал интересы общерусского, не местного, удельного характера. И средства к достижению надлежащей полноты нашлись бы в то время только у митрополита: его власти были подчинены местные епархии, в пределах которых при дворе епископов, в монастырях и при богатых церквях велись погод-

ные записи событий, владычные, монастырские, церковные летописи. По приказу митрополита в его канцелярии могли без труда сосредоточиться копии со всех подобных летописей; выборка из них известий, размещение их в общем хронологическом порядке представлялось делом нетрудным. Но для выполнения всего такого предприятия необходимо было руководствоваться определенной целью, следовать определенной идее: идеей этой было воплощение в письменном памятнике сознания единства Русской земли и необходимости сохранить это единство. Митрополиты «всая Руси» в начале XIV в. больше чем когда-либо раньше стали понимать, что единство России нуждается в деятельной работе с их стороны, в энергичном противодействии тому сепаратизму отдельных русских областей, который был следствием удельной системы, а также великого потрясения, вызванного в XIII в. нашествием татар. Вынужденное переселение митрополита в 1299 г. во Владимир из Киева, униженного и разоренного, повело за собой ослабление связи между отдельными епархиями; в 1303 г. Галиция (Γάλιτζα), бывшая епископией России, возведена в митрополию императором кир Андроником Палеологом при патриархе кир Афанасии, как это читается в некоторых списках каталога епархий, составленного при имп. Андронике Палеологе Старшем (Е. Голубинский. История русской церкви. II, М., 1900, стр. 97). В состав этой новой митрополии вошло шесть епархий, оторвавшихся таким образом от Киевской митрополии с новым центром ее во Владимире. Но митр. Максим и его преемник Петр продолжали титуловаться «всая Руси», мечтая, конечно, о воссоединении распавшихся частей митрополии и стремясь к поддержанию единства в сохраненной за ними части. При митр. Петре произошло было закрытие галицкой митрополии, но зато в 1316—1317 г. открывается новая митрополия литовская, включавшая в свой состав, повидимому, и галицко-волинские епархии. Думаю, что митр. Петру принадлежат мысль о создании общерусского митрополичьего свода; он довел его до 1305 г., т. е. до года смерти своего предшественника, и работал над его созданием между 1305—1308 г., когда он вступил на митрополичий стол, и быть может, до 1316-го, когда вновь распалась единая русская митрополия.

Наше внимание в дальнейшем исследовании сосредоточится, однако, не на той части Лавр. летописи, которая восходит к общерусскому летописному своду, а на первой ее части, содержащей в начале своем «Повесть временных лет». Этот памятник ограничивается от остального текста Владимирского свода записью игумена Михайловского Киевского Выдубицкого монастыря, читающеюся вслед за летописной статьей 1110 г. и свидетельствующею о том, что в 6624 (1116) г. игуменом Сильвестром написан предшествующий записи летописец. Но сложность состава Лавр. летописи, основывавшейся не на одном Владимирском своде, а также еще на общерусском летописном своде начала XIV в., наводит на мысль, что Лаврентий мог внести в текст Владимирского свода, в частности в текст «Повести временных лет», ряд поправок и дополнений из общерусского летописного свода, как более полного и более совершенного свода. Едва ли возможно совершенно механическое разграничение между отмеченными выше тремя

частями Лавр. летописи: переписывая Владимирский свод, Лаврентий мог исправить его по общерусскому своду; равным образом, переписывая ростовскую летопись, он и в нее мог внести несколько известий из соответствующих частей того же общерусского свода. Вот те общие соображения, которые заставляют смотреть на текст «Повести временных лет» по Лавр. списку как на текст сводный, компилированный: вся вероятность в том, что основным источником его был Владимирский свод, между тем как общерусский летописный свод был источником подсобным, вспомогательным. То обстоятельство, что Лавр. летопись включила в свой состав запись игумена Сильвестра, может указывать на тщательность передачи ею главного ее источника — Владимирского свода, где сохранилась эта запись, а это ведет к заключению о высоком значении Лавр. летописи для восстановления текста Несторовой летописи.

Лавр. летопись, как указано выше, была неоднократно издаваема. Сведения о времени ее нахождения и о старших изданиях вы найдете в предисловии к изданию ее Археографической комиссией.

2. Радзивиловский или Кенигсбергский список [Радз.] Академии Наук [СССР], судя по водяным знакам на бумаге, относится ко второй половине XV в. Он богато иллюстрирован. Судя по языку, содержащему смесь особенностей великорусских и белорусских, он составлен в Смоленске. Но в содержании его нет ничего, обличающего его смоленское или западнорусское происхождение.

Можно думать, что в Смоленске Радзивиловский список появился в качестве копии с оригинала, составленного в другом месте. Содержание этого восстанавливаемого по Радз. списку свода ведет нас в Суздальскую Русь; именно здесь должен был он появиться (ср. ниже). Как отмечено выше, Радз. список обнаруживает значительное сходство с Лавр. и притом на всем своем протяжении; вместе с тем он обнаруживает и большие текстуальные отличия, доказывающие, что составитель его суздальского оригинала руководствовался не только текстом, сходным с текстом Лавр. списка, но еще и другим летописным сводом. При этом случае сделаю следующее общее замечание относительно списков древнерусских произведений: они могли подвергаться или простой механической переписке, или переделке, переработке в новой копии, составленной по двум, трем сходным по содержанию спискам. Редко новый извод ограничивался одним списком, обыкновенно он составлялся по нескольким; возникавшие таким образом списки соединяли в себе особенности двух-трех и большего числа старших оригиналов. Это обстоятельство сильно осложняет работу по определению родства между списками того или иного произведения, их филиации: ибо большая часть списков может быть возведена не к одному, а к нескольким протографам. Содержание Радз. списка соответствует, однако, только двум первым частям Лавр. Таким образом здесь, как и в Лавр. списке, первая часть содержит «Повесть временных лет» и заканчивается записью игумена Сильвестра, а вторая — летописный рассказ от 6619 (1111) г., доведенный до 6614 (1206) г. Последним, общим как Лавр., так и Радз. списку, событием является известие 1206 г. о кончине в. кн. Марии, жены Всеволода Юрье-

вича; но оно совершенно иначе излагается в Радз. списке, чем в Лавр. Близость до этого известия между Радз. и Лавр. списками настолько велика, что, напр., под 6711—6713 гг. видим в обоих их путаницу событий (Лавр. под 6711 сообщает о некоторых событиях 6713 г.; Радз. также); в Радз. эта путаница объясняется перепутанными в его оригинале листами, благодаря чему события 6711, 6712, 6713 гг. изложены за летописной статьей 6714 г.; в Лавр. видим пропуск тех самых событий, которые в Радз. читаются не на месте. Отсюда выясняется, что одним из источников Лавр. списка был тот самый дефектный в конце экземпляр, который лег в основание Радз. списка. Из того обстоятельства, что Радз. доведена до 1206 г., содержа в последней своей части летопись по характеру описываемых событий Суздальскую, заключаем, что оригинал, протограф Радз. летописи составлен в первой четверти XIII в. в Суздальской Руси.

Радзивиловская или Кенигсбергская летопись издана в 1902 г. фототипически Обществом люб. древн. письм., № CXVIII. Но с содержанием ее можно познакомиться и по изданию Лавр. летописи, так как во всех ее изданиях редакторы Археографической комиссии подводят к тексту Лавр. летописи варианты из Радз.

3. Московско-Академический список [Моск.-Ак. и Акад.] Суздальской летописи принадлежал б. Московск. духовной академии; он относится к XV в. Резко по содержанию своему распадается на три части: первая, в общем тождественная с Радз., доведена до 6714 (1206) г., после которого, так же ошибочно, как в Радз., следуют события 6711—6713 гг.; вторая, начинаясь с одного новгородского известия 6713 (1205) г., доходит почти до конца летописной статьи 6746 (1248) г.; эта часть Моск.-Ак. списка оказывается тождественною с соответствующим текстом так наз. Софийской 1-й летописи и, очевидно, заимствована из этой летописи; третья, начинаясь с известия 6746 (1238) г. «Того же лета съде Ярославъ Всеволодичъ на столъ», идет до конца списка, оканчиваясь известием 6927 (1419) г.; по характеру преобладающих известий эту часть можно признать извлечением или копией с Ростовской владычной летописи. Нашему изучению подлежит собственно только первая часть Моск.-Ак. списка, а именно содержащаяся в ней «Повесть временных лет», оканчивающаяся, как в Лавр. и Радз. списках, записью игумена Сильвестра. Существенным для исследователя вопросом является выяснение отношения Моск.-Ак. списка к Радз. Можно с уверенностью сказать, что Моск.-Ак. список—копия не с протографа Радз. списка, а с того непосредственного (Смоленского) оригинала, копией с которого является Радз. список. По этой копии прошла, однако, рука справщика, внесшего несколько редакционных поправок из обоих других своих летописных источников: Софийской 1-й летописи и Ростовской владычной летописи. В виду этого приходится думать, что в значительном количестве случаев чтения Радз. списка ближе к протографу, к Суздальскому своду первой четверти XIII в., чем чтения Моск.-Ак. С текстом Моск.-Ак. списка можно познакомиться по изданию Лавр. летописи, где систематически сообщены из него варианты к тексту Лавр. списка.

4. Ипатьевский список XV в. [Ипат.] хранится в Библиотеке Академии Наук [СССР]. По происхождению своему это копия с южнорусского летописного свода, составленного, как можно думать на основании его содержания, в начале XIV в. В этом южнорусском своде, как видно из Ипат. списка, резко различались следующие три части: во-первых, часть от начала свода, озаглавленная «Повесть временных лет»; ее окончание ищем там же, где оканчивается первая часть Лавр. списка (см. выше), но на деле оказывается, что статья 6618 (1100) г., прерывающаяся в Лавр. на словах «и ангель твой буди с тобою», продолжается дальше, причем Ипат. не содержит записи игумена Сильвестра; следовательно, первую часть Ипат. летописи, заключающую в себе «Повесть временных лет», нельзя ограничивать теми же пределами, которыми она ограничивается в Лавр.; ясно, что к ней же относится и статья 6619 (1111) г., тесно связанная с предыдущей статьей 6618 (1110) г. В виду этого окончание первой части полагаем ниже и указание на него, на начало другой части, ищем в изменяющемся с 6626 (1118) г. характере летописания; с этого года в течение пяти лет видим скудные и малочисленные известия в противоположность 6625 (1117) и предшествующим ему годам, где известий много и где они изложены (напр., под 1116, 1115, 1114, 1113, 1112 гг.) с обильными подробностями. Итак, первая часть Ипат. летописи доходит до 6625 (1117) г. Вторая часть излагает события от 6626 (1118) до 6708 (1200) г.; возможно, что между этими пределами находится перерыв, свидетельствующий о смене источников, но обнаружить его нелегко; по содержанию своему эту часть Ипат. летописи можно назвать летописью южнорусскою, хотя благодаря пользованию суздальским митрополичьим сводом здесь встречаются и суздальские и новгородские известия, а благодаря пользованию летописью Галицкою или Галицко-волынскою — также и галицкие известия. Третья часть по содержанию своему и характеру изложения значительно отличается от второй части; она вводится особым заглавием «Начало княжения великаго князя Романа самодержца бывша всеи Руской земли князя Галичкого», но, как отмечено во 2-м издании Ипат. летописи, несмотря на это заглавие, здесь описываются события, случившиеся уже по смерти Романа; третья часть Ипат. летописи, доведенная до 6800 (1292) г., может быть определена как летопись Галицко-волынская. Нашему изучению будет подлежать, понятно, только первая часть Ипат. летописи, где видим «Повесть временных лет» в особой редакции, несходной с редакцией Лавр., Радз. и Моск.-Ак. списков.

Ипат. летопись известна по упомянутому выше изданию Арх. комиссии, которому предшествовали два другие издания: первое, вышедшее в 1843 г., во II томе ПСРЛ [Полное собрание русских летописей], и второе — в 1871 г., отдельно. Впрочем первое издание представляет текст только с 6619 (1111) г., ибо предшествующий текст дан был в I т. ПСРЛ в виде подстрочных примечаний к тексту Лавр. списка.

5. Хлебниковский список XVI в. [Хлебн.] принадлежит [Гос.] Публ. библиотеке. По составу своему он в общем тождествен с Ипат. списком и заключает в себе все то, что содержится в этом последнем списке.

Третья часть Хлебн. списка существенно отличается от Ипат. тем, что опускает все точные хронологические указания, все названия годов, представляя летописный рассказ вне погодной сети. Впрочем, текстуальные отличия Хлебн. от Ипат. списка имеются на всем их протяжении. Они объясняются тем, что редакторы того и другого списка пользовались для правки другими летописными сводами. Кажется, однако, что в первых двух частях отклонения Хлебн. от общего с Ипат. оригинала значительнее, чем в Ипат.; нередкие совпадения в тексте «Повести временных лет» Хлебн. списка с Радз. и Моск.-Ак. наводят на мысль, что в распоряжении составителя Хлебн. списка находился оригинал обоих названных списков.

Текст Хлебн. списка может быть изучен по тем вариантам, которые сообщаются из него издателями Ипат. летописи.

6. Переяславский список XVI в. [Переясл.], иначе Летописец Переяславля Суздальского, принадлежит б. Моск. главн. архиву М.И.Д., где он находится в составе обширного западнорусского сборника хронографического содержания. Время составления оригинала этого летописца, как кажется, — XIV в. Он носил заглавие «Лѣтописецъ Рускихъ Царѣи». В дошедшем до нас списке этот памятник сохранился не в первоначальном объеме и виде, а в случайном соединении с летописью Переяславля Суздальского XIII в. Случайность и механичность соединения обоих летописных сводов легко обнаруживается из состава дошедшего до нас списка. В первой части его находим текст «Повести временных лет» в сильном сокращении, с позднейшими вставками и значительными редакционными изменениями. С большими перерывами текст доводится до 6618 (1110) г., причем следующие за сим рассуждения соответствуют тому, что читается в Ипат. списке и чего нет в Лавр. За сим читаются известия 1137 и 1143 гг.; далее известия о небесных знамениях 1102 г. и, наконец, отрывки из рассуждений, читающихся в Ипат. списке под 1111 г. Вторая часть, идущая вслед за этим отрывком, обнимает летописный текст от 6646 (1138) г. до событий 6722 (1214) г. Эта часть рассматриваемого свода оказывается весьма близкою, почти тождественною с соответствующим текстом Радз. и Моск.-Ак. списков, доведенным, как мы видели, только до 6714 (1206) г.; но при этом выясняется, что здесь, в особенности в рассказе о последних занесенных в летопись событиях, содержатся вставки, явно обличающие происхождение составителя из Переяславля Суздальского; и под 1175 г. в молитвенном обращении к умершему мученической смертью князю Андрею Боголюбскому, читаем: «молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца, и дай же ему на противныя, и многа лѣта съ княгинею, и прижитіе дѣтей благородныхъ и мирную державу его и царство небесное въ бесконечныя вѣки, аминь». Отсюда издатель этой летописи, М. А. Оболенский¹ сделал несомненный вывод, что она составлена в Переяславле Суздальском до 1219 г., когда у Ярослава Всеволодича родился первый сын, Федор. Итак, Радз. (как и Моск.-Ак.)

¹ [Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. Изд. М. Оболенским, М., 1851, стр. II—III].

летопись вместе с Переясл. восходят к одному общему Суздальскому, точнее Владимирскому оригиналу, доведенному до второго десятилетия XIII в.: в Переясл. летописи полнее сохранилось его окончание (утраченное в оригинале Радз. и Моск.-Ак. списков), но зато в ее текст введено несколько вставок местного характера.

7. Троицкий пергаменный список XV в. [Троиц.], принадлежавший Троицкой Сергиевой лавре, сгорел в 1812 г. в Москве, куда он был доставлен Карамзиным для Библиотеки Общ. Ист. и древн. Росс. Древнейшая часть этого списка известна по вариантам из него, сообщенным к тексту Лавр. летописи проф. Чеботаревым и Черепановым в оставшемся недоконченным издании; оно было доведено до 6415 (907) г. Но, кроме того, ряд выписок из Троиц. списка имеется в примечаниях к «Истории» Карамзина. Судя по всем этим данным, текст Троиц. списка был весьма близок к тексту Лавр. списка. Все известное нам о Троиц. списке собрано в вышедшем под ред. А. Е. Преснякова XVIII т. ПСРЛ (СПб., 1913), содержащем текст так наз. Симеоновской летописи, которая в начале близко сходствовала с Троиц.

Остальные дошедшие до нас списки «Повести временных лет» представляются или краткими извлечениями из нее или, напротив, полными переработками, явно осложненными вставками из других источников. Ограничусь немногими замечаниями при обозрении этих списков.

Краткое извлечение из «Повести временных лет» видим в начале древнейшего списка Новгородской 1-й летописи, Синодального. Начало этого списка утрачено; он начинается словами: «а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити». Извлечения из «Повести временных лет» соединены с новгородскими известиями, восходящими, несомненно, к владычному новгородскому своду. Извлечения из «Повести временных лет» кратки, неточны и местами невразумительны; напр., под 6547 (1039) читаем: «освящена бысть церкы святыя богородиця Володимиромъ», ср. в Лавр.: «священа бысть церкы святыя богородиця, юже созда Володимеръ, отецъ Ярославль, митрополитомъ Феопомтомъ». Последними, восходящими к «Повести временных лет», известиями являются известия 6623 (1115) г., под которым читаем о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую каменную церковь в Вышгороде с подробностями, отсутствующими в Лавр., но имеющимися в Ипат., далее о солнечном затмении: это известие есть в Ипат., но его нет в Лавр.; наконец, о смерти Олега Святославича 1 августа: так же читается в Ипат., между тем в Лавр. 8 августа, в Радз. 18 августа. Отсюда видно, что бывшая в распоряжении составителя Синодального списка «Повесть временных лет» была не той редакции, что сохранилась в Лавр. и Радз. списках, а той, что читается в Ипат.

Новгородское летописание в древнейшем своем виде представлено еще и другими списками, резко отличающимися от Синодального в начальной части, а именно, до 1074 г. включительно. Синодальный список [Синод.], помимо своей дефектности, представляет в начальной части отрывочные известия, частью, как указано, невразумительные. Списки Комиссейский [Ком.] (принадлежащий Арх. комиссии), Академический [Академ.] (Ака-

демии Наук), Толстовский [Толст.] (Гос. Публ. библиотеки) заменили начальную часть Синод. списка, точнее его оригинала, его протографа, обширным извлечением из других источников. Кроме новгородского источника, из которого заимствован ряд известий, отсутствующих в Синод. списке (напр., под 6557, 6563, 6566 гг.), в распоряжении составителя протографа названных выше трех списков находился неизвестный по другим спискам источник; он сходствовал с текстом «Повести временных лет», но содержал его в более древнем и менее полном виде. Доказательство этого положения я откладываю до дальнейшего отдела. Возвращаясь к начальной части рассматриваемого памятника, вижу, что он в части до 1074 г. представляет текст древнего летописного свода, более первоначального, чем «Повесть временных лет», но текст этот, во-первых, дополнен новгородскими известиями, во-вторых, согласован с текстом Синод. списка: только последнее предположение может объяснить близкое сходство протографа Ком., Академ. и Толст. с Синод. списком в части от 6525 (1017) до 6551 (1043) г., причем пропуски против Синод. списка зависели от стремления избежать повторения невразумительных известий этого списка. Рассматриваемый памятник в своей более первоначальной, чем протограф Ком., Академ. и Толст. списков, редакции, носившей название Софийский временник, при изучении «Повести временных лет» не имеет значения сам по себе (при анализе состава и происхождения «Повести» он приобретает в виду сообщенных выше соображений чрезвычайный интерес), но он уясняет отношение целого ряда позднейших изводов к тексту «Повести временных лет». Дело в том, что в середине XV в. произошло слияние в одном памятнике московского летописного свода и новгородского Софийского временника. В первоначальном своем виде этот памятник не дошел до нас, но дальнейшие его переработки легли в основание, во-первых, Софийской 1-й летописи [Соф. 1], дошедшей до нас в двух редакциях и представленной несколькими списками, во-вторых, Новгородской 4-й летописи [Новг. 4], сохранившейся также в нескольких редакциях, представленных несколькими списками. Устраняя в части, соответствующей «Повести временных лет», из текста Соф. 1-й и Новг. 4-й летописей все то, что восходит к Софийскому временнику, внесенному в их состав целиком вместе с его заглавием и предисловием к нему, получаем представление по крайней мере о двух списках «Повести временных лет», неизвестных нам в отдельном виде, вне соединения с Софийским временником. Один из этих двух списков был во всяком случае близок к той редакции «Повести временных лет», какую видим в Ипат. и Хлебн. списках. Это видно, напр., из летописной статьи 6620 (1192) г., повествующей подробно о походе русских князей на Половцев, между тем как в Лавр. содержится под 6619 г. только краткое упоминание о нем. Другой список был во всяком случае близок к Лавр. и в особенности к упомянутому выше Троиц. списку: это видно, напр., из ошибок, общих Соф. 1-й, Новг. 4-й, с одной стороны, Лавр. и Троиц. — с другой; так, в начале летописи, где сообщается о древнейших известных летописцу судьбах славянства, читаем во всех этих списках: «си же добре воеваху на Словены» вместо «си же Обри воеваху на Словены»,

как в Ипат., Хлебн., Радз. и др. Можно думать, что памятник, давший начало Соф. 1-й и Новг. 4-й летописям, соединил в одно три летописных свода: Суздальский или Владимирский, Киевский и Новгородский; Суздальскому своду принадлежала «Повесть временных лет» в редакции, сходной с Лавр. и Троиц. списками; Киевскому своду принадлежала «Повесть временных лет» в редакции, сходной с Ипат. списком; наконец, Новгородский свод на месте «Повести временных лет» представлял текст Софийского временника, извлеченный из свода старшего, чем «Повесть временных лет», а также из Новгородского владычного свода. Древнейшая редакция Соф. 1-й летописи в заметках на полях (напр., в описании событий конца XI в.) сохранила ссылки на один из названных сводов: ср. «ищи в Киевском», «писано в Киевском» и т. д.

Воскресенская летопись [Воскр.], представленная несколькими списками, равно как и предшествующий ей московский свод, сохранившийся в позднейшем Эрмитажном списке, восходят к тому же летописному памятнику, соединившему летописания суздальское, киевское и новгородское. Но, повидимому, текст этого памятника был сближен с текстом Троиц. летописи: так явился Эрмитажный список. Впоследствии он был сближен и дополнен по Соф. 1-й летописи: так явилась Воскресенская летопись. Соединение текста Эрмитажного списка с текстом Новг. 4-й летописи дало в результате текст так наз. Ростовской летописи [Рост.], принадлежавшей б. Моск. Архиву Мин. Ин. Дел.

В XVI в., в середине его, образовалась Никоновская летопись [Никон.], представленная несколькими списками. Она представляет обширную компиляцию из разных источников, частью и нелетописных. В части, соответствующей «Повести временных лет», составитель Никон. летописи соединил одну из поздних редакций Новг. 4-й летописи, которую назовем Новгородскою 5-ю летописью [Новг. 5], с текстом, весьма близким к Лавр. списку.

Так же сложен состав других сводов XVI в., напр., Львовской летописи [Львов.] и Тверского сборника [Твер.]. В числе источников последнего была летопись, близко сходная с Радз., Моск.-Ак. и Переясл.

Позднейшими списками «Повести временных лет» нам придется пользоваться только в крайних случаях, когда данные древнейших списков окажутся недостаточными для поставленных нами себе историко-литературных задач.

Отдел II. Объем и состав „Повести временных лет“

Обозрение списков нашего памятника дало уже нам некоторые указания на его объем. Но нам необходимо согласовать следующие противоречивые данные. Судя по Лавр., Радз., Акад. спискам, текст «Повести временных лет» прерывался на благочестивых рассуждениях, вызванных чудесным явлением огненного столпа над Печерским монастырем, ибо вслед за ними читается запись игумена Сильвестра. Напротив, Ипат. и Хлебн.

списки не содержат записи Сильвестра и не прерывают указанных благочестивых рассуждений там, где они прерываются в Лавр., Радз. и Акад. списках; благочестивые рассуждения продолжаются в том же духе и оканчиваются утверждением, что чудесное явление знаменовало милосердие божие, пославшее ангелов в помощь русским князьям против поганых. В относящемся к следующему году рассказе о победе русских князей над Половцами на реке Сальнице 27 марта (а явление имело место 10 февраля того же январского года — древняя Русь определяла начало года 1-м марта) повторяются сходные рассуждения относительно помощи ангелов. «Се бо ангель вложи в сердце Володимеру Манамаху пустити братью свою на иноплеменники, Русьский князи; се бо, якоже рекохомъ, видинье видипа в Печерскомъ монастыри, еже стояше столпъ огненъ на трияпезници, таже преступѣ на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни, и тогда се ангель вложи Володимеру в сердце, нача понужати, якоже рекохомъ». Тесная связь рассуждений под 6618 (1110) г. с рассказом о событиях следующего 6619 (1111) г. и отсутствие какого-либо перерыва также и в изложении событий, относящихся к ближайшим затем годам, побудили меня выше принять за окончание «Повести временных лет» по Ипат. и Хлебн. спискам летописный рассказ 6625 (1117) г., за которым характер летописания заметно изменяется. Итак, Лавр., Радз., Акад. свидетельства об окончании «Повести временных лет» на 6618 (1110) г., между тем Ипат. и Хлебн. показывают ее окончание ниже, после 6625 (1117) г.

Для разрешения получающегося таким образом противоречия необходимо исходить из того положения, что в Лавр., Радз., Акад. сохранилось только начало благочестивых рассуждений, помещенных полностью в Ипат., Хлебн. Из сделанных мною выше замечаний относительно происхождения Лавр. летописи вытекает, что ее составитель имел в своем распоряжении несколько летописных сводов, которые он сводил в одно целое. Едва ли подлежит сомнению, что и в части, соответствующей «Повести временных лет», составитель Лавр. руководился не одним, а двумя или несколькими старшими сводами. Отсюда заключаю, что в Лавр. список запись игумена Сильвестра могла попасть из одного свода, а предшествующие ей благочестивые рассуждения из другого свода; этот другой свод был сходен с Ипат. летописью. Списав из основного своего источника рассказ о чудесном явлении столпа над Печерским монастырем, составитель протографа Лавр. списка обратился ко второму своему источнику и начал списывать из него благочестивые рассуждения об ангелах; но, заметив длину рассуждений, и относясь ко второму источнику, как к подсобному, вспомогательному составитель оборвал эти рассуждения почти в самом их начале после фразы: «Тако и се явленье нѣкоторое показываше ему же бѣ быти, еже и бысть: на 2-е бо лѣто не съ лиц ангель возъ бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече: ангель предъ тобою предъидеть и ангель твой буди с тобою?»

Из предыдущего следует, что первый источник Лавр. летописи оканчивался сообщением о чудесном явлении в Печерском монастыре, причем за ним шла запись игумена Сильвестра; второй источник его, сходный

с Ипат. летописью, содержал благочестивые рассуждения по поводу явления, но не повторял Сильвестровой записи.

Совершенно ясно, что оба эти летописные источника, стоявшие между собой в тесной генетической связи, принадлежат труду двух разных редакторов, из которых второй работал позже первого. Первый редактор окончил свой труд сообщением о чудесном видении в Печерском монастыре; второй, решив связать это видение с последующим событием, блестящею победой русских князей над Половцами, ввел длинный ряд благочестивых рассуждений, которыми должна была подтвердиться его мысль о связи между явлением столпа и победой Мономаха. Труд первого редактора, несомненно монаха Печерской обители, как видно и из заглавия труда («Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского») и из его окончания (сообщение о явлении столпа над трапезницей Печерского монастыря), был в 1116 г. переписан в другом киевском монастыре игуменом Сильвестром и в таком виде достался в распоряжение составителя митрополичьего свода начала XIV в. Труд первого редактора, или в первоначальном его виде или в списке игумена Сильвестра, лег в основание труда позднейшего редактора, продолжившего летописный рассказ до 6625 (1117) г.; редактор этот работал в Киеве в княженье Владимира Мономаха; этим объясняется приурочение видения огненного столпа к личности именно этого князя: князь Святополк, участвовавший в походе против Половцев и в битве на Сальнице, оставлен в стороне, в тени. Итак, искание конца «Повести временных лет» привело нас к представлению о следующих трех памятниках: 1) первоначальной или первой редакции «Повести временных лет», доведенной до 1110 г., 2) Сильвестровском списке с этой редакции 1116 г., 3) второй редакции «Повести временных лет», доведенной до 1117 г.

Нашей задачей является определить состав, а затем и источники пока первого из этих трех памятников — «Повести временных лет» в первоначальной ее редакции или иначе Несторовой летописи. С самого начала мы должны отдать себе отчет в трудности этой задачи: мы только что убедились в том, что Несторова летопись не дошла до нас в первоначальном виде; Лавр. список представляет соединение чтений Сильвестровского списка и второй редакции «Повести временных лет»; в нашем распоряжении нет ни одного летописного свода, который представлял бы чтения первой редакции «Повести временных лет», Несторовой летописи. Правда, можно думать, что Сильвестровский список точно передавал текст своего оригинала; но и Сильвестровский список в дошедших до нас сводах сохранился в соединении со второю редакцией. Если допустить, что эта вторая редакция сильно отличалась от первой, благодаря вставкам и исправлениям, то должны будем заключить, что в тексте Лавр. и сходных списков Сильвестровский список передан, по крайней мере местами, не точно, а со вставками и исправлениями из второй редакции «Повести временных лет». Отметим еще, что вполне возможно допущение, что названная нами вторая редакция «Повести временных лет» произошла не непосредственно из первой редакции, а из переработавшей эту первую редакцию Сильвестровской;

таким образом мы в Сильвестровской редакции имели бы вторую редакцию, а в редакции, доведенной до 1117 г., — третью. Несмотря на все эти сомнения, научное исследование не может остановиться перед задачей восстановления Несторовой летописи: оно должно исходить из предположений, что Сильвестр точно передал текст первой редакции «Повести временных лет» и что вторая редакция этого памятника, возникшая через каких-нибудь шесть-семь лет после первой, не могла слишком значительно переработать первоначальный текст. А потому признаем вероятным, что текст Лавр. списка в общем точно передает Несторову летопись. Только при определенных основаниях для каждого отдельного места мы можем допустить отступление Лавр. списка от первоначального чтения Несторовой летописи.

Дальнейшее исследование выяснит, что именно в тексте Лавр. списка должно быть отнесено на счет редакционных изменений, внесенных в Несторову летопись как игуменом Сильвестром, так и составителем второй редакции «Повести временных лет». Здесь я ограничусь несколькими примерами.

Под 6360 (852) г. помещена в Лавр. летописи хронологическая выкладка, в которой указываются хронологические промежутки между некоторыми выдающимися событиями; она оканчивается словами: «а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Святополк умер 16 апреля 1114 г. Следовательно, указание на его смерть не могло быть сделано Нестором, если допустим, что он окончил свой труд в 1110 г., к которому относится последнее занесенное им в летопись событие. Едва ли возможно не сделать такого допущения; если бы Нестор работал в 1111—1114 гг., он, несомненно, упомянул бы и о походе русских князей на Половцев 1111 г. и о поставлении Феоктиста, игумена Печерского, епископом в Чернигов и о других важных событиях. Итак, указание на смерть Святополка сделано всего вероятнее игуменом Сильвестром, работавшим в 1116 г. Менее вероятно, чтобы оно принадлежало составителю второй редакции «Повести временных лет». Правда, что хронологическая выкладка 6360 (852) г. читается в Ипат. списке так же, как в Лавр. (впрочем, там по ошибке «Ярополчи» вместо «Святополчи»); но протограф Ипат. списка представлял соединение текста второй редакции «Повести временных лет» с текстом первой ее редакции; следовательно, хронологическая выкладка могла попасть в Ипат. список из первой редакции «Повести временных лет». Что во второй редакции выкладка читалась иначе, чем в первой, можно догадываться на основании Соф. 1-й и Новг. 4-й; здесь под 6360 (852) г. сохранена выкладка только мировых событий, выкладка русских событий перенесена под 6395 (887) г.; повидимому, она заимствована из Киевской летописи (см. выше об источниках протографа Соф. 1-й и Новг. 4-й летописи), а в Киевскую летопись она (в древнейшей своей части) перенесена из «Повести временных лет» второй редакции. В этой выкладке нет указания на время от смерти Святослава до смерти Ярослава и на время от смерти Ярослава до смерти Святополка. Последнее указание было, как кажется, заменено указанием на годы княжения преемников Ярослава: Изяслава, Все-

волода и Святополка. Эти указания не сохранились в тексте Соф. 1-й и Новгород. 4-й, но в них имеется указание на число лет княжения Владимира Всеволодовича, ошибочно названного в Соф. 1-й Ярославичем: «отъ Володимера лѣта 4». Владимир Мономах вступил на Киевский стол в 1114 г.; следовательно, приведенное указание сделано в 1118 г. Это согласуется со сделанным выше предположением, по которому вторая редакция «Повести временных лет» доводила летописный рассказ до 1117 г. включительно и, следовательно, составлена в 1118 г. Итак, возвращаемся к сделанному нами выводу: указание на смерть Святополка не читалось в Несторовой летописи и внесено в ее текст игуменом Сильвестром.

Другим примером вставки в текст Несторовой летописи может служить следующее место. Под 6604 (1096) г. летописец сообщает свои предположения о происхождении Половцев; ссылаясь на Мефодия Патарского, он утверждает, что Половцы, равно как Тюркмены, Печенеги и Торки, принадлежат к числу тех восьми колен Измаиловых, которые бежали в пустыню, после того как остальные четыре колена были избиты Гедеоном. Засим читаем несколько неожиданно: «И по сихъ 8 колѣнъ к кончинѣ вѣка придуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскимъ нечистыя челоуѣкъ». Неясно, зачем было летописцу, объяснившему происхождение Половцев, отвлекаться от своего изложения для того, чтобы привести пророчество Мефодия Патарского, относящееся не к Половцам, не к восьми коленам Измаиловым, а к последующему времени, к кончине века. В виду отсутствия связи с предыдущим редактором, ищем связи этих слов с последующим. Вслед за ними летописец сообщает о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем: из этой беседы он узнал о заключенных за высокими горами народах на далеком севере за пределами Югры и Самояди; рассказ Гюряты напомнил летописцу о нечистых народах, заклепанных, по сообщению Мефодия Патарского, Александром Македонским за высокими горами, из которых они выйдут только к кончине века. Итак, можно представить себе ход Несторова рассказа под 6604 (1096) г. в следующем порядке: объяснение происхождения Половцев вызвало ссылку на Мефодия Патарского; после этого летописцу вспомнилось другое место Мефодиева откровения, где сообщалось о нечистых людях, заклепанных Александром Македонским; это место соединено было им раньше, в беседе с Гюрятой Роговичем, с рассказом последнего о народах, живущих на севере за высокими горами; поэтому летописец привел свою беседу с Гюрятой. Но такое объяснение летописного рассказа и его непоследовательностей встречается с следующим затруднением. Летописец вводит свой рассказ о Гюряте Роговиче хронологическим указанием: «Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ». Гюрята мог беседовать с летописцем в Киеве, но могло быть и так, что летописец беседовал с ним в Новгороде, на Новгородском севере. Если допустим эту возможность, то получим основание сблизить рассматриваемое сообщение летописца с тем сообщением летописца, которое читаем в Ипат. и Хлебн. под 6622 (1114) г.: «В се же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ, Павломъ посадникомъ, при князѣ Мъстиславѣ. Пришедши ми в Ладогу.

повѣдаша ми Ладожане, яко се здѣ егда будеть туча велика, и находить дѣти наши глазки стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста; суть же различни. Сему же ми дивляцю, рекоша ми: се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югрю и за Самоядь, яко видивше сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча, и в той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходится по земли. Сему же ми послухъ посадникъ Павелъ Ладожскый и вси Ладожане. Аще ли кто сему веры не иметь, да почтеть фронографа»; далее следует ряд подходящих выписок из хронографа. Летописец, повествующий о себе под 6622 (1114) г., был не кто иной, как составитель второй редакции «Повести временных лет»; эта редакция, согласно предыдущему: составлена в 6626 (1118) г.; следовательно, в Ладогѣ летописец был за четыре года перед этим. Но, как указано, беседа летописца с Гюрятой новгородцем происходила также за четыре года до занесения ее в летопись. Отсюда вся вероятность, что летописец, сообщивший о своей беседе с Гюрятой, и летописец, рассказавший о своем посещении Ладогѣ и беседе с Павлом ладожским и ладожанами, одно и то же лицо. Вероятность переходит в полную уверенность, когда мы сблизим оба рассказа в их приемах и подробностях. И тут и там дело идет о полуночныхъ странах, лежащих за Югрюю и за Самоядью; бывшие там очевидцы сообщают о чудесных явлениях: отрок Гюряты Роговича рассказывает о народах, заклепанных за высокими горами и ведущих меновой торг через малое оконце, просеченное в горе; старые мужи Ладожане рассказывают о падающих из туч мелких животных; ученый собеседник Гюряты спешит объяснить ему, кто эти заключенные в горах народы, и для этого ссылается на Мефодия Патарского; собеседник Павла посадника и Ладожан объясняет читателю возможность изложенных чудесных явлений ссылкой на хронограф. Итак, беседу с Гюрятой Роговичем вел не Нестор, а составитель второй редакции «Повести временных лет». Следовательно, весь отрывок от слов: «И по сихъ 8 колѣнь к кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскимъ нечистыя чловѣкъ» до слов: «В послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнь отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си сквернии языци, иже суть в горахъ полуночныхъ, по повелѣнью божию» должен быть признан вставкой в текст Несторовой летописи, сделанною составителем Лавр. летописи на основании текста второй редакции «Повести временных лет».

Замечательно, что в том самом месте, где мы предположили в Лавр. списке вставку, имеется еще другая вставка и притом совершенно очевидная, нарушающая грубѣйшим образом последовательность летописного рассказа. Между приведенною выше фразой: «И по сихъ 8 колѣнь. . . нечистыя чловѣкъ» и словами «Се же хоцю сказати, яже слышахъ, иреже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ» в Лавр. списке помещено Поучение Владимира Мономаха. Считаю вероятным, что это Поучение находилось в составе второй редакции «Повести временных лет», помещаясь в конце ее. Указание на это вижу в следующем обстоятельстве.

Поучение содержит в себе летопись Мономаха, где он перечисляет в хронологическом порядке свои походы; последним записанным Мономахом известием является следующее: «И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославля, не терпяче злобь его». Поход этот относится по Ипат. к 6625 (1117) г., следовательно, к тому году, который был последним в летописном рассказе второй редакции «Повести временных лет» (см. выше). Совпадение хронологического объема Мономаховой летописи и второй редакции «Повести временных лет» не может быть простою случайностью. Приняв же во внимание указанную выше близость летописца к Владимиру Мономаху (ср. замечания по поводу похода русских князей против Половцев), я признаю вероятным, что он, как лицо, близкое к Мономаху и, быть может, доверенное ему (ср. поездку в Ладогу и на Новгородский север, где сидел сын Мономахов Мстислав, к которому летописец мог быть отправлен с политическим или семейным поручением), включил в состав своего летописного свода Мономахово Поучение и некоторые другие относящиеся к Мономаху документы. Из второй редакции «Повести временных лет» Поучение Мономаха перенесено в общерусский митрополичий свод; из него оно внесено в Лавр. список. Итак, из того обстоятельства, что Поучение Владимира Мономаха читается в Лавр. списке не у места и притом среди явно вставленного из неосновного источника текста, заключаем, что его не было в основном источнике Лавр. списка (точнее, его протографа), каковым была Несторова летопись; впрочем, это Поучение не могло читаться в составе Несторова летописного свода и по хронологическому своему несоответствию (летопись Поучения составлена не раньше 1117 г.) со временем составления этого свода (1110 г.).

Под 6605 (1097) г. в Лавр. и во всех других списках «Повести временных лет» помещен обстоятельный рассказ об ослеплении князя Василька Ростиславича. Как давно установлено критикой, рассказ принадлежит не Нестору, а некоему Василию, говорящему о себе в первом лице при передаче знаменательного эпизода — посещения им по поручению Давыда Игоревича сидевшего под стражей несчастного Теребовльского князя. Ср. «и миѣ ту сущю, Володимеря, въ едину ноць присла по мя князь Давыдъ», «да се, Василию, шлю тя, иди к Василькови, тезу своему, с сима отрокомъ, и молви ему тако», и т. д. Подробнее остановлюсь на Василиевом труде ниже, в [VIII] отделе. Здесь ставлю себе вопрос: кто включил его рассказ в Несторову летопись — сам Нестор или один из двух последующих редакторов, Сильвестр или составитель второй редакции «Повести временных лет»? Это не мог быть Нестор, ибо в конце Василиева рассказа читаем, что князя «привабиша Давыда Игоревича и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре». Давыд Игоревич умер 25 мая 6621 (1113) г.; следовательно, труд Василия составлен после 1113 г. и не мог входить в состав Несторовой летописи. Поэтому же упоминание о смерти Давыда ниже, в конце рассказа о 6608 (1100) г., необходимо признать вставкой в Несторов текст, сделанною, очевидно, на основании Василиева рассказа (и тут и там: «Дорогобужь, в нем же и умре»). Эта последняя вставка, а следовательно, и вставка самого рассказа Василия принадлежат,

конечно, или Сильвестру, или составителю второй редакции «Повести временных лет», так как вставок из иных позднейших источников в составе Лавр. списка мы пока не обнаруживаем. Более вероятным мне представляется, что вставка сделана именно Сильвестром. Подробнее ниже, в [VIII] отделе. Здесь укажу только на главный аргумент: князь Василько Ростиславич был особенно близок к Михайловскому Выдубицкому монастырю (это видно из того, что, находясь в Киеве, он был в этом монастыре для поклонения его святыне и ужинал в нем); следовательно, в Михайловском монастыре могли особенно сильно интересоваться судьбой Василька; туда прежде всего мог попасть рассказ или летопись Василия, близкого к Васильку лица, записавшего свое повествование после 1113 г., между 1113 и 1116 г. Не думаю, чтобы редакция, доведенная до 1117 г., возникла в Михайловском Выдубицком монастыре: едва ли труд игумена Сильвестра, относящийся к 1116 г., стал через год или два переписываться и переделываться в управляемом им монастыре.

Отдел III. Обзорение состава Несторовой летописи

Ограничиваемся указанными выше примерами для доказательства, что не весь текст Лавр. списка в пределах до 1110 г. может быть возведен к Несторовой летописи. Возможно, что мы встретимся еще ниже с некоторыми вставками. Но пока останавливаюсь на предположении, что все остальное содержание Лавр. списка, не оговоренное в отмеченных вставках, принадлежит к тексту Несторовой летописи. Исходя из этого предположения, сделаю краткий обзор ее содержания для того, чтобы подчеркнуть теперь же некоторые особенности ее состава и обратить ваше внимание на разнородность ее частей. Обращаю, однако, ваше внимание на то, что кое-что из Несторовой летописи могло быть опущено в обеих переделках — Сильвестровой и 1117 г. Если свод, доведенный до 1117 г., произошел непосредственно не из Несторовой летописи, а из Сильвестровой ее переделки, то мы оказываемся бессильными по обоим переделкам догадаться, что именно они опустили из Несторовой летописи.

Заглавие, как мы уже видели, сохранилось полнее в Радз., Ипат. и других списках, чем в Лавр. и Троиц. Оно было изменено, вероятно, во Владим. своде: здесь выпущены слова: «черноризца Феодосиева монастыря Печерьскаго». Пропуск имени Нестора относится, вероятно, еще на счет или Сильвестра или составителя второй редакции «Повести временных лет». Первоначальное заглавие заключало в себе указание на Нестора («Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерьскаго»), что согласуется с известною и из других произведений Нестора манерою не скрывать своего авторства и напротив громко его выставять. Имя Нестора сохранилось в Хлебн. списке.

Вслед за заглавием дается историко-этнографическое введение. Распределение земель между сыновьями Ноя дает основание остановиться с особенною подробностью на Иафетовой части и дать сначала географическое, потом этнографическое описание стран, ближайших к летописцу,

известных в Кисве, стран, в отношении к Грекам полунощных. Этим летописец переходит к описанию сначала географическому («Чюдъ пресѣдять к морю Варяжскому» и т. д.), потом этнографическому («Афетово бо и то колѣно») стран западных и полуденных.

Далее начинается рассказ о древнейших судьбах Славян; указывается их происхождение от Нориков, одного из 72 народов, образовавшихся после Вавилонского столпотворения; говорится о первоначальных поселениях Славян по Дунаю и о последующем мирном их расселении; в числе Славян, не так далеко ушедших от старых мест поселения, указываются западные Славяне — Моравы и Чехи, затем южные — Белые Хорваты, Сербы и Хорутане. Затем сообщается о насильственном расселении Славян дунайских, вызванном нашествием Волохов, под которыми разумеются, конечно, Франки, западные народы монархии Карла Великого; от насилия этих завоевателей уходят на Вислу Ляхи, распавшиеся на Полян, Лутичей, Мазовшан и Поморян; тем же насилием вызвано расселение восточных Славян. Летописец указывает на места поселения Полян, Древлян, Дреговичей, Полочан, Словен новгородских и Северы. Несколько неожиданно после заключительных слов: «такъ разидеся Словѣньскій языкъ» читаем: «тѣмже и грамота прозвася Словѣньская».

После переходной фразы — «Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ» — мы ожидали бы услышать что-нибудь о древнейших судьбах Полян и их города Киева. Но вместо этого находим явно вставленный рассказ о посещении полунощных стран апостолом Андреем; он вводится описанием пути из Варяг в Греки, по которому можно было пройти из Греции в Рим, ибо он соединял Понт (Русское море) с морем Варяжским. За этим рассказом об апостоле Андрее читается опять приведенную выше переходную фразу «Поляномъ же жившемъ особѣ и володѣющимъ роды своими». На этот раз она у места, ибо ею вводится, правда не очень гладко, сообщение о Кие, Щеке и Хориве, основателях Киева. Рассказ переходит к указанию на политическое обособление Полян, Древлян, Дреговичей, Словен и Полочан. Но отождествление Полочан со Словенами вызывает поправку: указывается связь Полочан с опущенными в данном выше перечне Кривичами и определяются места их поселения. Затем упомянута Севера, которая выше, в первом перечне, указывалась всегда за новгородскими словенами. Затем идет перечень соседних с русскими Славянами чудских народностей, с указанием на географическое их положение (впрочем, для Мордвы и Черемисы оно не указано). В заключение еще раз перечислены словенские племена, живущие в Руси, и затем другие племена, платящие дань Руси.

Рассказ переходит к племенам, временно угнетавшим Славян, покорявшим их своей власти. Сначала указаны Болгары, покорившие себе дунайских Словен. За ними прибыли Белые Угры, овладевшие Словенскою землею. Одновременно появились и Обры (Авары), память о которых жила в древней Руси. Потом пришли Печенеги, затем появились Черные Угры, проходившие мимо Киева при Олеге.

Летописец хотел после этого длинного перечня разных народностей перейти к описанию их нравов, но вспомнил о том, что опустил в предыду-

ищем и вложении еще несколько словенских племен. Прибегнув к неуместной теперь переходной фразе, уже дважды им употребленной («Поляномъ же живущемъ особѣ»), он далеко не в гладкой форме переходит к указанию сначала на Радимичей и Вятичей, затем на Дулебов, только что упомянутых в предыдущем рассказе об Обрах, и, наконец, на Угличей и Тиверцев.

Теперь ему открылась возможность сказать о правах словенских народностей, живущих в Руси, между прочим Радимичей и Вятичей: представляется возможным потому, что именно упоминание этих народностей, в особенности Вятичей, в рассказе об языческих обычаях привело летописца выше к необходимости сказать об их происхождении и местах поселения. К своему рассказу в виде параллели летописец приводит длинную выписку из Георгия Амартола («глаголетъ Георгии в летописаньи») о правах различных племен Азии и Европы. Дикие нравы их напомнили летописцу о Половцах, ранее им совсем не упомянутых.

Летописец переходит затем к древнейшим судьбам Киева, покорению Полян Козарами, обложившими их данью. Об этом древнем эпизоде летописцу-киевлянину можно было вспомнить с облегченным сердцем, в особенности потому, что в его время Козары были покорены русскими князьями. На этом оканчивается вводная часть «Повести временных лет», отличающаяся от последующего рассказа отсутствием хронологических определений, весь последующий рассказ ведется погодно, распределяясь в строго выдержанной хронологической сети.

Для этой сети необходимо исходное начало, необходимо установить древнейшее хронологическое известие. Летописец останавливается на 6360 (852) г., как на годе вступления на царство греческого царя Михаила; при Михаиле впервые упоминается (в хронике Амартола) имя Руси, совершившей нападение на Царьград «Тѣмже отселе почнем и числа потожимъ», говорит летописец. Для большей определенности устанавливаемой им хронологии русских событий он дает хронологическую выкладку (начала мировых событий, приурочивая их к 6360 г., началу царствования Михаила, затем русских событий, исходя опять-таки от первого лета Михаила). Последним русским событием в Сильвестровом своде была названа смерть Святополка. Но Нестор упоминал, вероятно, о смерти Святополка предшественника или, быть может, указывал на число лет от смерти Ярослава до первого лета Святополка.

За статьей 6360 (852) г. следует непрерывный ряд годов, в пределах до 6453 (945) г. многие из них остаются незаполненными, или они заполнены событиями, относящимися к истории Болгар, частью Византии, относящиеся сюда известия заимствованы, как увидим, из хроники продолжателя Георгия Амартола. Первое русское известие читаем под 6367 (853) г., но ясно, что оно искусственно приурочено к определенному году, связанное с последующим рассказом о призвании князей, оно отделено от него двумя пустыми годами. Таким образом 6370 (862) г. — первая дата, которою обозначается определенное событие из русской жизни. По поводу текста рассказа о призвании князей обращают ваше внимание на следующие два обстоятельства: во-первых, в Лавр. не указывается сел призванных на

княжение Рюрик; слова «сѣде Новѣгородѣ» вставлены издателем из Троиц. списка, но и в этом списке, по свидетельству Карамзина, они надписаны над строкой, следовательно, имеют характер вставки; во-вторых, Ипат., Радз. и другие списки, вопреки Лавр., сообщают, что призванные князья «придоша к Словеню первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ старѣи Рюрикъ»; по смерти Синеуса и Трувора, «прия всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховомъ и прозва Новъгородъ и сѣде ту княжа раздая волости мужем своимъ и города рубити» и т. д. — это тоже вопреки Лавр., которая ничего вообще не говорит о Ладоге и, очевидно, предполагает Рюрика после смерти братьев сидящим в Новгороде. Думаю, что текст Лавр. передает точно текст Несторовой летописи, где, впрочем, было, конечно, указано, что Рюрик «сѣде Новѣгородѣ»; между тем Радз., Акад., Ипат., Хлебн. передают текст второй редакции «Повести временных лет»; мы знаем, что автор, составитель ее, в 1114 г. был в Ладоге, интересуясь местными сообщениями и преданиями; словоохотливые ладожане могли рассказать ему о своих преданиях, относящихся к прошлому Ладоги; из них явствовало, что Ладога старше Новгорода и что Рюрик сидел сначала в Ладоге и уже потом перешел в Новгород. Мы получаем таким образом указание еще на одну особенность второй редакции «Повести временных лет».

Следующее русское событие отыскивается уже только под 6387 (879) г., ибо сообщение о походе на Царьград Аскольда и Дира под 6374 (866) г. целиком заимствовано из Амартола, причем летописцу принадлежала только вставка имен Аскольда и Дира. На 6390 (882) г. отнесено водворение Олега в Киеве; вокруг этого события сгруппированы дальнейшие известия о покорении Олегом Древлян, Северян, Радимичей, изложенные под 6390—6393 гг. Под 6395 (887) г. читаем известия из Амартола и затем ряд пустых годов. Под 6406 (898) г. сообщено о прохождении Угров мимо Киева и о дальнейшем движении их на запад. Замечательно, что в этой статье, где сообщено и о Словенской грамоте, встречаемся с несколькими фразами, общими с рассмотренным нами выше историко-этнографическим введением; на это обстоятельство я обращаю еще раз ваше внимание; напомню вам, что в этом введении мы неожиданно попали на фразу «тѣмже и грамота прозвася Словѣньская»; здесь об этом говорится подробнее и обстоятельно излагается легендарная история об обретении славянских писем Кириллом и Мефодием и их моравской миссии. Конец статьи 6406 (898) г. равно как летописный рассказ 6407—6429 (899—921) гг. не сохранились в Лавр. списке, благодаря утрате листов; он восстанавливается по другим спискам, прежде всего по Радз. и Акад. спискам; близость их к Лавр. делает почти несомненным, что в Лавр. читался тот же текст, что в Радз. и Акад. списках. Продолжаю обозрение состава «Повести временных лет» по этим спискам.

Под 6410 (902) г. находим известие, заимствованное из Амартола. Под 6411 (903) г. читаем известие о женитьбе Игоря. Под 6415 (907) г. длинное сообщение о походе Олега на Царьград со вставленным в него текстом договора Олега с греками. Под 6419 (911) г. известие о явлении кометы.

быть может, восходящее к Амартолу Под 6420 (912) г полный текст второго договора Олега с греками, причем за ним сообщено известие о смерти Олега и в параллель к могуществу кудесника, предсказавшего Олегу смерть, рассказано по Амартолу о чудесах Аполлония Тианского. Известия о вокняжении Игоря в 6421 (913) г. и о первых его столкновениях с Древянами в 6421 и 6422 гг тесно связаны с предшествующим известием об Олеговой смерти Под теми же годами, а также под 6423 (915) г. — заимствования из Амартола; известие 6423 (915) г о первом появлении Печенегов навеяно соответствующим сообщением Амартола На протяжении от 6424 (916) до 6448 (940) г находим всего три заполненных года и притом известиями не русскими, заимствованными из Амартола Текст Лавр. продолжается с 6430 (922) г, но Лавр, очевидно по ошибке, опускает известие 6442 г., восстанавливаемое по Радз и Акад Под 6449 (941) г. опять известие из Амартола — о нашествии Руси на Царьград, но русскому летописцу принадлежит вставка имени Игоря Под следующими двумя годами опять известия из Амартола. Под 6452 (944) г. сообщается о новом походе Игоря, заключившемся мирным договором с греками Под 6453 (945) г приведен полностью этот договор и сообщены любопытные подробности об утверждении его клятвой, его ратификации в Киеве. Название 6453 (945) г повторено затем, и под ним рассказано о смерти Игоря и троекратной мессе Ольги

Этим заканчивается та часть «Повести временных лет», которую я совершенно условно назову первую частью; характерною особенностью ее является то, что она в значительной степени основывается на греческой хронике продолжателя Амартола. Если удалить заимствования из него, а также договор с греками и сказание об обретении славянских письмен, то останется весьма скудное количество русских известий: призвание варягов, смерть Рюрика, водворение Олега в Киеве, женитьба Игоря, поход Олега на Царьград, второй, окончившийся миром, поход Игоря и, наконец, смерть Игоря Совершенно ясно, что из глубокой древности до летописца начала XII в могло дойти лишь весьма немного определенных известий

Вторая часть «Повести временных лет» начинается заглавием «Начало княженья Святослава» Рассказав под 6454 (946) и 6455 (947) гг о победе Ольги над древянами и устройении ею земли, летописец после ряда пустых годов помещает под 6463 (955) г сообщение о крещении Ольги в Царьграде. Засим опять ряд пустых годов С 6472 (964) г, на который летописец относит начало походов Святослава, его сведения становятся многочисленнее; видим ряд заполненных известиями годов, причем под 6476 (968) г сообщается об осаде Киева печенегами в отсутствие Святослава, а под следующим годом о смерти Ольги К 6479 (971) г относится мирный договор Святослава с греками О смерти Святослава сообщается под 6480 (972) г, после которого несколько незаполненных годов, прерываемых, впрочем, под 6483 (975) г эпизодом убийства на охоте Люта Свенельдича сыном Святослава, князем древянским Олегом К 6485 (977) г относится победа Ярополка над Олегом и смерть последнего.

Третью часть «Повести временных лет» называем летописное повествование о князе Владимире. От начала до конца рассказ проникнут агнографической тенденцией, хотя и допускает ряд отступлений, сообщая народные предания, баснословные сказания. Центральным событием является принятие Владимиром крещения: известия, сообщаемые под 6488 (980), 6491 (983), 6494 (986) гг., готовят читателя к этому событию; под 6491 (983) г. рассказано о первых на Руси христианских мучениках; под 6494 (986) г. подробно излагается испытание вер Владимиром, в результате которого в Киев является греческий философ, в пространной речи, вложенной ему летописью в уста, преподающий главные явления священной истории, а также догматы христианства. Владимир соглашается на принятие христианства, но выражает колебания. Под следующим 6495 (987) г. он продолжает испытание вер на этот раз посылкой в соседние земли для ознакомления с формами религиозного служения. Несмотря на принятое вслед затем решение креститься в греческую веру, Владимир в следующем 6496 (988) г. идет походом на Корсунь добывать веру силой. Летописец подробно описывает взятие Корсуни, переговоры с греками о крещении и женитьбе, самое крещение Владимира, причем сообщает преподанный ему символ веры, а также опровержения заблуждений Латинян; затем рассказывается о возвращении Владимира в Киев, крещении Киевлян, отдаче детей новообращенных христиан в книжное учение. Обширная статья 6496 г. заканчивается благочестивыми рассуждениями по поводу принятия христианства и сообщением об административной деятельности Владимира. Следующее непосредственно за статьей 6496 г. содержание летописи посвящено рассказу о христианских подвигах Владимира: здесь читаем о закладке Десятинной церкви под 6497 (989) г., а под 6504 (996) г. об окончании этой церкви, о построении церкви Преображения в Василеве, о милосердии князя, а также об его строительстве земли русскою. Но под 6499 (991), 6500 (992), 6505 (997) гг. сообщаются и такие известия, которые не имеют прямого отношения к принятию Владимиром христианства: основание Белгорода, единоборство отрока Цереяслава с печенежником, осада Белгорода печенегами. После 6505 (997) г. летописцу уже нечего рассказать о Владимире: от 6506 (998) до 6522 (1014) г. видим ряд пустых годов, за исключением, впрочем, пяти, заполненных известиями о кончине лиц княжеского дома и перенесении их останков в Богородицу. Так оканчивается третья часть «Повести временных лет».

Четвертую часть ее определяем временем Ярослава. Она начинается с 6522 (1014) г., когда Ярослав, сидевший в Новгороде, отказался платить дань отцу. Отец собрался в поход против сына, но скончался в 6523 (1015) г. Летописец предлагает похвальное слово усопшему князю и переходит к изложению разыгравшихся затем событий, убийства Бориса и Глеба; рассказ об их убийстве носит все черты агнографического характера и заканчивается похвалой обоим братьям. Далее, в тесной связи с сообщением об убийстве Бориса и Глеба, излагается борьба Ярослава с Святополком, заканчивающаяся только в 6527 (1019) г. Под 6528 (1020) г. читаем первое в «Повести временных лет» известие о рождении князя. Почти непрерыв-

ный ряд годов от 6528 (1020) до 6655 (1047) заполнен сообщениями о более или менее значительных событиях Ярославова княжения; среди них отмечу статью 6545 (1037) г. с изложением просветительной деятельности Ярослава, вызванным упоминанием об установлении в Киеве митрополии. Под 6559 (1051) г. находим подробный рассказ о начале Печерского монастыря, обнимающий и события, имевшие место позже, в шестидесятых годах XI ст. (построение большой церкви, введение Студийского устава). Связь этой статьи со статьей 6582 (1074) г., где рассказывается о смерти Феодосия и о духовных его подвигах, устанавливается словами, читаемыми в конце статьи 6559 (1051) г.: «А о Феодосьевѣ житїи паки скажемъ». Перед ними читаем несколько слов, относящихся к составителю статьи: «*къ нему же (т. е. Феодосию) и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и прїять мя лѣтъ ми суццо 17 отъ роженья моего*». Относить эти слова к Нестору нет никакой возможности, ибо Нестор, как видно из жития Феодосия, пришел в Печерский монастырь во время игуменства Стефана, преемника Феодосия. Под 6562 (1054) г. сообщается о смерти Ярослава и его завещании сыновьям.

Пятая часть «Повести временных лет» начинается заглавием: «Начало княженья Изяславля Киевѣ». Повествование хронологически почти не прерывается. От предшествующих частей летописный рассказ отличается тем, что в нем впервые начинают попадаться точные хронологические определения с указанием дня события. В первых трех частях нет ни одной подобной даты; в четвертой — точно датирована только смерть Владимира и недостаточно точно («в субботу 1 поста святого Феодора») смерть Ярослава. Первую точную дату, притом события политического, находим под 6569 (1061) г.: 2 февраля Половцы, впервые появившиеся с войной против Русской земли, разбили Всеволода Ярославича; следующей датой 3 февраля 6574 (1066) г. определяется смерть Ростислава Владимировича в Тмутарокани; затем 3 марта 6575 (1067) г. указано как день битвы на Немге, а 10 июля того же года как день коварного захвата Ярославичами Всеслава Брючиславича, и т. д. В статье 6573 (1065) г. отмечу обширные выписки из хронографа о разных чудесных явлениях. Под 6576 (1068) г. читаем слово о казнях божіих по поводу понесенного русскими князьями поражения от Половцев на Альте. Под 6579 (1071) г. обращает на себя внимание длинное повествование об усмирении Янем, дружинником Святослава Ярославича, мятежа на Белоозере, вызванного волхвами. Это дает летописцу повод сообщить еще два рассказа: один о внешнем виде бесов, другой о восстании волхва в Новгороде при князе Глебе Святославиче. Летописец влетает при этом ряд рассуждений о силе бесовской. Под 6580 (1072) г. находим обстоятельный рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь в Вышгороде, поставленную Изяславом; этот рассказ сохранился в сходной редакции и в некоторых списках Жития Бориса и Глеба. Под 6582 (1074) г. читаем упомянутую выше статью о кончине Феодосия; за нею находится общая характеристика подвижников Печерской обители, среди которых названы и подробнее описаны Демиан, Матфей, Иеремия и Исакій. Демиан скончался еще при игуменстве Феодосия, но Матфей дожил, по видимому, до игуменства Иоанна. То же можно сказать об Исакіи, при-

нятом в обитель Антонием, но дожившем до игуменства Иоанна. Последнею статьей этой части «Повести временных лет» является статья 6586 (1078) г., где сообщено об убиении Изяслава Ярославича и воздана хвала этому князю.

Шестая часть вводится заглавием: «Начало княжения Всеволожа в Киеве»; его нет в Лавр., но оно сохранилось в Радз., Акад., Ипат., Хлебн. Начинаясь с известия 1078 г. о вступлении Всеволода на киевский стол, эта часть продолжится до статьи 6601 (1093) г., когда умер Всеволод. Отмечу здесь статью 6599 (1091) г., содержащую рассказ об обретении мощей Феодосия и похвалу ему; летописец ведет этот рассказ от первого лица; он трудился над извлечением феодосиевых мощей для перенесения их в новый храм; похвалу Феодосию он воздает от своего имени. Как увидим, позднейшие памятки, а именно Печерский патерик в редакциях XV в., отождествляют автора рассказа и похвалы с летописцем Нестором, но исследователь должен остерегаться подобного предположения в виду того, что этот автор называет себя рабом и учеником феодосиевым, между тем Нестор не был непосредственным его учеником. Статья 6601 (1093) г. сообщает не только о смерти Всеволода Ярославича и вокняжении Святополка, но также и о последующих событиях, относящихся к следующему за вокняжением Святополка месяцу: 26 мая и 23 июля Половцами были одержаны над соединенными силами русских князей две победы; они повергли Киев в скорбь и ужас, которые и нашли себе выражение в длинных сетованиях летописца, обличающего при этом беззаконие и греховность свои и своих ближних.

Седьмая часть «Повести временных лет» посвящена изложению событий Святополкова княжения. В Лавр. под 6604 (1096) г. читается Поучение Мономаха с приложенными к нему отрывками из посланий Мономаха к Олегу Святославичу, а также из молитвенного обращения; но, как мы знаем уже, в первоначальной, Несторовой, редакции «Повести временных лет» всего этого не было. Равным образом, здесь не читался рассказ Василия о событиях 6605 (1097) г., об ослеплении Василька и последующих событиях. Вероятно, Нестор предложил свой рассказ об этом, причем, можно думать, он умалил вину Святополка, стоявшего в близких отношениях к Печерскому монастырю, а также, быть может, самое значение этого злодеяния, бросавшего тень на киевского князя. Первоначальный Несторов рассказ о событиях 6606 (1098) и 6607 (1099) гг., сухой и краткий, дошел до нас под соответствующими годами; приведя известие 6606 г., позднейший редактор (Сильвестр) отметил: «яко же и в прежнее лето сказяхъ», т. е. сослался на приведенное им выше Василиево повествование. Равным образом, под 6607 г. читаем события, уже изложенные выше по Василию. Но нельзя думать о том, что краткие известия 6606—6607 гг. извлечены из подробного Василиева повествования: под 6607 г. указан день убиения Мстислава Святополчича, 12 июня, не приведенный Василием в подробном рассказе об этом событии. Как указано выше, «Повесть временных лет» оканчивалась сообщением о чудесном явлении над трапезницей, а потом над церковью Печерского монастыря огненного столпа 10 февраля 6618 (1110) г. У нас нет указаний на то, чтобы Нестор объяснял это

явление как предзнаменование славного похода русских князей против Половцев, имевшего место в следующем месяце — марте; поэтому благочестивые рассуждения по поводу явления ангелов, читающиеся в Лавр, относим к вставкам, попавшим из второй редакции «Повести временных лет». Как увидим ниже, в самом Печерском монастыре чудесное явление было истолковано иначе и применено к событиям, имевшим непосредственное отношение к жизни обителя.

Отдел IV. Источники „Повести временных лет“

Из предыдущего обзора видно, как богато и разнообразно содержание исследуемого памятника. Немыслимо предположить, чтобы составитель его не имел в своем распоряжении целого ряда письменных источников; мы уже видели следы пользования такими источниками; напомним вам о многочисленных заимствованиях из греческой хроники Георгия Амартола и его продолжателя; далее о воспроизведении текста четырех договоров русских князей с греками; затем о пользовании статьей, излагавшей начало Печерского монастыря, автором которой не мог быть Нестор, предполагаемый составитель «Повести временных лет», ибо автор ссылается на приятие свое в монастырь не Стефаном игуменом, а самим Феодосием. Укажу еще на обширную речь философа, на символ веры, преподанный Владимиру, на сообщенные при этом опровержения латышян, наконец, на статьи агнографического характера, как убийство Варягов — первых христианских мучеников, убийство Бориса и Глеба и т. д. Невероятно допустить, чтобы составитель «Повести временных лет» в процессе своей работы над этим сводом мог приступить к сочинению житий святых, к изложению истории Ветхого и Нового Завета, к изъяснению догматов веры. Очевидно, все это существовало уже в готовом виде, а ему приходилось только компилировать, соединять разнообразный материал в одном широко задуманном своде. Уже самое обилие использованных в «Повести временных лет» источников наводит на мысль о том, что над составлением ее работало не одно лицо, а несколько последовательно сменявших друг друга авторов-редакторов; иначе — что Несторовой «Повести временных лет» предшествовал другой, более древний, свод, доведенный не до 6618 (1110) г., а до более раннего времени, причем этому своду предшествовал еще другой, старший, свод, и т. д.

Каждый из новых редакторов продолжал и дополнял предшествующий ему свод. Такой вывод подсказывается и соображениями хронологическими. Если Нестор работал в 1110 г., то не ему принадлежит запись событий Ярославова времени: точность некоторых записей обличает современника. Равным образом, Нестору не могла принадлежать, например, точная датировка событий Изяславова княжения; его память не могла удержать дату 2 февр. 6569 (1061) г. или 3 марта 6575 (1067) г., ибо он был отделен от событий, случившихся в эти дни, расстоянием в 50—45 лет. Следовательно, записи велись предшествующими летописцами; но эти летописцы могли быть такими же сводчиками, как сам Нестор, и Нестор

мог иметь в своем распоряжении не только старшие летописные записи, но также и старшие летописные своды. Такое заключение подтверждается и некоторыми очевидными данными. Так, например, под 6552 (1044) г. сообщается, что мать Всеслава по совету волхвов повязала рану, бывшую у него на голове от рождения: «сже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитъ», — замечает по этому поводу летописец. Но Всеслав умер в 6609 (1101) г.; следовательно, приведенное замечание сделано летописцем до этого года, и сделано оно, конечно, не при современной рождению Всеслава записи, а гораздо позже в составе летописного свода. Под тем же 6552 (1044) г. сообщено о перенесении останков Ярополка и Олега Святославичей в церковь Богородицы; но под 6485 (977) г. читаем, что могила Олега есть «и до сего дне у Вручѣго» (совр. Овруча, б. Вольшской губернии); следовательно, статья 6485 (977) г. написана до 6552 (1044) г., когда, повидимому, эта могила была потревожена или разрушена.

Итак, мы получаем уверенность в том, что Несторовой «Повести временных лет» предшествовали другие летописные своды. Определению письменных первоисточников «Повести» должно бы поэтому предшествовать определение старших летописных сводов, использованных «Повестью временных лет»; ибо ряд первоисточников мог быть неизвестен, недоступен Нестору и войти в его свод только через посредство того или иного летописного свода. Так, напр., речь философа или символ веры, преподанный Владимиру, могли попасть в «Повесть временных лет» не непосредственно, а через посредство старшего, до нас не дошедшего летописного свода. Однако, определение сводов, предшествовавших «Повести временных лет», представляется работой более сложной и трудной, чем определение письменных источников, отразившихся в «Повести временных лет». В виду этого мы начнем свое исследование, анализ текста «Повести временных лет», с определения письменных источников, в ней отразившихся, и уже после этого, воспользовавшись отчасти добытыми при этом результатами, мы приступим к восстановлению старших летописных сводов. Согласно сделанным выше указаниям, определяемыми нами источниками мог пользоваться как сам Нестор, так и один из его предшественников, работавших над составлением летописного свода; не следует упускать из виду, что пользование некоторыми источниками, отразившимися в «Повести временных лет» по Лавр. списку, можно отнести на счет составителя второй редакции этого памятника, ибо, как мы знаем, в Лавр. список попали некоторые чтения этой второй редакции. Только в следующем отделе мы постараемся выяснить, кто из редакторов (в числе их Нестор) пользовался тем или иным из определенных источников.

Эти источники могут быть двоякого рода: источники, известные нам в том или ином виде отдельно от «Повести временных лет», и источники предполагаемые, до нас не дошедшие, но восстанавливаемые как отдельные памятники на основании определенных соображений. К первым источникам относятся: книги «св. Писания», греческая хроника Амартола и его продолжателя, Никифоров летописец вскоре, житие Василия Нового,

житие Мефодия Словенского, Слово о казнях божиих, Слово Мефодия Патарского, символ веры, преподанный Владимиру. Ко вторым источникам относятся: договоры с Греками, сказание о грамоте Словенской, хронограф, речь философа, сказание об апостоле Андрее. Отдельно рассмотрим еще рассказ об убиении Бориса и Глеба, как не тождественный с дошедшими до нас их житиями.

1. Книги „св. Писания“

В тексте «Повести временных лет» имеется ряд заимствований из разных книг Ветхого и Нового Завета.¹ Среди этих заимствований выделяется группа текстов, восходящих к богослужебной книге, содержавшей избранные чтения преимущественно из Ветхого, но также и из Нового Завета и известной под названием Паримейник. Славянский Паримейник представляется переводом с греческого профитология (τὸ προφητολόγιον), т. е. сборника чтений из ветхозаветных книг, составленного для церковного употребления в дни великого поста и накануне известных праздников, а также нарочитых дней, воспоминаемых церковью (А. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пр. Моисея. Ч. I. Паримейный текст. Варшава, 1912, стр. 324). Перевод профитология принадлежит к древнейшим памятникам славянской переводной литературы; можно с уверенностью утверждать, что он восходит к эпохе переводческой деятельности Кирилла. В виду богослужебного употребления Паримейника, он получил и у нас в древней Руси широкое распространение, между тем как знакомство с библейскими книгами Ветхого Завета затруднялось сравнительной редкостью списков и отсутствием полного их свода. Как известно, такой свод явился только в конце XV в., причем потребовалось немало усилий для приведения в известность всех имеющихся переводов и дополнения недостающего новыми переводами, исполненными с латинского языка. В Киевской Руси были, конечно, известны списки Пятикнижия, а также других книг Ветхого Завета, но указаний на наличность полной Библии в древнем Киеве мы не имеем. Можно поэтому думать, что ряд книг Ветхого Завета был известен древним нашим книжникам и писателям только из выборных чтений, вошедших в Паримейник.

По этим основаниям вероятно а priori знакомство Нестора и других редакторов летописного свода именно с Паримейником, причем значительная часть текстов из ветхозаветных книг заимствована ими оттуда. В доказательство рассмотрю все выписки из ветхозаветных книг, кроме Псалтыри, несомненно обращавшейся в древней Руси и в отдельном виде.

В «Повести временных лет» находим выписки из книг: Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона, Премудрости Соломона, Екклесиаста, Иова, пророков Даниила, Исаии, Иезекииля, Михея и Амоса. Оставляю в стороне те выписки из пророков, которые содержатся в «Речи философа», а также в «Слове о казнях божиих», так как обе эти статьи вошли в «Повесть

¹ NB. у [Е. Е.] Голубинского, [История русской церкви, т.] I, I полут., М., 1901, стр. 883 ([даны] ссылки на места Писания). [Пометка А. А. Шахматова карандашом.]

временных лет» в готовом виде. Обращаясь к другим частям «Повести временных лет», находим, что тексты из Бытия восходят к Паримейнику: это Быт. IV, 23—24 под 1019 г. (в изд. 142, 10—13), ср. Паримию 27-ю по Синод. изданию. Также из Левита: это Лев. XXVI, 17, 19—20, 33, 40—41 под 1093 (в изд. 235, 8—14), ср. Паримию 150-ю. Также из Исхода: Исх. XXXIII, 19 под 988 (в изд. 116, 16—17), ср. Паримию 265-ю.

Также из Притчей Соломона: Притч. I, 16—19 под 1015 (в изд. 130, 1—5), ср. Паримию 7-ю; Притч. I, 20—22, под 955 (в изд. 61, 2—5), ср. Паримию 10-ю; Притч. I, 24—25 под 955 (в изд. 62, 4—6), ср. Паримию 10-ю; Притч. I, 26 и 31 под 1015 (в изд. 96, 7—10), ср. Паримию 10-ю; Притч. I, 29—30 под 955 (в изд. 62, 7—8), ср. Паримию 10-ю; Притч. II, 2 под 955 (в изд. 61, 8—9), ср. Паримию 13-ю; Притч. V, 3—6 под 980 (в изд. 78, 18—23), ср. Паримию 25-ю; Притч. VIII, 12, 14—17 под 1037 (в изд. 149, 1—7), ср. Паримию 37-ю; Притч. VIII, 17 под 955 (в изд. 61, 1—2 и 61, 9—10), ср. Паримию 37-ю; Притч. IX, 7—8 под 955 (в изд. 62, 18—21), ср. Паримию 40-ю; Притч. XI, 7 под 1015 (в изд. 128, 21—22), ср. Паримию 49-ю; Притч. XIII, 20 под 955 (в изд. 61, 8 и 62, 4), ср. Паримию 61-ю; Притч. XVII, 17 под 1078 (в изд. 197, 5—7), ср. Паримию 79-ю; Притч. XIX, 17 под 996 (в изд. 123, 4—5), ср. Паримию 82-ю; Притч. XXXI, 10—32 под 980 (в изд. 79, 1—80, 2), ср. Паримию 94-ю.

Также из Премудрости Соломона: Прем. V, 15—16 под 969 (в изд. 67, 16—19), ср. Паримию 148-ю.

Также из книги Иова: Иов. I, 21 под 1093 (в изд. 216 9—10), ср. Паримию 103-ю. Из прор. Даниила: Дан. III, 32 под 1093 (в изд. 216 5—7), ср. Паримию 133-ю. Из прор. Исаии: Ис. III, 1—4 под 1015 (в изд. 137, 2—6), ср. Паримию 17-ю; Ис. VI, 9—10 под 955 (в изд. 62, 1—3), ср. Паримию 29-ю; Ис. XXIX, 18 под 988 (в изд. 116, 13—14), ср. Паримию 62-ю. Из прор. Иезекииля: Иез. XXXVI, 25 под 988 (в изд. 117, 17—18), ср. Паримию 145-ю.

Из этих данных следует, думаю, с несомненностью, что один из составителей изучаемого свода дополнил его вставками из Паримейника; заимствования из него имеются в статьях 955, 969, 980, 988, 996, 1015, 1019, 1037, 1078 и 1093 гг.

Зайствованы не из Паримейника следующие ветхозаветные тексты: Притч. XXIX, 2 под 969 (в изд. 67, 9—10), Амос. VIII, 10 под 1093 (в изд. 215, 5—6), Дан. V, 21 под 1015 (в изд. 136, 13—14), Мих. VIII, 18—19 под 988 (в изд. 117, 19—21), 1 Царств II, 30 под 969 (в изд. 67, 12—13), Лев. XX, 9 под 955 (в изд. 62, 16—17), Екклез. X, 16 под 1015 (в изд. 136, 21—137, 1). Как видно, подобных заимствований, сравнительно с заимствованиями из Паримейника, очень немного; некоторые из них могли попасть в «Повесть временных лет» не непосредственно; ссылка при тексте «прославляющая мя прославлю» (1 Царств II, 30) на пророка не точна. В Ипат. списке в рассказе об убийстве Бориса и Глеба под 1015 г. находим текст Иезек. XXXIII, 11—16, 20, а также 3 Царств XXII, 20—21: вероятно, это вставки позднейшего редактора; едва ли тексты эти были бы опущены, если бы они читались в основном источнике Лавр. летописи.

Из Псалтыри заимствований очень много: Пс. II, 11 под 988 (в изд. 118, 8-9), Пс. III, 2 под 1015 (в изд. 130, 8-9), Пс. V, 10-11 под 980 (в изд. 75, 11-13); Пс. VII, 2 под 1015 (в изд. 130, 16-17), Пс. IX, 7-8 под 988 (в изд. 118, 12-13), Пс. IX, 18 под 1015 (в изд. 133, 24-25), Пс. XVIII, 5 под 983 (в изд. 81, 18-19), Пс. XXI, 12 и 17 под 1015 (в изд. 130, 15-16), Пс. XXXVII, 3 и 18 под 1015 (в изд. 130, 9-10), Пс. XL, 10 под 980 (в изд. 75, 9), Пс. LI, 3-4 под 1015 (в изд. 134, 3-4), Пс. LIV, 24 под 980 (в изд. 75, 13-14), Пс. LXXIX, 15-16 под 996 (в изд. 121, 17-19), Пс. LXXXI, 5 под 955 (в изд. 62, 1-2), Пс. LXXXII, 14-17 под 1096 (в изд. 225, 17-20), Пс. XCIV, 1-2 под 988 (в изд. 117, 4-5), Пс. XCV, 1-4 под 988 (в изд. 117, 8-13), Пс. CXI, 5 под 996 (в изд. 123, 3-4), Пс. CXI, 6-8 под 969 (в изд. 67, 13-16), Пс. CXXIII, 6-7 под 988 (в изд. 118, 10-12), Пс. CXXXII, 1 под 1015 (в изд. 133, 21-22), Пс. CXXXV, 1 и 24 под 988 (в изд. 117, 6-8), Пс. CXLII, 1-3 под 1015 (в изд. 130, 11-13), Пс. CXLIV, 3-4 под 988 (в изд. 116, 22-117, 3), Пс. CXLVI, 5 под 980 (в изд. 78, 16-17). Ипат. список в рассказе об убийстве Бориса и Глеба под 1015 представляет, кроме того, Пс. LI, 5-7, Пс. XXXVI, 14-15, 19-20 и Пс. LVII, 1-5.

Из новозаветных книг использованы: Евангелие: Мф V, 7 под 996 (в изд. 122, 21-22), Мф VI, 19-20 под 996 (в изд. 123, 1-3), Лук. XII, 33 под 996 (в изд. 122, 23), Лук. XV, 7 под 988 (в изд. 117, 14-15), Лук. XXIII, 41 под 1093 (в изд. 216, 8-9), Ио. VI, 37 под 955 (в изд. 61, 10-11), Ио. XV, 13 под 1078 (в изд. 197, 4-5). В Ипат. под 1015 в рассказе об убийстве Бориса и Глеба, кроме того, Мф. IX, 13 и Ио. V, 30.

Послания апостольские: 1 Иоанн. IV, 16-18, 20-21 под 1078 (в изд. 197, 7-16); Римл. V, 20 под 1015 (в изд. 128, 9-10), Римл. V, 2 под 988 (в изд. 118, 4-5), Римл. VI, 3-4 под 988 (в изд. 117, 22-118, 2), Римл. VI, 22 под 988 (в изд. 118, 5-7), Римл. XIII, 11-12 под 988 (в изд. 118, 3-4), Римл. XI, 25 под 983 (в изд. 81, 17-18); Тит. III 5 под 988 (в изд. 116, 17-18); 1 Коринф. I, 18 под 955 (в изд. 61, 1-62, 1), 1 Коринф. X, 31 под 986 (в изд. 83, 17-18), 1 Коринф. XI, 24 и 25 под 986 (в изд. 85, 1-3); 2 Коринф. V, 17 под 988 (в изд. 118, 2-3).

В Ипат. списке под 1015 г. в рассказе об убийстве Бориса и Глеба читаем еще Деян. X, 31. (Отдельно стоят тексты Деян. II, 4 и Пс. LXXXV, 9 под 898 в сказании о предложении книги: эти тексты попали в «Повесть временных лет» не непосредственно, а из жития Мефодия).

Таким образом преобладающее число заимствований падает на Паримейник, Псалтырь, Апостол и Евангелие.

Не могу остановиться здесь на вопросе о соответствии текстов, приводимых в «Повести временных лет», тем первоисточникам, откуда они заимствованы. Сопоставление чтений из Паримейника с древними списками этого памятника (напр., Публ. Библия. Q. I. 14) убеждает в тождественности этих чтений в Паримейнике и «Повести временных лет», причем, однако, благодаря переписке в Лавр. нередко искажения оригинала. Некоторые варианты, представляемые Ипат. списком, зависели, быть может, от сверки с другим списком Паримейника: напр., в чтении Ис. III, 1-4 в Лавр.

опущены слова и дивна свѣтника и мудра хытрѣца» после «и смѣрена старца», в Ипат они восстановлены, ср. в Паримейнике Q I 14: «и смѣрника и старца и пятьдесятника и дивна свѣтника и мудра художника» (в Порфир списке вм художника — хытреца)

В виде предположения высказываю теперь же мысль, что заимствования из Паримейника сделаны все одним лицом; на это может особенно указывать подбор чтений из Притчей Соломона.¹

2. Хроника Георгия Амартола и его продолжателя

Этот памятник византийской литературы составлен монахом Георгием около 867 г и носит по-гречески заглавие *Χρονικόν σύντομον ἐκ διαστρώων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου ἀμαστολοῦ μονάχου*. Труд Георгия обнимал всемирную историю в пределах до 812 г н. э., до смерти императора Феофила. В большинстве списков хроника Амартола имеет продолжение, доходящее до 948 г, смерти императора Романа. В таком дополненном виде хроника Амартола была переведена на древнеболгарский язык.² Как указано В. Г. Васильевским и В. М. Истриным, болгарский перевод сделан с Ватиканского списка хроники Амартола или со списка, очень к нему близкого (ср статью В. М. Истрина, *Византийский восток*, 1906, т. XIII). В настоящее время В. М. Истриным печатается научное издание болгарского перевода хроники Амартола.³ Это издание выяснит, конечно, отношения списка, которым пользовался составитель «Повести временных лет», к дошедшим до нас спискам. Греческий текст Амартола известен в двух изданиях: Муральба в «Уч. Зап. Второго Отделения Академии Наук», кн. VI, СПб., 1861, и С. de Boor'a *Georgii monachi Chronicon*, Lipsiae, 1904 (в двух томах).

Укажу все те места «Повести временных лет», которые восходят к болгарскому переводу Амартола. На пользование русскою летописью хроникой Амартола указал впервые П. М. Строев в статье «О византийском источнике Нестора» (Тр. Общ. ист. и др., М., 1828, т. IV). Замечу теперь же, что текст Амартола был известен в древней Руси не только в отдельном виде, но также и в соединении с другими хронографическими материалами в разных изводах хронографа. Имеем, однако, основание думать, что составитель «Повести временных лет» пользовался хроникой Амартола в отдельном виде. В одном месте он прямо ссылается на Георгия Амартола, чего не

¹ *Пометка карандашом А. А. Шахматова* «Надо, думаю, дать сравнения Пар[имейника] с лет[описью]. Кое что из Нового Завета могло также почпаться из Паримейн[ика]»

² [*Карандашная пометка А. А. Шахматова*] «Здесь сказать о статье [И. И.] Срезневского [в] «Свед[ед.] и З[аметк.] № 4» [Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках Сб. ОРЯС, т. I, № 6, IV, стр. 20—26 — указаны русские слова в переводе Амартола, свидетельствующие об участии в переводе русского.]

³ [В. М. Истрин. *Хроника Георгия Амартола в русском переводе*. Т. I, Лгр., 1920, т. II, Лгр., 1922; т. III, Лгр., 1930.]

могло бы быть, если бы его текст был известен составителю свода только в составе компиляции, обезличившей использованный ею текст; ср. «Глаголетъ Георгий в лѣтописаньи» (в изд. Лавр. 1897, стр. 13, 13 стрк.)

1) Распределение земель между сыновьями Ноя, читаемое в начале «Повести временных лет». Привожу текст «Повести» по Лавр. списку и параллельно помещаю текст Амартола, составленный на основании Уваровского и нескольких других списков, причем я вносил из этих списков те поправки, которые сближают его с Несторовым текстом, отмечая разрядкой эти поправки только при замене одного слова другим или при вставке слова. Курсивом как в летописном тексте, так и в тексте Амартола отмечаю важнейшие между ними отличия. В текст Лавр. я внес ряд поправок из других списков, руководствуясь в большинстве случаев изданием; поправки я не оговорил.

[«Повесть временных лет»]

По потоупь триє сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И ася вѣстокъ Симви: Персида, Ватръ доже и до Индикия в долготу и в ширину и до Нирокурия, якоже реци отъ вѣстока, и до полуденья и Сурия и Мидия по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, Асуряне, Месопотамия, Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, Аравия Силная, Кулия, Комагини, Финикия вся. Хамови же ася полуденная страна: Египетъ, Ефиопья прилежащая ко Индомъ, другая же Ефиопья, из неяже исходитъ рѣка Ефиопская Чермна, текущи на вѣстокъ, Оива, Ливия, прилежащи даже до Курия, Марьмарья, Сурьти, Ливия другая, Нумидья, Масурия, Мавританья противу сущи Гадирѣ; сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памѣфилию, Писидию, Мосию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Масию другую, Трояду, Солиду, Вифунию, Старую Фругию; и острова неки имать: Сарьдани, Критъ, Купръ и рѣку Гѣону, зовемую Нилъ. Афету же яхася полунощныя страны и западныя: Мидия, Альвания, Арвинья Малая и Великая, Кападокия,

[Хроника Амартола]

По размншеніи оубо и столу рушеніи, призваци триє сынове Ноеви вся родившаяся отъ нихъ и дадять имъ написаниє страну свою и имена имъ, ихъ же отъ отца пріяша, откудъ соуть кождо ихъ и комоуждо свое колѣно и старѣшиньство мѣсто и вѣтви, страны и острови и рѣки, комоуждо что прилежитъ. Наследуетъ же первенець сынъ Ноевъ Симъ отъ Персиды и Вакъторономъ даже и до Индия и Ринокороурою къ вѣстоку прилежащимъ, Хамови же отъ Ринокороурою доже и до Гадыра прилежащимъ къ оугоу, Афетови же отъ Мидия даже и до Гадыра, прилежащимъ къ вѣстоку. Доставшимъ странамъ Симви соуть си: Персяне, Ватриане, Оурканія и Вавилонъ, Кордуна, Асирія, Месопотамія, Аравия Старѣйшии, Елоумаисъ, Индия, Равия Силная, Килии Соурія, Комагини и Финикия вся и рѣка Ефратъ. Хамови же: Египетъ, Ефиопия, прилежащи къ Индомъ, другая же Ефиопія, из неяже исходитъ рѣка Ефиопская Чермьна, текоуши на вѣстокъ, Фиваи, Ливии, прилежащи даже и до Кирия, Мармария Соурьти, Ливии другоа, Ноумидия,

Фефлагони, Галатія, Колхисъ, Веспоріи, Меоти, Дерви, Саръматі, Тавріани, Скуфіа, Фраци, Макидонья, Далматія, Малоси, Фесалья, Локрія, Пеленія, яже и Полопонисъ наречеса, Аркадія, Япиронья, Илюрикъ, *Словъне*, Лухитія, Анъдриокія, Онъдрѣятинская пучина; имать же и острова: Вретанію, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лѣзвона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья; Ифакину, Керькуру, часть всячьскія страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ.

Масоурія Мавританія противу суши Гадирѣ; соущимъ же къ вѣстоку имать: Киликию, Памфилю, Писидію, Мисію, Лоуксонію, Фригію, Камалию, Ликию, Карию, Лудію, Масію другоую, Троаду, Еолидоу, Вифинію, Старую Фригію; и острова пакы имать: Сарданію, Критъ, Кипръ и рѣку Гиону, *зовемую* Ниль. Афету же: Мидія, Альванія, Арменія. Малая же и Великаа, Каппадокія, Пеплагонія, Галатія, Кольхисъ, Вѣспоріи, Меотіи, Дерви, Сарматі, Тавриани, Скуфіа, Фракии, Македонія, Далматія, Молоси, Фесалія, Локри, *Виотія, Етолія, Атикія, Агаи*, Пеленія, яже и Пелеопонисъ наречетса, Аркадія, Ипирогія, Илоуріи, Лоухнитія, Андриакиа, *оу нежесть* Адриатинская пучина; имать же и острова: Вретанію, Сикелию, Евію, Родона, Хиона, Лѣзвона, Куфирана, Закоунфа, Кефалинія, Ифакину, Керькуру, и часть всячьскія страны, нарицаемую Гонію, и рѣку Тигръ, *сему* текущу межю Мидіею и Вавилономъ.¹

Сравнение обоих текстов не оставляет сомнения в том, что летопись заимствовала его из хроники Амартола. Она повторяет и ряд ошибок болгарского перевода, как он сохранился в дошедших до нас списках. Так, читаем М а с и ю д р у г о ю, вместо греч. *Μισίαν ἄλλην*; в летописи Анъдриокія (Радз. андриакія), в болгарском переводе А н д р и а к и я в соответствии с греч. *Ἀδριάχην*; в летописи Л ѣ з о в о н и (Радз. Лѣзвона) с «ѣ», как и в болгарском переводе Л ѣ з в о н а, греч. *Λέσβον*; особенно любопытно искаженное чтение ч а с т ь в с я ч ь с к і я с т р а н ы вместо ожидаемого ч а с т ь а с и я с к і я с т р а н ы, греч. *καὶ μέρος τι τῆς Ἀσίας*. Любопытно, что в м. С а л и д у Лавр., С о л и д у Ипат. в Радз. и Акад. читается С о л и о у д о у; ср. чтение с о л и о у д о у как в Увар. списке, так, напр., еще в Пискарьевском списке Еллинского летописца, греч. *Αἰολίδα*.

Замечательно, однако, что начало рассматриваемой статьи в «Повести временных лет» не сходится с текстом Амартола; думать о переделке этого текста со стороны составителя «Повести» у нас нет основания; едва ли он

¹ Греч. текст у De-Boor'a, I, 55—56.

мог включить в Симову область Ватрь (Вактрія), Сирию и Мидию по Ефрат реку; едва ли ему может принадлежать определение «и до Индикія в длину и в ширину и до Нирокурия, яко же рещи отъ вѣстока и до поуденья», ср. у Амартола: «даже и до Индия и Ринокороурею (ἕως Ἰνδικῆς καὶ Ῥινωκοροῦρων) къ вѣстокоу». Равным образом не находим у Амартола обобщений, как «и яся вѣстокъ Симови», «Афету же ящяся полунощныя страны и западныя», «Хамови же яся полуденьная страна». Все это дает указание на то, что «Повесть временных лет» соединила текст Амартола с каким-то другим однородным хронографическим источником. Этот вывод разовьем ниже и приведем еще и другие основания для признания, что в распоряжении составителя «Повести» был еще один хронограф. В связи с упоминанием реки Ефрата при названии Мидии стоит пропуск слов «и рѣка Ефратъ». Замечателен еще пропуск стран «Вноцья, Етолія, Атиция, Ахана»; как увидим, и он мог стоять в связи со вторым источником «Повести временных лет»; и под влиянием этого второго источника возник и пропуск слов «оу неяже есть» после Андриакпя.

Наконец, чрезвычайное значение имеет вставка «Словѣно» за названием Илюрикъ». Не оправдываясь болгарским переводом Амартола, она, очевидно, принадлежит самому составителю «Повести временных лет» и связывается с сделанным им ниже, под 6406 (898) г. указанием: «и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходить аностолъ Павелъ, ту бо бѣша Словене первое».

2) Рассказ о вавилонском столпотвореніи. Здесь с еще большею очевидностью выясняется, что составитель «Повести временных лет» соединил текст Амартола с текстом другого хронографа. Привожу параллельно оба текста, подчеркивая различия между ними.

По сп. М. Д. А., № 100

Симъ же и Хамъ и Афетъ, раздѣлише землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий брата, и живяку каждый въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемся челоукомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собравшася на мѣстѣ Сепаръ создати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и создаша столпъ тѣ за 40 лѣтъ и не свершенъ бысть. И видѣ господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: се, родъ единъ, и языкъ единъ. И съмѣси богъ языки и раздѣли на 70 и 2 языка и расъстья по всей земли. По размѣшенъи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть

Бысть лѣтъ 134 (Еверъ) родъ Нектана и Фалека. При томъ единъ глаголюющу яко глагола господь роду челоуческому, соборъ есть на едино мѣсто глаголемое Сепаръ, тамъ столпъ создати до небесе помыслиша и около его градъ Вавилонъ, еже есть размѣшеніе; и въ же время не створише, но размѣтано бысть безуміемъ высокае зданіе наченшимъ. . . съшествіемъ старшиимъ имяюу 72. Единъ же Кверъ не приложися к нимъ ни къ безумному дѣлуу изъ. Того ради вѣтъ пѣтъ языци размѣшишиа соущихъ въ свѣтъ томъ 72 языка раздѣлишася по числу князь своихъ и быша каждый своимъ языкомъ отъ друга и праваго гнѣва гонимы расыпашася. . . Столпъ оубо

останокъ его промежю Асюра и создася за 40 лѣтъ, *бысть полма* не Вавилона, *и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433*, и в лѣта многа хранимъ останокъ.

свершенъ. По размѣшении богъ же вѣтромъ велиемъ разруши и, и есть помежи Асоура и Вавилона в лѣта многа хранимъ останокъ его. (В изд. De-Boog, I, 52—54.)

Можно бы думать, что рассказ «Повести временных лет» составлен по другому источнику независимо от Амартола. Но общие с Амартолом фразы делают вероятным, что «Повесть временных лет» соединила текст своего источника с заимствованиями из Амартола. Ниже мы вернемся еще раз к приведенному отрывку.

3) В вводной части к «Повести временных лет» читаем: «Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфѣ, *рекше отъ Козаръ*, рекомии Болгаре». Подчеркнутые слова заимствованы из Амартола, где читаем: «По Переѣянѣхъ же (*μετά δὲ Περσεία*) и по време не тѣхъ царствъ царствова въ Егюитѣ 1-е отъ колѣнъ Хамова чловѣкъ нѣкий злодѣи, имя емоу Сесостръ лѣтъ 20, иже и кромолоу въземъ на Соурию, облада ими, Халдвемъ и Персомъ даже и до Вавилона. такоже и Асиею и Европиею и Скоуфию *рекше Козары*, на вся воевавъ примочуи я» (по-греч. в изд. De-Boog, I, 15). Слов «рекше Козары» нет в греческом тексте (как нет их и в сербском переводе); ясно, что «Повесть временных лет» заимствовала их именно из болгарского перевода Амартола.

4) Ниже (стр. 10—11 изд.) читаем в «Повести временных лет»: «Си бо Угрии почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго». Это сообщение восходит, несомненно, к Амартолу, у которого читаем: «Паче пакы Хоздрои нечестивый после етера князя на Греки, имень Сарваръ, съ многою силою, и всю поустоу сътворивъ вѣсточную страну, и Ерусалима кошемъ плѣни. . . Царь же Ираклии. . . на Персы исполчися, еше же призвавъ Оугры на помощь. Приде ихъ же и князь, и многы Оугры поимъ, изиде на Персы въ силѣ тяжцѣ зѣло». В соответствующем греческом тексте (у De-Boog, II, 670) читаем: «Ὁ δὲ γὰρ βασιλεὺς Ἰρακλίου... κατὰ Περσῶν ἐστράτευσεν, καὶ δὴ προσκαλεσάμενος τὸν Τοῦρκον εἰς συμμαχίαν κατὰ πάροδον, ἐξοῦ καὶ φύλαρχον καὶ πλῆθος Τοῦρκων ἄρας, ἐξώρμησεν κατὰ Περσῶν ἐν δυνάμει βαρεῖα σφόδρα... И так, болгарский перевод передал греческое Τοῦρκοι через Оугри; отсюда с несомненностью следует, что соответствующее место «Повести временных лет» заимствовано именно из болгарского перевода Амартола. Отмечу, что в сербском переводе читается: «и множество тоурькъ въземъ».

5) Непосредственно за этим читаем в «Повести временных лет»: «Въ си же времяна быша и Обри. иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша». Это сообщение также заимствовано из Амартола, у которого читаем: «Тогда и Обри придоша к цареви мира просить с лестию, ихъ проуготовление приять въ Ираклии сътвори сломъ, тоу покояшеть а; си же злое въ сердци своемъ имоуще, къ своимъ сродникомъ послаша вѣсть, скоро грядите се бо царь богатъ оу насъ есть. Онемъ же свѣрѣпо(мъ) бѣсомъ никако же

ослабивше на землю тоу придоша. Приобрѣтаниемъ челоѣколюбивому богу, спасающоу правыа сердцемъ, едва въ Оузантію възвратився, царь мриде. Они же гнавше по немъ далече, и не състигше все богатство его взяша» (ср. у De-Boog, II, 669). В греческомъ текстѣ слову Обри соответствуетъ *oi 'Aβapoi* (въ сербск. переводе: авари); передача *'Aβapoi* черезъ Обри принадлежитъ болгарскому переводу, и изъ него название Обровъ перешло и въ русскую летопись. Ср. ту же передачу *'Aβapoi* черезъ Обри и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ соответствии съ текстами De-Boog, II, 664 («и Обри на Фракию нагнаша»).

6) Следующій обширный отрывокъ, заимствованный изъ Амартола, вводится словами: «глаголетъ Георгій въ летописаньи». Привожу его по Лавр. списку (внеся въ него поправки изъ Радз. и Ипат.) и параллельно даю текстъ Амартола (заимствую его изъ I т. ПСРЛ, 241—242, где текстъ напечатанъ по списку Костромскаго богоявленскаго монастыря съ разночтеньями):

[«Повесть временныхъ летъ»]

Ибо коемуждо языку овѣмъ испи-санъ законъ есть, другимъ же обы-чай, *законъ* беззаконникомъ отечество мнится. Отъ нихъ же первіе Сирии, живущей на конецъ земля, законъ имуть отецъ своихъ и обычая: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодѣяти весьма. Законъ же и у Ктирианъ, глаголеми Врахмане и островниці, еже отъ прадѣдъ показанъ и благочестьемъ мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, ни коеа же злобы творяще, страха ради многа, *ибо ятъ* таче прилежащимъ къ нимъ Индомъ убійство дѣйца и скверно творящии гнѣвливи и паче естества; внутренѣйши же странѣ ихъ челоѣки ядуще и странствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси. Етеръ же законъ Халдѣемъ и Вавилоньямъ: матери поимати, съ братними чяды блудъ дѣяти, и убивати и всякое бесгудное дѣянье яко дѣтелье мнятся дѣюще, любо аще и далече страны своя будутъ. Инъ же законъ Ги-лиомъ: жены въ нихъ орютъ, зижють храми и мужская дѣла творять, но любви творять елико хочеть, не въ-

[Хроника Амартола]

Ибо коемуждо языку, овѣмъ испи-санъ законъ есть, другимъ же обы-чай; *законъ бо* беззаконникомъ отечество мнится. Отъ нихъ же первіе живущіи Сирии на концы земля, законъ имуть отецъ своихъ обычан: не любодѣяти, ли красти, ли прелюбодѣяти, ли оклеветати, ли убити, или злодѣяти весьма. Законъ же у Вактирианъ, глаголеми Врахмане и островниці, иже отъ прадѣдъ показаніемъ и благочестіемъ мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никоея же злобы творяще, страха многого ради *и божіа втры*. Таче прилежащимъ къ нимъ Индомъ, убійстводѣйци, сквернотворящии, и гнѣвливи паче естества, внутренѣйши же странѣ ихъ челоѣки ядуще и странствующихъ убиваютъ, паче же ядятъ *я* яко пси. Етеръ же законъ Халдѣяномъ и Вавилоняномъ: матери поимати, съ братними чяды блудъ дѣяти, и убивати, и всякое безгудное дѣянне яко *добро* дѣтелие мнятся дѣюще, любо аще и далече страны своя будутъ. Инъ же законъ Ги-лѣомъ: жены въ нихъ орютъ и зижють храмы, и мужская дѣла тво-

здержаемы отъ мужий своихъ весьма, ни зазрять, в нихъ же суть храбрыя жены, ловити звѣрѣ крѣпки; владѣють же жены мужи своими и въдобляють ими. Во Брѣтаньи же мнози мужи съ единою женою спяты, и многыя жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ: незаконная законъ отецъ творять независтно ни въздержанно. Амазоняне же мужа не имуть, но аки скоть бессловесныи, но единою лѣтомъ къ вешнимъ днемъ оземствени будутъ, и сочтуются съ окрестнымъ, убо мужи, яко нѣкоторое имъ торжество и велико празднество время тѣмъ мнать; отъ нихъ заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси. Во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять и, аще ли дѣвическъ полъ, то въздоять и прилѣжнѣ и въспитають.

рять, но и любы творять елико хотять не въздерживаемы отъ мужий своихъ весма ли зазрять; въ нихъ же суть и храбрыя жены и ловити звѣри зто крѣпки; владѣють мужи своими и удовлѣють ими. Во Вретаньи же мнози мужи съ единою женою спяты, и многыя жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ, и незаконное яко законъ отецъ творять независтно ни въздержанно. Амазоняне же мужа не имуть, но аки скоть бессловесный, единою лѣтомъ къ весненнымъ днемъ оземствовани будутъ, и съчтуются съ окрестными ихъ мужи; яко нѣкоторое торжество и велико празднество время то мнать. Отъ нихъ же заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсудѣ вси: въ время же хотящимъ родити, аще родится отроча, то погубять, аще дѣвическъ полъ, то въздоять прилежно и въспитають.¹

Сопоставление обоих текстов — летописного и текста Амартола — доказывает близость первого ко второму. Любопытно искажение «и божія вѣры» в «ибо явѣ». Ряд отступлений от греческого текста в летописи восходит к болгарскому переводу Амартола; в этом можно убедиться из поправок и ссылок, основанных на греческом тексте в издании Лавр. летописи

7) Под 6360 г. читаем: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченню Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмъ». Под греческим летописанием разумеется хроника продолжателя Амартола, в которой сообщается о походе Руси на Царьград при царе Михаиле. См. ниже под 6374 (866) г. Что же касается до указания года вступления Михаила на царство, то оно, как увидим, заимствовано из Никифорова летописца.

8) Ниже читаем в «Повести временных лет» следующее сообщение, заимствованное, как видно из прилагаемого текста, из продолжателя Амартола.

В лѣто 6366. Михаилъ царъ изиде с вой брегомъ и моремъ на Болгары. Болгаре же оувидѣвше, не могоша стати противу, креститися про-

Михаилъ же царъ коупно с кесаромъ Вардою на князь Болгарскыи иде съ вой своими брегомъ и моремъ, гладомъ гиблющу Болгарскоу язы-

¹ Греч. текст у De-Boog'a, I, 38—39.

сиша и покоритися Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и болгары вся, и миръ створи с Болгары.

коу Михаилъ оувѣдѣвъ. Българе же такоу вѣсть прїимше, страхомъ одержими многымъ, бяхоу презное троуда и брани и побѣды, недоумѣвахуся и христіаномъ быти просишяся и покарятися Грекомъ. Царь же князя ихъ крестивъ и отъ сятаго крещенна приатъ и сыномъ, и нарече имя емоу Семеонъ, еще и велможя его введъ в Константинъ градъ, вся крести и миръ створи.¹

В греческомъ тексте болгарскій князь получаетъ при крещеніи имя Михаила, а не Семеона. Хронологическое указаніе 6366 (858) г. заимствовано в «Повести» не из Амартола.

9) Засимъ следуетъ сообщеніе о походе Руси на Царьградъ, восходящее также к продолжателю Амартола.

Въ лѣто 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки и приде въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшу на Огаряны, и дошедшу ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убійство крестяномъ створиша, и въ двоюсту корабль Царьградъ оступиша. Цесарь же едва въ градъ вниде и с патрїархомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ, всю ношъ молитву створиша, также божественую святыя богородица ризу с пѣсньми изнесыше в рѣку омочивше, тишинѣ сущи и морю укротившюся, абѣ буря вѣста, с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшимъ засобъ безбожныхъ Руси корабля смяте и к берегу приверже, и избїи я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути въ свояси възвратишася.

Царь же на агаряны изиде воевать Оорифанта в Константинъ градъ оставивъ. Дошедшу же ему Черныя рѣки глаголемы, вѣсть емоу епархъ посла, яко Русь на Константинъ градъ идоуть. Тѣмъ царь проче не иде. Роусь же вноутрь Соуда вшедше, много оубійство христіаномъ створиша и въ двоюсту лодию Константинъ градъ оступиша. Царь же дошедъ едва въ градъ вниде, и съ патрїархомъ Фотьемъ къ сущи церкви святыя богородица въ Влахернѣхъ всенощную молбу створиша, и имя же мѣсто то приатъ, нѣкоторому князю Скифянину, Влазерну нарицаему, тоу емоу оубїену бывшу. Таче же божественую святыя богородица ризу съ пѣсньми изнесше, в мори скоутъ омочивше, тишинѣ же соущи и морю оукротившюся, абѣ боуря с вѣтромъ вѣста и волнамъ великимъ въздвигшимся засобъ, безбожныхъ Руси лодїа възмяте и къ берегу привержени избїени, яко мало отъ нихъ

¹ Греч. текст у Муральта, стр. 732—733.

отъ таковыя бѣды избѣгнути, въ свояси с побѣженіемъ възврати-
шяся.¹

Текст Амартола я привел по Уваровскому списку, внося в него несколько поправок из других списков. Замечательно, что в списке Ундольского читается: «яко Роусь на Костянтинъ градъ идоуть Асколдъ и Диръ». Конечно, эти имена вставлены из «Повести временных лет». Их нет ни в греческом тексте, ни в остальных списках болгарского перевода Амартола. Составитель «Повести» заимствовал эти имена из другого источника. Неясно, откуда он заимствовал хронологическое определение; у Симеона Логофета это событие определяется 10-м годом царствования Михаила: τῷ ἰ αὐτοῦ ἔτει οἱ Ῥῶς ἐνδοδεῦ τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες; скажем об этом ниже. Любопытна замена *лодии* через *корабль* составителем «Повести временных лет». Чтение «в рѣку омочивше» испорчено вм. «в море скоуть омочивше». Греческое τὸ Ἱερὸν передано через *Суд* в болгарском переводе, и уже из него слово *Суд* перешло в текст «Повести временных лет».

10) Под 6376 (868) г. читаем: «Поча царствовати Василии». Ср. у продолжателя Амартола: «Василии же царствова съ Михайломъ летъ 1 и мѣсяци 4 и единъ лѣтъ 19 единопержецъ бысть». Вопрос о хронологическом определении рассмотрим ниже.

11) Ниже читаем: «Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6». У продолжателя Амартола: «По оумертвіи же Василиевъ самодръжавному приатию Леонъ бысть премудрыи и царствова лѣтъ 20 и 5 и мѣсяць 8». Ср. у Муральта, стр. 766. Цифра 6395 могла получиться от сложения 6376 с 19-ю.

12) Под 6410 (902) г. заимствовано из продолжателя Амартола следующее сообщение:

Леонъ царъ ная Угры на Болгары, Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску плѣноваху; Семионъ же увѣдѣвъ, на Угры възвратися, и Угре противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Дерѣстръ убѣжа.

Сихъ же видѣвъ царъ, яростию исполнився, Никитѣю нарицаемѣго Склира, в рѣку Дунаевѣ в лодиятъ рекомыхъ дромонии дати дани Оугромъ, яко да на Семеона оружиемъ воюють . . . Оугри нашедши всю Болгарскоую. плѣняхоу землю. Семеонъ же оувѣдѣвъ на Оугры обратися. Си же противу пребредше, брань на Блъгары съчеша, и побѣдиша Блъгары, бошию яко едва Семеону в Дерѣстръ вбѣгнути.²

¹ Греч. текст у Муральта, стр. 736—737. ² Греч. текст у Муральта, стр. 772 и 773.

Вопрос о хронологическом определении этого события 641С-м г. рассмотрим ниже. В греческом тексте имени угров соответствует *oi Toubrhoi*.

13) Под 6419 (911) г. заимствовано из продолжателя Амартола известие о явлении кометы: «явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ». Ср. «При семь (т. е. при царе Александре) звѣзда явися велия отъ запада, копийника ею нарицаху» (Ундольского, 382 об., у Муральта, стр. 797). О хронологическом определении скажу ниже.

14) Под 6420 (912) г., после рассказа о смерти Олега, читаем длинную выписку из Амартола; привожу ее по Радз. списку с исправлениями по Ипат. Текст Амартола дан по ПСРЛ I, 243, где он напечатан согласно с Богоявленским Костромским и некоторыми другими списками (внѣшу еще поправки из Ундольского).

[«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»]

Якоже бысть во царство Доментяново: *нѣкий волхвъ, именовъ Аполони Тянинъ, знаемъ бѣаше, шествуа и творя всюду въ градѣхъ и в селехъ бѣсовскаа чюдеса: отъ Рима бо пришедъ въ Византию, умоленъ бысть отъ живущихъ ту, створити сиа: отгнавъ множество змий и скорпия изъ града, яко не врежатися человѣкомъ отъ нихъ; ярость коньскую обуздавъ, егда съхожахуся боаре. Также и во Антиохию пришедъ, и умоленъ бывъ отъ нихъ, томимомъ бо Антиахиномъ отъ скоропий и отъ комаръ, сотворивъ мѣдянь скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморянъ постави надъ нимъ, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу, звати, тростемъ трясомомъ: «бес комара граду», и тако исчезнуша изъ града скоропиа и комари. И просиша же и пакы отъ лежащимъ на градѣ трусь, въздохну, списа на дщицѣ сиа: «увы тобѣ, океанный граде, яко потрясешися много, и огнемъ одержимъ будеши, ополчатъ же ты и при березѣ си Оренты». О немъ же и великій Анастасій божья града рече: «Аполонию же даже и донынь на нѣдѣхъ*

[Х р о н и к а А м а р т о л а]

По Титъ царствова Доментянянъ братъ его. . . Первое притомъ Тимоффи апостолъ и Онисимъ моучена быста и Иоанъ Богословець еуаγγελистъ въ Патомъ островъ заточень бысть. И Аполоній Тянинъ знаемъ баше, шествуа и творя всюду въ градѣхъ и въ селѣхъ бѣсовскихъ чюдесъ. Отъ Рима бо пришедъ въ Византию, умоленъ бысть отъ живущихъ въ немъ створити сиа, отгнавъ множество змий и скорпий изъ града, яко не врежатися человѣкомъ отъ нихъ и ярость коньскую обуздавъ, егда же схождахуся боляре. Также и во Антиохию пришедъ, и умоленъ также створи, томимомъ бо Антиохианомъ отъ скорпий и отъ комаръ; створивъ мѣдяны скорпий, и погребъ ихъ въ земли, и малъ столпъ мраморянъ постави надъ нимъ, и повелѣ трости держати человѣкомъ и шествовати по граду, звати, тростемъ трясомомъ: «безъ комаръ граду»; и тако исчезнуша, изъ града скорпиа и комари. Возпросиша же ѿ пакы о лежащемъ на градѣ трусь, въздохнувъ, написа на дщици сиа: «увы тебѣ, океанный граде, яко потрясешися много и огнемъ одержимъ будеши; оплачетъ же ты, и при

мѣстехъ собываются створенаа стоящаа, ова на отвращение животенъ четвероногъ, птица могущи вредити чловѣкы, другыя же на воздержаніе струамъ рѣчнымъ, невоздержанно текущимъ, но и на нѣкаа на тлѣнне и вредъ чловѣкомъ сущаа на побѣжение стоать. И не точю бо за живота его така и таковаа сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знаменія творяху во имя его на прелщение оканным чловѣкомъ бошию крадомымъ на таковаа отъ дьявола». Кто убо что речеть о творящихъ волшебныхъ дѣлъ? яко то таковый гораздъ бысть, волшебнымъ прелщениемъ, яко воину зазряше вѣдый Аполоній, яко неистовъ на ся философскую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, якоже и азъ, словомъ точю творити, ихже хотяше, а не свершениемъ творити повелѣваемаа отъ него. Таже вся ослабленемъ божимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещми искушати ся нашаа православныа вѣры, аще тверда есть искръ пребываюци господеви, и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимомъ отъ рабъ и слугъ злобіе 2-е. Еще же но именемъ господнимъ пророчествоваша нѣщии, яко Валамъ, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси наки изгнаша, яко Июда и сынове Скевави. Убо и не на достойныхъ благодѣтельствуеть многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валам обоихъ бѣ щюжъ, житяа изящна и вѣры, но обаче свѣдѣтельство в немъ благодать инѣхъ ради смотреннаа. И Фараонъ таковый бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Новходносоръ законопреступный, но и сему пакы по мнозѣхъ сущихъ последи же

брезъ сы Ореитий». О нем же убо и великій Анастасій божія града рече: «Аполонію же даже и донынѣ на нѣщѣхъ мѣстѣхъ сбываются створенныа стоящаа, ова на отвращеніе животинъ четвероногъ и птица, могуще вредити чловѣкы, другая же на воздержаніе струамъ рѣчнымъ, невоздержанно текущимъ, но и на нѣкаа на тлѣнне и вредъ чловѣкомъ сущяа на побѣжденіе стоать; и не точю бо за живота его така и таковаа створиша бѣсове его ради, но еще и по смерти его прибывающе у гроба его, знаменія творяху о имя его на прелщеніе оканным чловѣкомъ, отъ инудъ крадомом отъ дьявола на таковаа». Кто убо что речеть о творящихъ волшебныхъ дѣлъ? яко то таковый гораздъ бысть волшебнымъ прелщениемъ, яко воину зазряше, *вину* вѣдый Аполонія, яко неистово нося философскую *мудрость* и хитрость имуще: подобаше ему, рещи, якоже и азъ, словомъ точю творити, ихже хотяше, а несвершеніемъ творити повелѣваемаа, отъ него. Та же вся ослабленіемъ божимъ и твореніемъ бѣсовнымъ бываетъ, да таковыми вещми искушати ся нашаа православныа вѣры, аще тверда есть и искръ пребываюци господеви, и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинскихъ дѣлъ, створимомъ отъ рабъ и слугъ злобіе двое. Еще же но именемъ господнимъ пророчествоваша нѣщии, яко Валамъ и Саулъ и Каиафа, и бѣсы пакы изгнаша, яко Иуда и сынове Скевави. Убо и не на достойныхъ благодать дѣтельствуеть многажды, да етеры свѣдѣтельствуеть, ибо Валам чюжъ бѣ обоихъ, житіяа изящна и вѣры: но обаче свѣдѣтельствова о немъ благодать, инѣхъ ради

рѣть имуть, отзидоша въ своасы, а Болгаре со Греки соступишася, и переспичени быша Греки. Семеонъ же приа градъ Одрѣнъ, иже первое Арестовъ градъ нарицашеся сына Агамемнонъ, иж во 3-хъ рекахъ купався недуга избы, ту сего градъ во имя свое нарече, последи же Андрианъ кесарь ѿ обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовемъ Андриѣнемъ градомъ.

поемъ, приведи в Константинъ градъ. Яко сложившемся Печенѣгомъ прешедше Дунавъ на Семеона воевати. . . Септеврѣа же мѣсяца индикта 3 Панъкратук Арменинъ Одринъ градъ Семону подаетъ, иже древле бо Орестіанъ градъ нарицашеся отъ Ореста, сына Агамѣна, і онъ же. . . въ трехъ рѣкахъ купався недуга избывъ, тоу сего града създавъ въ свое имя нарече, Андрианъ же кесарь твердымъ и добрымъ създаиѣмъ възвеличилъ его, Андрианъ градъ имя ему нарече.¹

Весьма замечательно, что подчеркнутому в тексте «Повести временных лет» нет соответствия у продолжателя Амартола. Правда, он сообщает ниже о поражении греков: «Мѣсяца же августа въ 20 индиктиона пятого *сѣстоупъ бысть между Болгары и Греки*; оу рѣкы, глаголемыа Ахолонесъ, бишася, якоже соуть божиа оправданіа, яко не испытана и не исслѣдована, побѣждени быша Греци съ вѣми вои, и бысть побѣгъ бошию, и страшно рыдание с кричаниѣмъ, и друютъ друга топчюще, иніи отъ противныхъ посякаемы, и крове же пролитіе яко отъ вѣка не бысть». Еще ниже сообщается и о распре между греческими воеводами и об удалении печенегов: «Но Иоаннъ Вога глаголемый привести Печенѣгы, яко же рече, повелѣно же друнгарьєви Роману привести сиа на Болгары, яко помогоуть Леонтоу и Фоцѣ. Романъ же Иоаннъ Вога в реть и *въ слово сварение съшедшємася, видѣвши же Печенѣзи межси собою реть гоняще* и противящєся *отзидоша въ своасы*». Я подчеркнул в обоих отрывках то, что соответствует тексту «Повести временных лет». Мы видим, следовательно, здесь свободное пользование текстом продолжателя Амартола. Поражение греков имело место в 5-й индикт, поэтому в 6425 (917) г., между тем оно вставлено в рассказ 6423 (915) г. Хронологическое указание 6423-го г. могло быть извлечено из греческого текста, где указан 3-й индикт. Ниже вернусь еще раз к рассматриваемому отрывку, в виду того что полного соответствия тексту продолжателя Амартола он не представляет.

18) Известие «в лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ». Заимствовано из продолжателя Амартола. Ср. «Въ 24 день септеврѣа мѣсяца почтенъ бысть Романъ царевымъ саномъ, а декабря мѣсяца въ 17 день, в недѣлю праотець, въ царскый вѣнецъ вѣнчанъ бысть Костянтиномъ царемъ и Николою патриархомъ. В лѣто 6428 индикта 8 генваря мѣсяца 6 святыхъ богоявленіи день вѣнчаеть царь Феодору жєноу его царицею», и т. д. Греч. текст у Муральта, стр. 816.

19) Следующий отрывок, восходящий к продолжателю Амартола, отнесен к 6437 (929) г.

¹ В греч. тексте у Муральта, стр. 805.

Приде Семеонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, и в гордости, и створи миръ с Романомъ царемъ, и възвратися въ свояси.

Септеврѣа мѣсяца дни 2 Сѣмеонъ князь Болгарьскый изиде и поплѣни Фракию и Македонію, поужьже вся и потреби и сады изстѣче; до Влахерны же пришедшоу емоу, проси же да пошлетъ ему Николу патріарха и нѣкоихъ велможь, яко да с ними бесѣдоу створить о мирѣ. . . Приде Семеонъ множество много по себѣ вода, на многы полки раздѣли, овы за златыми щиты и съ златыми копѣи, инѣи же различными копѣи оружіи оукрашени, встѣмъ желъзомъ оутверженомъ, си же посредѣ собе имѣахоу Семена, яко царя славяще гречьскымъ саномъ. . . поманоу миръ да створита целовавшеся, ибо друугъ друуга разидостася. . . Семеонъ же въ свои пришедь. . .¹

Слова «въ силѣ въ велицѣ и в гордости» извлечены, вероятно, из более подробного описания того великоления, с которым под стенами Царяграда Семеон принял царя Романа. В списке, которым пользовался составитель «Повести временных лет», читалось, вероятно, не «септеврѣа мѣсяца дни 2», а «септеврѣа мѣсяца индикта 2». Ср. по-гречески: «Σεπτεμβρίφ δὲ μηνί, ἰνδixτιῶνος β'».

На основании указания индикта и дано хронологическое определение 6437 г. Но здесь ошибка в греческом оригинале: «β'» вм. «β'», ибо событие имело место в 6432 г. (Ср. Muralt, Essai de chronologie Bys., p. 502).

20) Под 6442 (934) г. читаем: «Первое приидоша Угре на Царьградъ, и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со Угры». Это заимствовано из продолжателя Амартола, ср.: «Бысть же война прѣваа Оугрьскаа на Греки априля мѣсяца; си же дошедше Костянтина града плѣняхоу всю Фракійскоу страну. Посланъ оубо патрикій Феофанъ протовестіаріи, пападистевонъ саномъ с нимъ да створить миръ. Се же дивно и разумно ихъ подыде яко хотяше тако и створи» (Унд. и Увар. Греч. текст у Муральта, стр. 840—841). В дошедших до нас списках болгарского перевода продолжателя Амартола опущено название индикта, ср. по-гречески: «ἰνδixτιῶνος ζ' Ἀπριλίφ μηνί»; ср. в Увар. списке ошибочное чтение перед названием месяца: «инд априля мѣсяца». Составитель «Повести временных лет» на основании 7-го индикта и отнес это событие к 6442 (934) г.

21) Нижеследующее сообщение только отчасти основывается на продолжателе Амартола. Главное основание взято из другого источника — Жития Василия Нового. См. об этом ниже. Текст продолжателя Амартола даю по Увар. и Унд.

¹ Греч. текст у Муральта, стр. 824—827.

В лѣто 6449. *Иде Игорь на Греки, и яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, скѣдй 10 тысящъ. Иже и поидоша, и прилуша и почаша воевати Виѳиньскія страны, и воеваху по Понту до Иракліа и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплънившіе, и Судь весь пожьгоша; ихже емше овѣхъ растинаху, другія аки стража поставляюще и стрѣляху въ ня, и изымаху, опаки рудѣ съвязавше, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырь и села пожьгоша, и имъня немало отъ обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ востока, Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекий съ Макидоны, Федоръ же стратилатъ съ Фраки, с ними же и сановници боярстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша взоружившися на Греки, и брани межю ими бывши злѣ одва одолъша Гръци; Русь же възвратишася къ дружинѣ своей къ вечеру и на ночь влъзоша в лоды и отбѣгоша. Феофанъ же сусрѣте я въ олядехъ со огнемъ, и пуцати нача трубами огонь на лодѣ Руския и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видяци пламянь, вмптахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възвратишася въ свояси. Тъмже пришедшимъ в землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ иолядьнемъ огни: «якоже молонья, рече, иже на небестѣхъ, Гръци имуть у себе, и се пуцающе жезагаху насъ, сего ради не одолъхомъ имъ».*

Июня же мѣсяца 18 день 14 индикта приплу Роусь на Константинъ градъ лодіи тысящъ 10, иже и скѣди глаголемъ, отъ рода Варяжьска соуцимъ. Посланъ же на ня въ трырьхъ, рекше оляди и дромоны, елико бязу въ Константинъ градъ. Патрикій Феофанъ, породинастевонъ и протовестиаріи саномъ, воя же лодіинья преже оурядивъ и оуготовивъ, постомъ же и слезами себе нача оутвердивъ. Роуси де оожидаше въ лодияхъ, на ня хотя ити искръ стлѣпа, глаголемаго Форостражничя, в неиже и огонь влагаемъ на просвѣщеніе въ ноци шествующимъ. Се на оутріа Боуѣина Понта, сирѣчь добрододна Понта, стражею дѣя, съ преложеніемъ, имя наречено злородны бо, зане частое тоу разбойничѣство на страшныя нагнаніе, ихъже изби Иракліи, якоже глаголетъ и тмишму полоучивше поутници, сего добрододна Понта нарекоша, въ Еро рекше въ святое глаголемо напрасно възложи, его же ради другое имя пріятъ, зане скоро лодіами тоу приходящимъ, тоу създа церковь. Таче въ своей дромоны приплувъ, полкы Роусьскимъ лодіамъ раздроуши и оустроеномъ огнемъ много сжесе. Прокъ же лодіи обратишася на бѣгъ, яко мужъ же рекше послѣдуяи. И прочіи дромоны оляди погнавши свершеную створиши побѣду; многы же лодіа погрязоша съ мужи, многы же оуязвиша, многы же живы яша. Оставили же оубо на вѣсточную страну, въ Агора глаголемаа, приплуша. Посланъ же тогда и Варда Фока берегомъ се сноузники лоучыша сихъ послѣдовати. И се Русь хусы послаша въ Виниискыя¹ яко да пицу имъ и

¹ Читайте: в Виѳиньскія страны: πρὸς τὰ τῆς Βιθυνίας ἕρπ.

прочее принесоуть. Приключися сеи хусть Варда Фока, зль сіа приложси, побѣдивъ исъще я. Съниде же Иоаннъ магистръ и доместикъ столомъ, Кзркуя глаголемыи, съ вѣсьми вѣсточными вои, многихъ погуби, разшедшимся стѣмо и онамо и изимая, яко оубоявшимся имъ страха его нападаніа пребывати вкупѣ оу своихъ лодіи, никакоеже, оттѣкывати державящимъ. Много же и велиа зла створиша Русь, прже даже Гречьскимъ воемъ не пріити. Тогда бо оузмень глаголемыи Соудъ, всѣ пожгоша.¹ А ихже емше плѣнники овѣхъ растинаху, ины же къ земли присѣкиваху, другыя же яко стража² поставляюще стрѣлами стрѣляху, елико ратному чиноу изъимахоу, опако руцѣ связавше, гвозди желѣзныи посреди главы вѣбиваху имъ; много же святыхъ церкви огневи предаша. Зимъ же наставаюци и брашна не имуще, пришедшихъ же вои боящеса, паче же воемъ лодіиннымъ соущимъ въ оляди, съвѣщаиися въ свояси ити и се оутаитися лодіинныи силъ тѣшахуся, септеврїа мѣсяца, индикта 15, ноцію оустремившеса прїидоша на Фракїискы страны. Прже реченымъ Патрикїемъ Теофаномъ оусрѣтени быша, никакоеже можсашу оутаитися, бодроую его и доблюю его доушию. Паки же 2-и лодіинныи вои съчтася и многы лодіа погрузи, многы же отъ нихъ избїи прже нареченыи сѣи мужь, мало же ихъ в лодіяхъ избыша и к рѣцѣ глаголемыи Коули приринушыся, ноци же наставши бѣжаша. Теофанъ же патрикии с побѣдою свѣтлою и великимъ одолнїемъ вѣзвратися, честно и велелѣпно прїятъ и паракїимоумень царемъ.³

¹ τότε γὰρ Στενὸν λεγόμενον ἄπαν ἐνέπρησαν. ² ὡσπερ σκοπούς. ³ Греч. текстъ у Муральта, стр. 841—843.

Я нарочно привел весь текст продолжателя Амартола для того, чтобы показать, как мало из него заимствовано; возможно, впрочем, сообщение о встрече Феофаном русских кораблей и сожжении их огнем — перифраз греческого текста. Несмотря на скудость заимствований в этой статье, входящих к продолжателю Амартола, можно, однако, с уверенностью утверждать, что «Повесть временных лет» пользовалась текстом продолжателя Амартола в соединении с другим источником. Ср. указание на «10 тысящ скѣдй», причем словом «скѣдия» переведено непонятое греческое *Δρομίται*: *μετὰ πλοίων χιλιάδας ί, οί καί Δρομίται λεγόμενοι*; далее, отсюда же взято пояснение *Сουδ* при «оузмень», которым передается греческое: *τὸ Στενόν (τότε γάρ Στενόν λεγόμενον ἅπαν ἐνέπρησαν)*. Равным образом из продолжателя Амартола заимствовано хронологическое определение, 6449 (941) г.; он определен по указанному в греческом тексте 14 индикту. Весьма вероятно, что составитель «Повести временных лет» обратил внимание и на указание, что Русь от рода Варяжска; он не воспользовался им в рассматриваемой статье, но оно подтвердило его взгляд, настойчиво, как увидим, им проводимый, на то, что Русь — это варяжское племя.

22) Под 6450 (942) г. читаем: «Семевонъ иде на Храваты, и побѣжень бысть Храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, Болъгаромъ». Ср. у продолжателя Амартола: «Маиа мѣсяца въ 27, индикта 15, Семеонъ, князь Болгарьскыи, на Хъвраты подвиже воиноу и съступоу бывшую, побѣжень бывъ и суцая съ нимъ вся иссѣче. Тѣмъ неиспѣлноу болѣзнію по сердце ятъ, погыбе безаконновавъ всеу. Петра сына своего постави княземъ». Ср. в греч. тексте у Муральта, стр. 830. Хронологическое определение, 6450 г., основано на указании 15 индикта; оно ошибочно, ибо Симеон умер в 6435 (927) г., который также падал на 15 индикт.

23) Под 6451 (943) г. читаем: «Паки придоша угри на Царьградъ и миръ створивше съ Романомъ, възвратишася въ свояси». Ср. у продолжателя Амартола: «Индикта 1 априля мѣсяца придоша паки оугри съ мноюю силою. Патрикии же Феофанъ паракимоумень, изшедь, клятвы мирьскыи створи с ними, тали и отъ нарочитыхъ моужь поять». Увар. и Унд., ср. греч. текст у Муральта, стр. 844. И здесь по-гречески *Τούρκοι*. Хронологическое определение, 6451 г., основывается на указании 1 индикта у продолжателя Амартола.

24) Под 6527 (1019) г. за сообщением о смерти Святополка, приключившейся в пустыне между ляхами и чехами («прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животь свой»), следует в «Повести временных лет» такое замечание: «Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшоу нань, по отшествіи сего свѣта прияша муки, оканьнаго: показоваше явѣ посланая пагубная рана, въ смерть немѣлостивно вѣгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ».

Это место заимствовано из Амартола, где читаем: «Оканьныи же Иродъ за неколико днии тляемъ и червьми растачаемъ, злѣ житье си разори, яко же и нечистивыи отець его, ибо то на Христа начать: сверстыиыи его дерзнувъ оусѣкноу, сведеноу еще сы въ житіи, нелѣпо и хоулно житье си испроверже, егоже по правдѣ яко неправеднаго, соудоу пришедшоу по отше-

ствии сего свѣта пріяша моукы оканьнаго, показавше явѣ образъ, абые пріяты сего отъ бога послана рана пагоубная въ смерть немилостивно вьгна» (ὄνπερ ἐνδίκως ὡς ἄδικον ἢ δίκη μετελθοῦσα τὰ μετὰ τὴν ἐνθένδε ἀπαλλαγὴν διαδεξόμενα τὸν ταλαίπωρον κόλαστήρια διεδείκνυ φανερώς προίμια. εὐθύς γὰρ καταλαβοῦσα τοῦτον θεήλατος καὶ ὀλέθριος μάστιξ εἰς θάνατον ἀργαλέον συνήλασεν). См. греч. текст у De-Boor, I, 310. Очевидно, из Амартола заимствовано и выражение «испроверже злѣ животь свой», ср. «нелѣпо и хоулно житѣ си испровѣрже», а выше — «злѣ житѣ си разори».

25) Под 6604 (1096) г. читаем по поводу происхождения Половцев: «Друзии же глаголють сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Срацини отъ Измаила творятся Сараве (чит. Агаряне?) и прозваша имя собѣ Саракыне; рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дщерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмъ же нечисто есть племя ихъ, а Измаиль роди 12 сына». Повидимому, кое-что здесь из Амартола. Ср. «Лоть же роди 2 сына от обою дщерю своею, Моава и Амона, отъ нею же Моавитяне и Аманитяне» (греч. текст у Муральта, стр. 73); ниже: «Се же отъ Измаила възрастоша Измаилтяне, нынѣ глаголемии Агаряне и Срацини, отъ Егюптявыни Агары, яко речено бысть, *от Сары же Саракыне*» (подчеркнутые слова опущены в известных мне списках Амартола, но по-гречески: «διὰ μὲν τῆς Αἰγυπτίας Ἄγαρ, ὡς εἴρηται, Ἀγαρηνοί, διὰ δὲ τῆς Σάρρα, Σαρακηνοί» Муральт, стр. 75) Ниже: «таче пакы глаголетъ писание рожьшихся отъ Измаила: первѣнецъ сынъ Измаиль Навѣсофъ и Кидаръ и Навсилъ и Масисанъ и Мазма и Идоума и Маси Ходадъ и Феданъ и Евоуръ и Нафосъ и Кедема. Си соуть сынове Измаили князи 12 по странамъ же своимъ кѣждо вѣселися» (по-греч. у Муральта, стр. 74).

26) Под 6573 (1065) г. летописец, рассказав о нескольких знаменьях, бывших в его время, заключил свое сообщение следующим замечанием: «Сеже бывають сѣца знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ, яко же древле, при Антиосѣ» и т. д. Приведенные данные имеются все у Амартола.

Яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на въздусѣ на конихъ рищюцимъ, въ оружьи, златы имуща одежда, и полкы обоявляемы, и оружьемъ движающимся: се же проявляше нахоженье Антиохово нашествие на Иерусалимъ.

Святому же граду живоущю вѣсѣмъ миромъ святительскаго ради Онцова, ненавидящему лоукавствыя благочестья ключися по всемоу граду въскорѣ за днии 40 являтися на въздуосѣ на конихъ рищюще въ оружьи златыя одежда имоуще и полци обоямо бывающа и оружию двизания и златыя красоты блистанія всякымъ видомъ облечены въ брѣня. Сего ради и моляхоуся, да благо боудеть являемое; явленье же проявляше злое пришествие Антиохово.¹

¹ По-греч. у De Boor'a, I, стр. 287; у Муральта, стр. 208.

Посемь же при Неронѣ цесари в томъ же Иерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копийный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньявѣ цесари, звѣзда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посемь же бысть звѣздамъ теченье, с вечера до заутря, яко мнѣти всѣмъ, яко падаютъ звѣзды, и паки солнце без лучъ сьаше: се же проявляше крамолы, недужи, чловѣкомъ умертвие бяше.

Паки же при Маврикии цесари бысть сице: жена дѣтище роди очю и без руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ приросль; и песь родися шестоногъ; въ Фракии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другой о двою главу.

Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ: отторгаху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину. Тогда же въздохъ възлияся повелику, в Сирии же бысть трусь великъ, земли расѣдихся трий поприщъ, изиде дивно изъ землѣ мѣска, чловѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитѣ языка, еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю.

Посемь же явися звѣзда надъ градомъ образомъ копья.

Выше: тѣмъ имъ страшная знаменья показываше хотящи быти имъ плѣнение.¹ И звезда явися велиа на западнѣи странѣ свѣтла выспръ испущаа лоуча, юже именоваху лампадию, рекше блистаницю; и пребысть за дни и ноци 20 сияюще. Тако же быша по всемоу миру народовластие и оубиство много. И во времени етери бысть звѣздамъ течениѣ с вечера даже и до оутриа, яко всѣмъ повидитися и глаголати, яко звѣзды падаютъ; и за мало паки солнце без лоучя свѣтѣше, яко лоуна. Крамоли же и недужи и оумертвие чловѣкомъ болшею не престояхоу.²

При томъ жена дѣтище роди въ Костянтини градѣ безъ очию и безъ роукоу, въ чресла емоу бѣ рыбѣи хвостъ приросль бѣ, въ образъ чрепокожныа рыбы; и песь родися шестоногъ, главоу имѣя лво вообразенъ, бысть же превелии зѣло; такоже и въ Фракии два дѣтища родистася, единъ о четырехъ ногахъ, а другой о двою главоу.³

И априля мѣсяца течение звѣздное бысть на небеси и оттрѣгахоуся на землю, яко видящимъ мнѣти соуще оуже кончинѣ. Тогда же въздохъ възлияся повеликоу и гладъ велии. . . В Сирии же бысть трусь велии и много падение. . . Земля же и Междоурѣчье за поприща 3 разоѣдихся и етероу въскипѣвши бѣлоу и пѣсочноу землю, изиде дивно из неа мска, чловѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитие языкомъ, еже и бысть вборзѣ.⁴

¹ По-греч. у De-Boog'a, I, 379; у Муральта, стр. 281. ² По-греч. у De-Boog'a, II, 643; у Муральта, стр. 540. ³ Ср. в греч. у De-Boog'a, II, 656—657; у Муральта, стр. 555 (текст Муральта не соответствует болгарскому переводу). ⁴ Ср. в греч. у De-Boog'a, II, 759—780; у Муральта, стр. 653.

Сопоставьте выше: По смерти же богоненавистнаго Бохмита явися на полоудне звѣзда глаголемаа идокить, реще яко копие, проповѣдаа Аравитянь сихъ власть. И пребысть за дніи 30, простираемъ отъ полоудне даже и до севера копииномъ образомъ. Томъ же лѣтѣ воеваше Аравитяне си, древле глаголеміи Срацини и Аравию оставльше придоша въ страны Дамаскины. . . И преславноую святоую митрополию царя великаго и Спаса нашего и Ерусалима дрѣжать лукавіи весма и нечестивіи Срацини.¹

Ниже приведу основания, которые побуждают меня признать все эти заимствования восходящими не непосредственно к Амартолу, а к особому хронографу, включившему в свой состав текст Амартола. Дело в том, что эти статьи читаются и в Новгор. 1-й летописи по Ком., Акад. и Толст. спискам, а мы видели, что этот памятник, восходящий к Софійскому времени, положил в свое основание не «Повесть временных лет», а более древний летописный свод; этот свод не знал Амартола, но внес в свой состав несколько статей из указанного хронографа.

В заключение сделанных мною выше указаний на заимствования из Амартола, напому, что в числе их имеются и хронологические определения. Сюда относится 6376 (868) г., как начало царствования Василия: он получился от присоединения к 6360 г., принятому за начало царствования Михаила, цифры 16; это — итог лет царствования Михаила: Михаил, по продолжателю Амартола, царствовал с матерью Феодорою 4 года, один 10 лет, а в соправительстве с Василием 1 год 4 мес.; следовательно, всего 15 лет 4 мес., что округлено в 16 лет. На самом деле Михаил начал царствовать в 6350 (842) г. и скончался в 6375 (867) г.; ошибка болгарского перевода произошла от того, что он, следуя Ватиканскому или сходному с ним списку, число лет соправительства Михаила с матерью своею Феодорою определял 4-мя («царствова с матерью своею лѣта 4»), между тем как на самом деле это продолжалось 15 лет (так в одних списках продолжателя Амартола), или 14 лет (так в других его списках). Далее, на основании продолжателя Амартола определен 6395 (887) г.: Василий царствовал 19 лет, следовательно, начало царствования его сына Леона приходилось на 6395 г. Действительно, Василий царствовал между 6375 (867) и 6395 (886) г. На основании продолжателя Амартола вычислен и 6421 (913) г., как начало царствования Константина; он получился от прибавления к 6395 г.

¹ Ср. в греч. у De-Boor'a, II, 707 и 716; у Муральта, стр. 598 и 604.

числа лет царствования Леона — 26 (царствование Леона и брата его Александра определяются продолжателем Амартола цифрой 26). На самом деле Леон царствовал между 886 и 911 г., Александр между 886 и 912 г.; год вступления на царство Константина 6420 (912). 6423 (915) г., как год похода Симеона против Греков, определен, как мы видели, на основании того, что продолжатель Амартола отнес поход на 3-й индикт, приходившийся именно на 6423 г.; на самом деле этот поход, равно как взятие Болгарами Адрианополя, относится к 6421—6422 (913—914) г., а последовавшая затем победа Болгар над Греками после оставления их Печенегами к 917 г. 6428 (920) г., как год поставления Романа на царство, заимствован прямо из продолжателя Амартола; действительно, Роман Лакапин вступил на царство в 6428 (920) г. 6437 (929) г., как год похода Симеона на Царьград, явился, как мы видели, в результате неправильной догадки составителя «Повести временных лет»; у продолжателя Амартола указан 2-й индикт, что также ошибочно, ибо на самом деле событие это относится к 6432 (924) г. (Σεπτεμβρίῳ δὲ μηνὶ ἰνδικτιῶνος β', вероятно, вм. Σεπτεμβρίῳ δὲ μηνὶ ἰνδικτιῶνος β'); отмечу, что Симеон умер в 6435 (927) г., но ошибочное отнесение его смерти, опять-таки на основании указанного продолжателем Амартола индикта, на 6450 г. позволило составителю «Повести временных лет» отнести его поход на 6437 (929) г., когда его не было в живых. 6442 (934) г. определяет нашествие Угров на Фракию: он высчитан по данному у продолжателя Амартола 7-му индикту и соответствует действительности. 6449 (941) г., как год похода Руси на Царьград, определен тем же способом, ибо у продолжателя Амартола указан 14-й индикт; поход Руси имел место действительно в 941 г. Происхождение 6450 (942) г., как года смерти Симеона, указано выше: указание ошибочное, основанное на 15-м индикте у продолжателя Амартола; между тем 15-й индикт приходился на 6435 (927) г., когда на самом деле умер Симеон. Наконец, последний год 6451 (943) г., которым определяется нашествие Угров на Царьград, определен на основании данного у продолжателя Амартола указания на 1-й индикт.

Неясными остаются следующие хронологические определения: 6366 (858) г., как год крещения Бориса; событие это на самом деле имело место в 864 или 865 г. У Симеона Логофета указано, что поход имел место в 4-е лето Михайлово (его единовластия): это приходилось на 860-й г. Далее, 6374 (866) г., как год первого похода Руси на Царьград; «Повесть временных лет» определяет его 14-м годом царствования Михаила, но 14-й год не дан продолжателем Амартола, а извлечен из сопоставления уже вычисленного 6374 г. с 6360 г., годом воцарения Михаила. Затем 6410 (902) г., как год похода Греков в союзе с Уграми против Симеона болгарского. Наконец, 6419 (911) г., как год явления кометы. Год явления кометы (911—912) мог бы быть извлечен из продолжателя Амартола, указавшего на явление кометы в царствование Александра; но составитель «Повести временных лет» отнес явление, очевидно, к концу Леонова царствования, ибо под 6420 (912) г. упоминает о Леоне как о живом. К некоторым из приведенных годов, не выясняющимся из продолжателя Амартола, вернусь ниже.

3. „Никифоров летописец вскоре“

Основания для признания этого памятника одним из источников «Повести временных лет» указаны ниже. Его греческое заглавие — *Νικηφόρου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως χρονογραφικὸν σύντομον*; некоторые списки представляют и другие немного отличные заглавия. Он составлен Константинопольским патриархом Никифором (806—815, умер 829) и содержит хронологический перечень главнейших событий вселенской истории, доведенный до года смерти автора. Из новейшего издания Никифорова летописца, подготовленного С. De-Воог'ом,¹ видно, что дошедшие до нас его греческие списки распадаются на две семьи, существенно между собой отличающиеся и в составе и в текстуральной передаче памятника. К первой семье издателем отнесены 6 списков, ко второй 4. Список императоров в первой семье оканчивается указанием на годы царствования Василия Македонянина, причем список L (Охон. Laudianus, 39) называет еще и преемников Василия: Леона, Александра, Константина Багрянородного с матерью, Романа и Константина Багрянородного единоподержавного (без указания лет правления этого последнего), список S (Paris, Supplém., 67) продолжает список до последнего Палеолога и оканчивается известием о битве турок с венецианцами 1537 г., список M (Monacensis Graecus, 510) доведен до смерти Иоанна Цимисхия 6484 (976) г. Список императоров во второй семье оканчивается смертью Михаила III, но некоторые рукописи прибавляют *βασιλείος ἔτη*, одна из рукописей только *βασιλείος*, а рукопись O (Охон. Aust.): *βασιλείος ἔτη ιθ' . Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ σοφὸς μῆνα ἀ' ἡμέρας θ' .* Существенным отличием в списках императоров между обеими семьями является еще и то, что в первой семье перед царствованием Феофила подведен итог предшествующим годам словами: *Ὁμοῦ τὰ πάντα ἀ πὸ Αδάμ ἕως τελευτῆς Μιχαὴλ ἔτη ζτλη* (т. е. 6338); а во второй семье итог подводится после указания на лета царствования Михаила III и Василия (а в O. — после Леона), причем он содержит краткий перечень главнейших ветхозаветных событий с указанием лет, протекших между ними, и оканчивается сообщением числа лет от Христа до Константина и от Константина до Феофила (очевидно, до смерти Феофила, ибо дана цифра *ζτν*: 6350). Нельзя не признать основательным соображение De-Воог'а, полагающего, что редакция первой семьи ведет нас к труду самого Никифора, скончавшегося в 829 г., хотя и в ней кое-что принадлежит позднейшему редактору (напр., приведенное выше указание на число лет от Адама до смерти Михаила II, умершего несколькими месяцами позже Никифора). Распространенная же редакция второй семьи (доведенная во всех списках до смерти императора Михаила III) возникла во всяком случае до 870 г., ибо в этом году она была переведена на латинский язык Анастасием Библиотекарем и включена в его *Chronographia tripartita*.

Славяно-русский перевод Никифорова летописца, известный по многим спискам, ведет нас к первой редакции этого памятника. Могут сослаться на тщательно исполненную работу Н. В. Степанова, помещенную в «Изве-

¹ Nicophori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880.

стях Отд. русск. яз. и сл.» за 1912 г., кн. 2 и 3.¹ Русские списки распадаются на две группы: 1) нераспространенной, первоначальной редакции: представителем ее может служить список, содержащийся в Кормчей XVI в. (Гос. Публ. библ. F II 250); ближе всего текст славяно-русского перевода к списку L (Охон. Laudianus, 39), но в конце греческого списка, легшего в основание славянского перевода, не было читающихся в L добавлений; он, судя по списку Кормчей Гос. Публ. библ., оканчивался указанием на то, что Лев и Александр царствовали 26 лет; 2) распространенной редакции, древнейшим списком которой служит Синодальная Кормчая Новгородская 1282 г. (по этому списку летописец Никифора издан в ПСРЛ I, 248—252, а также Н. В. Степановым в Изв. ОРЯС 1912 г., кн. 3; впрочем, она сохранилась в некоторых позднейших списках в более древних изводах, напр., в Никоновской летописи (ПСРЛ, IX), в историческом сборнике XVII в., принадлежавшем И. И. Срезневскому (Изв. АН I серии, VIII, стр. 390—393). Распространенная редакция отличается от нераспространенной вставками двойного рода: во-первых, сведениями о семи вселенских соборах, причем даются указания на предметы занятий каждого собора, а промежутки между ними определяются особым счетом годов; как верно указано Н. В. Степановым, эти сведения почерпнуты из Кормчей. Так, в Рум. Кормчей № 230 и в упомянутой выше Кормчей Гос. Публ. библ. читаются сначала «Разумъ 7 съборъ колико лѣтъ отъ коегождо скончяся», а затем после символа веры перечень шести первых соборов с указанием на число присутствовавших на них отцов и данными о задачах этих соборов. Можно думать, что распространенная редакция составила именно в Кормчей. Кормчая Гос. Публ. библ. представляет первоначальную редакцию летописца и дает за нею сведения о соборах, Синодальная Кормчая включает в текст летописца сведения о соборах. Во-вторых, распространенная редакция отличается от первоначальной вставками из русской летописи, а именно из «Повести временных лет»; вставки начинаются словами, помещенными за указанием лет царствования Михаила: «При сего царствѣ придоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ, рѣша: земля наша велика и обилна». За первыми русскими вставками сохранились только две фразы, восходящие к Никифорову летописцу: «по Михаилѣ цѣсарь Василии лѣтъ 18 и мѣсяць 11» и «Левъ и Олександръ сына Василья цѣсаря лѣтъ 26». Текст распространенной редакции по списку Никоновской летописи доходит до слов «а въ Руси поча княжити Игорь, а Олегъ умре»; в упомянутом выше сборнике И. И. Срезневского — до известия о Калкской битве 1224 г., в Новгородской кормчей — до 1278 г., смерти ростовского князя Глеба Васильковича.²

¹ Н. В. Степанов. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей.

² Греческие события в распространенной редакции, читающиеся после сообщения о царствовании Льва и Александра, могут быть все возведены к «Повести временных лет»; семь лет царствования Константина определены по «Повести временных лет»; ср. 6421—6428 (но почему Константин назван зятем Романовым, неясно; в «Повести» этого указания нет); тридцать шесть лет царствования

Перехожу к «Повести временных лет». Находящаяся в ней хронологическая выкладка под 6360 (852) г. не может восходить к Амартолу и его продолжателю. Правда, отдельные места из нее могут быть возведены к Амартолу, напр., указание на число лет от Адама до потопа — 2242 (ed. Murgalt, 39), но ряд других чисел не отыскивается у Амартола; нет у него также указания на то, что от начала нашей эры до Константина прошло 318 лет, а от Константина до Михаила 542 г. Гораздо вероятнее возводить ее к Никифорову летописцу, где отыскиваются все приведенные в хронологической выкладке «Повести временных лет» данные. Впрочем, допущение, что источником рассматриваемой статьи «Повести временных лет» является только что рассмотренный славянский перевод Никифорова летописца в первой его редакции, встречается со следующими серьезными затруднениями.

Во-первых, надо было бы признать, что кропотливая выборка цифр сделана самим составителем из текста Никифорова летописца, так как в нем, в первой его редакции, нет краткого итога приведенных в тексте дробных данных; во-вторых, славянский перевод опустил некоторые из читающихся в греческом оригинале цифр, нашедших себе соответствия в «Повести временных лет»; напр., опущено число лет от потопа до Авраама; в-третьих, видим ряд несоответствий данных «Повести временных лет» данным греческого текста первой редакции Никифорова летописца: так, число лет от потопа до Авраама определяется в «Повести временных лет», 1082, а в первой редакции Никифорова летописца 1072 (ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη ~~καὸβ'~~); число лет от Авраама до исхода из Египта определяется в «Повести временных лет» 430, между тем в Никифоровом летописце 505 («отъ Авраама до исхода лѣтъ 505»), причем сделанное выше в этом летописце указание на то, что от призвания Авраама до исхода из Египта прошло 430 лет, осталось непереверденным по-славянски; в-четвертых, в первой редакции нет цифры 318 для обозначения числа лет от пленения Иерусалима до Александра; нет в ней также цифры 318 для лет от начала нашей эры до Константина.¹

В виду всех этих соображений считаю необходимым признать, что «Повесть временных лет» не имела в своем распоряжении славянского перевода первой редакции Никифорова летописца. Нижеследующие данные убеждают, что составитель «Повести» использовал вторую редакцию Никифорова летописца, бывшую, очевидно, также известною в славянском переводе. Дело в том, что вторая редакция отличается, как было указано выше, от первой тем, что содержит в конце краткий итог предшествующих хронографических данных, начинающийся словами: *Συναγονται δὲ ἔτη*

Романа определены по «Повести»; ср. 6428—6463, причем 6463 г. принят за первый год Цимисхия, как это и оговорено ниже; принят же он потому, что под этим годом упомянут впервые Цимисхий.

¹ В тексте Никифорова летописца цифра 318 обозначает число лет от начала нашей эры до 1-го собора (в слав. тексте: «отъ възнесения Христова, до 1 сбора лѣтъ 318», но в греч.: *ἡ πρώτη σύνοδος γέγονε τῶν τῆν πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ ἔτους τῆν ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ*).

οὕτως, ὡς ὑποτίθεται. В этом итоге и находим полное соответствие данным хронологической выкладки «Повести временных лет». Для доказательства привожу выкладку по Лавр. летописи с исправлениями, внесенными из других списков, и даю параллельно греческий текст второй редакции Никифорова летописца.

Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; а отъ потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до исхоженья Моисѣова лѣтъ 430; а отъ исхоженья Моисѣова до Давида лѣтъ 600 и 1; а отъ Давида и отъ начала царства Соломона до плѣненья Иерусалимля лѣтъ 448; а отъ плѣненья до Олександра лѣтъ 318; а отъ Олександра до Рождества Христова лѣтъ 333, а отъ Христова Рождества до Коньстянтина лѣтъ 318; отъ Коньстянтина же до Михаила сего лѣтъ 542.

Ἀπὸ Ἀδάμ ἕως τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη βιμβ΄
Ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἕως τοῦ πύργου Νεβρώδ
ἔτη φκε΄. Ἀπὸ δὲ τοῦ πύργου ἕως τοῦ Ἀβραάμ τῶν
διχοτομητάτων ἔτη υκε΄. Ἀπὸ δὲ τῶν διχοτομητάτων
ἕως τέλους Ἀβραάμ ἔτη ςς΄. Ὀμοῦ ἔτη γιζή. Ἀπὸ
δὲ τοῦ Ἀβραάμ ἕως τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ
ἔτη υλ΄. Ἀπὸ δὲ τῆς ἐξόδου ἕως τῆς οἰκοδομῆς ναοῦ
κυρόν ἔτη ψνζ΄. Ἀπὸ δὲ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ
ἕως τῆς αἰχμαλωσίας ἔτη υκε. Ὀμοῦ ἔτη σοπί.
Ἀπὸ δὲ τῆς αἰχμαλωσίας ἕως Ἀλεξάνδρου ἔτη τιη΄.
Ἀπὸ δὲ τοῦ Ἀλεξάνδρου ἕως χριστοῦ ἔτη τγ΄.
Ὀμοῦ ἔτη εφ΄. Ἀπὸ δὲ χριστοῦ ἕως Κωνσταντίνου
τοῦ Μεγάλου ἔτη τιη΄. Ἀπὸ σὲ Κωνσταντίνου ἕως
Θεωφίλου ἰνδ. ε΄ ἔτη φλ. Ὀμοῦ ἔτη ζτν΄.

Я подчеркнул все вошедшее из греческого текста в «Повесть временных лет». ἔτη τγ΄, вероятно, ошибка — вместо τλγ΄. Что до слов «а отъ потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82», то они могут быть возведены к предшествующему тексту второй редакции Никифорова летописца, где читается: ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἕως τοῦ Ἀβραάμ ἔτη αφβ΄, между тем как в первой редакции: ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη αοβ΄. Слова «а отъ исхоженья Моисѣова до Давида лѣтъ 600 и 1» могут быть также возведены к предшествующему тексту второй (и первой) редакции: Ὀμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ἕως Δαυιδ ἔτη χλ΄, причем, следовательно, слав. х и ѿ ошибочно вместо х̄ и л̄ (смещение цифр ѿ и л̄ весьма обычно). Слова «а отъ Давида и отъ начала царства Соломона до плѣненья Иерусалимля лѣтъ 448» равным образом отыскиваются в предшествующем тексте второй (и первой) редакции: Ὀμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ ἀρχῆς βασιλείας Σολόμωνος ἕως ἀλώσεως Ἱερουσαλήμ ἔτη υμη΄.

Отсюда видно, что весь текст рассматриваемой выкладки «Повести временных лет» восходит именно ко второй, а не к первой редакции Никифорова летописца. Из нее же не трудно объяснить цифру 542, которою определяются лета от Константина до царя Михаила. В Никифоровом летописце (второй редакции) цифра 530 обозначает время от Константина до смерти Феофила, но составитель «Повести временных лет» признал ее

определением времени от Константина до начала царствования Феофила; Феофил царствовал 12 лет 3 мес. и 20 дней до Михаила (Θεόφιλος ἔτη β' μῆνας λ' ἡμέρας κ'); следовательно, так заключил составитель «Повести», до Михаила прошло от Константина 542 года.

Не буду останавливаться на том обстоятельстве, что сообщенные в «Повести временных лет» и в Никифоровом летописце цифры в известной части явно ошибочны (напр. от начала нашей эры до Константина не 318 лет, а 324 или 325; итог лет от сотворения мира до начала нашей эры по «Повести временных лет» равняется 5483 вместо 5000); самая ошибочность этих данных еще более связывает «Повесть временных лет» с Никифоровым летописцем. Составителю «Повести» неоткуда было взять сообщенные им цифры, как только из второй редакции Никифорова летописца.

И сделанный составителем вывод, положенный им в основание всего дальнейшего летосчисления, зависел опять-таки от пользования Никифоровым летописцем. Первый год царствования Михаила определяется 6360 г. 15 индикта (в Лавр. вм. индикта ошибочно день). Он получился от сложения трех цифр: 318, 542 (обе цифры даны в выкладке «Повести временных лет») и 5000, цифры, определяющей время от «сотворения мира» до начала нашей эры и приведенной в напечатанном выше отрывке из Никифорова летописца. Вывод составителя «Повести», благодаря ошибочным данным, бывшим в его распоряжении, оказывается неверным: Михаил вступил на престол в 6350 (842) г.

Прежде чем сделать еще несколько замечаний относительно заимствований, попавших в «Повесть временных лет» из Никифорова летописца, укажу на то, что существование славянского перевода второй редакции Никифорова летописца подтверждается еще следующими данными.

Во-первых, в летописном своде, лежащем в основании как Соф. 1-й, так и Новг. 4-й летописи, хронологическая выкладка «Повести временных лет» разбита на две части. Первая, содержащая события всемирной истории, осталась под 6360 (852) г., вторая, содержащая события русской истории, перенесена под 6395 (887) г. Мы читаем здесь: «Въ лѣто 6395 Леонъ царствова сынъ Васильевъ, иже и Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 25.¹ Вкоупѣ же и си лѣта собираются: отъ 1-го лѣта Олгова» и т. д. Словам «вкупѣ же и си лѣта собираются» соответствует указанная нами выше фраза «Συνάγονται τὰ ἔτη οὕτως, ὡς ὑποτέτακται», которая читается перед хронологической выкладкой во второй редакции Никифорова летописца. В списке О она следует за указанием времени царствования Леона (Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ σοφὸς μῆνα α', ἡμέρας θ'), из которого видно, что список этот (или его протограф) изготовлен в начале Леонова царствования. В рассматриваемом летописном сборнике та же фраза находится также за указанием времени Леонова царствования. Отсюда заключаю, что она заимствована в летописный сборник из второй редакции Никифорова летописца, переведенной на славянский язык по списку, близкому к греческому списку О.

¹ В Соф. «Леонъ царствова. . . лѣтъ 25» опущено.

Во-вторых, я только что указал, что 6360 г., как начало царствования Михаила, извлечен составителем «Повести временных лет» именно из второй редакции Никифорова летописца.¹ Едва ли будет поспешно вывести отсюда следующее заключение: краткие южнославянские летописцы, имеющие 6360 г., как год царствования Михаила и год предложения книг на славянский язык Кириллом, основываются на второй редакции Никифорова летописца. Так, в Цетинском летописце читаем: «Михаиль, сынъ Феофиловъ съ матерію си Феодорою. . . При сихъ обнови се православіе и икони въ церькви вѣставише се паки, и Българи христіаны быше, и словеса Словенскаа съставишесе светымъ Кириломъ въ лѣто 6360» (Споменик, III, 121). В Рацком летописце: «Въ лѣто 6360 написаше се наша словеса светымъ Кириломъ философомъ и оучителемъ Българскаго езика при цари Гръчскомъ Михаиле и Феодори матери его, иже оутвърдише кланяти светымъ иконамъ» (ib., III, 128, пр. 10). То же в Сечениевском летописце (III, 130), в Руварчевом (III, 137), Софійском (III, 144), Шафариковском (III, 148), в одном сборнике XVII в. (Гласник, т. 63, стр. 44), в Почаевском сборнике 1561 г. (Archiv f. slav. Phil., XIII, 518) и др. Точно так же в среднеболгарской рукописи Бреславльской гимназической библиотеки находим «Сказание отъ сътворенія мироу», где после летосчислительного сказанія помещен краткий итог времени, прошедшего от начала нашей эры до Михаила: «Отъ Христова Рождѣства до прѣваго правовѣрнаго царѣ Костянтина лѣтъ 318, отъ Константина царѣ до Михаила царѣ Греческаго лѣтъ 542». Точное указание цифры 542, читающейся и в «Повести временных лет», наводит на мысль, что она была названа (т. е. именно она, как время до царя Михаила, а не 530, как время до царя Феофила) в славянском переводе второй редакции Никифорова летописца.

Славянский перевод второй редакции Никифорова летописца был, вероятнее всего, исполнен в Болгарии; ср. наличие сербских и болгарского памятников, пользовавшихся им. Это делает вероятным, что к нему могли быть сделаны некоторые добавления из болгарской истории, ср. подобные добавления в распространенной русской редакции славянского перевода первой редакции Никифорова летописца. Быть может, наличие подобных добавлений и побудила составителя «Повести временных лет» сообщить вслед за выкладкой мировых событий некоторые свои, русские: «А отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣтъ 29», и т. д. Эти болгарские известия могли таким путем сделаться достоянием составителя «Повести временных лет». И вот в виде предположения высказываю мысль, что к болгарскому переводу второй редакции Никифорова летописца восходят следующие данные «Повести временных лет».

¹ Извлечь 6360 г. из первой редакции было бы делом весьма сложным. В первой редакции указано, что от Адама до смерти Михаила II, предшественника Феофила, прошло 6338 лет. Прибавляя 12 лет царствования Феофила, читатель легко мог бы прийти к выводу, что начало царствования Михаила III падает на 6350 (842) г.

1) Под 6366 г. составитель «Повести временных лет» сообщил о походе царя Михаила на Болгар и о крещении болгарского князя и его бояр. Сообщение заимствовано из Амартола, но, как мы видели, 6366 г. не мог быть извлечен оттуда; действительным же годом крещения Бориса был 6372. Я укажу ниже, что на 6366 г. мог натолкнуть составителя «Повести временных лет» текст Никифорова летописца.

2) Под 6377 г. сообщено в «Повести временных лет» о крещении всей земли Болгарской. Год этот ведет нас во всяком случае к болгарскому источнику, ибо тот же год находим в греческом житии Климента, архиепископа болгарского. Источник заимствования в «Повесть» 6377 г. мог быть таким образом болгарский. Вероятно, что таковым был болгарский перевод Никифорова летописца.

3) Под 6410 г. сообщено в «Повести временных лет» о походе Угров на Болгар и о поражении князя Симеона. Это известие восходит к продолжателю Амартола, но 6410 г. извлечен не из него; на самом деле событие имело место в 6401 (893) г.¹ Нижеследующие соображения делают вероятным, что 6410 г. извлечен оттуда же, откуда 6366 г.

Разность между 6410 и 6366 г. равна 44. Не обозначала ли эта цифра число лет от начала княжения болгарского князя Бориса до княжения Симеона? Не исходил ли также составитель болгарского перевода Никифорова летописца в определении событий болгарской истории от первого лета царя Михаила, как это сделал составитель «Повести временных лет»? Не определял ли он начало княжения Бориса шестым годом Михайлова царства? Если мы допустим последнее определение, то начало Борисова княжения придется на 848 г. (в 842 г. вступил на царство Михаил), что близко к данным греческих источников, определяющих начало Борисова княжения временем около 850 г.² Составитель «Повести временных лет», как мы видели, пришел к заключению, что Михаил вступил на царство в 6360 г.; следовательно, начало княжения Борисова он определил бы 6366 г. По этой причине первое упоминание у продолжателя Амартола болгарского князя, принявшего крещение (т. е. Бориса), составитель «Повести временных лет» и отнес на 6366 г. Борис княжил до 888 г., следовательно, полагая 848 г. за начало его княжения, 40 лет. За ним следовал сын его Владимир, княживший 4 года (888—892). После Владимира княжеский стол занял другой сын Борисов Симеон, княживший 36 лет (892—927). Таким образом от первого лета Борисова до первого лета Симеонова княжения протекло 44 г. Если составитель «Повести временных лет» знал об этом, то должен был определить начало Симеонова княжения 6410 г. Он это и сделал, поместив первое известие продолжателя Амартола о Симеоне под 6410 г.

Итак я вывожу 6366 г., как первый год Борисова княжения, и 6410 г., как первый год Симеонова княжения, из данных, сообщенных в болгарском

¹ Иречек. История Болгар, 152.

² Иречек, ib. 139; около 850 г. большая часть Македонии была уже подвластна Борису.

переводе Никифорова летописца. Данные этого памятника привели к ошибочным датам потому, что были комбинированы с ошибочной датой первого года царствования Михаила (6360 г. вместо 6350): 6366 г. был бы заменен 6356 (848) и 6410 г. — 6400 (892) г., если бы составитель «Повести» заметил свою основную ошибку.

Для меня ясно, что о княжении Симеона составитель «Повести временных лет» знал больше того, что мог найти у продолжателя Амартола. Только это может объяснить, почему он отнес смерть Симеона на 6450 (942) г. вместо легко определяемого из продолжателя Амартола 6435 (927) г., а также поход Симеона против Греков на 6437 (929) г. вместо легко определяемого по продолжателю Амартола 6422 (914) г.¹ Если предположим, что из Никифорова летописца составитель «Повести» знал, что Симеон княжил 36 лет, то ему нельзя было отнести его смерть на 6435 (927) г., раз начало княжения Симеонова определялось им 6410 г.: поэтому он и отнес его смерть, определенную 15 индиктом, не на 6435, а на 6450 г.

Вот, следовательно, основания для предположения, что в болгарском переводе второй редакции Никифорова летописца читалось: «А отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Борисова, Болгарскаго князя, 6 лѣтъ. А отъ перваго лѣта Борисова до перваго лѣта Симеонова лѣтъ 44. И бысть крещение всей Болгарской земли в лѣто 6377. А Симеон княжил лѣтъ 36».

Этими данными воспользовался составитель «Повести временных лет».

4. Житие Василия Нового

Впервые на этот источник «Повести временных лет» было указано А. Н. Веселовским в статье, помещенной в «Журн. М. Н. П.» 1889 г., январь. В настоящее время, когда имеется научное издание славянского перевода этого жития,² можно с точностью указать на текст того оригинала, который использован составителем «Повести временных лет». Мы говорили уже выше о статье 6449 (941) г., содержащей заимствования из продолжателя Амартола в соединении с заимствованиями из жития Василия Нового. Здесь привожу статью 6449 г. и даю параллельно соответствующий текст из названного жития. Разрядкой отмечаю текст, заимствованный из продолжателя Амартола, а курсивом то, чему нет соответствия ни в житии, ни в хронике.

В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки, и яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царь- *Отгтоль же приде вѣсть цареви отъ тѣхъ, яко оуже идоуть. По ньколицихъ же днесъ приде вѣсть*

¹ На самом деле поход относится к 6432 (924) г. У продолжателя Амартола ошибка в индикте: 2 вм. 12.

² С. Г. Вилинский. Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. II, Одесса, 1911. Соответствующая часть греч. текста (по Вилинскому первой редакции) не напечатана им (см. стр. 283, 326) потому, что она была издана А. Н. Веселовским в «Разысканиях в области рус. духовного стиха», V, прил. (Сб. ОРЯС, т. XLVI).

градъ, съидий 10 тысящъ. Иже и поидоша, и приплуша и почаша воевати Вифиньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; ижеже емше, овѣхъ растинаху, другия аки стража поставяюще и стрѣляху въ ня, и изимаху, опаки ружь съвязавше, гвозди жельзныи посреди главы взбивахуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало отъ обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ вѣстока, Памфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекий съ Макидоны, Федоръ же стратилать съ Фраки, с ними же и сановници боярѣстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь изидоша въоружившеся на Греки, и брани межю ими бывши зль, одва одолъша Гръци; Русь же, възвратиса къ дружинѣ своей къ вечеру и на ночь влѣзоша в лодыи и отбѣгоша. Феоданъ же сусрѣте я въ олядѣхъ со огнемъ, и пуцати нача трубами огнь на лодѣ Руския, и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възвратиса въ свояси. Тѣмже пришедшимъ в землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и олядѣнѣмъ огни: «яко же молонья, рече, иже на небесѣхъ, Гръци имуть у себе, и се пуцающе

о сихъ и отъ Болгарь,¹ ино² по мнозыхъ днешъ възвѣсти и Корсунскій стратигъ³ оуже тѣмъ лившемъ и тоу ся имъ приближившемъ. И потомъ придоша въ Стегероу⁴ и потом оусрѣтишемъ, имъ воалодіинья цареви, по глаголу чловѣка Божіа, отгнани быша к рѣчь Ривъ, и тоу в тихости имъ ставшемъ выходяще пльноваху, простершемъ до Понта Иракліа и до Пейлагоньскія земля и въ всю страну Никомидійскую поплѣнивше и многи язвы сзтворивше, пожьгоша все приморіе Стегерско,⁵ якоже рече предваривъ оугоникъ Божіи, монастыря же и села вельможь все огневи предаша, имѣнія не мало обою страну съвокоупиша.⁶ Потомъ же пришедшемъ воемъ на нихъ отъ вѣстока, Панфиръ деместикъ воискии⁷ с четырьми десятми тысоущими, Фока патрїкеи с Македоняны, Федоръ же святѣишии стратигъ⁸ съ Фракісіаны, съ ними же и сановници боярѣстии⁹ иже по прїрочномуу Спогарисъ,¹⁰ и обыдоша ихъ окрестъ и не даагоу имъ к томоу възходяще пльновати. І обдержасааше ихъ страхъ и съвѣщаваахоу отаи побѣгнути, но бояхуся вои морскихъ, ноцноую стражю около ихъ имуще. Дръзноюуше же Роусь изидоша на Греки въоружившеся, и брани межю ими бывши, побѣжени быша Роусь и биша ихъ Гръцы бѣжашии, дондеже оубо възвратиса до дружини своей. И вечероу достигшоу, отаи влѣзше

¹ По-греч. короче. ἔκτοτε δὲ μεθ' ἡμέρας ἰκανὰς διεδόθη ἀγγελία πρὸς τὰ βασιλεῖα καὶ πᾶσι τοῖς ἐν τῇ πόλει περὶ τῆς καθ' ἡμῶν ἐπιδρομῆς αὐτῶν. ² чит. и не ³ στρατηλάτης. ⁴ πρὸς τὸ Ἱερόν. ⁵ ἐνέπρησάν τε πᾶσαν τὴν παράλιον τοῦ Στενοῦ. ⁶ Слов: «монастыря же... съвокоупиша» — по-гречески нет. ⁷ воискии, нет по-гречески. ⁸ στρατηλάτης. ⁹ вместо: съ ними же и сановници боярѣстии, — μετὰ στρατοῦ. ¹⁰ ὃ ἐπώνυμον Σπογγάριος относятся по-гречески к Θεόδωρος ὁ ἀγιώτατος στρατηλάτης.

жежатаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ».

в ладіа своа отбѣгоша. Воля же цареви стоаща в Стерегоу¹ и стражемъ оувѣдавшемъ бѣжаніе ихъ, дондеже вѣсмъ оувѣдавшемъ воемъ, болъ ихъ отидоша. Обаче оубо достигоша и постигоша ихъ послѣднихъ и съвокоупившися олядемъ огнь имоушемъ достигающе ихъ пожигаахоу.² И бысть видѣти страшное чюдо, како боящеся пламене огненаго, волею метаахоу себе в поучиноу морску, изволивше паче оутонуть въ водахъ или попаленоу быти огнемъ, но обыче обои погибоша: ови пожежени быша огнемъ, а друзїи сами ся ввергоша в глоубиноу морскоую, мпяще бродїю избѣжати, друзїи отъ нихъ копїи прободени быша отъ Грек; ови в поучинѣ оутопоша, а друзїи отъ нихъ живи яти быша. И тако скончяся отъ нихъ. Болестїю же чревною оубѣжавшихъ Роуси мановенїемъ господнимъ падоша, дондеже доидоуть въ своася. Мнози же отъ нихъ на поути изомроша. Тѣмъ же пришедшимъ в землю свою, повѣдахоуть каждо своимъ о бывшемъ и о оляднѣмъ огни: «яко молѣнїа, рече, иже на небесѣхъ, Грецы имоуть оу себе, сїю попоущающе жжахоуть насъ, и сего ради не одолѣхомъ имъ».³

Пользование житиемъ Василия Новаго со стороны составителя «Повести временныхъ летъ» совершенно очевидно. Статья 6449 г. целиком почти покрывается текстомъ этого житія и несколькими вставками изъ продолжателя Амартола: русскїй летописецъ вставилъ только в начале имя Игоря и смягчилъ несколько рассказъ своего источника: вместо «и брани межю ими бывши, побѣжени быша Роусь и биша ихъ Грецы бѣжащихъ» — «и брани межю ими бывши злѣ, одва одолѣша Грѣци»; ниже вм. «И бысть видѣти страшно чюдо, како боящеся пламене огненаго» — «и бысть видѣти страшно чюдо,

¹ Вм. Стегероу, какъ выше: ἐν τῷ Ἱερῷ. ² καὶ συμπλοκῆς γενομένης οἱ ἡμέτεροι δρώμενοι καὶ χρησάμενοι τῷ λεγομένῳ λαμπρῷ πυρὶ εἴτ' οὖν σκευῇ κατέφλεγον αὐτοῦς. ³ В греч. короче: καὶ ὀλίγοι ἐξ αὐτῶν διασωθέντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, διηγούμενοι ἕκαστε τὰ συμβάντα αὐτοῖς καὶ ἃ νεύσει Κυρίου πεπόνθασιν.

Русь же видящи пламянь». Чтение «Феодоръ стратилат» в «Повести временных лет» восходит к старшему оригиналу сравнительно с дошедшими списками, где «Феодор стратиг», по-греч. *στρατηλάτης*; ср. выше, «Корсуинскіи стратигъ» — *ὁ τῆς Χερσῶνος στρατηλάτης*.

Неясными остаются некоторые особенности славянского перевода. Было ли в греческом оригинале о посылке Болгарами предупредительной вести? Почему τὸ Ἰερόν и τὸ Στερόν переводятся Стегер, вм. чего в одном месте ошибочно Стерег? Были ли в греческом оригинале приведены слова, которыми русские повествовали о своем поражении? Если перевод сделан не в Болгарии, а в Руси, то, возможно, были те или иные редакционные поправки и вставки со стороны переводчика.

Под 6452 (944) «Повесть временных лет» сообщает о новом походе Игоря на Греков. Мы увидим ниже, что рассказ об этом походе придуман, вероятно, для того, чтобы объяснить появление в следующем 6459 г. мирного договора. Мы читаем здесь: «се слышавше Корсуинци послаша къ Роману, глаголюще: се идуць Русь», далее: «Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: идуць Русь». Нельзя сомневаться в том, что это заимствовано составителем «Повести» из Жития Василия Нового, ср. начало напечатанного выше отрывка. Не им ли навеяно и выражение: «по глубинѣ морьстѣи», ср. в житии: «а сами ся ввергоша в глоубиноу морскоую?»

5. Хронографъ особого состава

Как отмечено было выше, не весь текст географической статьи, помещенной во введении к «Повести временных лет», восходит к хронике Амартола. В напечатанном выше отрывке, содержащем рассказ о распределении земель между сыновьями Ноя, я отметил курсивом то, чему нет соответствия у Амартола. За отрывком, как сейчас увидим, следует текст географического сообщения, также не читающегося у Амартола. Ниже читаем рассказ о столпотворении Вавилонском: мы видели, что лишь кое-что в этом рассказе может быть заимствовано из Амартола. В виду этого ясно, что в числе источников составителя «Повести временных лет» находился еще один хронографический памятник, сообщения которого он мог комбинировать с текстом, заимствованным из Амартола. Это заключение подтверждается еще и тем, что все указанные места находят себе соответствие в дошедших до нас хронографах. Приведу сначала эти места, а параллельно дам соответствующие места из хронографов.

1) По потоупѣ триє сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣстокъ Симови: Персида, Ватрь доже и до Индикия в долготу и в ширину и до Нирокурня, якоже рещи от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и Мидия и Ефратъ рѣка.

Хроника Иоанна Малалы, кв. I,
гл. XIII

Λοιπὸν διμερισθησαν αἱ φυλαὶ τῶν υἱῶν Νῶε, λέγω δὴ τοῦ Σημ. τοῦ Χάμ. τοῦ Ἰάφεθ τῶν τριῶν ἀδελφῶν. Καὶ ἔλαβεν, ἡ φυλὴ τοῦ Σημ ἀπὸ Περσίδος καὶ Βάχτρων ἕως τῆς Ἰνδικῆς τὸ μῆκος

καὶ τὸ πλάτος ἕως Ῥινοκουρούρων, ἔστιν ἀπὸ ἀνατολῆς ἕως μέρους τῆς μεσημβρίας, καὶ τὴν Συρίαν καὶ Μηδίαν καὶ ποταμὸν τὸν καλούμενον Εὐφράτην.²

Елл. летоп. 1-го вида.

2) а Хэму полуденныя.

Елл. летоп. 1-го вида.

3) а Афегу полунощныя и западныя.

Хроника Иоанна Малалы, кн. I, гл. XIII

Ἰάφεθ τοῦ τρίτου υἱοῦ Νῶε, ἡ φυλὴ ἔλαβεν τὰς ἀπὸ Μηδίας ἐπὶ τὴν ἄρκτον ἕως Βριττανικῶν νήσων καὶ πάντα τὰ τῆς Ποντικῆς ἕως τοῦ μέρους τῆς δύσεως καὶ τὸν Δανούβιν καὶ τὸν Αἴαν τοὺς ποταμοὺς καὶ τὰ ἐπὶ Καυκάσια ὄρη καὶ Ἀβασγούς. καὶ πάντα τὰ ἔθνη ἐκεῖνα ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ Τίγρι ποταμοῦ, διεχωρίζοντος Μηδίαν καὶ Βαβυλωνίαν καὶ ἕως τῆς Ποντικῆς θαλάσσης.

2) Хамови же яся полуденная страна

3) Афегу же яшася полунощныя страны и западныя: *Мидия, Алъванья, Арменья, Малая и Великая. . . Кефалинья, Ифакину, Керкуру, часть всячьскыя страны, нарицаемую Онию и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ*, до Понетьскаго моря, на польнощныя страны, Дунай, Дьнѣстръ и Кавкасійска горы, р ек ше Угорьски.¹

По поводу этого отрывка замечу, что связь его с текстом Иоанна Малалы несомненна: составитель «Повести временных лет» начал свою географическую статью с заимствования из хронографа (включавшего текст Иоанна Малалы); но он оставил его для того, чтобы перейти к хронике Амартола; списав из нее до конца статью о распределении земель между сыновьями Ноя и заметив, что в первом источнике (хронографе) говорится также о реке Тигре, разделяющей Мидию и Вавилонию, составитель «Повести временных лет» обратился к этому источнику и списал из него слова «до Понетьскаго моря» (ἕως τῆς Ποντικῆς θαλάσσης), стоящие непосредственно за словами «Миды и Вавилономъ». Эти слова дали ему основание обратиться к предшествующему тексту, где говорится о Понетьском море (πάντα τὰ τῆς Ποντικῆς), и он списал то, что стояло за названием этого моря: «на полунощныя страны и Дунай и Дьнѣстръ (этим именем он заменил непонятное для него Αἴα) и Кавкасійска горы» (ἕως τοῦ μέρους τῆς δύσεως καὶ τὸν Δανούβιν καὶ τὸν Αἴαν τοὺς ποταμοὺς καὶ τὰ ἐπὶ Καυκάσια ὄρη). Кавкасійска горы, как видно из комментария «рекше Угорьски», составитель «Повести временных лет» отождествил съ Карпатами (ср. под 6406: «и устремипася чересь горы

¹ Курсивом отмечаю заимствованное из Амартола, разрядкой то, что принадлежит русскому редактору. ² См. В. Истрин, Первая книга «Хроники» Иоанна Малалы (Зап. Акад. Наук, 1897).

великия, яже прозвашася горы Угорьския»). Отождествление столь же произвольное, как замена Аїа через Днестр.

4) *Симъ же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю жребїи метавше, не преступати никому же въ жребїи братень, и живяху каждо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившимся челоукомъ на земли и помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собращася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и здаша столпъ тѣ за 40 лѣтъ и не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И смѣси богъ языкъ и раздѣли на 70 и 2 языка и расъея по всей земли. По размѣшенїи же языкъ богъ вътромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асиора и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433, и в лѣта многа хранимъ останокъ.¹*

Я приводил выше этот отрывок и указывал на то, что слова «и здаша столпъ тѣ за 40 лѣтъ и не свершенъ бысть» могут восходить к Амартолу, где, впрочем, не буквальное тождество: «Столпъ оубо создася за 40 лѣтъ, бысть полма не свершенъ». Но в виду тождества этой фразы с текстом Архивского хронографа, продолжающегося и дальше, признаю более вероятным, что она заимствована не из Амартола, а из особого хронографа. То же скажу относительно отрывка: «По размѣшенїи же языкъ. . . хранимъ останокъ»: у Амартола, как мы видели, нет слов «и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433». Откуда заимствовано начало рассматриваемой статьи, неясно, но то обстоятельство, что фраза «не преступати никому, же въ жребїи братень» есть в хронографе (Еллинском летописце), дает основание думать, что все это начало восходит к хронографу. Оттуда же и: «бысть языкъ единъ» — у Амартола нет тождественного выражения («единогласоушю. . . роду чловѣчьскомуу»).

¹ Курсивом то, что есть у Амартола. временных лет».

Елл. летоп. 1-го вида

Симъ оубо языкомъ сице отъ треи сыновъ бывшимъ, на трое миру тремъ сыномъ раздѣлену, якоже рекохомъ, клятву имъ повелъ дати отецъ, яко никому, же поступати на братень жребїи.²

Хроника Иоанна Малалы, кн. I, гл. XI.

Ἦ δὲ γενεὰ τοῦ Νῶε ἐτεκνοποίησεν καὶ ἐγένετο πλῆθος ἀνθρώπων καὶ γυναικῶν. καὶ ἐποίησεν πυργοποιίας οἵτινες.

Архивск. хронографъ

Зиждаша же столпъ за 40 лѣтъ и не съвершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и стлѣна, и рече господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И смѣси богъ языки и раздѣли я на 70 и два языка. По размѣшенїи же языкъ богъ вътромъ великимъ разруши столпъ и есть останокъ его промежи Асира и Вавилона, есть въ высоту и въ широту 5400 и 33 локоть, въ лѣта многа хранимъ останокъ его.

² Набранного курсивом нет в «Повести

б) Вслед за приведенным отрывком читаем: «По разрушении же столпа и по раздѣленъи языкъхъ прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ отъ племени Афетова, Норици, еже суть Словене».

Источник этого сообщения неясен. Но можно с уверенностью думать, что в этом источнике, после первой его части, находился перечень 72 языков: только это может объяснить, почему составитель «Повести временных лет» еще раз говорит о распределении земель между Ноевыми сыновьями. И указание, что «отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ» предполагает, что, делая его, составитель «Повести временных лет» имел перед глазами перечень этих 72 языков. Подобный перечень мог находиться в бывшем в распоряжении составителя «Повести» хронографѣ.

Ниже, в этой же главе, я укажу на то, что Толковая Палеея пользовалась как источником «Повестью временных лет». Но главным источником ее в отделе, посвященном расселению народов, был какой-то хронограф.

Перечень 72 народов, читаемый в Толковой Палее, весьма близок к перечням, читаемыми в хронике Сивкелла; это относится особенно к перечню Хамитов и Иафетидов, но Ῥηγινας, стоящие на 13-м месте в списке народов Иафетова колена, заменены в Палее пориками: «Норици, иже суть Словѣни». Замена эта могла быть сделана и не составителем Палеи, а составителем того хронографа, которым она пользовалась, и сделана она на основании Пасхальной хроники, оказавшей значительное влияние на предполагаемый хронограф, а через него и на Толковую Палеею; распределение стран в этой последней, как давно отмечено учеными, близко сходится с Διαμερισμός Пасхальной хроники. Комментарий «Норици — иже суть Словѣни» напоминает находящийся тут же комментарий при именах «Аверъ» — «иже суть Обези» и «Руми, иже зовуться Греци». В виду этого я считаю невероятным, чтобы «Норици иже суть Словѣни» восходило в Толковой Палее к «Повести временных лет».¹ Составитель «Повести» приведенную выше фразу заимствовал, очевидно, из того самого хронографа, которым пользовался составитель Палеи.

б) Сделанное нами заключение о наличии общего источника у составителей «Повести временных лет» и Палеи ведет нас к дальнейшим выводам. Заимствованный из Амартола перечень стран мог быть проверен составителем «Повести временных лет» по хронографу. Мы уже видели, что начало географической статьи заимствовано из хронографа. С вероятностью возводим поэтому к хронографу такие чтения, как «Персида, Ватрь» (у Иоанна Малалы: ἀπὸ Περσίδος καὶ Βάχτρων), ср. в Палее: «1 Пърсида,

¹ Почему Ῥηγινας заменены были пориками — неясно; но отождествление последних со словенами подсказывалось тем, местом, которое норики занимали в Пасхальной хронике: они названы там на 56-м месте, между Παιωνίαις и Δελμάταις. Паннония и Далматия — страны, занятые славянами. Очевидно, это было известно составителю хронографа, откуда можно заключить, что он был не русским, а южным славянином, более близким к названным странам.

2 Ватрь» (изд., стлб. 234), ср. выше в Палее: «отъ Персиды и Вакторъ». Далее: «до Нирокурия» (у Иоанна Малалы: ἕως Ῥινοκουροῦρου, у Амартола: Ринокуроурою), ср. в Палее: «до Нирокурурь» (стлб. 234). Затем пропуск сравнительно с текстом Амартола «Виотия, Етолия, Атикия, Ахаиа», вследствие чего за «Локрия» читается «Пеления», вызван, вероятно, чтением хронографа, где, судя по Палее, читалось: «Локрина Пеления» (изд., стлб. 238). Наконец, чтение «Аньдриохия, Оньдрѣятиньская пучина», восходит опять к хронографу, ср. в Палее: «Андриания и Аньдриатиньская поучина» (стлб. 239), между тем у Амартола: «Андриакия оу неяже есть Адриатиньскаа пучина».

Хронограф — предполагаемый источник «Повести временных лет» — не дошел до нас. Но даже по сделанным из него в «Повесть» заимствованиям можно в известных границах определить его состав. Он представлял соединение хроники Иоанна Малалы с хроникой Георгия Амартола. Ср. приведенные выше отрывки, соответствующие первой из этих хроник, а затем восходящий в известной части к Амартолу рассказ, содержащий *Διαμερισμός*. Но кроме Малалы и Амартола, этот хронограф воспользовался и Пасхальной хроникой и хроникой Георгия Синкелла, как видно из предыдущих указаний. В славянорусской письменности известно несколько хронографических компиляций, соединивших текст Иоанна Малалы с текстом Амартола. Сюда относятся Еллинский летописец 1-го и 2-го вида, Архивский хронограф и др. Что хронограф, бывший в распоряжении составителя «Повести временных лет», отличался от всех до нас дошедших, видно из того, что он включал в свой состав XIII главу I книги Малалы, не находящую себе соответствия ни в Архивском хронографе, ни в Еллинском летописце 1-го вида (ср. приведенный выше по-гречески отрывок из этой книги). Судя по древности нашего хронографа (древность его определяется тем, что его использовал в начале XII в. Нестор), он мог быть одним из первоисточников для имеющихся в наличии хронографических компиляций. Возможно, что до нас дошло сокращение этого хронографа в одном сборнике Софийской библиотеки XVI в., № 1454; В. М. Истрин признал протограф этого сокращенного хронографа (содержащего всего только 40 листов) в распространенном его виде вероятным первоисточником Архивского хронографа.¹ Во всяком случае «по типу Софийский хронограф примыкает непосредственно к Еллинским летописцам. . . , представляя всемирную историю на основании двух источников: хроники Малалы и хроники Георгия Амартола» (В. Истрин, Исслед., стр. 69). Замечательно, что в Софийском хронографе сохранилась в сокращении та самая XIII глава I книги Малалы, заимствования из которой имеются, как мы видели, в «Повести временных лет»: «Раздѣлишася на три колѣна

¹ Ср.: «Опис рук. сборн. Новг. Соф. библиотеки» в III вып. «Лет. зап. Арх. комм.», 38—39; В. М. Истрин в «Ж. М. Н. П.» 1903, ноябрь, а также в его «Исследованиях в области древне-русской литературы», СПб., 1906, 52—70.

по земли и бысть Симви отъ вѣстока чясть до полудения и Сириа и Мидиа и рѣка Ефраѣъ. . . Афетови же отъ Мидиа на полнощъ даже и до Повтискаго моря и великого моря, яко же Евсевии Памфиловъ мудрыи хронографъ списа». (Подчеркиваю общее с «Повестью временных лет» из обоих приведенных в начале этой главы отрывков.)

Мне придется еще раз говорить об этом хронографе ниже, когда я скажу об источниках второй редакции «Повести временных лет». В ней заимствованы из этого хронографа под 1114 г. сообщение о Гефесте, «иже и Сварога нарекоша», а также о Гелиосе, «его же наричють Дажьбогъ». Эти отождествления Гефеста и Гелиоса со славянскими божествами сделаны не русским летописцем, как ясно из того, что они имеются и в Архивском хронографе. Они были уже в хронографе — источнике второй редакции «Повести временных лет» и напоминают те отождествления, которые имелись в хронографе — источнике первой редакции «Повести» (Норики — Славяне, Иверы — Обези, Руми — Греци; быть может также *Aiac* — Днестръ). Это увеличивает вероятность того, что оба хронографа были тождественны между собою.

В заключение настоящей главы я должен сказать несколько слов об отношении «Повести временных лет» к Толковой Палее. Оба памятника сближаются рядом общих мест. Как мы видели, это обстоятельство объясняется частью пользованием со стороны «Повести временных лет» и Толковой Палеи одним общим источником — хронографом. Едва ли, однако, все общие обоим памятникам места могут быть возведены к хронографу.

Приведу эти места, ограничиваясь вводною частью «Повести временных лет».

Толк. Палея (изд. М., 1892,
стлб. 227)

«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»

По семь же оубо 3-е сынове Ноеви Симвъ, Хамъ и Афеть раздѣлиша землю, и яшася Симви восточныя страны: Пърсида, Ватрь дожь до Сваикй въ долъготу и в ширину до Нирькоуроуя, яко же *есть* рещи отъ востока даже и до полудня, *толкоується тепло или красно*. Хамови же яся полоуденьная часть: Еюупеть, Ефиопья, прилежащая ко Индомъ. Афетоу же яшася полоунощныи и западныя страны: Мидиа, Аиваниа, Словенескъ языкъ.

По потофъ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симвъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣстокъ Симви: Персида, Ватрь доже и до Индикия в долготу и в ширину и до Нирокурия, якоже рещи отъ вѣстока и до полуденья. . . Хамови же яся полуденьная часть:¹ Еюпетъ, Ефивопья, прилежащая ко Индомъ. . . Афету же яшася полоунощныя страны и западныя: Мидия, Альванья. . . Словѣне.

¹ Так в Радз., Ипат.; в Лавр. «страна».

Едва ли может подлежать сомнению, что этот отрывок попал в Палею из летописи, а не наоборот. Во-первых, летопись передает в соответствующем месте сначала текст неизвестного хронографа, общий с текстом Иоанна Малалы, а потом текст Амартола; текст Амартола передан летописью целиком, между тем как Палея ограничивается случайными выдержками. Во-вторых, «Словѣне» в «Повести временных лет» вставлены после «Илюрик» в связи с тем, что об «Илюрике» и «Словенах» сообщено ниже, в статье 6406 (898) г.; в Палее «Словенскъ языкъ» читается после «Алваниа» и не может быть объяснено ни из греческого источника, ни из домысла составителя Палеи; ясно, что он руководился славянским источником, а таковым и могла быть наша летопись. В третьих, текст Толковой Палеи испорчен не только чтениями, как «Свайкиѣ» вместо «Индикиѣ» или «Алваниа» вм. «Алвания», но также неуместною вставкой: «толкоуетъ тепло или красно». В «Повести временных лет» текст более первоначальный. В четвертых, в Толковой Палее все изложенное здесь, но с большею подробностью, передается по греческим источникам еще раз ниже. стлб. 233—234, 236, 238—239.

Толк. Палея (изд., стлб. 240)

Суть же в части его рѣки великия: 1 рѣка Тигръ, обиходящая и раздѣляющая Мидию и Вавилонию до Понтьскаго моря, 2-я рѣка Дунай, 3-я Днѣпръ, Десна, Припѣть, Двина, Волховъ, Волга, яже течеть на вѣстокъ, в часть Симвоу. В той же суть части и Кавкасіи горы, рекше Оугорскыя.

«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»

Афету же яшася полунощныя страны и западныя. . . и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ до Понетъскаго моря, на полънощныя страны, Дунай, Днѣпръ¹ и Кавкасіи горы, рекше Угорскыи, и оттуда доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идеть на встокъ, в часть Симвоу.

И этот отрывок попал в Палею из летописи, хотя текст летописи и дополнен по тому хронографу, который был общим источником и для Палеи и для летописи: слова «Тигръ, обиходящая и раздѣляющая Мидию и Вавилонию» сопоставьте с читавшимся в хронографе, согласно с Малалой: «почень отъ Тигра рѣкы, раздѣляющия Мидию и Вавилонию» (восстановлено по тексту Малалы: ἀρχόμενος ἀπὸ τοῦ Τίγρι ποταμοῦ, διαχωρίζοντος Μηδίαν καὶ Βαβυλωνίαν).

Текст летописи ясно сохранил в несмешанном виде свои три источника: до «Вавилономъ» он заимствован из Амартола; слова «до Понетъскаго моря. . . Кавкасіи горы» заимствованы из хронографа (ср. текст Малалы); остальное принадлежит русскому летописцу. В Палее видим уже произвольное соединение первоисточников; о Кавкасіи горах сказано после перечня русских рек.

¹ Так в Радз., Ипат.; в Лавр. — Днѣпръ.

Толк. Палей (изд., стлб. 243)

Мы же глаголемъ по рѣчи языка своего, иже отъ Афѣта языци изидоша и в части его сѣдять: первыи языкъ Вяряжскыи, вторыи Словоѣньскъ, третии Чюдь, четвертыи Ямь, пятыи Лопь, шестыи Пермь, семыи Корѣла, осмыи Печера, девятыи Югра, десятыи Литва,¹¹ Ятвязи, ¹² Проусп, ¹³ Недрова, ¹⁴ Меря, ¹⁵ Мордѣва, ¹⁶ Мещера, ¹⁷ Моурома, ¹⁸ Корсь, ¹⁹ Зимѣгола, ²⁰ Любь.

Текст Палея уже по содержанию своему должен быть возведен к русскому источнику. Отличается он от летописного отрывка тем, что упоминает о варяжском языке, не упомянутом в соответствующем месте летописи; но ниже читаем: «Чюдь пресѣдять к морю Вяряжскому; по сему же морю сѣдять Варязи. . . Афѣтово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане». . . Далее вместо «Русь» летописи видим «языкъ Словоѣньскъ»; отождествление Руси со Словенским языком могло быть сделано на основании летописи, где читаем, напр., под 6406 (898) г.: «А Словенский язык и Русский одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене». Наконец, видим отличия в перечне народов: опущены Весь и Летьгола, Заволочская Чюдь заменена Корелой, прибавлены вновь Ятвязи, Лопь, Нерова, Мещера. Эти отличия могли быть внесены самим составителем Толковой Палеи; они зависели от тех сведений о соседних народах, которые имел составитель Палея, и не предполагают наличия другого источника, не тождественного с «Повестью временных лет». Ср., напр., прибавку имени Мещеры после Муромы в хронографе 1512 г., прибавку имени Тепры, Тыпры, в Троиц. списке «Повести временных лет».

Таким образом приведенные три отрывка Толковой Палеи не представляют никаких затруднений для объяснения их как заимствования из «Повести временных лет». В виду полученного вывода, считаю вероятным, что и два нижеследующие отрывка попали в Палею из «Повести».

Толк. Палей (изд., стлб. 232)

прияша бо сынове Симови восточныя страны, Хамови же полуденныя страны, Иафетови же сынове прияша западъ и полунощныя страны

«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»

В Афѣтовѣ же части сѣдять: Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Морѣдва, Заволочская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Югра,¹ Литва, Зимѣгола, Корсь, Лѣтъгола,¹ Любь, Ляхѣве же и Пруси

«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»

По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Афѣтови же прияша западъ и полунощныя страны

¹ Так в Ипат.

В Толковой Палее этот отрывок явно вставлен в другой текст, так как читается непосредственно за словами: «суть же вселенья ихъ си».

Т о л к. П а л е я (изд., стлб. 243)

По раздѣлении оубо языкъ богъ вѣтромъ великимъ раздруши столпъ, и есть останокъ его межи Асоура и Вавилова, на поли нарѣцаемѣмъ Сенарь. Есть же останокъ столпа въ высоту и въ ширину мѣра его 5000 и 400 и 30 и 3 локоть.

«П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т»

По размѣненьи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона,¹ и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433 и в лѣта многа хранимъ останокъ.

6. Статья Епифанія Кипрскаго о 12 камнях на ризе Иерусалимскаго первосвященника

Мы находим выражение Великая Скуфъ в «Повести временных лет» дважды. Во-первых, во введении: «Бѣ множество ихъ (Угличей и Тиверцев); сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфъ». Во-вторых, ниже под 6415 (907) г. после длиннаго перечисления племен, во главе которых Олег двинулся из Киева на Греков, читаем: «си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуфъ». Возможно, что соответствующее указание составитель «Повести временных лет» находил в нескольких переводных памятниках византийской литературы. Вероятно, однако, что его источником была в данном случае известная статья Епифанія Кипрскаго, приведенная выше. Она читается, между прочим, в сборнике Святослава 1073 г. Соответствующее место изложено так: «Оуакино акы у чрьмьнь есть обрѣтають же ся въ оутрьнии варь-варии сюриисцѣи. Скоуеюю же нарицають ветъсии страну тоу вся сѣверьскоуя иже соуть гоои и давъние, да тоу оубо въятрь въ поустыни великыя Скоуеия есть дѣбрь зѣло глоубока и человѣкомъ невъходьна» (л. 1530) По-гречески: «Ἰάκινθος ὑποτυρίζων μὲν ἐστίν. Εὐρίσκειται δὲ ἐν τῇ ἐσωτέρᾳ βαρβαρίᾳ τῆς Σκυθίας (вар. Συρίας). Σκυθίαν δὲ εἰώδασι καλεῖν οἱ πάλαιοι τὸ κλίμα ἅπαν τὸ βορειον. ἐνθα εἰσὶν οἱ Γότθοι καὶ Δάνεις. Ἐχει τοί νυν ἐνδου ἐν τῇ ἐρήμῳ τῆς μεγάλης Σκυθίας ἐστὶ φάραγξ λίαν βαθυτάτη καὶ ἀνθρώποις ἄβατος».

Представляется возможным, что составитель «Повести временных лет» был знаком со статьей Епифанія по самому Сборнику 1073 г. Впрочем, эта статья могла находиться и в том хронографѣ, которым руководствовалась Толковая Палее; соответствующее место читаем в издании 1892 г., стлб. 552.

[7]. «Сказание о предложении книг на словенский языкъ»

Под 6406 (898) г. помещено сообщение о прохождении Угров мимо Киева. Вслед за ним идет рассказ о нападении Угров на Волохов и Словен, о покорении уграми Словенской земли. Словами «Бѣ бо единъ языкъ Словѣнескъ» вводится рассказ, содержанием которого является обретение

¹ Выше в летописи указано, что столп построен на «Сенар поли».

славянской грамоты, моравская миссия Кирилла и Мефодия и утверждение как об единстве славянском, так и об апостольской проповеди Павла и Андроника среди славян. Уже это содержание рассматриваемого рассказа, выходящее далеко за поле зрения киевлянина, монаха начала XII в., заставляет признать его составленным не им, не русским летописцем, а лицом, стоявшим ближе, чем он, к событиям, связанным с деятельностью Кирилла и Мефодия. На основании указанного общего соображения предполагаю, что статья, условно названная мною «сказанием о преложении книг на славянский язык», существовала в отдельном от летописи виде и включена в состав «Повести временных лет» в числе других историко-гаурных материалов. Мое предположение подкрепляется еще следующим обстоятельством.

Помещенное в начале «Повести временных лет» введение обнаруживает следы пользования тою самою статьей, которая читается (и читается, как увидим, не в полном виде) под 6406 (898) г. Укажу на эти следы. Сюда относится, во-первых, фраза, на которую я обратил уже ваше внимание выше при обзоре состава «Повести временных лет»: «и тако разидеся Словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская»; вторая часть фразы не стоит во внутренней связи с первой ее частью, но она сильно напоминает сообщение в статье 898 г., где ему естественно место «Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская»; в статье 898 г. приведенное сообщение читается после перечня народов и доказывает с очевидностью связь между статьей 898 г. и вводной статьей. Едва ли допустимо заимствование приведенных фраз из вводной статьи в статью 898 г.: я уже говорил выше, что, например, сообщение о грамоте Словенской, уместное в статье 898 г., совсем неуместно читается в вводной статье; отмечу здесь неверное различие в вводной статье Белых Угров, покоривших себе будто Славян, от Черных Угров, пришедших при Олеге, между тем как статья 898 г. правильно приписывает покорение Славян этим последним Уграм. Невероятно, однако, чтобы составитель вводной статьи почерпнул приведенные выше сообщения из статьи 898 г.; говоря о расселении Славян, он указывает не только на Мораву, Чехов и Ляхов, но также на Белых Хорватов, Сербов и Хорутан; сообщая о Ляхах, он приводит названия отдельных ляхских племен, — всего этого нет в статье 898 г. В виду этого представляется необходимым допустить, что сообщение вводной статьи о расселении Славян заимствовано из «Сказания о преложении книг на Словенский язык» в отдельном его виде, а также, что под 898 г. это Сказание помещено не целиком, а с известными пропусками и сокращениями, зависшими частью от того, что кое-что из этого сказания было уже использовано выше, в вводной статье.

Для того чтобы судить о заимствованиях, сделанных составителем «Повести временных лет» из Сказания, его необходимо восстановить; оно не сохранилось до нас в отдельном виде, мы не видим его в других памятниках (см., однако, нижеследующие соображения). Для восстановления его мы воспользуемся не только текстом, вошедшим из него в «Повестъ

временных лет», но также, с одной стороны, некоторыми общими соображениями о среде, где Сказание могло появиться, с другой, некоторыми указаниями других памятников. Эти соображения и указания мы приведем теперь же, до восстановления текста Сказания по Повести, но сначала поставим себе на разрешение вопрос, почему заимствования из него сделаны в Повести под 6406 г., между тем как имевшиеся во всяком случае в распоряжении составителя Повести данные должны были убедить его в том, что деятельность Кирилла и Мефодия, в частности преложение книг на словенский язык, относятся ко времени более раннему; ср. читающееся под 6376 г. сообщение о вступлении на царство имп. Василия, между тем как под 6406 (898) г. говорится об имп. Михаиле, его предшественнике. Хронологическое определение — 6406 (898) г., под которым помещена рассматриваемая летописная статья, вызывало различные толкования ученых. Существенное разногласие вызывается вопросом, относится ли это определение к сообщению о прохождении Угров мимо Киева или к сообщению об обретении славянской грамоты, преложении на славянский язык церковных книг. В пользу второго толкования приводились, между прочим, довольно многочисленные свидетельства древнерусских памятников о том, что преложение книг относится к 6406 г.,¹ но вполне вероятно, что все эти свидетельства основываются на данных «Повести временных лет», а потому самостоятельного значения не имеют. Первое толкование, нашедшее себе обоснование, между прочим, в труде К. Я. Грота «Моравия и мадьяры» (стр. 262, 263), исходит как из точного смысла летописи, так и из того, что Константин Багрянородный в своем труде «De administrando Imperio» дает понять, что движение угров в Европу произошло в 898 г.² На самом деле Угры впервые появляются на Балканском полуострове в 893 г., причем они терпят поражение от Болгар.

После неоднократных колебаний я считаю себя вынужденным отказаться от признания даты — 6406 (898) г. — хронологическим определением преложения книг; оно слишком явно противоречило бы последовательным указаниям источников на 6363 (855) г., как на год обретения славянской грамоты, на 6377 (869) г., как на год кончины Кирилла, и на 6393 (885) г., как на год кончины Мефодия. Гораздо вероятнее признать 6406 (898) г. определением движения угров, сосредоточив вопрос на том, какое именно движение имел в виду летописец, определяя его 6406 г. Сам он определяет этим годом прохождение Угров мимо Киева: «Идоша Угри мимо Киевъ»; ср. выше в вводной статье: «паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ». Но, во-первых, другие исторические сви-

¹ Ср. в Летописце Никифора патр. по Кормчей 1282 г.: «а отъ 7-го собора до преложения книгъ лѣтъ 77, а отъ Адама 6405». В Соф. 1-й под 6395 читаем: «А отъ Михаила царя до крещения Болгарьския земли лѣтъ 17. А отъ крещения до преложения книгъ 29. А отъ преложения книгъ до крещения Руськия земли лѣтъ 92»; ясное указание на 6406 г.

² Труд Константина Багрянородного относится к 953 г.; по сообщению автора, Угры были вытеснены из южнорусских степей (из Лебедии) Печенегами за 55 лет перед этим.

детельства не подтверждают того, чтобы путь Угров в Европу шел мимо Киева, через Карпаты (ср. ниже: «и устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьския»); составитель «Повести временных лет», устанавливая такой путь, обнаруживает свой источник: это географическая номенклатура; у самого Киева находилась гора, называвшаяся Угорское («мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское», ср. выше под 6390: «и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское»); Карпатские горы назывались во время летописца Угорскими («и устремишася чересь горы великия, яже прозвашася горы Угорьския», ср. выше в вводной статье: «и Кавкасийские горы, рекше Угорьски», под 6523: «пославъ къ горѣ Угорьстѣй»). Во-вторых, все, что мы знаем о хронографических приемах летописца, не позволяет нам допустить, чтобы 6406 г. определял событие, переданное летописцу путем живого предания; как мы видели выше, при обзоре содержания «Повести временных лет», вплоть до 6463 (955) г. нет ни одной даты, которою определялось бы действительно русское событие (исключение составляет 6370 г. — призвание Рюрика, 6387 — смерть Рюрика, 6390 — вокняжение Олега в Киеве, но, как увидим, и эти даты недостоверны, они придуманы, скомбинированы составителем Повести; народная память могла, быть может, удержать в течение столетия память о прохождении Угров мимо Киева, но сохранить какое бы то ни было хронологическое определение этого события (из которого, мог быть извлечен 6406 г.) народной памяти было бы не под силу. Отрицаю поэтому, чтобы рассказ о прохождении Угров мимо Киева и хронологическое определение этого события 6406 г. могли быть извлечены составителем «Повести временных лет» из народного предания и вообще из русского источника (летопись наша не может восходить к X в.).

То обстоятельство, что 6406 (898) г. довольно близко соответствует времени движения Угров в Западную Европу, заставляет признать эту дату не случайною и не придуманною. Мадьяры в 893 г. были уже на устьях Дуная; император Леон дарами склонил здесь их военачальников Арпада и Кусана напасть на Болгар, тревоживших империю. Отразив их нападение, Симеон болгарский обратил свое оружие против Греков. После победы над ними у Булгарофила, Симеон в союзе с Печенегами напал на Мадьяр в Бессарабии и принудил их удалиться к северу, где они и утвердились окончательно между Дунаем и Тиссой. Отсюда видно, что нападение Мадьяр на живших по Дунаю Словен может относиться ко времени около 898 г.; к 895 г. относится занятие ими южной части современной Венгрии. Думаю поэтому, что датой 6406 (898) г. определялось в Сказании о преложении книг овладение Мадьярами средним течением Дуная и покорение ими живших здесь Словен. Совершенно естественно, что составитель «Повести временных лет» этой датой, найденною им в Сказании, определил появление Мадьяр с востока и предполагаемое им (на основании географической терминологии)хождение Мадьяр через Киев.

Сделанный выше вывод о том, что Сказание о преложении книг содержало дату водворения Мадьяр на среднем Дунае, ведет к следующему заключению. Сказание составлено не на Руси, где не могли знать указан-

ного момента, и не в Болгарии, где появление Угров было бы датировано иначе. Оно составлено среди северозападных славян, всего вероятнее в Моравии; Сказание определяется временем после 898 г. В 906 г. была разгромлена Мадьярами Великоморавская держава. Сказание не знает еще о покорении Мадьярами Моравы, но упоминает о том, что Угры «начаша воевати на Мораву и на Чехи». Как увидим ниже, есть основание думать, что Сказание сообщало и о результатах этих войн — о покорении Моравии. Следовательно, Сказание возникло в среде оставшихся в Моравии или Чехии последователей славянского обряда. В этой среде более живо, чем в каком-либо ином славянском центре, чувствовалось славянское единство, сознавалась общность происхождения Славян: Чехи и Морава получили богослужение и священные книги на языке балканских Словен, и сопоставление с этим книжным языком их живых наречий служило постоянным и очевидным доказательством единства славянской семьи. В Македонии и Болгарии знали, конечно, о моравской миссии Солунских братьев, знали, что преложение книг имело место в Моравии; но это оставалось достоянием литературных произведений; Чехия и Моравия были далеко, и налицо не было тех явлений, что постоянно напоминали бы о единстве славянской семьи. Что Сказание возникло именно среди славян северозападных, видно из того, что оно перечисляет значительное число северозападных славянских племен и знает даже, где они сидели: «яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава», «Словѣни же ови пришедши сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове»; кроме того, названы Чехи и ляшские племена: Поляне, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Западное происхождение Сказания выясняется и из той роли, которая отводится в нем Волохам. Волохи покорили себе Славян; Угры прогнали Волохов и овладели Славянской землей. Кто же эти Волохи? Это, конечно, подданные монархии Каролингов. В состав монархии входили Италианцы; романские элементы этой монархии, в противоположность германским, могли называться у славян Влахами, Влохами (русск. Волохами). Напомню, что победа Карла Великого над Аварями, занимавшими землю Славян, была решена италианскими войсками под начальством его сына. Едва ли русские или болгары знали о Волохах на Дунае, в области к югу и юго-западу от Моравии, но, конечно, в Моравии и Чехии могли помнить и знать о господстве Карла Великого и его потомства в указанных местностях.¹

Сказание о преложении книг попало в Россию в XI в., так же как легенда о Вячеславе чешском и некоторые другие памятники, возникшие в Чехии; ссылка Нестора на житие Вячеслава доказывает, что оно было известно в Кieve до 1109 г., когда Нестор составлял свое чтение о мученики Бориса и Глеба. Можно думать, что Сказание о преложении книг отразилось не только в «Повести временных лет», но еще и в других русских памятниках.

¹ В житии Мефодия читаем: «и соуть въ ны въшьли оучители мнози крѣстьяни из Влахъ и из Грѣкъ и из Нѣмьць».

Обратим внимание, во-первых, на связь Сказания о преложении книг с известной статьей, посвящею заглавие «Повесть о Латынях, когда отлучишяся отъ Грекъ и святыя божія церкви» и т. д. (См. текст этой статьи у А. Н. Попова в «Историко-литературном обзоре древнерусских полемических сочинений против латынян», стр. 178 и сл.) Здесь находим; между прочим, краткие сообщения об обращении в христианство Болгар, Русов и Угров. О Болгарах читаем: «и отъ сихъ оубо Скиѣвъ глаголемыи Болгаре, иже по Истроу живоуть, обѣими странами, его же ти языкомъ своимъ Дунавъ нарицають, иже и сии глаголемыи Болгаре бѣша и врази Греческааго царьства на лѣта многа, тѣмже и многу соущоу языкоу томоу, тѣмже и обладааша всю землю Мисиискою и населишася родове ихъ дажде до Илирика к западоу». Подчеркнутые слова находят себе соответствие в вводной статье «Повести временных лет»: «придоша отъ Скуфѣ, рекше отъ Козарь, рекомии Болгаре и сѣдоша по Дунаевеи». Вводная статья, согласно сделанным выше указаниям, руководствовалась между прочим Сказанием; можно думать, что подчеркнутые слова заимствованы именно из Сказания (слова «рекше отъ Козарь», как мы уже знаем, восходят к славянскому переводу Амартола). В таком случае окажется, что Сказание стоит в связи с «Повестью о Латынях». Подчеркнутые в приведенном из Повести отрывке места заимствованы им из Сказания, или из общего со Сказанием источника. Считаю возможным допустить, что составитель Повести имел в своем распоряжении Сказание о преложении книг. Из содержания Повести видно, что в числе ее источников были русские: так, на основании русского источника императорами, при которых крестился Владимир, названы Константин и Василий (а не Василий и Константин); ср. такой порядок в уставе Владимира Святославовича, а также в некоторых видах его жития; на основании именно русского источника могло явиться сообщение о том, что Владимир со всею силою своею великою, пойдя на царство Греческое, дошел до самого Царьграда. Можно думать, что составитель Повести имел в своем распоряжении и Сказание, особенно для него интересное потому, что в нем говорилось о нашествии Угров, а крещению последних посвящен значительный отрывок в Повести. И вот возникает вопрос, не сообщало ли Сказание о христианском просвещении Угров.

В статье 898 г. читаем в «Повести временных лет» две следующие одна за другой фразы: «и начаша воевати Угри на Греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску даже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и на Чехи». Ясно, что такое чтение не может быть первоначальным. После первой фразы выпущен отрывок, признанный составителем Повести не относящимся к делу. Что же могло быть в этом отрывке? Думаю, что здесь повествовалось об обращении Угров в христианство и о подчинении их греческой духовной власти (ср. крещение около 950 г. двух мажарских воевод и присылку Греками в Венгрию духовной миссии). Во всяком же случае ясно, что за словами «и до Селуня» пропуск: зачем вообще было упоминать о войнах

Угров с Греками? И к какому моменту относится пленение Уграми Фракии и Македонии? Если такая догадка верна, то и за фразой о войнах Угров с Моравой и Чехами могло следовать сообщение о покорении ими Моравии, а засим и о появлении латинского духовенства, о проповеди Войтеха (Адальберта), обратившего главного венгерского вождя Стефана, крещенного по восточному обряду, в лоно римской церкви (около 995 г.), а также об изгнании Войтехом славянского богослужения и славянской грамоты из Моравии и Чехии. Читаем же мы в статье 898 г.: «Симъ бо первое преложены книги, Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота естъ в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ». Значит в Моравии ее уже нет — и это известно составителю Сказания о преложении книг; естественно, что он должен был упомянуть о том, как уничтожилась славянская грамота в Моравии.

Во-вторых, и в связи с только что сказанным относительно возможности упоминания в Сказании обстоятельств, при которых уничтожилась славянская грамота в Моравии, обращаю ваше внимание на следующий отрывок, читающийся к концу «Слова о крещении Владимира и обретении русской грамоты»: «Потом же многимъ лѣтомъ минуувшемъ пришедеъ Войтѣхъ в Мораву и в Чехи и в Ляхи, разруши вѣру правую и Рускую грамоту отверже, а Латыньскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы посече, а други разгна, і иде въ Проускую землю, хотя и тѣхъ въ вѣру Латынскую привести, и тамо оубиенъ Войтѣхъ Латыньски пискупъ». Представляется вероятным, что «Слово о крещении Владимира», связанное с памятниками кирилло-мефодиевской литературы тем, что содержит в себе заимствование из Жития Кирилла, взяло приведенный отрывок из Сказания о преложении книг. Слова «в Мораву и в Чехи и в Ляхи», читаемые в этом отрывке, сравните с упоминаемыми в том же порядке в Сказании именами: «Морава и Чеси и Ляхове»; сообщение о Войтехе ведет нас к северо-западным Славянам, а Сказание, как мы видели, содержит следы северо-западнославянского происхождения. И еще одно соображение. В вводной статье к «Повести временных лет» читаем: «Ляхове же и Пруси»; откуда эти Пруси? Не возводятся ли они все к тому же Сказанию, где, согласно с только что сделанным предположением, говорилось о земле Прусов, убивших епископа Войтеха.

Таким образом мы получаем несколько новых данных, не сохраненных «Повестью временных лет», для восстановления текста Сказания о преложении книг. Согласно вышесказанному, памятник этот возник у северо-западных славян. В том обстоятельстве, что он повествует об отвержении Войтехом правой веры и «Словенской» грамоты, утверждая, что словенская грамота сохранилась в Руси и Болгарах Дунайских, я не вижу противоречия высказанному утверждению: действительно, Сказание могло возникнуть среди северо-западных славян восточного обряда в такой момент, когда этому обряду грозило полное изгнание и запрещение. На западнославянское происхождение Сказания указывает еще следующее обстоятельство. В конце статьи 898 г. читаем: «Тѣмже Словѣнску языку учитель естъ Анѣдроникъ апостолъ, в Моравы бо

ходиль: и апостоль Павелъ училь ту; ту бо есть Илюрикъ, егоже доходиль апостоль Павелъ, ту бо бѣша Словене первое. Тѣмже и Словенску языку учитель есть Павелъ». Притязанию на то, чтобъ Павел апостол был учителем Словен, естественнее всего было явиться на Западе, в пограничной области, где происходила борьба греческого и латинского влияния. Вспомним, что несколько ниже, под 6494 (986) г., «Повесть временных лет» влагает в уста немецких проповедников, приходивших к Владимиру, слова: «аще кто пьеть или яеть, то все въ славу божью, рече учитель нашъ Павелъ».

Неясно, почему составитель Сказания вспомнил об Иллирике. Скорее всего, что это зависело от его географической осведомленности: он знал, что Паннония, ставшая епископией Мефодия, соседила с Иллирией. Относительно же Иллирии ему было известно свидетельство, по которому проповедь апостола Павла простиралась от Иерусалима до Иллирии. Ср., напр., в южнорусском апостоле XV в.: «святый Павелъ. . . отъ Иерусалима даждь и до Лирика Христа проповѣдавъ». Составитель «Повести временных лет» обратил нарочитое внимание на указание Сказания, сообщавшего, что «Словѣне бѣша первое въ Иллирикѣ», и на основании этого указания вставил имя Словен за «Илюриком» в перечень стран, доставшихся Иафету, в вводной статье к Повести.

В статье 898 г. в прямой связи с сообщением о Словенской грамоте видим рассказ о моравской миссии Кирилла и Мефодия. Не сомневаюсь, что рассказ этот заимствован в «Повесть временных лет» из рассматриваемого Сказания о преложении книг и составлял главное его содержание. Сказание заимствовало рассказ, как увидим, главным образом из Жития Мефодия, но дополнило и изменило его. Остановлюсь на этих изменениях: они могут, как сказано, восходить к Сказанию, но Сказание не дошло до нас в первоначальном виде; это и заставляет обратиться в данном случае к первоисточнику, а именно к непосредственному сопоставлению с ним (Житием Мефодия) летописного текста.

[Повесть временных лет]

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ. Ростиславъ, и Святотополкъ и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «земля наша крещена и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказаль, и поучаль насъ, и протолковаль святыя книги; не разумѣемъ бо ни Гречьску языку, ни Латынску; они бо ны инако учать, а они бо ны и инако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ. И посльте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная слова и разумъ ихъ. Се слышавъ

[Житие Мефодия]

Прилучи же ся въ ты дни Ростиславъ князь Словѣнскъ съ Святотополкъмъ посласта из Моравы къ царю Михаилу, глаголюща тако: яко Божию милостию съдрави есмь, и соуть въ ны въдѣли оучители мнози крѣстьяни из Влахъ и из Гръкъ и из Нѣмьць, оучаще ны различъ, а мы Словѣни, проста чадь, и не имамъ, иже бы ны наставиль на истинуу и разоумъ съказаль, то добрыи владыко посльми такъ моужь, иже ны исправитъ всякоу правьдоу. Тьгда пѣсарь

царь Михайлъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскихъ князь. И рѣша философи: «есть мужъ в Селуни, именовъ Левъ, и суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра 2 сына у него философа»: Се слышавъ царь, посла по ня в Селунъ ко Львови, глаголя: «посли к намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина». Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: «се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святагы книги; сего бо желаютъ». И умолена быста царемъ, и посла я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови. Сама же приходъшема, начаста съставляти писмена азъбуковная Словѣньски, и преложиста Апостолъ и Евангелъе; и ради быша Словѣни, яко слышаша величья божия своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь, и Охтайхъ, и прочая книги. И всташа нѣщии на ня, ропщуще и глаголюще: «яко не достоинъ ни которому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, разетъ Евръи, и Грекъ, и Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестъ господни написа». Се же слышавъ папезъ Римский, похули тѣхъ, иже ропщуть на книги Словенския, река: «да ся исполнитъ книжное слово, яко възхвалятъ бога вси языци; другое же: вси възглаголютъ языки величья божья, якоже дастъ имъ святыи духъ отвѣщевати; да аще хто хулитъ Словѣньскую грамоу, да будетъ отлученъ отъ църкве, донде ся исправитъ; ти бо суть волци, а не овцы, яже достоинъ отъ плода знати я и хранитися ихъ. Вы же, чада божья, послу-

Михайлъ рече къ философоу Костянтиноу: «слышиши ли философе рѣчь сию; ивъ сего да не можетъ сътворити развѣ тебе; тѣ на ти дари мнози. И поимъ братъ свои игоумень Мефодия, иди же. Вы бо еста Селоунянина да Селоуняне вси чисто словѣньскы бесѣдоуютъ». Тѣгда не съмяста ся отрещи. . . И абие оустроивъ писмена и бесѣдоу съставль, побути ся ять Моравьскаго, поимъ Мефодия.

(Ср. ниже: *псалтырь* бо бѣтъкъмо и евангеліе съ апостолъмъ и избранными слоужьбами църквьными съ философъмъ *пръложилъ пръвѣ*). Бяхоу же етера многа чады, яже гоужахоу Словѣньскыя книги глаголюще: *яко не достоинъ никому же языку имѣти боуквъ своихъ, разетъ Евръи и Грекъ и Латинъ по Пилатову писанью, еже на крестъ господни написа, еже апостоликъ Пилатъны и трязычники нареклъ проклять. . . И посъла и написавъ епистолю сию: . . да ся исполнитъ книжное слово, яко възхвалятъ господа вси языци и другоиде: вси възглаголютъ языки различны величья божия, якоже дастъ имъ святыи доухъ отвѣщевати. Аще же кто отъ сбьраньныхъ вамъ оучитель. . . начьнетъ дързноувъ инако развращати вы, гадя книги языка вашего, да будетъ отълученъ не тѣкъмо въсуданъ и църкве, донде ся исправитъ; ти бо соуть волци, а не овцы, яже достоинъ отъ плодъ ихъ знати и хранитися ихъ. Вы же чада възлюбленная, послушайте оученія божия и не отриньте наказания църквьнаго, да ся обрящете истиннии поклонители божии, отъцю нашему небесьному, съ всѣми святыими, аминь». Приятъ же и Коцль съ ве-*

шайте ученя и не отрините наказанья церковнаго, яко же вы наказал Мефодий, учитель вашъ». Костянтинъ же възвратися въспяты, и иде учить болгарскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посемъ же Коцелъ князь постави Мефодья епископа в Пании, на столъ святаго Ондроника апостола, единого отъ 70, ученика святаго апостола П.вла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зъло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словънескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же, достойну хвалу и славу богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодью, настольнику Анѣдроникову.

ликою чѣстью и паки посъла и къ апостоликоу и 20 мужъ чѣстны чади, да и ему святить на епископство въ Панонии, на столъ святаго Андроника апостола отъ 70, еже и бысть. . . Прѣже же отъ оученикъ своихъ посажъ дѣва попы скорописця зъло, прѣложі въ бързѣ вся книги исполнь, развѣ Маковѣи, отъ Грѣчьска языка въ Словънескъ шестию мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двуюдесятоу и шестию день октября мѣсяца. Окончавъ же, достойною хвалоу и славою богу въздасть, дающему таковоу благодать и посѣхъ и святое възношение таинное съ клиросемъ възнесъ.

Из сделанного сопоставления видно, что составитель Сказания обратился к житию Мефодия только во второй части своего изложения деятельности Солунских братьев. Что до первой части, то она составлена им, как кажется, по памяти, без всякой справки с источниками. Отсюда ряд противоречий с источниками. Посольство к Михаилу не могло быть отправлено от Ростислава, Святополка и Коцела: Коцел был немецким вассалом и не имел права сноситься непосредственно с Византией; отец Кирилла и Мефодия уже не был в живых, когда прибыло моравское посольство; азбука составлена Кириллом в Константинополе, еще до отправления в Моравию. Но даже и во второй части Сказания составитель не держится точно Мефодиева жития. Последнее не сообщает ни о возвращении Кирилла, ни о том, что он отправился учить Болгар. Правда, мы читаем в житии Мефодия: «и трѣмъ лѣтомъ ишѣдъшемъ, възвратистася из Моравы, оученикъ наоучыша»; но дело идет о возвращении обоих братьев (временном возвращении их в Константинополь?), а не одного Кирилла. Проложная статья о Кирилле говорит, правда, о проповеди Кирилла в Болгарии, куда он отправился после научения Моравы («посемъ иде в Моравоу, многи наоучи вѣровати Христови и Замбриа еретика молитвоу оумоли, иже наоусти оубити святаго; посемъ иде в Болгары и проповѣда Христа; такоже и в Словѣны пришедъ вся грады наоучи по Дунаю Христовѣ вѣрѣ»), но едва ли можно заключить отсюда о пользовании со стороны составителя Сказания проложною статьей. Скорее слова «и иде учить Болгарскаго языка» обязаны домыслу составителя Сказания, знавшему, что словенская грамота имеется и у Болгар. Мне представляется невероятным, чтобы рассказ о Кирилле и Мефодии был

составлен русским летописцем, составителем «Повести временных лет». Мы знаем, что выписки из источников делаются им вообще точно. Не вижу основания, почему он отступил бы от этого приема в статье о предложении книг; не думаю также, чтобы он решился отвлечься от своего труда, составления «Повести временных лет», для творческого акта, самостоятельного пересказа жития Мефодия. Быть может, причиной неравномерного пользования житием Мефодия в обеих частях Сказания было то, что это житие говорит недостаточно о юных годах обоих братьев, не повторяя того, что излагало житие Кирилла; не имея под руками последнего памятника, составитель Сказания прибег к припоминаниям; имя Льва, отца солунских братьев, пребывание его в Солуни вспомнились ему из ранее прочитанного жития Кирилла.

После всего сказанного о недошедшем до нас памятнике «Сказании о предложении книг на словенский язык» выясняется возможность его восстановления. В виду крайней важности этого источника для изучения «Повести временных лет» я решаюсь предложить восстановление текста Сказания в следующем виде:

«Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣливъше землю жребьи метавъше, живяху кждо въ своей части. И бысть языкъ единъ. И умноживъшемся чловѣкомъ на земли [*далее рассказывалось о столпотворении и расселии языкъ*]. По мнозѣхъ же временъхъ сѣли суть Словѣне по Дунаеви, кде есть нынѣ Угърска земля и Българска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, кде сѣдъше на котормъ мѣстѣ. Волохомъ бо нашдъшемъ на Словѣны на Дунайскыя и сѣдъшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣне же ови прешдъше сѣдоша на рѣдѣ именьмъ Морава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; ови же прешдъше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, отъ нихъ же суть Поляне, друзи Лутичи, ини Мазовъшане, ини Поморяне. Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунай, придоша отъ Скуфѣ рекомии Българе и сѣдоша по Дунаеви и насельници Словѣномъ быша, и приша землю Словѣнску, и отътолъ прозвася земля Българска. И тако разыдеся Словѣнскыи языкъ. Бѣ бо единъ языкъ: Словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же преяша Българе, Хървати Бѣлии и Сърбь и Хорутане, Морава же и Чеси, а се ти же Словѣне, симъ бо първое предложены кнѣигы, яже прозвася грамота Словѣнская, Ляхове же и Поляне.

Словѣномъ живуцимъ крещенымъ, кнѣязи ихъ Ростиславъ и Святопѣлкъ и Коцьлъ послаша къ цѣсарю Михаилу глаголюще [*далее какъ в «Повести временных лет» под 6406 г.*]. Окончавъ же достойну хвалу и славу богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодью, настоянику Анѣдроникову. Тѣмъже Словѣнску языку учитель есть Анѣдроникъ апостолъ, в Моравы бо ходилъ. И апостолъ Павълъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павълъ, ту бо бѣша Словѣне първое. Тѣмъ же и Словѣнску языку учитель есть Павълъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣнску языку.

Посемь Угри, пришедше отъ вѣстока къ Дунави, почаша воевати на живуща ту Волохы и Словѣны и наслѣдиша землю Словѣнскую, прогнавъще Волохы, иже бѣша прѣже прияли землю ту, и сѣдоша съ Словѣны, покорившѣ я подѣ ся, и отътолѣ прозвася земля Угърьска. *Се же бысть въ лѣто 6406. И начаша воевати Угри на Гръкы и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня [далее сообщалось о крещении Угров по греческому обряду, бытъ может, также о смерти Стефана; об усиленной проповеди Латинян и об отпадении Угров в злочестивую веру латынскую].*

И начаша Угри воевати на Мораву и на Чехы [далее сообщалось о покорении Моравы]. *Потомъ многомъ лѣтомъ минуувшемъ, пришедъ Воитѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши въру православную и Словѣнскую грамоту отвърже, а Латынскую грамоту и въру постави, правяя въры иконы поужже, а епископы посьче, а другыя разгна, и иде въ Прусскую землю, хотя и тѣхъ въ свою въру привести, и тамо побиевъ бысть Воитѣхъ, Латынскимъ пискупъ.*

Курсивом набрано то, что не вошло в «Повесть временных лет». Начало «Снмъ, Хемъ и Афетъ. . . умноживъшемся челоуѣкомъ на земли» вошло в «Повесть» (изд., стр. 6), но рассказ о столпотворении не помещен потому, что заменен рассказом, составленным по Амартолу и по хронографу (ср. выше, стр. 74). Из последнего отрывка заимствовано в «Повесть временных лет» имя Прусов в перечне народов (изд., стр. 3), причем они естественно попали за Ляхами. Вместо предположенного: «Ляхове, отъ нихъ же суть Поляне» составитель «Повести» дает явно испорченное чтение: «Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове». Предположенное ниже «Ляхове же и Поляне» изменено в «Ляхове и Поляне, яже цыгѣ зовомая Русь». Как кажется, русские племена остались вообще совсем неизвестны Сказанию. Слова «а се ти же Словѣне» я поместил за словами «Морава же и Чеси» на основании того, что они в «Повести временных лет» читаются за словами «Морава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася». Восстанавливаю слова «и прияша землю Словѣнскую и отътолѣ прозвася земля Българьска» на основании дальнейшего, где говорится о покорении Славян Уграми.

А. Е. Пресняковым было высказано предположение о том, что рассказ об Обрах, примучивших Дулебов, восходит к тому самому западнославянскому источнику, который лежит в основании Сказания о преложении книг на словенский язык; Дулебы — это не русские Дулебы, а чешские дудлебы (Doudlebi). Предположение остроумно и заманчиво, но признать его вероятность не могу потому, что рассказ о Дулебах не согласуется с общим тоном Сказания, как оно предположительно восстанавливается. Кроме того, память об Обрах жила и на Руси; это видно из следующих слов летописца: «и есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ». Но считаю вполне вероятным, что об Обрах упоминало и Сказание: на основании всего этого допускаю, что вместо «Волохомъ бо нашьдѣшемъ на Словѣны на Дунаискыя и сѣдѣшемъ въ нихъ и насиляемъ имъ» в Сказании читалось «Обромъ», а ниже после «а ини Поморяне» сообщалось: «посемь же

нашьдъше Волоси прогънаша Обры и прияша землю Словѣньскоу». В таком случае ниже, после «прогънавше Волохы» не читалось: «иже бѣша преже прияли землю ту». Составитель «Повести временных лет» пропустил Обров, решив сказать о них отдельно в связи с русским народным преданием.

Любопытна связь Обров и Угров, замечаемая в нескольких памятниках древней письменности. Напр., в Симеоновом «Златоструе» читаем: «Разно бо семъ отъ скота и уньши звѣри, и еже вѣдѣти доброе и зѣлое, да аще мы се ныне знаемъ, не мы же тѣчию, нъ и Оугъри и Объри, колыми паче тѣ чловѣкъ тѣгда пѣрвѣе грѣха знаяше», по-гречески *Σχῆθαι καὶ Βάρβαροι* [ср. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. XXI. Златоструи. Сб. ОРЯС АН, т. I, № 6—9. 1867, стр. 1—5.]

8. Откровение Мефодия Патарского

В «Повести временных лет» под 6604 (1096) г. находим двукратную ссылку на Мефодия Патарского. Во-первых, объясняя происхождение Головцев, летописец указывает на сообщение Мефодия о восьми племенах Измаиловых, бежавших в пустыню; во-вторых, ниже по поводу рассказа о каком-то северном народе, живущем за высокими горами, в соседстве с Югрой, летописец припоминает указание Мефодия Патарийского на заклятые Александром Македонским нечистые народы. Обе ссылки, сделанные летописцем или, как указано выше (стр. 25), быть может, двумя летописцами, относятся к сочинению, известному под именем «Откровения Мефодия Патарского». Этот труд анонимного автора, приписываемый Мефодию, епископу Патарскому (III—IV в.), восходит, вероятно, к IV в. и излагает в эсхатологическом тоне всю историю человечества, от Адама до второго пришествия Христа в седьмой тысяще. О славянских переводах Откровения имеется обстоятельное исследование В. М. Истрина: «Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах» (М., 1897). Славянских переводов, по указанию В. М. Истрина, было два. Судя по хронологии списков, можно думать, что один из переводов был старше другого. Оба они сделаны были в Болгарии, второй, по предположению В. М. Истрина, в XIII—XIV в.; первый — был сделан раньше, причем у нас на Руси он был известен автору начальной летописи, т. е. в начале XII в. То обстоятельство, что *Тоурхои* и *'Авѣреис* в первом переводе переданы через «Оугорьско и Обърьско царство», между тем как во втором — «Турци и Авари», указывает, как думает Истрин (стр. 173), на разные эпохи перевода; первый перевод выше отмеченной передачей сближается с переводом хроники Амартола, где, как мы видели, *Тоурхои* также передано через Оугри, а *'Авѣреис* через Обри.

Первый перевод в 1897 г. был известен В. М. Истрину в шести списках. Они распадаются на две группы: к первой относятся Синод. XVI—XVII в. № 591; ко второй — Хиландарский XII—XIII в. № 24 и сходные с ним Берлинский XIII в. № 48 и Белградский XVII в. № 149 (остальные списки неполные). Главное отличие между обеими группами заключается в том, что начало «Откровения» читается в них в двух различных переводах; про-

чем, это начало обнимает всего строк 20 печатных изданий; вполне вероятно предположение Истрина, что второй перевод (и именно содержащийся в Синод. списке) изготовлен был вследствие утраты листа в одном из экземпляров первого перевода.

Обратившись к летописным отрывкам, Истрин указал на близость первого отрывка к тексту первого перевода, следовательно, древнего болгарского перевода. Но анализ второго отрывка обнаружил в нем при общей близости к этому же первому переводу несколько чтений, общих со вторым болгарским переводом, возникшим, по его мнению, в XIII—XIV в. (ср. стр. 143—145, 156, 174). Эти общие со вторым переводом черты летописного текста Истрин не решился возвести ко второму переводу. «Таким образом, — заключает он свои замечания о летописных отрывках, — вывод будет тот, что летописец имел у себя текст первого перевода, но зависели ли его поправки и изменения от других источников, или же совпадения были только случайны — остается неизвестным. То обстоятельство, что Откровение Мефодия было уже у летописца, приводит к выводу, что первый перевод в начале XII в. существовал уже у нас на Руси. Что касается кажущегося пользования вторым переводом, то тут еще затруднение является в том, что второй перевод по некоторым основаниям, как увидим далее, нельзя с достоверностью возводить к такому времени, чтобы летописец мог им воспользоваться». Однако утверждению Истрина о кажущемся пользовании вторым переводом противоречат как будто сделанные им самим выше указания: чтению летописи «и створиша врата мѣдная» во втором переводе соответствует «и створи врата мѣдна» (*καὶ κατεσκεύασε πύλας χαλκᾶς*), между тем как в первом переводе «и оковаше врата желѣзныи». Едва ли совпадение летописи со вторым переводом в приведенном чтении могло произойти случайно. В 1911 г. в Русск. Филолог. Вестнике (№ 1, стр. 81 и сл.) появилась статья П. И. Потапова «К вопросу о литературном составе летописи». Изложив приведенные выводы В. М. Истрина и коснувшись вопроса о совпадении летописного текста то с первым, то со вторым переводом, Потапов указал на то, что для правильного суждения об отношении летописи к тексту Мефодия Патарского нужно было бы восстановить древнейший русский текст Откровения, не ограничивая своего внимания позднейшими южнославянскими и русскими списками. Потаповым приведены основания в пользу того, что в русских древнейших списках текст Откровения читался несколько иначе, чем в дошедших до нас русских списках; а именно он показал, что текст интерполированной редакции, составленной по исследованию В. М. Истрина в XV в. по первому переводу, содержит несколько чтений более близких к летописным отрывкам, чем чтения дошедших до нас списков первого и второго переводов. Этим важным указанием П. И. Потапова я воспользуюсь в дальнейшем анализе летописного текста.

Предположение названного исследователя о том, что текст Откровения, бывший в распоряжении летописца, мог отличаться от дошедших до нас списков первого перевода, находит себе подтверждение в том обстоятельстве, что до нас дошел список особого, несомненно, древнего перевода,

отличного как от первого, так и от второго переводов; этот список содержит ряд чтений, сближающих его с летописною передачей Откровения. Имеем в виду список Откровения, читающийся в конце Воскресенского Новоиерусалимского хронографа (лл. 730—742). Перевод Откровения настолько отличается здесь от первого перевода, представленного Хиландарским, Синодальным и другими списками, что я не колеблясь признаю его восходящим к особому от первого перевода.

Приведу для подтверждения несколько отрывков из Откровения по списку Воскресенского хронографа и дам тут же соответствующий текст первого и второго переводов.

Начало II главы (по делению В. М. Истрина):

«И еще въ 300-ное лѣто Ноево 3-я тысяща родися сынъ Ноеви подобень ему и нарече имя ему Мунтъ; въ 300-ное же лѣто 3-я тысяща дасть Нои даръ сыну своему Мунтови и отпусти и въ землю восточную». — Ср. Синод. № 591: «Седмисѣтъ же лѣтъ Ноеви соуца въ первое сто лѣтъ третѣе тысяща родися оу него сынъ вонь, и сѣтвори ему имя Моунтъ; въ трисѣтъное же лѣто сотвори благодатное сыну своему Моунтоу, и отлоусти и жить на полоунощныи земля». Во втором переводе (Истрин, 103): «Въ седмосѣтъное же лѣто третие тридесетнице родисе Ноеви сынъ подобень емоу и нарече име его Монитонь; въ та же лѣта дасть сынови своему Монитоу дары и отпусти его на вѣстокъ».

Начало IV главы:

«И отъ Неврота бо чистителя до Перуседья царя гагинта и до земля Вавилонския и отъ Перуседья до Сиса старца и отъ Сиса до Ирояна царя Перска и отъ Сиса до Переседета царствоваша отъ Лениита и Оіона и Перьзетка до Недриса Вавилонскы царь и поя Иньдрисъ жену именемъ Екияту отъ Араратъ и роди тому сына Ардомихезара». Ср. Синод. № 591: «Отъ Неврота бо жерца до Пероуздя царя изудовска, земля Вавоулоньскы, и отъ Пероуна до Сиса старого, а отъ Сиса Роиганъ царь Персескъ, отъ Сиса же до Пероустига царствоваша отъ Лека и Фоуна и Перустига до Нерига Вавулоньстии царе и поа Неригъ женоу отъ Пата отъ Арарата и родися отъ него Ардимехотарази». Во втором переводе (Истрин, 105): «Отъ Неврода іереа до Перса царство исполинское дръжааше Вавулонъ и отъ Перса даже до Сіфа не бысть, даже до Есроа бо царствовааху Перси, а отъ Левона до Фоуна даже до Енеріа Вавилонѣне царствовааху, и възеть Сенерифъ женоу красну нѣкоую отъ Наѳа и отъ Арааѳы и роди ему Авимелеха и Сарасу».

Конец VII главы:

«Не 1000 ли лѣтъ царствоваша Еврѣи и потомъ отпаде царство ихъ и Египтяне 600 суца лѣтъ царствоваша и ти погибоша такоже и Вавилоняне 4000 лѣтъ царствоваша и ти погибоша, и Македонску бо отпадшо царство Египетско вооружися на Римско варварско царство, рекше же Турци и Обри тѣ погублени быша тѣми». Ср. Синод. № 591: «Не стоа ли тысоуца лѣтъ царство Жидовско и рассыпая, Егюпетьско три тысоуца лѣтъ не стояли и тыи погибоша, Вавоулонянем же такожде четвертаа сен есть тысящи царство держащи, но и тѣхъ разорится; разорившу бо ся Макидоньску царству воевати начнеть на Грьчьско царство; и еже то соуть

царства ина поганныхъ странъ, Обърско и Оугорско погибноуть отъ Грькъ и повоюють Персы». Во втором переводе (Истрин, 108): «Не тысоуща ли лѣтъ царствоваше Евреи и отсѣчесе царство ихъ, Егвптѣне же три тысоучи и прѣсташе и тиѡ, Македонское бо царство и Егвптское обличися на Грьки, ибо царство варварское, иже соуть Турци и Авари, поглыщено будетъ имь».

Отрывок XI главы:

«Тогда отверзутся врата сѣверская и изидуть силы странски, иже бѣша сѣдящей изутрь и подвигнетца отъ лица ихъ вся земля и убоятся вси чловѣци и скрыются въ горахъ и въ пещерахъ и во гробѣхъ и обумрутъ страхомъ и погибнуть мнози, и не будетъ погребяющаго телесъ. Исходящая же языци страны отъ сѣвера ядятъ плоти чловѣчески и пють кровь скотскую яко воду и ядятъ нечиста змя и скоропия и вся гнусныя нечистыя звѣри, котки и комары и мухи и гады поползаяця по земли и мертвыхъ телеса, изовраги женския, и исколють младенца и сварятъ я и подадять я матеремъ ихъ на изъядение и погубятъ землѣ и осквернятъ ю и не будетъ противу могущаго стати». В Синод. № 591: «Тогда отверзуются врата сѣверная, изидоуть силы языкъ, иже бѣша заключені оутрь и подвижется вся земля отъ лица ихъ, и смятоутся чловѣци и побѣгнууть, и начноуть ся крыгги в горахъ, и въ пещерахъ, въ гробѣхъ, и измроуть отъ страха и истлѣють мнози и не боудеть погрѣбяющаго телесъ. Изшедше бо языци отъ сѣвера ѣсти начноуть плоти чловѣцѣскы и крови скотия пити, акы водоу и вся нечистаа и гноуснаа, ѣсти начноуть змя, скорпия и ины гады земныя, и звѣри нечистыя и мертвъчиноу, и извраги женьскы, и закалати начнутъ младеньца и пекоуще а ѣсти начноуть и матеремъ начноуть даяти, и своа чада ѣсти и истлять землю и осквернять ю и потребять ю». Во втором переводе (Истрин, 113): «Тогда отвръзутеѣ врата сѣвернаа и изыдоуть силы язычкыя, яже бѣху затворени выѣтрьюдоу, и подвижитсе вса землѣ отъ лица ихъ и оустрашат же се чловѣци и побѣгнууть и ввѣргоутъ себе въ горы и въ пещеры и въ гробы и оумрутъ мнози, и не будетъ погрѣбяющаго ихъ. Езыци бо исходѣще отъ сѣвера съѣдетъ плъти чловѣчкыи и пють крови звѣремъ якы водоу и съѣдетъ нечистаа и змя и скорпия и вса мръскаа и гнусныя звѣрѣ и гады плъзающіе по земли, скотская же мрътвыца и изврғы женьскыи и заколѣтъ младыце и дадѣтъ ихъ матеремъ ихъ и съѣдетъ ихъ и растлѣтъ землю и осквернѣтъ и затриють я».

Различие трех переводов очевидно. Отмечу, что из приведенных отрывков видно, например, что греч. *ἔδοξε χάρισματα* переведено в Хроногр. сп. «даеть даръ»; в Синод. № 591: «сѣтвори благодатное»; во втором переводе: «дасть дары»; *ἐν τῇ γῆ τῆς ἐφ᾽ ἄρας* — в Хроногр.: «въ землю вѣсточную»; въ Синод. № 591: «на полоунощныи земля»; во втором переводе: «на вѣстокъ»; *Ἀπὸ Νεβρώων γὰρ τοῦ ἱερέως (вм. ἡρώως)* — в Хроногр.: «отъ Неврота бо чистителя»; в Синод.: «отъ Неврота бо жерца»; во втором переводе: «отъ Неврода іереа»; *ἡ βασιλεῖα τῶν γιγάντων* — в Хроногр.: «царя гиганта» (описка гагинта); в Синод. № 591: «царя изудовска»; во втором переводе: «царство исполинское»; *Τούρκοι καὶ Ἀβάρες* — в Хроногр.: «Турци и Обри»; въ Синод. № 591. «Обърско и Оугорско»; во втором переводе: «Турци и Авари»; *αἱ δυνάμεις*

τῶν ἐθνῶν — в Хроногр.: «силы странски»; в Синод. № 591: «силы языкъ»; во втором переводе: «силы язычскыя»; οἱ ἦσαν καθευγμένοι ἐνδοθεν — в Хроногр.: «иже бѣша сѣдящи изутрь»; в Синод. № 591: «иже бѣша заключени оутрь»; во втором переводе: «яже бѣху затворени вынѣтрьюду; ἀρούσονται — въ Хроногр.: «убоятся»; в Синод. № 591: «смятоутся»; во втором переводе: «оут; ашатсе»; καὶ κρόφουσιν ἑαυτοὺς ἐπὶ τὰ ὄρη — в Хроногр.: «и скрююся въ горахъ»; в Синод. № 591: «и начноуть ся крыти в горахъ»; во втором переводе: «и ввѣрьгоуть себе въ горы»; αἷμα θηρίων — въ Хроногр.: «кровь скотскую»; в Синод. № 591: «крови скотия»; во втором переводе: «крви звѣремь»; καὶ φερούσι τὴν γῆν καὶ μιλνοῦσιν αὐτήν (в некоторых списках добавлено: καὶ ἀρανίσσωσι αὐτήν) — в Хроногр.: «и пугубять землю и осквернять ю»; в Синод. № 591: «и истлять землю и осквернять ю и потребить ю»; во втором переводе: «и растлѣть землю и осквернѣть и затриють я».

Из последнего сопоставления видно, что перевод Хроногр. списка положил в свое основание не тот список греческого оригинала, который лежит в основании обоих других переводов. Но это есть еще ряд указаний. Так, напр., в XI главе в первом (по Истрину) переводе читаем: «Египть опоустѣть, а поморие омирится» (изд., стр. 98), во втором переводе: «опоустѣна же боудеть Аравіа огнемь, а Егупть пожежень будеть, поморіе же мирно» (стр. 112); по-гречески: καὶ ἐρημωθήσεται Ἀραβία ἐν πυρὶ, Αἴγυπτος καυθήσεται καὶ ἡ παράλιος εἰρήνευσει (стр. 42), следовательно в первом переводе опущены слова Ἀραβία ἐν πυρὶ и ниже καυθήσεται, как отмечено и Истриным в его исследовании (стр. 124); в Хроногр. списке читается: «Египетъ опустѣть, Арав[ія] огнемь изгорить, земля Руская опустѣть отъ рати и приморская умирится»; слова «земля Руская опустѣть отъ рати» — восходят к такому греческому списку, где в соответствующем месте имется прибавление ἡ γῆ τοῦ ἀβρανοῦς ἐρημωθήσεται.

Признаю необходимым допустить существование двух древних переводов Откровения Мефодия. Первый, древнейший, представлен Хроногр. списком, второй — теми списками, которые В. М. Истрин отнес к первому переводу. Среди этих списков Синод. № 591, как указано в исследовании В. М. Истрина, вначале, на протяжении 20 печатных строк, представляет другой перевод, чем остальные списки (Хиландарский, Белградский и Берлинский); оказывается, этот другой перевод значительно совпадает с переводом, читаемым в Хроногр. списке.¹ Перевод, содержащийся в Хроногр. списке, считаю древнейшим на основании некоторых его особенностей; мы видели уже, что κρεός переведено здесь «чиститель»,

¹ Ср. Синод. и Хроногр.: «исхода тою (ею) отъ (ис) породы»; в Хиланд.: «изгнания ею от рая»; Синод. и Хроногр.: «сѣтвориста желю»; в Хиланд.: «плакастасе»; Синод. и Хроногр.: «свѣрѣпѣахоуся (свѣрѣпяхуся)»; в Хиланд.: «разъсверѣпѣше и въсхотѣше»; Синод. и Хроногр.: «оувидѣвъ же се адамъ»; в Хиланд.: «разумѣвъ же адамъ»; Синод. и Хроногр.: «похотию (похоти) желаниа блуднаго»; в Хиланд.: «горшею похотию блюда жены»; Синод. и Хроногр.: «и съ своими моужи яко и съ женами бывахоу»; в Хиланд.: «и моужемъ своимъ оуподобихесе»; Синод. и Хроногр.: «срамъ»; в Хиланд.: «оукорь великъ», и т. д.

между тем как в другом переводе «жрецъ»; ср. еще в середине X главы перевод *ιερεός* через «святитель», между тем как другой перевод имеет «попъ» (из), стр. 97), а позднейший (второй) «iereи». Передача *ιερεός* через «чиститель», «святитель» указывает на древность перевода. То же относится и ко многим другим приемам перевода. Отмечу прежде всего его буквальность.

Перехожу к вопросу об отрывках из Откровения, вошедших в состав «Повести временных лет». Анализ их показывает, что они не могут быть возведены ни к древнейшему переводу, представленному Хроногр. списком, ни к тексту первого перевода. С полной уверенностью, однако, летописный текст возводится к такому списку, который соединял чтения обоих названных переводов. Возможность появления такого списка на Руси или в Болгарии представляется вполне вероятною, если сообразим, что изготовление новых списков обычно совершалось путем соединения двух-трех старших списков. Повидимому, в основание был положен текст первого перевода; но он был исправлен по тексту «древнейшего» перевода. Но, кроме того, кое-какие изменения были внесены из соображений редакционных. Этим предполагаемым текстом Откровения воспользовалась не только летопись, но также еще русская интерполированная редакция, появившаяся, по мнению В. М. Истрина, в XV в.; в основание ее положен один из списков первой редакции, как указано В. М. Истриным; но дополнительным источником служил еще другой список, из которого внесены чтения, общие с летописью, на что, как мы видели, было указано П. И. Потаповым.

Выставленное здесь предположение о том, что «Повесть временных лет» использовала такой список Откровения, который соединял чтения двух древних переводов, доказывается анализом второго летописного отрывка, содержащего заимствование из Откровения; первый отрывок по своей незначительности не дает основания для определенного вывода. Результат анализа я изображу в напечатанном ниже рядом с летописью тексте Откровения: этот текст соединяет: а) чтения первого перевода, причем во внимание приняты все обнародованные Н. С. Тихонравовым и В. М. Истриным тексты; б) чтения «древнейшего» перевода по Хроногр. списку; в) чтения интерполированной редакции по спискам б. Моск. гл. арх. М. И. Д. (изд. Истриным) и Уваровскому (изд. Тихонравовым). В основание восстанавливаемого по этим данным списка кладу текст Синод. списка XV—XVI в. № 591 (изд. Тихонравовым); вношу в него с оговорками, данными в подстрочных примечаниях, те чтения других списков первого перевода, которые ближе к чтениям летописи; курсивом вношу в основной текст чтения, восходящие к «древнейшему» переводу; разрядкой — чтения, общие с интерполированной редакцией. Следовательно, восстановленный текст Откровения не содержит ни одного такого чтения, которое не могло бы быть доказано тем или иным его списком; никаких исправлений или чтений, не оправдываемых списками Откровения, я не внес; в нескольких местах мне пришлось сослаться на греческий текст.

[Повесть временных
лет]

Си суть людие заклепени Александръ, Македонскимъ царьмъ, якоже съказаетъ о нихъ Мефодий Патаринский, глаголя: Александръ, царь Македонский, възыде на вѣсточныя страны до моря нарицаемое Сълонче мѣсто, и видѣ ту чловѣкы нечистыя отъ племене Афетова, ихъ же нечистоту видѣвъ: ядѣаху сквѣрну всьяку, комары и мухы, котъкы, змиѣ, и мъртвѣць не погрѣбааху нѣ ядѣаху, и женъскыя изврагы и скоты всья нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умъножаться и осквернять землю, и загъва ихъ на полунощныя страны, въ горы высокыя; и богу повелѣвъшю, съступишася о нихъ горы на 12 лакѣтъ, и ту сътворишася врата мѣдяна и помазашася сунклитъмъ; и аще хотять възяти, не възмогутъ, ни огньмъ могутъ ижещи Вець бо сунклитова сица естъ: ни огнь можетъ въжещи его, ни желѣзо его приметъ.

[«Откровение Мефодия
Патарского»]

Филипъ же,¹ Александровъ отецъ, Македонянинъ бѣ, и поа жену Хоузитоу, дщерь Фолову, царя Ефиопьска, отъ неяже Александръ родися. . И *вшедь*² на востокъ оуби Дария Мѣдѣйна, и прия земля многы и грады, и въ едино сътвори землю и прииде воюя³ до моря, нарицаемого Солночное мѣсто,⁴ идеже видѣ нечистыя чловѣки,⁵ иже⁶ соуть Иафетови внуци, ихъ же нечистоту видивъ:⁷ ѣдѣаху бо всякъ животъ, жюпеличию тварь, гноусное и сквернаое, комары и мухи,⁸ котки, змия, мъртвѣныхъ плѣти, же вскни⁹ изврагы, еже не съношши рождено, и всякоу тварь животныхъ гдѣ, не точию же то едино, нѣ и скоты нечистыя; мъртвѣць же не погрѣбааху, но ѣдѣаху.¹⁰ Да то все¹¹ видѣвъ¹² Александръ, бывъ ющаа в нихъ скверны, убояся, еда¹³ како доудоуть до земля свьгьга и осквернять ю¹⁴ отъ скверныхъ

¹ *же* из Хиланд, ср греч γάρ. ² *и вшедь* изъ Хроногр., въ Синод *тъ пришедь*, въ греч *οὕτω: κτηθῆδεν* ³ по греч *κατηχθη* (вар *ἀνηθην*), ср. Хроногр *сиде до моря воюя* (а в летописи *възыде*) ⁴ *до моря, нарицаемого Солночное мѣсто* из Хроногр, в Синод *доже и до моря, еже наричется солнца земля* (в Хиланд *сълнча земля*), ср. въ греч *ἡλιου χῶρος* (вар *ποδωος*) ⁵ *нечистыя чловѣкы* из интерп ред, ср в Берл сп первого перевода *и обрете чловѣкы нечистіе и смраднѣ*, в Синод. нечистыа смрады (*ἰθνη ἰλαίτηροι κτι θουσι*) ⁶ *иже* из Хиланд, в Синод *еже* ⁷ В Синод и других списках перевода *дѣсь прибавлено чюдися* (почюдисе), в Хроногр этой прибавки нет ср отсутствие соответствующих слов в греч тексте (но в нек сп *ἰθνησι ἐπισχθη*) ⁸ *и мухи* из Хроногр, въ Синод *и мышлица* ⁹ *женскіа* изъ интерп ред, в Синод. *слепыа*. ¹⁰ въ Синод *пѣдѣаху я*, но *я* нет в Хиланд и др ¹¹ *да то все* из Хроногр., ср в интерп ред *и се все*, в Синод *си же вся* ¹² *видѣвъ* из интерп ред, в Синод. *свгьлдавъ*, в Хроногр *смотривъ* ¹³ *убояся еда* из Хроногр, где, впрочем, *убоявися еда*, ср *оубоявися глаголю и еда* в интерп., а в Синод *възбояся глаголю еда* ¹⁴ *ю* изъ Хиланд., в Синод. *я*

своихъ ѣдди, и молитѣся нача богу зѣло, и повелѣ събрати я, вси моужа и жены и дѣти ихъ, и съпроста рещи всяко южижство ихъ и погна ¹ я отъ *всточныя* ² земля и гна ³ я и иде въслѣдъ ихъ, донелѣже внидоша *въ края сѣверския*; ⁴ и нѣсть коуду влѣсти к нимъ, ни излѣсти отъ нихъ отъ востока до запада, и тоу абие помолися богу ⁵ зѣло со страхомъ и послуша богъ ⁶ молтву *его* ⁷ и повелѣ господь богъ сѣверскимъ ⁸ горамъ состоупитѣся о нихъ, имже дѣють *нарокъ* ⁹ Мазы сѣверскыя; ¹⁰ и съступишася о нихъ, тѣчию 12 лактъма ¹¹ не состоупишася о нихъ. ¹² И *сотво ришася отъ бога врата мѣдная и помазана быша* ¹³ суньклитом. ¹⁴ Да аще ¹⁵ имоуть хотѣти желѣзомъ рассѣщи врата, *но не могутъ*, ¹⁶ или ижъжещи огнемъ *не могутъ*. ¹⁷ Вещь бо есть ¹⁸ таково суньклитова, ¹⁹ да ни же лѣзо его *приметъ*, ²⁰ ни огонь жьжеть, нъ тоу абие оугаснетъ; всяки бо ся хытрости дѣлвола тоу

¹ погна Берл. сп. вм. *изведе* Синод.; Хиланд. ² *всточныя* из Хроногр.; в Синод. *гадныя*, Хиланд. *гадныя*; греч. ἕως τῆς ἐφῆς γῆς. ³ гна из Хроногр., в Синод. *веде*. ⁴ *въ края сѣверския* из Хроногр., в Синод. *мимо сѣверъ*, греч. ἐν τοῖς πέρασι τοῦ βορρῆ. ⁵ *помолися богу* из Берл. сп., в Синод. *помолиша богъ*, в Хиланд. *помолиши* бога. ⁶ *послуша богъ* из Хиланд., в Синод. *послушаевъ*. ⁷ *молтву его* из Хроногр. (согласно предыдущему), в Синод. *молтвъ ихъ*. ⁸ *сѣверскимъ* из интерп., в Синод. *сѣвернымъ*. ⁹ *нарокъ* (греч. προσήγορία) из Хроногр.; в Хиланд. *ошибочно имъже дають горы*. ¹⁰ *Мазы сѣверскыя* из Хиланд. (*мазы сѣверскыя*), в Синод. *мазы горы сѣверныя*. ¹¹ *лактъма* из Хиланд., в Синод. *локотъма* ¹² *о нихъ* приб. из Хиланд. (*о нихъ*). ¹³ *сотво ришася отъ бога врата мѣдныя и помазана быша* из Хроногр., в Синод. *и заковаша а враты желѣзны и замазаша*, в Хиланд.; *и оковаше враты желѣзны и замазаше*. ¹⁴ *суньклитомъ* из интерп. в Синод. *аоункитомъ*, в Хиланд. *синкытомъ*, греч. ἀσυνκίτην, ἀσυνκίτην, ἀσυνκίτην. ¹⁵ *Да аще* из Хиланд., в Синод. *дате ли*. ¹⁶ *но не могутъ* из Хроногр., в Синод. *то не боудеть имъ лъзь*. ¹⁷ *не могутъ* из Хроногр., в Синод. *то ни тако боудеть лъзь* ¹⁸ *есть* из Хиланд., в Синод. *е*. ¹⁹ *суньклитова* ср. интерп. (где, впрочем, *суньклитомъ* замазано), в Синод. *аоункита*, в Хиланд. *асуикита*, греч. τοῦ ἀσυνκίτου. ²⁰ *приметъ* из Хроногр., где, впрочем: *естьство бо аскутово ни желѣзнаго приметъ рьзания*, в Синод. вм. *приметъ* — *снѣчь*; въ интерп.: *то ни желѣзо его иметъ*.

сократить и не оупспѣють ничесо же. Бѣси бо нечистѣ и сквѣрцении и гноуснѣи языци вѣлшсбными своими злокозненными дѣлы тако оутвердиша, да како любо хытрость не оупспѣеть ничтоже томоу, *яко не мощи имъ ни огнемъ ни желъзомъ или кимъ умъилениемъ таковая искрушити врата и отбѣжати.*¹

Въ послѣдняя же дѣни по сихъ 8 колѣнѣ, иже изидуть отъ пустыня Етвивьскыя, изидуть и си сквѣрнии языци, иже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью божию.

То же выще:

И по сихъ 8 колѣнѣ къ коньчинѣ вѣка изидуть заклепении въ горѣ Александрѣмъ Македоньскымъ нечистыя человекы.

Въ послѣдняя же дни по пророчеству Езекииноу глаголющу: в послѣдняя дни на скончаніе мира излѣзеть Гогъ и Магогъ на землю Израилитьску иже соуть цари язычестии, яже закова Александръ об оную страну сѣвера. . . яже вогнавъ аки въ ограду Александръ и заключи о нихъ врата.

Ниже читается:

На коньчиноу бо седмыа тысяща разорится царство Перьсьско, и тогда изыидеть племя Измаилево отъ поустыня Етвива, и ишедше ис поустыня собероутся вси вкоупѣ. . . и власти почноутъ до входа и до исхода сѣвернаго и до востока и запада и боудоутъ вси подъ властью ихъ. . . и прѣстанеть слоужба божия и оустанеть всяка пѣсвь церковная и боудоутъ жерци аки людие въ время то, рекше в седмыи вѣкъ. . . Тогда востанеть етеръ царь великъ. . . тѣ излезеть на ня отъ моря Ефиопия и наведеть мечъ на чада поустыня Етвива. . . и боудеть на земли тихость велика.

Ниже читается:

Тогда отверзоутся врата сѣверная, изидоутъ силы языкъ, иже бѣша заключені оутрь и подвижется вся земля отъ лица ихъ. . .

Сравнивая летописный отрывок с предложенным сводным текстом Откровения, видим, что он во всех своих частностях может быть возведен

¹ *яко не мощи. . . и отбѣжати* из Хроногр.

к такому тексту. Отмечу отличия летописи. Вместо «вшедь (быть может «врьшьдь») на востокъ» читаю м: «възыде на вѣсточныя страны»; в м. «нарицаемаго» — «нарицаемое», что согласовано с последующим; в м. «иже соуть Иафетови внуци» — «отъ племени Афетова»; в м. «всякъ животь, жюпеличию тварь, гнусное и скверньное» — «сквѣрну всякѹ»; слова «и мъртвьць не погрѣбаху но ядѣбаху» перенесены в летописи выше на место слов: «мъртвыихъ плѣти»; в м. «скоты нечистыя» — «скоты вѣся нечистыя»; в м. «еда како доидоуть до земля святыя» — «еда како оумьножѣться»; в м. «и погна отъ вѣсточныя земля и гна я и иде вѣслѣдъ ихъ» — «и загна ихъ»; в м. «въ края сѣверскія» — «на полунощныя страны, въ горы высокыя» (см. ниже о горахъ); в м. «и повелѣ господь богъ сѣверскимъ горамъ състоунитися» — «богу повелѣвшю»; в м. «помазана быша» — «помазашася»; в м. «желѣзомъ расѣци врата» — «възяти»; в м. «ни огонь жьжеть» — «ни огонь можетъ въжечи его».

Оставляю в стороне сокращения. Все внесенные летописцем изменения не предполагают пользования другим источником, другим текстом Откровения. Конец летописного отрывка представляется кратким извлечением из текста Откровения. Упоминаемые в нем 8 колен извлечены из предыдущего отрывка, восходящего к Откровению, о котором скажем ниже.

Летописец на основании Откровения представлял себе, что часть пророчества исполнилась: из Етравской пустыни вышли Измаиловы сынове (в лице Половцев и прочих). Вторая часть пророчества, предсказывающая выход из северных гор нечистых народов, заключенных туда Александром, имеет еще исполниться. Поэтому летописец может засвидетельствовать, что в настоящее время эти народы еще за высокими горами, употребляя, по сообщению Гюраты Роговича, тщетные усилия для того, чтобы выйти из них («и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися»).

Перехожу к первому летописному отрывку. Он так незначителен по объему, что обнаружить в нем буквальные выражения из текста Откровения невозможно. Тем не менее ясно, что и этот отрывок может восходить к предположенной выше редакции, положившей в свое основание список первого славянского перевода Откровения: в летописном отрывке согласно именно с первым переводом говорится о *восьми* коленах Измаиловых, загнанных Гедеоном в Етравскую пустыню, между тем как в «древнейшем» переводе, так же как в доселе обнаруженных греческих списках, число этих племен определялось девятью. Привожу летописный отрывок и даю параллельно текст Откровения по Синод. списку № 591.

Ищѣли бо суть си отъ пустыня Етравьскыя, межю вѣстокъмъ и сѣверъмъ; ищѣли же суть ихъ колѣна четыре: Търкмене, и Печевѣзи, Търци и Половци. Мефодии	В кончаніе четвертыя тысящи въ 20-ное лѣто ти 5 пятыя тысяща при Орѣ прииде Самънаинарь ¹ вѣсточныхъ ² земель, еже есть отъ рода Монтова, сына Ноева, и по-
---	---

¹ Σαμφιάς ὁ τοῦ βάρ. ² Хиланд. отъ вѣсточныхъ.

же съвѣдѣтельствуеть о нихъ, яко осмь колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче я Гедеонъ, да осмь ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче.

плѣни 7 градъ до Издрогана и земля ихъ, и прииде на 3 царства Индииски и пожже а огнемъ и отпусти я. И прииде во пустыню Савы и исѣче роды чадъ Измаилевъ, сына Агарина Егюптянина, робица Сарина,¹ жены Аврамля. И разбѣгошася вси и бѣжаша в пустыня² въ Етривъ. И внидоша в землю, идеже живя чадъ³ и битися начаша съ цари язычьскими на землѣ обѣтнѣи. И исполнися земля отъ племени ихъ, бяхоу бо мнози, акъ проузи, и нази хождаахоу. . . Оттолѣ прияша землю сынове Измаилевъ. . . Ти воеваша на Израилиты. И яко я бѣ избавилъ богъ из роукоу Егюпетьскоу Мосѣимъ, рабомъ своимъ, такожде же и в то время сотвори милость имъ, и избави я отъ нихъ Гедеономъ отъ работы сынови Измаилевы.⁴ Иже Гедеонъ исѣче воя ихъ и прогна а в пустыню Етривъ, отнюдоу же быша и пришли, и оставили отъ нихъ⁵ дань даяти начаша сыномъ Израилевымъ. И отиде ихъ въ вѣнѣшнюю пустыню осмь племенъ. Есть же имъ приити единою и поплѣнѣти землю и прияти землю отъ Егюпта до Ефиопия, и от Ефраты до Индия, и отъ Тигры до мѣста царства Монтова, сына Ноева, и отъ сѣвера до Рима и до Лоурика и Гигата⁶ и Селюна и Орваня доже и до моря Понтискаго.

Летописный отрывок представляет некоторые чтения, не объяснимые из текста Откровения; но едва ли они указывают на особую редакцию Откровения; скорее — это домыслы, редакционные изменения, внесенные составителем «Повести временных лет». Сюда относятся: определение Етривской пустыни, как находящейся «между вѣстокъмъ и сѣверъмъ»; его нет в Откровении и быть может оно вызвано тем, что летописцу было

¹ Хиланд. робице Сариния. ² Хиланд. поустине (ἐκ τῆς ἐρήμου). ³ Хиланд. живоуть чадъ (εἰς τὴν σικουρικὴν γῆν). ⁴ Хиланд. сыновъ измаилевъ. ⁵ χὰ οἱ ὑπολειφθέντες τῶ γενεῶν ⁶ Хиланд. Гигита; греч. Γυγῆτοῦ.

известно, откуда пришли Половцы в южнорусские степи, а именно с северо-востока. Далее, вместо 8 племен Откровения летописец говорит о 8 коленах (ср. и в конце второго летописного отрывка 8 колен, между тем как в Откровении и здесь 8 племен); всего вероятнее, что термин колена стоит в связи с представлением летописца о том, что племена, о которых идет речь в Откровении, являются потомками 12 сынов Измаила. Летописец знал из Амартола, что у Измаила было 12 сыновей (ср. выше); он говорит, что «Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкмени и Печенѣзи и Торци и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынь».

В связи с этим представлением летописца стоит и то, что он утверждает, что Гедеоном были иссечены 4 колена: если всего было 12 колен, а по Откровению в пустыню удалилось всего 8 племен (колен), то ясно, что остальные четыре колена были уничтожены Гедеоном. Между тем из самого Откровения это не следует. Греческий текст его сообщал, что после поражения Измаильяна Гедеоном их осталось 12 колен (*καὶ οἱ ὑπολειφθέντες τῶν γενεῶν συνθήκας ἔθεντο εἰρήνην ἐν τοῖς υἱοῖς Ἰσραήλ*), причем в пустыню удалилось 9 племен (*καὶ ἐξῆλθον ἐπὶ τὴν ἔρημον τὴν ἐξωτέραν ἐννέα φύλαι*).

Оба славянские перевода опустили слова *τῶν γενεῶν*; древнейший перевод сообщал также о 9 племенах, удалившихся во внешнюю пустыню, между тем первый перевод, следуя, по вероятному предположению В. М. Истрина, за неизвестным нам греческим списком, заменил цифру 9 цифрой 8. И все-таки летописец из буквального смысла Откровения не мог заключить, что Гедеоном иссечены были 4 племени Измаиловых.

Очевидно, это заключение явилось у него только тогда, когда он цифру 8 Откровения сопоставил с цифрой 12, определявшею общее число колен Измаиловых; слова «да 8 ихъ бѣжа в пустыню и 4 исѣче», очевидно, принадлежат летописцу и не приписываются им Мефодию.

Наши замечанья об отношении текста обоих летописных отрывков к Откровению Мефодия Патарского заключаем вопросом, внесены ли оба отрывка в летопись одним лицом, или двумя разными лицами? В виду высказанных уже выше соображений заключаю, что двумя разными лицами; но те соображения основывались не на внутреннем соотношении между собою обоих отрывков, а на том, что второй отрывок внесен редактором, работавшим в 1118 г., между тем как основной текст «Повести временных лет» составлен в 1110. Здесь укажу и на другие соображения: в первом отрывке автор Откровения назван просто Мефодием, между тем во втором Мефодием Патарским; если бы оба отрывка были внесены в летопись одним лицом, то естественно было бы ожидать определения «Патарский» в первом отрывке. Первый отрывок говорит, что из Етвивской пустыни вышло 4 колена; второй говорит (в начале) о 8 коленах, вышедших из пустыни, а ниже (в конце) о восьми коленах, имеющих выйти из пустыни. В этой несогласованности обоих отрывков вижу указание на то, что они внесены в летопись разными лицами.

[9]. Поучение о казнях божиих

Под 6576 (1068) г. в «Повести временных лет» читается обширное поучение, которое по содержанию своему может быть названо «Поучением о казнях божиих».

Для нашей цели необходимо разрешить вопрос, составлено ли это поучение летописцем или оно заимствовано им из отдельного списка, существовало ли это поучение вне летописи? Определение источников Поучения, его автора, времени его составления может и не подлежать нашему исследованию, если мы убедимся, что такое Поучение существовало некогда вне летописи, составлено не летописцем. Но тем не менее мы скажем по поводу этих вопросов несколько слов, воспользовавшись выводами из довольно обширной литературы, относящейся к нашему Поучению.

Что «Поучение о казнях божиих» вставлено в летопись, а не сочинено летописцем, видно из его начала. Рассказав о выступлении Ярославичей против Половцев на реку Лыто, летописец сообщает: «и бывши поци поидоша (так читаю вместо подыдоша) противу собѣ, грѣхъ же с ради нашихъ пусти боꝑ на ны поганья, и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половци. Наводить боꝑ боꝑ по гнѣву своему иноплемьники на землю, и тако сꝑрушенымъ имъ въспоманутся къ боꝑу», и т. д. Ясно, что подчеркнутые слова стоят не на месте, они разбились две тесно одна с другой связанные фразы: «поидоша противу собѣ», «и побѣгоша Русьскыи князи». Отсюда заключаем, что эти слова входили в состав Поучения и попали не на место при внесении Поучения в летопись. Следовательно, Поучение возникло вне летописи, составлено не летописцем. Обратное заключение, думаю, противоречило бы и содержанию Поучения: оно недостаточно злободневно, слишком теоретично, переходя в конце на новую тему (обличение двоеверия), для того чтобы вылиться из-под пера летописца, взволнованного страшным событием, отдававшим Киев в руки Половцев.

Но наше Поучение в отдельном виде не встречается в дошедших до нас памятниках. Правда, в Торжественнике Рум. Музея XV в. № 435 это Поучение читается и притом в значительно распространенном в конце виде (см. его издание, помещенное Макарием в Изв. Отд. русск. яз. и сл. 1853, II том).

Но, как доказано И. И. Срезневским,¹ а в особенности В. А. Чаговцем (Феодосий Печерский. его жизнь и сочинения, Киев, 1901, стр. 84—126), Поучение, читающееся в назв. Торжественнике, в первой его части заимствовано из летописной статьи 1068 г. Считаю излишним останавливаться на доказательствах, — так очевиден вывод В. А. Чаговца (стр. 101): «мы полагаем, что автор . . . воспользовался летописным отрывком для первой части своего Поучения со всеми его вставками и пропусками. Однако,

¹ [Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. XXIV. Источник поучения, внесенного в «Повесть временных лет» и приписанного преп. Феодосию Печерскому. Сб. ОРЯС, т. I, № 6—9, СПб. 1867, стр. 34—43.]

он не был только списывателем отрывка из летописи: в его поучении мы замечаем некоторые сокращения, изменения и добавления (впрочем, весьма незначительные), показывающие некоторую авторскую самостоятельность». Но если бы потребовались доказательства, то их нетрудно извлечь из следующих соображений: первоисточником Поучения является «Слово о ведре и казнях божиих», читающееся в Симеоновом Златоуструе; Поучение по списку Торжественника не содержит ни одного чтения, сближающего его с первоисточником и отсутствующего в летописной статье; отличия от летописной статьи не могут быть возведены к Златоуструю, они восходят к другому дополнительному источнику; летописный текст Поучения гораздо ближе к первоисточнику — Златоуструю, чем тот текст, что читается в Торжественнике.

Перехожу к вопросу о первоисточнике Поучения. Это, как указано. «Слово о ведре и о казнях божиих», читающееся в списках Златоуструя, сборника, составленного в Болгарии при царе Симеоне и содержавшего главным образом сочинения Иоанна Златоуста, его проповеди. Впрочем, греческий оригинал нашего «Слова» пока еще не определен. Впервые на связь и прямую зависимость Поучения, помещенного в летописи, и «Слова о ведре и о казнях божиих» указал И. И. Срезневский (в «Свед. и Зам.» № 24) в 1867 г. Приведу параллельно с текстом летописи те части «Слова», которые ему соответствуют (по рукописи Публ. библиотеки, л. 127 и сл.). Такое сопоставление важно для восстановления первоначального текста самой летописи. Курсивом набираю те части «Слова», которые не вошли в летопись.

[Ш о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т]

[С л о в о о в е д р е и о к а з -
н я х б о ж и и х]

... Грѣхъ же ради нашихъ пусти богъ на ны поганья. . . Наводить бо богъ по гнѣву своему иноплеменьники на землю, и тако скрушеннымъ имъ въспоманутся къ богу. Усобная же рать бываетъ отъ соблаженья дьяволя. Богъ бо не хочетъ зла челоувѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братовенavidѣнье, клеветы.

Земли же согрѣшивши которѣи любо, казнитъ богъ смертию, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли илѣми казними, аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны богъ велитъ жити. Глаголетъ бо пророкомъ намъ: обра-

Братие тяготу грѣховънюю отъ-трасоуце отъ себе, въспрянемъ, яко отъ сѣна тяжска, отъ безаконии и съблзнь нашихъ, въ низъ же погрязноувъше не можемъ възникнути, ни възрѣти на высоту небесъноую, нъ въ безаконихъ нашихъ хоцемъ вся дѣни своя живоуще исконычати. И съкочычаемъ я, льно-стилю грѣховъною и ласкърдиемъ омрачивше с(ъ)рд(ъ)ца своя, не помышляюще казни божия, яже на ны по вся д(ъ)ни приходятъ за грѣхы наша.

ведрымъ, градъмъ, сланою, гладъмъ, моръмъ, болзньми, ратьми, напастъмъ.¹ Тѣми бо кажа, обращаетъ ны къ себѣ богъ и казни на ны посылаетъ врьменьныя, разоумѣти намъ

¹ Злат. 1474: ратными напастymi.

титесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да еще сие створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмъ присно каляющесе, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси, и шия желѣзная вия твоя, того ради удержоухъ отъ васъ дождь, предѣль единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и ише, и поразихъ вы зноемъ и различными казнями; то и тако не обратистесь ко мнѣ. Сего ради винограды ваша, и смокове ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ господь, а злобъ вашихъ не могахъ истерти; послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скотѣхъ казнь свою послахъ, то и тако не обратистесь къ мнѣ, но рѣсте: мужаймься. Доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь отъ пути моего, глаголетъ господь, и соблазнисте многы; сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противныя, и на прелюбодѣица, и на кленущая именемъ моимъ во лжу, и на лишающая мзды наемника, и на насильствующая сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ кривѣ. Почто не сдержастесь о грѣсѣхъ вашихъ, нѣ уклонисте законы моя и не схранисте ихъ? Обратистесь ко мнѣ, и обращюся к вамъ, глаголетъ Господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращоу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имуть изнемощи винограды ваши ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетепъ работаяй богу. Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ваше далече

веля и тѣми ны веля вѣчныя монуы гонезноути, аще раскаявшесе, възпять пакы възвратимся на правдѣное житие въ немже ны богъ вьсыгда велить жити. Глаголетъ бо самъ пророкъмъ къ намъ: обратистесь къ мнѣ всѣмъ с(б)рд(ь)цѣмъ вашимъ, постѣмъ и плачѣмъ и възплѣмъ; аще сие боудеть въ насъ, то надѣюся имамаъ, всѣхъ грѣхъ прощени бывше, отрадоу прияти, нѣ не видимъ васъ въ ц(ь)рк(ь)ви събирающа, ни възращающа никогоже отъ зѣлобъ своихъ, нѣ акы свинья въ калѣ грѣховнѣ присно каляющесе и акы пѣси на своя бловотинны възвращающесе, тако прѣбываете. Тѣмъ же, не тѣрпя зѣлобъ нашихъ, богъ пророкъмъ намъ глаголетъ: разоумѣхъ, рече, яко жестокъ еси и шия желѣзна вия твоя, того ради оудѣржахъ отъ васъ дѣждь, дѣль¹ же единъ одѣждихъ и ² друугааго не одѣждихъ, и ише, поразихъ вы зноимъ и различными язями,³ то и тако не обратистесь къ мнѣ, нѣ рекосте: створимъ зѣлая да придоуть на ны добрая, пожьртѣмъ стоуденъцемъ и рѣкамъ и стѣмъ, да оулочимъ прощениа своя. Сего ради винограды ваша и смокѣви ваша и нивы и доубравы истрохъ, глаголетъ господь, а зѣлобъ вашихъ не могахъ истерти; посѣлахъ на вы различны⁴ болѣзни и смьрти тяжкы и на скотѣхъ казнь свою показахъ, то и тако не обратистесь, нѣ рѣсте: мужаймься. Доколѣ не насытитесь зѣлобъ вашихъ. . . Вы же уклонистесь отъ путия моихъ, глаголетъ господь, и съблазнисте многы; сего ради боудоу свѣдетель скоръ на противныя и на

¹ предѣль. ² а. ³ недоугы; ⁴ *Златоструй 1474*: различныя.

отстоять отъ мене; глаголетъ господь; того ради, их же просимъ, не улучимъ: будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взищете мене зли, и не обрящете, не всхотѣша бо ходити путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пушая, ово ли сланою плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ подасть намъ вся прошенья и одождитъ намъ дождь ранъ и позднѣ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, и пролѣются точила винная и масленая и въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хрустове, и гусѣница; сила моя великая, юже послахъ на вы, глаголетъ господь вседержитель. Си слышаще, въстятнѣмъ ся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго; на казанье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, по любовью прилѣпимся господи бозѣ вашему, постомъ и рыданьемъ слезами омывающе вся прегрѣшенья не словомъ нарицающесе хрестьяни, а поганьскы живуще.

прѣлюбодѣица и на кльноущаяся и[мене]мъ¹ моимъ въ лъжю и на лишающа² мьзды наймьника и насильствоущая³ сиротѣ и въдовици и на оукланяющая соудъ кривѣ. Почто не съдързаетея⁴ отъ грѣхъ вашихъ,⁵ нъ оуклонисте закона моя и не съхранисте ихъ? Обратитесь оубо къ мнѣ и обращаюся къ вамъ, глаголетъ господь *вседержитель*, и азъ отъвързоу вамъ хляби небесныя и възвращю отъ васъ гнѣвъ мой, довѣдеже все оубо билю⁶ вамъ, и не имоуть изнемоци виногради ваши и нивы. Нъ вы отяжчасте⁷ на мя словеса ваша, глаголюще: соуетнѣ работаяи богу. Тѣмъ же *вижду*, яко оусты *тѣчию приближастеся къ мнѣ и оустынама* чьтете мя, а с(ь)рд(ь)це ваше далече отъстоитъ отъ мене, глаголетъ господь; того ради ихъ же просимъ, не оулоучаемъ:⁸ боудетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ; взищютъ мене зъли и не обрящютъ; не всхотѣша бо ходити путемъ моимъ, *нъ оуклонилися въ слѣдъ соуетныхъ бгъ и поклонилися тваремъ року свою*; да того ради затворяется⁹ небо, ово ли злѣ отъвързается градъмъ въ дъжда мѣсто пушая, ово ли сланою плоды оузнабляя и землю ведрѣмъ томя, нашихъ ради зълобъ. Нъ аще ся *прѣдзреченыхъ встѣхъ* зълобъ отъвържемъ, то яко чадомъ своимъ подасть намъ вся прошенья и одъждитъ на ны дъждь ранъ и позднѣ, и наполнятся гоумьна¹⁰ пшенице, и прѣлѣются точила винная и елѣина, и въздамъ вамъ, *рече*, за лѣта, яже пояша проужи и хроустове, *сприе* и оусѣница;

¹ именемъ. ² мечающая. ³ у *Малах*: на насильствующая вдовица. ⁴ съдързаетеся. ⁵ о грѣсѣхъ вашихъ. ⁶ избобилую. ⁷ отяжасте. ⁸ неприемлемъ. ⁹ затворяется. ¹⁰ *Гоиль*: гумна ваша.

сила бо моя великая, яже ¹ посылалъ на вы, глаголетъ господь вседържитель. Си слышаше, чада възлюбленная, наказанія по глаголю господню, останьтеся отъ злѣбъ вашихъ, навикните добро творити, взищите соуда, и избавите оби[ди]-маго, ² на покаяние оустрьмитесь, протертые зарастшая поуте къ ц(ь)ркѣвамъ, быстра течения створите на добро ногама вашима, никоумоуже въздающе зѣло за зѣло, ни клеветы за клевету, нѣ любовию прилѣпитеся господи божѣ вашему, постыи и рыданиемъ, слъзми отмывающе ³ вся прѣгрѣшениа, отъ всего зѣла огрѣбающеся, блазми же прилѣплюющеся, братолюбиемъ цвѣтоуще не тѣшию послушающе оучениа, нѣ стварающе повельная намъ, не словѣмъ нарицающеся тѣкѣмо крѣстьяни, а поганьскы живоуще.

Конецъ летописного Поучения сильно отличается отъ Поучения, помещеннаго въ Златоструе, но отдельные места оказываются заимствованными изъ него. Печатаю ихъ курсивомъ, а параллельно даю соответствующій текстъ «Слова о казняхъ».

[П о в е с т ь в р е м е н н ы х
л е т]

Се бо не погански ли живемъ, аще въ сѣрящю вѣрующе?

Аще бо кто усрящеть чернорица, то възвращается, ли единецъ, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученю кобъ сию держать; друзи же и закъханю вѣрують, еже бываеть на съдравие главѣ. Но сими дьяволъ лстити и другими нравы, *всѣми лстѣми превабля ны отъ бога, трубами и скомрагы, гусльми и русалыи.* Видимъ бо игрица утло-

[С л о в о о в е д р е и о к а з -
н я х б о ж и и х]

Присно многы[ми] кѣзными чловѣкы врагы богу стварають всякыими лстѣми прѣвабля ны отъ бога трубами и скомрагы и инѣми игрьми влѣкы къ собѣ, гоусльми, свирѣльми, плясании, смѣхы, поустошными лѣжками, сѣрящами, кобми, вѣлшьбами, клеветами . . . да того ради въ казни божия въпадаемъ присно.

¹ Июль: юже. ² Златоструй 1474: обидимаго. ³ омывающе.

чена и люди много множество на нихъ, яко ушихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. *Да сего ради казни* приемлемъ отъ бога всячскыя, и нахоженье ратныхъ, по божью повелѣнью приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

Едва ли подлежит сомнению, что летописецъ включил в свой труд готовый текст Слова, проповеди, составленной по поводу того или иного нашествия ратных. Доказательством этого служит, во-первых, приведенное выше соображение, по которому слова «грѣхъ же ради нашихъ пусти богъ на ны поганыхъ» не читались в первоначальном тексте летописи, между тем эти слова тесно связаны с текстом Слова; во-вторых, недопустимость того, чтобы летописец, работавший не в 1068 г., а значительно позже, принялся за составление поучения одновременно с составлением летописного текста; анализ поучения показывает, что начало его и его окончание представляются результатом самостоятельного творчества; следовательно, нельзя думать, чтобы летописец, дойдя до рассказа о событиях 1068 г., обратился к Златоустую и списалъ из него «Слово о ведре и казняхъ божияхъ». Признаю поэтому, что летописецъ включил в свой текст уже готовое поучение, существовавшее в отдельном виде и известное ему в письменной передаче. Это поучение воспользовалось в основной своей части названным словом; но оно было предназначено для определенной аудитории и связано с определенным моментом. Вот что было причиной того, что оно получило самостоятельное начало и самостоятельное окончание. С большою вероятностью можно предположить, что поучение составлено именно в 1068 г. после поражения русских князей на Альте, во время сильного брожения, вызванного этим поражением в Киеве. Автор Поучения говорит в начале его о нашествии поганых, иноплеменников, а также об усобной рати; в конце он опять упоминает о нахождении ратных, как о казни, посланной богом за грехи. В виду хронологического приурочения Поучения к 1068 г., а также и того, что в Торжественнике Румянц. Музея XV в. № 435 оно приписано Феодосию («мѣсяца мая въ 3 поученіе блаженнаго Феодосія игумена Печерскаго о казняхъ божьихъ»), я считаю возможным отнести это произведение к числу слов, составленных Феодосиемъ, бывшим в 1068 г. игуменом и выдвинувшимся уже тогда своими духовными трудами и подвигами. Вполне естественно, что летопись, составленная в Печерском монастыре, включила в свой состав Поучение, связанное письменным свидетельством или живою традицией с памятным историческим событием.

Как видно из сравнения летописного текста с текстом Златоустуя, заимствованный из Златоустуя текст передан весьма близко летописью. Отмечу, напр., такие места, как «и шия желѣзна выя твоя», где «выя»

является как бы глоссой, пояснением к слову «шия» в тексте Златооструя (шия вм. жила); или «почто не сдерзастеса о грѣсѣхъ вашихъ», что соответствует «почто не съдрзаетеса о грѣсѣхъ вашихъ» (съдрзатися — в значении содрогаться?). Близость летописи к тексту Златооструя увеличивается еще более, если к чтением Златооструя XII в. присоединим чтения других его списков; ср. варианты, приведенные мною из Златооструя 1474 г. по изданию И. И. Срезневского. Отступления от Златооструя всего вероятнее отнести на счет составителя русского поучения, т. е. Феодосия. Так, ему принадлежит замена слов «ратными напастыми» словами «наведеньемъ поганныхъ».

Ему же принадлежит в конце Поучения замена 2-го л. множ. 1-м лицом, причем замена эта проведена непоследовательно: «вѣстыгнѣмса на добро» вм. «навыкнѣте добро творити», «на покаянѣе придемъ» вм. «на покаяние оустрьмитеса»; «нѣ любовию прилѣпимса господи бозѣ вашемъ» вм. «нѣ любовию прилѣпитеса господи бозѣ вашемъ»; мы ожидали бы в летописи «нашемъ», но это чтение уже отдельных, позднейших списков; в первоначальном списке, как видно из Ипат., читалось «вашемъ». Ср. выше в начале Поучения «и тако пребываемъ» вм. «такое прѣбываете». Напротив, в одном месте 3-е л. мн. переделано на 2-е мн.: «взищете мене злии и не обрящете» вм. «вззищють мене зълии и не обрящють». Особенно много допущено отступлений в виде пропусков: некоторые из них объясняются непониманием летописца отдельных слов; так, после «хроустове», опущено «сѣрисе»; другие — недостаточною внимательностью, напр., пропущено: один раз «вседържитель» при «господь», но другой раз «вѣседържитель» сохранено. Ряд пропусков зависел от произвола редактора, причем некоторые из них внесли в текст недоуменные места. Так, после слов «аще ли покаявшеса будемъ» опущено «вспять паки вѣзвратимса на правдѣное житие»; к этим последним словам относится следующее: «в немже (т. е. в праведном житии) ны богъ велить жити». Замечателен пропуск слов: «не рекосте: створимъ зълая, да придоуть на ны добрая, пожърѣмъ стоуденьцемъ и рѣкамъ и сѣтъмъ, да оулучимъ прошения своя»; очевидно, проповедник не мог сделать подобного упрека своим слушателям.

Конец Поучения, как видно из предложенного выше сопоставления, заимствовал кое-что из Слова; но автор развил найденные им в Слове мысли сообщением того, что знал из живой действительности: вера в встречи, в зачихание, посещение игрищ и непосещение храмов. Употребление слова «единецъ» едва ли может свидетельствовать о греческом источнике, как думал Срезневский, полагавший, что «единецъ» перевод греческого *μόλιος* (кабан). Ср. у Даля: кабан одинец (старый, злой кабан).

Как указано В. А. Чаговцем, библейские тексты, читающиеся в Поучении, претерпели изменение уже в тексте Златооструя; не буду поэтому касаться этих изменений. Укажу эти тексты. Слова «глаголетъ бо пророкомъ намъ: обратитеса ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ» из Иоилия (2, ст. 12) сравнительно с Златооструем и Иоил., в конце опущено «и выпльмъ». Слова «разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси и шия желѣзна выя твоя» из Исаяи (48, ст. 4): «вѣмъ яко жестокъ еси и жила желѣзна выя

твоя и чело твое мѣдяно».¹ Слова: «удержахъ отъ васъ дождь, предѣль единъ одождихъ а другаго не одождихъ и ише» из Амос., 4, ст. 7—8. Слова «поразихъ вы зноемъ и различными казньми, то и тако не обратитесь ко мнѣ; сего ради винограды вашѣ и смоковыѣ ваше, нивы ваше и дубравы ваша истрохъ» из Амос., 4, ст. 9. Слова «послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкы. . . то и тако не обратитесь» из Амос., 4, ст. 10. Слова «буду свѣдѣтель скорь — до суетень работаяи богу» из Малах., 3, ст. 5, 6, 7, 10—14. Слова «Будеть бо, рече, егда призовете мя — путемъ моимъ» из Притч., I, ст. 28—29. Слова «аки чадомъ своимъ подасть — юже послахъ на вы» из Иоиля, 2, ст. 23—25.

[10.] Договоры с греками

В тексте «Повести временных лет» читается 4 договора: под 6415 (907) г. в двух небольших отрывках; под 6420, 6453 и 6479 гг. в полном виде. Под 6415 (907) г. первый отрывок начинается словами: «да приходячи Русь съльбьное емлютъ» и оканчивается словами: «и ужа и пьрѣ и елико надобѣ» (изд., стр. 30); второй отрывок, начинаясь словами «аще приидуть Русь бес купли», оканчивается словами: «не платяче мыта ни въ чемъ же» (изд., стр. 31). Но, кроме того, к тексту договора относится указание на то, что Олег для переговоров послал в Царьград Карла, Фарлава, Вельмуда, Рулава и Стемида, ибо иначе эти имена не могли стать известными составителю «Повести временных лет». Возможно, что из договора же попало сообщение о том, что царь Леон с Олександром целовали крест, Олега и мужей Олеговых водили на роту, причем они клялись своим оружием и Перуном, богом своим, и Волосом, скотым богом. Ср. упоминания Перуна в договоре 945 г., а также Перуна и Волоса, скотья бога, в договоре 971 г. Впрочем, об этом скажу ниже.

Договоры 911, 945 и 971 гг., как указано, сохранились в полном виде; все они озаглавлены словами: «Равно другаго съвѣщания бывшаго при», являющимися переводом с греческого: *Ἐὶ ἴσον*,² причем *τὸ ἴσον* — это технический термин, означающий копию, список, но также автограф, отдельный список. Договор 911 г. датирован в конце («мѣсяца сентября индикта 15, в лѣто созданиа мира 6420»), договор 971 г. датирован в начале («мѣсяца іюля, индикта въ 14, в лѣто 6479»). Все три договора представляют определенное окончание, совпадающее с предполагаемым окончанием подлинных договоров: договор 911 г., как мы видели, оканчивается датировкой; договор 945 г. оканчивается пожеланием, да не разрушится любовь, «дондеже сълнце сияеть и весь миръ стоять, в нынѣшня вѣкы и в будущая»; дого-

¹ И. Евсеев. Заметки по древне-славянскому переводу Писания. Изв. ОРЯС, 1900, 3.

² П. А. Лавровский первый указал, что «Равно» есть перевод *τὸ ἴσον* («О византийском элементе в языке договоров русских с греками», 1853 г., стр. 40), а *τὸ ἴσον* имеет значение копии, списка (стр. 43). Я думаю, было выражение *τὸ ἴσον δεύτερον* или *ἄλλον* (Лавровский. «Список с другой договорной грамоты»).

вор 971 г. оканчивается словами: «и написахомъ на харьггии сеи и своими печатъми запечатахомъ».

Итак, перед нами более или менее точные списки с договорных грамот, хранившихся в копиях в казне киевского князя. Но текстам договоров предпосланы вводные и сопроводительные замечания, где изложены частью обрядовые подробности заключения договора, частью обстоятельства, имевшие место при ратификации договора. Едва ли можно допустить, чтобы эти замечания были изложены при тексте договоров, хранившихся в княжеской казне; гораздо вероятнее, что они принадлежат целиком Нестору, т. е. составителю «Повести временных лет». Договор 911 г. вводится словами: «Посла мужи свои Олегъ построить мира и положити рядъ межю Русью и Греки и посла, глаголя»; составитель Повести представил себе заключение договора как результат посылки Олегом своих мужей в Царьград. Поэтому в конце договора сообщается, как царь Леон почтил русских послов дарамн и распорядился показать им, с одной стороны, золотые палаты с хранившимися в них драгоценностями, а с другой — церковные святыни; царские мужи не преминули обратиться к русским послам с убеждением в истинности христианской веры; послы были отпущены с честью великой. «Послани же Ольгомъ послн приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грекою землею и Рускою и клятвы не преступити ни Грекомъ, ни Руси». Следовательно, под «сотвориша миръ и урядъ положиша» летописец разумел припятие Греками того текста договора, с которым Олег отпустил своих послов из Киева в Царьград («и посла, глаголя»). Что договор составлен от имени русских, видно было летописцу из самых первых его строк («Мы отъ рода Рускаго. . . иже послани отъ Олга»). Отсюда видно, что как вводные, так и сопроводительные замечания принадлежат домыслу составителя «Повести временных лет».

Договор 945 г. заключается при несколько иной обстановке. Сначала цари Роман, Константин и Стефан присылают к Игорю послов для заключения мира. Игорь совещается с ними о мире. Затем он посылает своих послов к Роману. Роман созывает бояр и сановников. «И приведоша Руския слы и велѣша глаголати и писати обоихъ рѣчи на харатѣ». В конце договора Игоревы послы вместе с послами Греческими возвращаются к Игорю и «повѣдаша вся рѣчи царя Романа». Игорь призывает к себе греческих послов и узнает от них, что его послы уж водили на роту греческих царей, и что они присланы для того, чтобы вести на роту Игоря и его мужей. Далее описан обряд роты как языческой Руси, так и крещеной. Игорь, утвердив мир с Греками, одарил греческих послов и отпустил их. «Сеи же придоша к цареви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь яже къ Грекомъ». Совершенно очевидно, что и здесь перед нами домысел летописца. Он основывается на тексте договора, из которого ясно, что в Царьград прибыли русские послы («И великий князь нашъ Игорь. . . послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану. . . створити любовь съ самѣми цари»); что по требованию Греков некрещеная Русь должна принести клятву в том, что будет хранить договор («а некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ свои щити и

обручѣ свои и прочая оружья»); что игоревы послы — христиане клялись в соборной церкви Софии своею приходскою церковью Ильи и предлежащим честным крестом. Все это дало достаточно данных для сочиненного летописцем рассказа, причем он дополнил их своими соображениями о том, что Игорь и его некрещеная дружина клялись на холме, где стоял кумир Перун, поклавши свое оружье и щиты и золото, а что крещеная Русь приняла присягу в церкви Ильи, стоявшей в таком-то месте древнего Киева. Но откуда взято летописцем известие о том, что в Киев к Игорю приходили послы от императоров для устройства мира и что уже затем отправлены были Игорем в Киев свои послы? Думаю, что это сообщение основывается на неправильно понятых летописцем словах в начале договора 945 г.: «Равно другаго свѣщанья бывшаго при цари Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ, христоролюбивыхъ владыкъ»; он понял их так, что при этих царях был уже заключен договор, предшествующий другому дошедшему до него договору; итак договор был заключен раньше отправки Игорем своих послов в Царьград; он был заключен в Киеве, куда греческие цари посылали своих послов. Сделанное нами заключение получает для нас важное значение при обсуждении договоров 911 и 907 гг. В начале договора 911 г. читаем: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при тѣх же царьхъ Льва и Александра»; летописец заключил отсюда и заключил, очевидно, неправильно, что Олегом заключено было с Греками два договора — один при Льве, Александре и Константине в 6420 г., а другой раньше — при Льве и Александре; между тем в приведенных заглавных строках «Льва и Александра» стоит ошибочно вместо «Льва и Александра и Костянтина». Это свое неправильное заключение летописец положил в основание своего сообщения о том, что в 6415 (907) г. «Олегъ. . . нача миръ творити со царьма Грѣцкими со Леономъ и Александромъ».

Особым вопросом является, почему поход Олега отнесен на 6415 (907) г.; пока оставляю его открытым. Но совершенно ясно, что первый договор Олегов летописцу естественнее всего было связать с его походом на Царьград, увенчавшимся, по преданию, великим успехом. Как увидим впоследствии, до составителя «Повести временных лет» дошел о походе Олега рассказ, ничего не упоминавший о договоре. Списав его и дойдя до слов «И заповѣда Олег даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человекъ, а в корабли по 40 мужъ; и яшася Греци по се», составитель «Повести временных лет» вспомнил о существовании первого Олегова договора и решил, что он имел место под стенами Царьграда. Мир, очевидно, уже заключен, ибо только что сказано «и яшася Греци по се», но летописец вводит свое новое сообщение, явно придуманное, скомбинированное, словами: «и почаша Греци мира просити, дабы не воеваль Грѣцкыи земли». В основание своего сообщения летописец кладет дошедший до него договор Олегов, и из него он прежде всего заимствует имена пяти Олеговых мужей, посланных в Царьград для заключения мира; в договоре 911 г. читаем в начале имена: Карлы, Иньгелд, Фарлоу, Верьмудъ, Рулавъ, а в конце списка послов имя Стемида; в сочиненном летописцем сообщении названы Карл, Фарлов, Вельмуд, Рулав и Стемид. Засим требование об уплате дани включено летописцем

в рассматриваемое сообщение в предположении, что дань эта была оговорена договором: летописец, не стесняясь, повторяет сделанное им уже выше сообщение с незначительным, впрочем, видоизменением: «И заповѣда Олегъ дати во емъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь». Вслед за этим читаем: «и потомъ даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтѣскъ, и на Ростовъ и на Любечъ и на прочаа города». Это сообщение, думаю, составлено на основании читавшейся в договоре 911 г. статьи, где сказано, что имеют право получить «съли сълебное, а гостье мѣсячное первое отъ города Клева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля» (ср. эту статью в договоре 945 г., изд., стр. 48, и в статье 907 г., изд., стр. 31); Полотск и Ростов заимствованы из статьи 862 г., где говорится, что по этим городам Рюрик посадил своих мужей, а Любечъ из статьи 882, где сообщено, что Олег «взя Любечъ и посади мужъ свои» (изд., стр. 22). Слова летописца, комментирующие это его сообщение, «по тѣмъ бо городомъ седяху величии князи подъ Олгомъ суще», извлечены из договора 911 г., где говорится о светлых и великих князьях «иже суть подъ рукою» Олега.

Дальнейшее представляется как бы выпиской из договора. Слова: «да приходячи Русь слобное емлють елико хотяще, а иже придуть гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощь; и да творять имъ мовь, елико хотять; поидучи же Русь домови да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори и ужа и пѣрѣ, елико надобѣ» не читаются, правда, ни в договоре 911 г., ни также в договоре 945 г., но в этом последнем, во-первых, читаем: «И приходящемъ имъ, да витають у святаго Мамы. . . тогда возмуть мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное»; во-вторых: «И отходящей Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возвращаются съ спасениемъ в страну свою»; в третьих, ограничение месячины шестью месяцами находит себе соответствие в установлении, читаемом в договоре 945 г.: «да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы». В виду всего этого, думаю, что приведенный отрывок заимствован летописцем из договора 911 г., в котором он им при переписке и не повторен.

Договор 911 г. дошел до нас во всяком случае не в полном виде; это видно из того, что за заглавием «О взимающихъ (быть может надо дополнить: мѣсячину творящих) куплю Руси» нет соответствующего содержания; приведенный отрывок легко представить себе помещенным за этим заглавием.

Летописец не ограничился приведенною выпиской. За словами «И яшася Греци и рѣста царя и боярьство все» читаем другую выписку, дословно передающую текст договора, что видно из полного согласия ее с соответствующей статьей договора 945 г. (изд., стр. 47—48). Дословность выписки нарушается, во-первых, вставкой (не согласованною грамматически с предшествующим) слов «и прочии грады» (ср. такую же вставку в некоторых списках «Повести временных лет»); во-вторых, вставкой слов «не платяче мыта ни в чемъ же» в конце. Весь этот отрывок тесно связан

с предыдущими, а потому в договоре 911 г. ему место там же, где тому отрывку, т. е. в статье, озаглавленной «О взимающихъ (мѣсячину творящихъ) куплю Руси».

Из предыдущего ясно, что в распоряжении летописца не было договора 907 г. и что этот договор извлечен им из договора 911 г., переданного по этой причине с пропуском. Оставляя пока в стороне третий договор Святослава, остановлюсь несколько подробнее на двух первых договорах 911 и 945 гг.

Оба договора представляются в основном своем греческом тексте, до нас не дошедшем, написанными от имени греческого царства; они содержат формулированные Греками обязательства русской стороны по отношению к греческой и обратно — греческой по отношению к русской. Но Греками же одновременно с основным текстом (оставшимся в Константинополе) изготовлены были копии с него, в которых все обязательства, весь договор изложены не от имени Греков, а от имени Русских. Это видно из следующих слов договора 945 г.: «Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы и гостье ваши». То же, но менее определенно в договоре 911 г.: «бывши миръ сотворихомъ киноваревъмъ написаниемъ на двою харатью». Эту вторую хартию послы императоров должны были отвезти в Киев и по ней привести на роту русского князя. Ясно, что дошедшие до нас тексты представляют перевод со вторых хартий; поэтому в них читаются имена послов и гостей русских.

Вторые хартии представляли, как сказано, тот же текст, что первые, но они отличались от первых тем, что излагали статьи договора не от греческого имени, а от русского. Вследствие этого за общее правило принято было местоимения личные и притяжательные 1-го лица заменять 2-м лицом и обратно. Эта замена была сделана в греческом тексте вторых хартий. Вот почему в славянском переводе «мы, нашъ» относятся к русской стороне, «вы, вашъ» к греческой, причем следует считать древними те чтения, где это выдержано, признавая позднейшими поправками случаи замены «вы, вашъ» в отношении к греческой стороне через «мы, нашъ». Так, договор 911 г. в самом начале вводит имена Олеговых послов посредством местоимения 1-го лица мн. ч.: «Мы отъ рода Рускаго. . . иже послани отъ Ольга, великого князя Рускаго. . . к вамъ, Лвови и Александру и Костянтину»; ясно, что первая хартия была написана от имени этих императоров, которые, вероятно, обращались к Олегу, ко всем светлым и великим князьям, иже суть под рукою его, и к его великим боярам; имен послов в первой хартии не было, ср. в договоре 945 г.: «едина харатья. . . на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваши». Дальнейшая фраза «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи. . .» отнесена къ русской стороне, к князю Олегу; конечно, в первой хартии была та же фраза, но, вероятно, словам «наша свѣтлость» соответствовали другие. В следующей статье: «с вами Грекы» заменило, конечно, «с вами Русью» первой хартии. В статье о выверженной лодье слова «иже отъ насъ Руси» заменили «иже отъ васъ Руси» первой хартии; ср. ниже: «да проводимъ ю в Рускую землю».

что во второй хартии по ошибке не изменено в «да проводите ю», ибо она обращена к Грекам; ниже «да егда ходимъ в Греки или с куплею или въ солбу ко цареви вашему» заменило «да егда ходите къ намъ или с куплею или въ солбу ко цареви нашему» («нашему» в Акад. результат позднейшей поправки); фраза «да пустимъ с честию проданное рухло ихъ» по ошибке не изменена в «да пустите»; в первой хартии читалось: «да воротимъ (вратимъ) мы Русь»; во второй это передано в: «да волочимъ (влачимъ) мы Русь». В статье о военной помощи находим два раза «царя вашего». В конце редактор второй хартии не сумел изменить слов: «миръ сотворихомъ киноваревъмъ написаниемъ», но «царя нашего» он изменил в «царя вашего» и даже «единого истиннаго бога нашего» в «единого истиннаго бога вашего» (чтение «нашего» в Радз. исправленное); «дасть нашимъ посломъ» вм. «вашимъ». В конце договора «такое написание дахомъ» не изменено, но «царства вашего» заменило «царства нашего» первой хартии. Замечательна замена «на утвържение же и неподвижение межн нами хрестеяны и Русью» через «межи вами» и замена «на извѣщение межн нами бывающаго мира» через «межи вами», замена ошибочная, явившаяся под влиянием общей замены «мы» через «вы». В отрывке договора 911 г., перенесенном под 907 г., слова «да емлють у царя вашего» («нашего» в Акад. — позднейшая поправка); во втором отрывке оставлены без изменения выражения первой хартии: «в странѣ нашей», ниже «и послеть царство наше».

Перехожу к договору 945 г. В начале его так же, как в договоре 912 г., имена послов и купцов русских вводятся словами: «Мы отъ рода Рускаго . . . послания отъ Игоря». Ниже то же повторено еще раз: «И великий князь нашъ Игорь . . . послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану». В дальнейшем видим: «яко же увѣдѣль есть князь нашъ»; «ко царству вашему («нашему» Лавр. и Хлебн. — позднейшая поправка); но, напр., «отъ тѣх да увѣмы и мы» сохранено. Далее сохранено: «и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ», но «дондеже възвѣстимъ князю нашему» заменило «князю вашему» («нашему» в Лавр. — позднейшая поправка). Сохранено: «да не изищеться смерть ихъ отъ князя вашего», но ниже «мы напишемъ ко князю нашему» заменило «князю вашему» (ср. чтение Хлебн. списка, «а чтение Лавр., Радз., Ипат. «вашему» — позднейшая поправка). Ниже: та послеть царство ваше» («наше» Радз., Акад. — позднейшая поправка); но «да испишютъ имяна ваша» сохранено (чтение «имени ихъ» Ипат., Радз. — позднейшая поправка). Ниже: «мужь царства вашего» («нашего» Радз., Акад. — позднейшая поправка); но «взимають отъ насъ» сохранено. Ниже читаем с обычной заменой: «въ страну царствия вашего» («нашего» Ипат. — позднейшая поправка); также «наши хрестеяне Руси» вм. «ваши» первой хартии. Ниже: «аще ли кто отъ царства вашего ли отъ города вашего» вместо «нашего» первой хартии; «аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людей царства вашего» вм. «нашего» первой редакции. Но ниже сохранено: «слико хрестеянь отъ власти нашей». Равным образом сохранено ниже: и та страна не покаряется вамъ» («вам» не изменено в «намъ»); ниже сохранено: «отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего», «но повѣльнемъ царства нашего». Еще ниже сохранено, судя по спискам: «Аще ли

хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вой на противящаяся нам», но в тексте «Повести временных лет» стояло, вероятно: «ваше царство отъ насъ», ср. «отъ насъ» в Соф. и Акад. сп. Новг. 4-й; ниже было: «да пишють къ великому князю нашему», ср. «нашему» в некоторых списках Новг. 4-й, а «пишють» в Радз., в Лавр. «вашему» и «пишю» в результате позднейшего исправления. Засим «послетъ к намъ» вместо ожидаемого «к вамъ». Далее видим сохранение: «мы же свѣщание се написахомъ. . . у царства нашего. . . имена наша», но ниже, судя по Новг. 4-й, читалось «послы наши» вм. «послы ваши» первой редакции. Еще ниже сохранено: «на ней же суть имена наша написана». Но следующая статья изложена уже от русской стороны и, вероятно, не читалась в первой хартии («Мы же . . . кляхомъся»).

Таким образом нельзя согласиться ни с И. И. Срезневским, полагавшим, что в нашей летописи сохранились списки, выданные Русскими Грекам (Славянорусская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 97), ни с А. В. Лонгиновым, что летописцем извлечены из княжеского архива подлинники русских экземпляров грамот 911 и 945 гг. (Мирные договоры русских с греками. Зап. Одесск. общ. ист. и др., ст. XXV, стр. 29). В княжеский архив попали греческие вторые хартии, переделанные в Константинополе из первых хартий, и приготовленные в Константинополе же или в Киеве переводы с этих хартий. «Прежде приготовляем был один экземпляр грамоты, который потом переводили на русский язык, причем, конечно, должно было изменить внешнюю форму, потому что греческая грамота составлена была от имени императора и его подданных, а русская — от имени в. кн. русского и его подданных; с этих двух экземпляров заготавливались после особые списки, о которых упоминает Менаандр».¹ — «При заключении мирных трактатов с Византийской Империей изготовлялись два экземпляра — на греческом языке и языке народа, с которым производились переговоры. . . Обыкновенно изготовлялись особые списки: один на греческом языке для Греков, другой для иноземных послов на их языке»²

Сделаю несколько замечаний о договорах 911 и 945 гг. Договор Олега, как мы видели, помечен 2 сентября 6420 (911) сентябрьского года; эта дата согласуется с тем, что в договоре императорами названы Лев, Александр и Константин; Лев умер в 6420 (912) сентябрьском году 11 мая, т. е. через 8 месяцев после заключения договора; Александр — это брат Льва, а Константин — его сын. Александр, фактически устраненный от соправительства в 904 г., продолжал титуловаться царем, что видно, напр., из сообщения продолжателя Амартола о крещении Константина (имевшем место 6 января 906 г.), где восприемником его назван царь Александр (ed. Muralt, стр. 787). Константин родился 1 сентября 905 январского (906 сентябрьского) года, а венчан на царство в 911 г. в день пятидесятницы (прод. Амартола. ed. Muralt, стр. 792); следовательно, в сентябре этого январского (912 сентябрьского) года Константин титуловался уже царем. При заключении договора

¹ Н. А. Лавровский, *op. cit.*, стр. 13.

² Н. А. Лавровский, *op. cit.*, стр. 42. На стр. 61 прим. объяснение затемнено другими предположениями.

с русской стороны было 15 послов, носящих, несомненно, варяжские имена; как таковые они более или менее удовлетворительно объяснены Томсенем. Это: Karli, Ingjaldr, Farulfr, Vermundr, Hrolleifr, Godi, Hróaldr, Karni, Frilleifr, Hróarr, Angantyr (?), Próandr, Lidulfr, Fastr, Steinoidr (?). Разумеется, эти имена были переданы греческими буквами, и уже с греческого письма переведены на славянское, но, повидимому, лицом, знавшим эти имена из живого употребления, ср. Карлы, Гуды с окончанием *ы*.

Как указано выше, значительный отрывок из этой грамоты перенесен в статью 907 г. Текст договора разбит на главы, определяемые заглавиями—«Суть . . . главы таковыя» читаем мы в начале; «мы же кляхомся . . . не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любви». Ряд заглавий вводятся словами : «О семь, аще», «О томъ аще», «О тѣхъ аще». Этим я оправдываю предлагаемые мною поправки — отнесение слов «о семь», «о томъ», «о тѣхъ» не к предыдущему, а к следующему тексту. Как мы видели, при перенесении отрывка договора 911 г. в статью 907 г., неперенесенным осталось заглавие: «О възимающихъ (мѣсячину творящихъ) куплю Руси».

Договор 911 г. дошел до нас, во всяком случае, не в полном виде, как это убедительно доказано еще В. И. Сергеевичем (Лекции и исследования. 3-е изд., стр. 620 и сл.). Мне представляется несомненным, что ссылки на прежний договор, читающиеся в договоре 945 г., ведут именно к договору 911 г.

Предложу несколько более или менее значительных поправок. Вместо «а и жена убившаго» я решительно склоняюсь к чтению: «а и жена убиенаго», несмотря на то, что списки не оправдывают такого чтения. Едва ли у кого-либо могла явиться забота о жене убитого; ¹ забота о предоставлении части имущества, конфискованного у убийцы, жене убитого совершенно естественна; это имущество поступает в собственность ближнего убитого, но часть должна принадлежать его жене. Вместо «да аще кто идетъ снабдѣти лодию» читаю согласно с Соф. и Новг. 4-й: «да аще стоитъ, снабдѣти лодию», т. е. в случае лодья цела, не разбита. Вместо «ти аще ключитья близъ земля Грецкаа, аще ли ключитья тако же проказа лодьи Руской», я читаю: «ти аще ключитья близъ земля Греческы такоже проказа лодьи Русьстѣ», и сообразно с этим ниже: «да проводимъ ю въ Грьчьску землю». Думаю, что в первой хартии читалось: «И аще чьто можеть продати отъ лодия, вратимъ мы Руси, да егда ходять въ Грькы или съ куплею или в съльбу къ цѣсареви нашему, да пустимъ съ чьстию рухло лодия ихъ»; но во второй хартии вм. «вратимъ» читалось: «влачимъ», вм. «Руси» — «Русь», вм. «ходять» — «ходимъ», вм. «нашему» — «вашему». Вместо «или мнится в куплю на день челядиннаа цѣна» читаю: «падо нь», т. е. над ним. Вместо «егда же требуетъ на войну ити», Моск.-Акад. — «егда же требуетъ на войну ити, егда же потребу творите», я исправляю по смыслу: «егда же потребу творите на войну ити»; поправку «егда же требуетъ» я объясняю желанием избежать изложения

¹ В. И. Сергеевич, *op. cit.*, стр. 635: Ближние убитого получают имущество убийцы, за исключением того, что принадлежит жене.

с русской стороны (ср. поправки «нашего» вм. «вашего»). (Ниже после «да будутъ» я вставляю «не възбранени отъ насъ» по смыслу.) Вместо «приготовиться» я читаю «противиться», ср. в договоре 945 г.: «и противятся».

Договорная 945 г. точно не датирована; но в подлиннике она была несомненно датирована, быть может, также в конце, как договорная 911 г. Татищев указывает дату «лѣта 6453 индикта 4, апрѣля 20, въ третію седмицу по пасхѣ». Можно, однако, думать, что этой даты Татищев не нашел в своих источниках, так как ее нет в первой (рукописной) редакции Татищевского труда; неверно указание на то, что 20 апреля приходилось в третью седмицу по пасхе; оно приходилось на этот день в 6456 и 6461 гг., но не в 6453 и ближайших к нему; следовательно, здесь явная ошибка, едва ли не объясняющаяся тем, что Татищев 6453 г. старой эры отождествил с 953 н. э. (6461 до н. э.). Впрочем, происхождение даты 20 апреля остается загадочным. В 6453 г. действительно царским титулом пользовались Роман, его зять Константин и сын Романа Стефан. Быть может должен был бы быть назван также и другой сын Романа — Константин.

Договор заключен от русских послов (их 25) и купцов (их 30). При имени каждого посла указано, от кого именно он послан. В виду этого необходимо внести поправки, как: «сына Игорева» вм. «сынъ Игоревъ», «нетия Игорева» вм. «нети Игоревъ», Сфанъдры вм. Сфанъдръ; после Сфирка явный пропуск пославшего его. Большинство имен варяжские; из русских: Володиславль (прилаг.), Передьславинъ (прилаг.), Святославль (прилаг.). Сопоставления Томсена: Yvarr, Bófastr, —, Slódi, Oleifr, —, Sigbjörn, Svan — (?), Freysteinn, Véleifr (ср. восстанавливаемое Вилибъ, у Томсена под Либи), Arnfastr, Grimr, Sverkir, Hákuu, Kári, Staðingr, Karlsefni, Þórdr, Hegri, Erlingr, —, —, Istrur, Amundi, Björn, —, Gunarr, Sigfríðr, Halfdanr, Kollr, Klakki, Steingeirr (?), — Sverkir, Hallvarðr, Goði, Froði, Polfr, —, —, Audunn, Audulfr, Ingivaldr, Òleifr, —, Gamall, Kussi, Hemingr, Þorfríðr, Þor (?) Steinn (?), Brúni, Hróaldr, Gunnfastr, Freysteinn, Ingjaldr, Þorbjörn, Manni, Sveinn, Styrr, Halfdanr, —, —, —. Последнее имя я читаю Синько биричь (ср. Радз.), а не боричь (как в Лавр.) и в «биричь» вижу имя нарицательное. Имена «Каницарь, Ятвягъ» (вм. «Явтвягъ» Лавр.) едва ли испорчены из варяжских имен. Несомненно, что славянская передача основывалась на греческой, ср. написания «Иггивладъ, Стегги, Иггелъдъ» (в Лавр. «Игелъдъ», но в Радз. «Ингелдъ»). Но лицу, переводившему на славянское письмо эти имена, они были известны в живом употреблении, что видно из «Кары, Шихъбернъ, Шибридъ, Слуды, Бруны, Кариивъ». Передача «Прастѣнъ» обязана живому произношению, а «Фрастѣнъ» греческому оригиналу; «Туръбернъ» живому произношению, а «Фуръстѣнъ» греческому оригиналу (р передано через ж); «Улѣбъ» живому произношению, «Олѣбъ» — оригиналу; «Руалдъ» живому произношению, «Роалдъ» — оригиналу.

Эта грамота также изложена по статьям, но лишь при некоторых читалось заглавие, напр.: «А о Кърсуньстѣи странѣ»; ср. в начале некоторых статей, как и в договоре 911: «И о томъ, аще», «А о сихъ, оже». Но более обычное начало: «аще».

В противоположность договору 911 г. Русь не противопоставляется христианам; Русь упоминается языческая и крещеная — и это в нескольких местах грамоты: «елико ихъ крѣщение прияли суть», «а елико ихъ есть некрѣщено»; в конце: «мы же елико насъ крестилися есмы», «а некрещеная Русь»; «аще ли кто отъ кнѣзь или отъ людий Русьскихъ; ли хрѣстьянъ, или не хрѣстьянъ». Крещеная Русь в лице своих послов принесла клятву в соборной церкви (Софии в Константинополе), причем она клялась церковью Илии. Некрещеная Русь не принесла клятвы в Константинополе, но договор обязал ее исполнить это в Киеве. Быть может отсюда следует, что большинство послов русских были христианами. Неверным представляется предположение В. И. Сергеевича (стр. 626), что место «мы же елико насъ крестилися есмы, кляхомъся» и т. д. вставлено в Киеве со слов одного из тех мужей-христиан, которые скрепили договор присягою в Киевской соборной церкви Илии. Верное объяснение дано А. В. Лонгиновым.¹

Остановлюсь на нескольких испорченных местах. Я читаю вм. «ненавидящего добра и враждолюбца дьявола разорити» — «от ненавидящаго . . . разореныи» (т. е. мир). По Лавр. списку читается, что послы и гости получают месячное и слобное: «первое отъ города Киева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля»; в Радз., Акад. и Ипат. прибавлено: «и ис прочихъ городовъ»; эту прибавку я признаю позднейшею, основываясь как на тексте Лавр., так и Соф. и Новг. 4-й. Поэтому и под 907 годом прибавку в соответствующем месте слов «и прочии гради» считаю позднейшею вставкой: «первое отъ города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля, и прочии гради». В Лавр. соответствующее место утрачено, в Соф. и Новг. 4-й, однако, читается «и прочии гради». Вставкой эти слова признаю, во-первых, вследствие грамматической несогласованности их с предыдущим, во-вторых, вследствие несоответствия с предшествующим текстом статьи 907 г., где перечислены Киев, Чернигов, Переяславль, Полотск, Ростов, Любечь и прочие грады. — Вм. «и отъ святаго Мамы аще будетъ» читаю — «и у святаго Мамы аще будетъ».²

Неясно чтение «Бѣлбережи»: мы ожидали бы «Бѣлоберезѣ» или «Бѣлобережьи», скорее последнее, ср. «в Бѣлобережьи» под 971 г. (Лавр., при варианте «в Бѣлбережи» Радз.). Вместо «да ихъ не почастъ пакость странѣ его» издатели текста Лавр. летописи поправляют: «да ихъ не пушастъ пакостять странѣ его» на основании Радз. и Акад. Но вместо «пакостять» предлагаю читать по смыслу «пакостити» или «да не пакостять», как в Тверской. Является вопросом, что такое «странѣ его»?³ Может быть, это чтение правильное, ср. выше указание на то, что Корсунская страна должна покоряться киевскому князю («а та страна не покаряеться вамъ,

¹ Мирные договоры русских с греками. Зап. Одесск. общ. ист. и др., т. XXV; ср. М. Д. Приселков, «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси». СПб., 1913.

² Не могу согласиться с чтением В. И. Сергеевича «если убежит челядин от русских, так как они приходят в страну царствия нашего, и онажеться, что он действительно убежал от Мамы, его должно выдать русским».

³ Вместо нашей (?).

и тогда». . .). Неясно окончание: «да аще будеть добръ Игорь великий князь, да хранить си любовь правую»; может быть надо принять чтение Тверск., где после «добръ» вставлено «устроиль мирь». Смысл — если князь Игорь утвердит своею клятвою договор.

Как указано уже исследователями, в договоре 945 г. содержатся ссылки на старший договор. Не сомневаюсь, что В. И. Сергеевич прав, утверждая, что таковым мог быть только договор 911 г. Сюда относятся, во-первых: «и отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхий мирь»; во-вторых: «А великий князь Руский и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ установлено есть»; ср. в договоре 911 г. тот отрывок, что перенесен под 907 г., где указаны условия, которые должны соблюдаться Русью, приходящею в Царьград; в третьих: «И отходящеи Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже установлено есть преже», ср. в том отрывке договора 911 г., который перенесен под 907 г.: «поидучи же Русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужа, и прѣ и елико им надобе»; в четвертых: «ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже установлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинь». Это не читается в тексте договора 911 г., но, вероятно, читалось и именно там, где говорится о краже или утечке русского челядина. Повидимому, за словами «да ищуть и обрѣтаему же да поимуть и» читалось: «аще ли не обрящеться, да на роту идуть по закону своему, ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, 2 паволоцѣ за челядинь» и далее: «аще ли кто искушенъа сего не дасть створити, местникъ да погубить правду свою».

Перехожу к третьему договору — договору Святослава. Время его составления определено в самом тексте: месяца июля индикта 14, в лето 6479 (971). Никоновская летопись указывает день 11 июля: «мѣсяца июля въ 11 день, индикта въ 14». Этой позднейшей прибавке нельзя придать значения исторического свидетельства; я думаю, что она зависела от того, что в одном из источников этой летописи читалось ошибочно «въ 11 день» вместо «въ 14 индикта», ср. частое «день» вм. «индиктъ». 11 июля 6479 г. и не могло быть еще заключено мира, ибо Святослав положил оружие под Доростолом только 22 июля. Договор упоминает именно трех императоров: Иоанна, Василия и Константина; как отмечено А. В. Лонгиновым,¹ до нас дошла венецианская грамота 971 же года, и при том того же месяца июля, упоминающая о том, что к Венецианцам приходили послы от императоров Иоанна, Василия и Константина для объяснений по поводу помощи, оказанной республикой Сарацинам кораблями и оружием.

Договор 971 г. имеет совсем иной характер, чем договор 911 и 945 гг. Перед нами скорее текст присяги Святослава, данной им Грекам: «и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою». Вероятно, однако, думать, что текст был составлен Греками на греческом языке и притом в двух экземплярах, на двух хартиях, на этот раз тождественных. Это видно из надписания договора 971 г.: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ», т. е. «другая копия договора».

¹ Мирные договоры русских с греками, стр. 91.

Считаю вероятною мысль Лавровского, что в летопись попало только краткое дополнение к Святославу договору, а что самый договор заключал ряд условий, указанных между прочим Львом Диаконом: «Список с другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, в. кн. Русского и у Свенельда и у Иоанна, именуемого Цимискием, царя Греческого, писанный при Феофиле синкеле».¹

Некоторые чтения представляются сильно испорченными. Так в начале: «со всякомъ и великимъ царемъ Гречьскимъ», несомненно, вместо «съ иоанъмъ», но, может быть, вместо «съ вами». И. И. Срезневский² чтение «всякомъ» вм. «иоанъмъ» объяснял тем, что договор был написан глаголицей и ошибка вызвана неправильным прочтением глаголических букв, но едва ли это объяснение убедительно. Может быть, в подлиннике стояло «съ чемьскимъ», что и прочтено «съ всяческимъ» и затем «съ всякимъ». Замечательно, что Лавр., Радз., Ипат. читают «якоже створихъ» или «якоже сотворихомъ» вместо «якоже сътворимъ пинехросу», как Соф. и Новг. 4-й, причем «пинехросу» это. . .³ Неясно место «да имѣемъ клятву отъ бога, въ негоже вѣруемъ»: идет ли здесь дело о христианской Руси, или под богом разумеется названный ниже Перун; только при втором понимании можно оставить без изменения чтение рукописей: «в Перуна и въ Вѣлоса, скотья бога», а при первом необходимо исправить: «и отъ Перуна и отъ Волоса», ср. в договоре 945 г.: «да будетъ клясть отъ бога и отъ Перуна». «Волось скотий богъ» в договоре 945 г. не упоминается. В Тверской летописи, правда, читаем в договоре 945 г.: «и да будетъ проклять отъ бога в день судный, и отъ Перуна, и отъ Волоса, скотіа бога», но, конечно, это — вставка, возникшая на основании договора 971 г. Выражение «да будемъ колоти яко золото» (Лавр.) или «да будемъ золоти яко золото» для меня неясно.

[11.] Речь философа

Под 6494 (986) г. «Повесть временных лет» сообщает о прибытии к Владимиру, вслед за болгарскими, немецкими и еврейскими проповедниками, греческого философа. Философ сначала в кратких словах опроверг учение Болгар-магометан, Латынян и Евреев, а затем, отвечая на вопрос Владимира: «По что ради сниде богъ на землю и страсть таку прія?» изложил в пространной речи последовательный ход ветхозаветных событий от сотворения мира до распада еврейского царства на Самарийское и Иерусалимское; затем философ в пяти отделах изложил ветхозаветные пророчества об отвержении евреев, призвании в их место других стран, воплощении спасителя, его страданиях и воскресении. Прерванный вопросом Владимира «То въ кое время сбьсться? и было ли се есть? еда ли топерво хочеть быти се?» философ, отвечая ему, кратко излагает жизнь Иисуса, сообщает о его воскресении и сошествии духа на апостолов. Вопрос Владимира «Что ради отъ жены родися, и на древѣ распяться и водою крестися?» дает философу повод разъяснить прообразовательное значение некоторых

¹ Н. А. Лавровский, *op. cit.*, стр. 42.

² Славяно-русская палеография, стр. 98.

³ Это предложение в рукописи не закончено. *Ред.*

ветхозаветных событий. Заканчивает свою речь философ указанием на страшный суд, установленный богом. По этому случаю он развернул перед Владимиром картину страшного суда и объяснил Владимиру, что, крестившись, он получит возможность стать на судилище господнем одесную с праведными.

Не подлежит сомнению, что весь изложенный материал проредактирован летописцем, внесшим его в свой труд. Прибытие греческого философа в Киев, последовательность, внесенная в его опровержения других вер, обращенные к философу вопросы Владимира, — все это сочинено, составлено летописцем. Невероятно, чтобы он мог найти соответствующие данные в своих источниках. В распоряжении летописца были весьма скудные известия о крещении Владимира, данные были противоречивы; недопустимо, чтобы в числе их была обстоятельная запись о беседе Владимира с греческим философом. Итак, перед нами литературный труд летописца.

Анализируя его, можно остановиться на двух возможностях: во-первых, «Речь философа» была известна летописцу в готовом виде в том или ином доступном ему памятнике; во-вторых, летописец имел в своем распоряжении несколько памятников, из которых он и почерпнул содержание вложенной в уста греческого философа речи. В первом случае летописец был бы редактором, передавшим тот или иной источник в полном виде или в сокращении; во-втором — мы признаем его составителем самостоятельной компиляции. Решить поставленный вопрос а priori нельзя. Правда, до сих пор мы видели летописца в качестве собирателя, извлекавшего готовый материал из различных литературных и архивных источников, собирателя, не отвлекавшегося при этом от главной цели, им себе поставленной, от рассказа о судьбах русской земли. Но трудно возразить против предположения, что Нестор, или, как увидим позже, его предшественник, в известный момент отвлекся в сторону от главного предмета, проявив при этом самостоятельное творчество при создании нового литературного произведения. Составитель первоначальной летописи был человек с широким кругозором и сильною творческою мыслью: это свидетельствуется самым его замыслом — дать историю родной земли; не можем отказать ему в умении справиться и с другой темой — дать очерк всемирной (точнее церковной) истории. Быть может, несколько странным представилось бы, почему составление такого очерка понадобилось в момент проповеди, обращенной к Владимиру прибывшим из Греции философом; но если бы летописец имел то или иное основание предполагать, что действительно к Владимиру приходил греческий проповедник и что проповедник своею речью, так же как картиной страшного суда, добился владимирова обращения в христианство, попытка воссоздать речь философа была бы вполне естественною для древнего книжника задачей.

После многих колебаний я склоняюсь к мысли, что «Речь философа» не существовала в отдельном от летописи виде, что она составлена летописцем. Ниже я подробнее обосную эту мысль. Предварительно, однако, необходимо устранить возможность предположения, что трактат, содержащийся в летописи, дошел до нас в некоторых близких к нему по своему содержанию памятниках.

Указание на такие памятники было сделано впервые Н. К. Никольским в 1902 г. в июльской книжке «Христианского чтения», где помещена была его статья: «К вопросу об источниках летописного сказания о Владимире»; указания эти были повторены в «Материалах для повременного списка русских писателей и их сочинений» (СПб., 1906), стр. 6—16. Н. К. Никольским указаны два памятника, сходные с «Речью философа»: во-первых, памятник, озаглавленный «Слово о бытии всего мира», во-вторых, «Слово изъ Палеи выведено на Жиды». Ближайшее рассмотрение того и другого памятников не оставляет сомнения в том, что они представляются позднейшими переработками летописной редакции «Речи философа».

«Слово о бытии всего мира» известно мне по четырем спискам, указанным Н. К. Никольским: б. Моск. Арх. Ин. Дел XV в., № 370/820; Кирилло-Белоз. XVI в., № 38/1115 (Измарагд); Виленск. XVI в., № 75 (201) и Виленск. XVI в., № 86 (39). Как отмечено было Н. К. Никольским (в статье 1902 г.), Слово отличается от летописной редакции «Речи философа» только в первой своей части, а именно в изложении ветхозаветных событий и притом почти только до рассказа об изгнании Адама из рая, после чего различия Слова и летописной редакции незначительны. Уже это обстоятельство делает вероятным, что мы имеем в Слове переделку «Речи философа», основанную на привлечении других источников. Часть этих источников выясняется: так, все начало Слова оказывается тождественным со статьей, помещенной в Погод. сб. XVII в., № 1560, и озаглавленной «Слово о сотворении небу отъ палеи» (л. 44 об.; нач.: «В первый день в недлю сотвори богъ 1-е агтели»; конецъ: «і рече емоу да яко послушаль еси гласа жены своя и снѣста отъ древа разоумнаго»). Редакцию указанной статьи следует признать более первоначальной, чем начало «Слова о бытии всего мира»; это видно отчасти из нескольких чтений, в которых «Слово о бытии всего мира» сходится с летописною редакцией «Речи философа», отличаясь от «Слова о сотворении небу». Так, в первом из двух Слов, в «Слове о бытии всего мира», рассказ о пятом и шестом днях творения сходен с летописью;¹ во втором, т. е. в «Слове о сотворении небу», читаем: «в пятыи день в четвергъ сотвори богъ киты великіа рыбы и птицы пернатя и всякъ гадъ и жуепеличіе и мышцѣ. Сиі два дѣла сотвори богъ веліи и благослови и рекъ: раститеся и плодитесь и наполните землю; в шестыи день сотвори богъ скоты и звѣри четвероногіа і адама і евоу от божественныя роуки созда». Уже из этого примера можно заключить, что «Слово о бытии всего мира» составилось из соединения летописной редакции «Речи философа» с особою статьей о сотворении мира.² Точнее будет сказать, что «Слово о бытии всего мира» составилось из соединения

¹ «Въ 5 день в четвергъ створи бог киты великыя рыбы и гады и птицы пернаты. Въ 6 день в пятокъ створи богъ звѣри и скоты, всякъ гадъ земны, створи же во ть день человекъ».

² Статья эта восходит к так называемому Малому Бытию (ср. русский перевод А. Смирнова, Казань, 1895, стр. 57—60); но непосредственно она заимствована из особой редакции Палеи, как это видно и из ее заглавия «Слово о сотворении небу отъ палеи».

летописной редакции «Речи философа» с особым изводом Палея. Подобные соединения, и притом друг от друга независимые, находим и в других компиляциях; такова компиляция, читающаяся в Синод. летописи № 154 и в менее полном, менее исправном виде (за утратой листов) в летописи Авраамки (ПСРЛ, т. XVI); такова же редакция «Речи философа», читающаяся в Тверском летописном сборнике (ПСРЛ, т. XV.)¹

Возвращаясь к «Слову о бытии всего мира», отмечу, что последним значительным заимствованием из нелетописного текста оказывается сообщение о рождении Каина и сестры его Каламоны, Авеля и сестры его Деверы; в «Речи философа» нет имен дочерей Адамовых; в Палею особого извода они попали из «Откровения Мефодия Патарского»; оттуда же заимствованы читающиеся перед этим слова «Дѣвою бѣ Адамъ и Евга и изгнана быста из раю», причем из них видно, что составитель Слова пользовался вторым (поздним) переводом Откровения.² Начиная с рассказа о Каине и Авеле, «Слово о бытии всего мира» основывается почти исключительно на «Речи философа», местами сокращая ее, в особенности в изложении новозаветных событий. Только в немногих случаях можно отметить пользование со стороны составителя другим, нелетописным источником. Так, вместо «к дубу высокоу» читаем: «к доубу Мамриискому» (в рассказе об Аврааме); гора, на которой погребен Моисей, названа Аварим, в летописи — Вамьска, и о погребении здесь Моисея не сказано; вместо слов «Ровоамъ; при семь разделися царство надвое Жидовьско въ Ерусалимѣ едино, а другое в Самарии» — «надъ двѣма племены, а десять колѣнъ отлучишася»; далее некоторые поправки в тексте пророчеств, напр.: «Михѣя же рече: ты Вифлѣомѣ, земле Иудова, ничимже менши еси во владыкахъ Иудовахъ», между тем в летописи: «Михѣя же рече: ты Вифлевоме, доме Ефрантовъ, еда не могль еси быти въ тысяцахъ Иудовахъ» (впрочем, в Хлебн.: «ничимъ же менши еси въ владыкахъ»); ниже «Захария рече: не послушаша сынове Израилеви гласа моего», в летописи «сынове Израилеви» опущено; ниже в пророчестве Моисея: «оузрите животь вашъ висящъ прямо очима вашима», в летописи: «узрите жизнь вашу висящую предъ очима вашима» (но в Радз. и Хлебн.: «животь вашъ висящъ», а в Хлебн. еще: «прямо очима вашима»); к пророчеству Давида «въскоую шаташася языци» прибавлено: «и людие поучишася тыщетнымъ»; ниже в пророчестве Давида: «въскресни, боже, соуди земли», в летописи: «въстани боже, суди земли» (но в Хлебн. списке: «въскресни»); в рассказе о жизни Иисуса после слов «то недуги испѣли и болѣзни подъя» прибавлено: «и избра собѣ мужа 12 яже и апостолы нарече»; ниже, после слов «сниде духъ святыи на апостолы» прибавлено: «и огньными языки вѣщаху»; ниже: «крестяще водою и духомъ»,

¹ Более обстоятельные указания даны мною в статье «Толковая Палея и Русская летопись» (Сборник статей по славяноведению, I, 1904). Там же указано на поздний характер Палея, послужившей источником для «Слова о бытии всего мира», Синод. летописи № 154 и Тверского сборника.

² Ср. в этом втором переводе «Вѣдомо же буди всѣмъ яко дѣвою бѣ Адамъ и Евва егда изгонима быста изъ рая»; в первом переводе «вѣдомо да будетъ яко юнотою бѣ Адамъ и Еува егда изгнана быста изъ рая».

в летописи: «крестяще водою». Ниже в ответе философа на вопрос Владимира, после слов «иже бо и нынѣ крестятся водою и духомъ», прибавлено: «сынове божии наречени соуть». Незначительность всех этих поправок и дополнений указывает как будто на то, что редактор «Слова о бытии всего мира», делая их, воспользовался только своими знаниями св. писания.

Текст рассматриваемого произведения доказывает, что «Речь философа» была известна его составителю в редакции, весьма близкой к Лавр. списку, содержавшей даже описки и единичные чтения этого списка. Ср.: «възропташа. . . иже не бысть воды», в Лавр. также «иже», а в других списках «еже»; «и кождо норovy своя припша по дъяволу оучению», в Лавр. «учению», в Радз. и Ипат. «научению»; в пророчестве Исаии: «яко овца на заколение ведеса» в Лавр. также «овца», в Радз. и Ипат. «овча»; выше в пророчестве Иосии опущено, как и в Лавр.: «такo глаголетъ господь»; в пророчестве Иезекииля «Аданаиль», как в Лавр., между тем в Радз. и Ипат. «Аданаи» и др.

Скажу несколько слов об отношении друг к другу отдельных списков «Слова о бытии всего мира». Ближе всего к летописному тексту оказывается список Кирилло-Белозерского монастыря (в Измарагде). Остальные три списка представляют ряд вставок в первоначальный текст, вставок незначительных по своему содержанию, но свидетельствующих о знакомстве редактора с библейскими книгами. Так, слова бога к Моисею «оудари жезломъ в камень» дополнены словами: «и тоу оузриши славою мою» и далее прибавлено: «разгнѣвася Моисѣи на Израиля, роптанія ради оудари жезломъ въ камень»; в пророчестве Исаии в фразе «емоуже начало бысть на рамѣ его» (Лавр. и Измарагд) слово «начало» заменено через «власть» (как в Хлебн. списке). В приведенном выше псалме Давыдовом за словами «и людие поучишася тщетнымъ» прибавлено: «и прочая»; въ конце следующего затем псалма, после слов «да разидуться врази его» прибавлено: «и прочие». Отмечу, напротив, пропуск в рассказе о детстве Моисея эпизода со свержением венца фараонова. В частности список б. Моск. Арх. Ин. Дел отличается несколько новыми вставками: словам бога, обращенным к Моисею, «удари жезломъ въ море» предпосланы слова: «простри роуку твою»; в давыдовом псалме за словами «въста яко спя господь» вставлено: «и въскрие спасая ны», в пророчестве Иезекииля после слов «раседю вся останны ваша» вставлено: «и въ вся языкы»; кроме того, в начале этого списка имеется несколько маргинальных приписок, каковы, напр.: «се же бысть 1 мертвецъ на земли и тогда 4 часть умре», далее сообщение о погребении тела Авелева (по летописи?), затем приписка к рассказу о потопе «и сниде дождь на землю 40 дни и 40 нощи». Виленский список № 201 в некоторых местах как будто исправлен по одному из списков летописи: так, мы читаем здесь, согласно с Ипат. «посемь слоужаше Илиі» вместо: «посемь судяше Илиі», как в Моск. сп. б. Арх. и в Лавр.; ниже, в пророчестве Исаии «овча», как в Ипат., вм. «овца», как в Моск. сп. б. Ин. Дел и в Лавр. Виленский список № 39 сокращен сравнительно с предыдущими в конце, доходя только до слов: «и прибысть с ними по въскресеніи 40 дніи являяся имь»; в середине он выпустил пророчества.

Другая внелетописная редакция «Речи философа» носит в сборнике б. Моск. дух. академии № 363 заглавие: «Слово изъ палѣи выведено на жиды». «Речь философа» передана здесь в неполном виде; она обрывается на вступлении Давида на царство («и сътвори его царя и оугоди Давыдъ богу нашему слава»). Как указал уже Н. К. Никольский, Слово очень мало разнится от летописной редакции «Речи философа», но некоторые его особенности, в связи с заманчивым его заглавием, могли бы наводить на мысль о самостоятельности этой редакции от летописной, если бы при ближайшем рассмотрении текста не оказалось, что и здесь, как в «Слове о бытии всего мира», в основание новой редакции положен текст летописи, причем он дополнен из нескольких других источников или одного другого источника. Это можно заключить особенно из того обстоятельства, что отличия от летописи ограничиваются почти исключительно началом Слова, рассказами о семи днях творения и об изгнании Адама и Евы из рая. Некоторые из таких отличий ведут нас, как к источникам, к известным памятникам древней письменности. Пользование двумя источниками, из которых одним была летопись, особенно ясно становится из рассказа о плаче Адама и Евы над убитым Авелем. Сначала читаем: «и обрѣтоша Авеля и плакастася мѣто 1 и не съгнившю тѣлу его», а затем в конце: «ископаста яму и вложивша Авеля погребоста съ плачсмѣ и плакастася его до 100 мѣтѣ». Первые из подчеркнутых слов заимствованы из летописи и притом из такого ее списка, где вместо 30 лет, читается 1 лето (вследствие смешения цифр 1 и 3), ср. подобное чтение в Новгородской 1-й летописи по Коммиссионному и сходным с ним спискам; второе сообщение о плаче Адама и Евы заимствовано из «Откровения Мефодия Патарского»; ср. в первом славянском его переводе: «и плакастасе его Адамъ и Еува до 100 лѣтъ».¹ Число лет от потопа до разделения языка определяется здесь 533 (между тем как в летописи 529); ср. ту же цифру в компиляции, предшествующей Синод. № 154 и летописи Авраамки (ПСРЛ, т. XVI, стр. 4). Сообщение о том, что после грехопадения Адама и Евы «взяся отъ нею свѣтъ и боготканая одежа», ср. с следующим местом в Толковой Палее (изд. 1892 г., стр. 543): «ни возможно бѣ Адаму облещися въ первую боготканую одежу, юже врагъ лъстью совлече». Выше отмечено, что чтение 1 лета вместо 30 лет сближает наш памятник с Новг. 1-ю летописью; с этой же летописью он сближается еще чтением «глады» при определении девятой казни египетской, ср. в Новг. 1-й «глад», между тем как в Лавр. и др. «градъ». Все указанные данные позволяют рассматривать текст «Слова изъ палѣи выведено на жиды» как переработку летописного текста на основании других литературных источников.

С полной уверенностью можно признать позднейшими переделками летописной редакции «Речи философа» те изводы этой речи, которые читаются в позднейших летописных сводах. Об изводе, находящемся в Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV), я уже сказал выше. Здесь заимствования из особой

¹ В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила. М., 1897, тексты, стр. 84.

редакции Палея, послужившей источником «Слова о бытии всего мира», многочисленнее и последовательнее, чем в этом Слове, державшемся летописи как основного источника. Общий источник заимствований для обоих памятников особенно ясно обнаруживается, напр., из таких отрывков, как: «и пристави господь богъ къ Адаму архангела Михаила. . . и на прелъщение чловѣка. Дѣвою бѣ Адамъ и Евга изгнана бѣста изъ раю. . . сестру его Каламону»; этот отрывок и в Тверском сборнике (XV, 84) и в Слове читается после фразы, восходящей к летописи: «и се на ны первое падение, отвѣтъ горкии, отпадение ангельскаго житья».

Никоновская летопись представляет в тексте «Речи философа» несколько существенных отличий от древнейшей редакции его, сохранившейся в Лавр. и других списках. Во-первых, мы видим здесь обширную вставку после слов, обращенных израильтянами к Самуилу: «постави надъ нами царя»; вставка повествует о поставлении на царство Саула и оканчивается словами: «и помаза его на царство Израильское» (ПСРЛ, т. IX, 47—48); вероятнее всего возвести эту вставку к Хронографу 1512 г., одному из источников Никоновской летописи. Во-вторых, Никоновская летопись содержит еще ряд мелких дополнений против древнего текста, сделанных, повидимому, на основании Библии. Так, вм. «и ту абье сверже и с небесе» — «и ту абие за гордость господь сверже его съ небеси»; вм. «и по немъ падоша иже быша подъ нимъ, чинъ десятый» — «съ чиномъ, сущимъ подъ нимъ»; к словам «и сотвори богъ чловѣка» прибавлено: «по образу божію сотвори его»; к словам «и видѣ жена, яко добро древо в снѣдъ» приб.: «и яко угодно очима видѣти»; к словам «и изгна богъ Адама изъ раа» приб.: «и рече ему: дѣлай землю, отъ нея же взять еси»; к словам дьявола к Каину «вземши камень и удари его» приб.: «въ главу»; к словам «не имать пребыти духъ мой в чловѣцѣхъ» приб.: «зане плоть суть»; сильно расширено наставление, данное богом Ною относительно построения ковчега: «отъ дръвь четвероугленыхъ. . . в ней же есть духъ животенъ подъ небесемъ»; к словам Ноя «яко быти потопу» приб.: «на землю; покайтесь отъ злобъ вашихъ»; вм. «и въведи к собѣ по двоему отъ всѣхъ скотъ» приб.: «чистыхъ семь семь мужескій полъ и женскій, отъ скотъ же нечистыхъ двое двое мужескъ и женескый»; число лет Авраама определяется 85 вм. 86, когда он родил Измаила; Рахилина рабыня названа ниже Зевалой; после «Моисій бо уби Египтянина» приб.: «бьюща Израильтянина и скры его въ песцѣ»; вм. «и вдасть имъ манну ясти» — «и одожди имъ господь манну ясти»; вм. «посемъ же дасть имъ законъ на горѣ Синайстей» — «посемъ же дасть господь Моисею законъ на скрыжалехъ на горѣ Синайстей»; за словами «и поклоншася Израильтяне аки богу» приб.: «глаголюще: се богъ твой, Израилю, изведый насъ изъ Египта»; после «и не вниде в землю обѣтованую» приб.: «и въсплакася горко Моисей о согрѣшеніи предъ господемъ»; к словам «и показа ему землю обѣтованную» приб.: «и рече: тамо ты не внидеши»; за словами «и умрѣ Моисей на горѣ» приб.: «и погребенъ бысть архангеломъ Михаиломъ»; вм. «бысть судья в него мѣсто Юуда» — «и бысть въ нихъ судья Юда и Семіонъ»; ниже вм. «холопъ Соломанъ» — «сынъ Анавашъ, рабъ Соломоновъ, отступникъ»; вм. «се бога твоя, Израилю» — «се боги

ваши, Израилю, изведыи васъ изъ Египта»; в пророчестве Иеремии после «и яко человекъ умираеть» приб.: «и яко богъ всталъ естъ»; ниже после «и се церковная завѣса раздрася на двое» приб.: «и гроби отверзошася»; в м. «крестяще водою» — «крестяще водою и духомъ во имя отца и сына и святаго духа»; в м. «и отъ древа животнаго примуть праведнии» — «и отъ древа животнаго въ рай пища и наслаженіе примуть праведнии»; в м. «грѣшникомъ мука огнена и червь неусыпай» — «а грѣшникомъ безъ конца мука вѣчная, огонь неугасающій, червь неумираемый» и нек. др.

Необходимо заметить, что некоторые чтения Никоновской летописи, имевшей в числе главных своих источников Новг. 5-ю летопись, восходят к Новг. 1-й летописи второй редакции. Сюда относятся: «старѣшина чину архангельску» (о Сатанаиле) в м. «ангельску»; в м. «и створи ему жену» — «и сотвори ему помощницу женѣ»; в ответе Еввы змию: «сине бо заповѣда намъ богъ отъ всякого древа (сушаго въ рай) ясти, а еже естъ посредѣ рая, отъ того неясти» в м. «рече богъ: не имата ясти»; после «и сѣде Адамъ прямо раю, плачася» приб.: «и рыдалъ»; за словами «дѣлая землю» приб.: «и прокля богъ землю»; «и плакастася по Авелѣ лѣто едино» в м. «лѣтъ 30»; указаво, что Иаков взял у Ливана не только Лию и Рахиль, но также еще «двѣ рабичнѣ приданыи» (в Комм. «двѣ приданыи»); указаво, что при рождении Моисею было дано другое имя: «а преже бѣ имя ему Немелхиа»; седьмою казвю египетскою назван «гладъ», а не «градъ»; «и разступися вода на 12 путій» в м. «и раступися вода на двое»; за словами «аще будетъ по всей земли роса, а на рунѣ суша» приб.: «и положи руно, и заутра видѣ по всей земли росу, а на рунѣ суша, и бысть тако; еще искушу господа бога: аще будетъ по всей землѣ суша, а на рунѣ роса»; после «червь неумираемый» (Комм. «червь неугасающій») приб.: «тма кромѣшная». О различіях Новгородской 1-й летописи от «Повести временных лет» скажу ниже.

Нижеследующіе данныя служат основанием предполагать, что Никоновская летопись имела в числе своих источников такой летописный свод, в котором читались приведенные выше прибавки; этим сводом мог быть общерусский летописный свод, составлявшийся при дворе митрополита, в древнейшей своей редакции восходивший ко времени митр. Петра, а в позднейшей — ко времени митр. Фотія, к 1423 г. Дело в том, что часть этих прибавок находит себе соответствіе в «Летописце Переяславля Суздальскаго». Первая часть этого памятника представляется компиляціей XIV—XV вв., воспользовавшеюся в качестве источника общерусским летописным сводом XIV в. Так, мы находим здѣсь приведенные выше прибавки «за неплоть суть»; «а отъ всехъ гадъ нечистыхъ по два, а отъ чистыхъ по сѣми»; «и скры въ песцѣ»; рабыня Рахилина названа Валой (в Никон. Зевалой); в соответствіи с прибавкой Никон. летописи: «делай землю отъ нея же взять еси» находим в Переясл.: «и възвращу тя в землю, отъ неа же възяхъ тя». Отмечу, кроме того, такіе общие чтения между Никон. и Переясл.: «и сладка бысть вода» в м. «и усладилася воды».

Составитель первой части «Летописца Переяславля Суздальскаго» использовал, редактируя «Речь философа», общерусский летописный свод, по видимому, гораздо основательнее, чем составитель Никон. летописи. Это

видно из того, что в этом летописце мы в тексте «Речи философа» найдем еще ряд прибавок, восходящих, вероятно, к тому же источнику. Из них можно видеть, что «Речь философа» в общерусском летописном своде была основательно переделана и исправлена по летописному источнику и притом всего вероятнее — по той самой Палее, которая служила источником вышерассмотренного «Слова о бытии всего мира». Заключаю об этом прежде всего из общих чтений Переясл. летописи и названного «Слова». Сюда относятся, напр., прибавка в Давыдовом псалме слов «людіе поуучишися тщетным»; название десятой египетской казни «смѣрть на прѣвѣнци» вм. «морь в челоувѣцѣхъ». Согласно со «Словомъ из палѣи» (о котором выше) находим здесь прибавку после слов «и дажь имъ манноу ясти» — «и дасть имъ господь и крастели и плеселице». Приведу еще несколько чтений Переясл. летописи, заимствованных предположительно из общерусского летописного свода: после слов «и възвращу тя в землю отъ неа же взяхъ тя» приб.: «А женѣ рече: а ты преслоуша слово мое, въ печали родиши чада и множа оумножию печали твоя и к мужоу твоему възвращеніе твое»; ниже указано, что бог разрушил столп «въѣтромъ»; ниже прибавлено, что богъ помиловал их, «и възврати отъ плѣна по 70 лѣтъ», ср. ниже, как в летописи: «и предасть я богъ въ расхищение и в плѣнъ во Асоурию, и тамо работаша 70 лѣтъ». Прибавлено пророчество Малахии: «жезль искорени Иосѣва изидѣтъ, ражающая родить старѣи быти въ Израили»; пророчество Исаии после слов «яко овъча на заколеніе веденъ бысть» приб.: «и яко агнецъ прямо стрѣгоущему его бѣзгласенъ и тако не отврѣзаетъ оустъ своихъ въ смиреніи своемъ». Вторая часть «Речи философа», излагающая события новозаветные, изложена в летописце Переяславля Суздальского совершенно иначе, чем в летописи; редактор широко воспользовался своим знакомством с Палеей и подверг летописный текст полной переработке. Большую часть отличий текста «Летописца Переяславля Суздальского» от «Повести временных лет» в этой части «Речи философа» можно возвести к Толковой Палее: едва ли, однако, они заимствованы непосредственно из этого памятника, вероятнее — из какой-то переделки, переработки ее. Приведу главнейшие отличия.

Вместо «Жидомъ пророки избивающимъ, царемъ ихъ законы преступающимъ» — «пророци, ихъ же Жидове овѣхъ прѣтирааху, а инѣхъ каменіемъ побиваху, а инѣхъ посѣцаху, а инѣхъ въ ровы вѣмѣтааху, а инѣхъ заточению предааху царіе ихъ», ср. выше в летописи: «они же пророки избиваху другія претираху», в Толк. Палее: «посла к вамъ пророки, ихже вы избите, другія же прѣтросте, иныя же каменіемъ побисте» (стлб. 212). К сообщению о смерти Ирода прибавлено: «Оумре же Иродъ первое откомъ, 2 черницею, 3 трысовеніемъ, 4 огницею, 5 согнितिемъ оудовъ срамныхъ, 6 скривленіемъ оустъ, 7 нечистаго духа давліемъ. Тако нечестивоую душу изверже». Ср. за рассказом о крещении Иисуса прибавлено: «и ведеса духомъ въ поустыню и постися 40 днии, 40 нощив, искоушаемъ отъ дьявола и отрази его писаниемъ закона Моисѣва, еже емоу самъ предасть». Далее еще ряд вставок в рассказ о жизни Иисуса. В третьей части «Речи философа», где дается прообразовательное истолкование ветхозаветным событиям, имеется много общих мест с Толковою Палеей. Так, слова «и на

5500 лѣтъ вси за то преступленіе въ адѣ свидоша, діаволу обладавшю, и въспомяну же богъ Адама и весь родъ чловѣчъ мучимъ отъ сатаны въ адѣ, и оумилосердися и створи отместіе діаволу за чловѣчъ родъ» (ср. выше в Пересл.: «имже повѣлъ в рай быти, еже были въ адѣ 5500 лѣтъ») соответствуют следующему месту Толковой Палей: се 50 000 иже, преступльншо Адаму заповѣдь госнода бога, и за преступление во тмѣ ада пребыша. . . но егда распеншюся госноду и с мертвци вменися и до ада сииде и ада связа неразрѣшимыми оузами вѣчно, и адама въздвиже и евгу свободи» (стлб. 580). Другие сопоставления см. в моей статье «Толковая Палея и Русская летопись», стр. 45—47 отд. отт. [Статьи по славяноведению, изд. II отд. АН, т. I, 1904.]

Выше упомянуто о той редакции «Речи философа», которая читается в Новг. 1-й летописи второго, младшего извода. В виду того, что вопрос об отношении этого памятника к «Повести временных лет» будет предметом особенного рассмотрения нашего ниже, я ограничусь здесь замечаниями о том, что отличия Новг. 1-й летописи от «Повести временных лет» в «Речи философа», поскольку они не обязаны позднейшей правке редактора XV в., могут восходить к своду более древнему, чем Повесть, своду, лежащему в ее основании. Некоторые из таких отличий приведены уже выше при рассмотрении текста Никоновской летописи. Остальные отличия менее значительны. Но при восстановлении первоначального текста «Речи философа» они должны быть приняты во внимание. Ниже, приводя текст «Речи философа» для сопоставления его с другими памятниками, мы обратим внимание и на чтения Новг. 1-й летописи.

Давно указана в ученой литературе близкая связь «Речи философа» с памятниками, носящими название Палей и в особенности с Толковой Палеей хронографической или полною, и с Краткою Палеей. Во всех этих памятниках, сходных с «Речью философа» по самому их замыслу (ибо они дают обзор частью одной ветхозаветной истории, частью и новозаветной), встречаются общие с «Речью философа» места, не объяснимые из библейских книг. Можно было бы думать, что такие места извлечены летописцем из той или иной редакции Палей, но такое предположение невероятно, во-первых, по самому существу, не оправдываясь при ближайшем сопоставлении летописного текста с палейным, во-вторых, по основаниям хронологическим: можно думать, что дошедшие до нас палейные редакции моложе нашей летописи, моложе, в частности, и «Повести временных лет»; в-третьих, наконец, все эти палейные редакции содержат заимствования из русской летописи; поэтому общие с «Речью философа» места могут в той или иной части восходить к русской летописи. Анализ состава Палей, произведенный В. М. Истриным,¹ показал, что составители дошедших до нас редакций имели в своем распоряжении ряд источников; в числе их была русская летопись; поэтому содержащаяся в летописи «Речь философа» могла быть использована и редакторами Палей при изложении ими ветхозаветных событий. Особенно тесна связь «Речи философа» именно с Толковой Палеей;

¹ [В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи. I—V. Изв. ОРЯС, т. X, кн. 4, 1905; т. XI, кн. 1, 2, 3, 1906.]

а мы уже видели, что Толковая Палея заимствовала из русской летописи несколько статей географического и этнографического содержания. Что до Хронографической Палеи, а также Краткой Палеи, то, как это доказано Истриным, обе они пользовались Толковой Палеей; общие с летописью места могли попасть в них через ее посредство. Древнейшие изводы Хронографической Палеи (напр. в списках Погод. № 1435 и Синод. № 211) совсем не содержат заимствований из русской летописи. Краткая Палея те немногие заимствования из русской летописи, которые в ней обнаруживаются, могла получить через посредство Хронографической и Толковой Палеи (к первой восходили бы, напр., известие 6448 г., рассказ о призвании князей и прибавка имени Аскольда и Дира под 6374 г.; ко второй название русских рек в статье о расселении ноева потомства). Эти соображения ведут нас, однако, к следующему заключению. Признавая всю вероятность того, что Толковая Палея пользовалась русской летописью, мы общие русской летописи и Толковой Палее места выводим из первой; если же в Хронографической Палее и Краткой Палее оказываются такие общие с летописью места, каких нет в Толковой Палее, мы не можем возвести их к летописи, а должны возвести их к источнику общему и Палее (Краткой и Хронографической) и летописи. Таким образом, несмотря на зависимость Палеи (Толковой) от летописи, сопоставление летописи с Палеей (Краткой и Хронографической) не оказывается бесплодным при воссоздании литературной истории «Речи философа». Перехожу поэтому к сопоставлениям. Сначала я укажу места, общие Толковой Палее и летописи, и приведу основания в пользу того, что они восходят к летописи. Затем перейду к местам, общим летописи и Краткой Палее, а также Хронографической Палее, но неизвестным Толковой Палее, и укажу на то, что их необходимо возвести к одному общему источнику.

Толковая Палея. Под этим названием разумеется тот памятник, который дошел до нас в списке Коломенском 1406 г. и сходных с ним списках. Об этих списках, равно как об общем их протографе можно составить себе удовлетворительное представление по изданию учеников Н. С. Тихонова (М., 1892).

Реч ь ф и л о с о ф а

Слышахомъ, яко приходили суть Българе, учаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра осквърняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на ня же пусти господь камение горющее, и потопа я, и погрязоша; яко и сихъ ожидаетъ днь погыбели ихъ, егда придетъ господь судить земли и погубить

Т о л к о в а я П а л е я

Господь же пусти на Содому и Гомору камение горющее¹ с небесе (стлб. 273)

Постыдите же ся оубо вы и пострамитесь вѣры Бохмичѣ, оканьнии Агаряне, разумѣите же оубо, что ради погублень бысть Содомъ и Гоморъ злаго ради права, иже вы ныне держите, мужь с мужи лежюче, оходы свои омывающе,² и по

¹ горющее из С. В., в Кол. гороущее ² омывающе из К. С., в Кол. подымывающе

вѣся творящая безаконіе и сквѣрны дѣлющая; си бо омывають оходы своя, и въ рѣтъ вѣливають, и по брадѣ мажются, поминающе Бохмита

главѣ своей и по бородѣ,² тѣмъ³ на ся взливаютье . . васъ же ождиаетъ день погыбели. . . но вы хлапи нарекоцетеса, вѣровавше в Жидовскаго хлапа Бохмита; та же оубо вѣра оскверняетъ небо и землю (стлб. 274).

ови же ты пророкы избиваху, а другыя претираху древяными пилами¹

вамъ же что сътвориша пророци ваши, иже вамъ проповѣдаша пришествіе божіе, и тѣхъ вы каменьемъ побисте, и другыя же живы пилами претросте⁴ (стлб. 259)

и въ вторыи днь [сътвори твердь], яже естъ [посреди воды]; сего жь дње раздѣлишася воды, полъ ихъ вѣзде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь.

и по семь [рече богъ да будетъ твердь день 2]⁵. . . и раздѣляетъ воды владыко: полъ ихъ возводитъ на твердь ту⁶ и полъ же ихъ оставляетъ подъ твердію . . . и вѣзде богъ⁷ полъ водъ на твердь, а полъ подъ⁸ твердь (стлб. 10—13)

Ср. Бытие I, 6—7: и рече богъ да боудеть твердь посрѣдѣ воды, и боудеть разлоучаа посрѣдѣ воды и воды. И бысть тако и сътвори богъ твердь и разлоучи богъ между водою яже бѣ подъ твердію и посрѣдѣ воды, иже бѣ надъ твердію.

А въ третии днь сътвори море, и рѣкы, и источникы, и сѣмена.

въ 3 же день створи богъ море и рѣкы, источникы и сѣмена (стлб. 16).

Ср. Бытие I, 10—12, где совсем иной текст.

Въ четвертыи днь съзньце, и луну, и звѣзды и украси богъ небо

и видѣ, яко оукраси богъ твердь ту, о неже рѣхомъ, и землю (стлб. 73).

Ср. Бытие I, 15—19, где нет слов «украси богъ небо».

Видѣвъ же первыи отъ ангель, старѣшина чину ангельску, помысли въ себѣ, рекъ: съниду на землю, и преиму землю, и буду подобнь богу, и поставлю престолъ свой на облацѣхъ сѣверьскыхъ. И ту абие свѣрже и съ небесе, и по

в сии же оубо день единъ отъ ангель нарѣцаемыи Сотонаиль, иже оубо бѣ старѣшина⁹ 10 му чину тому и видѣ, яко оукраси богъ твердь ту, о неи же рѣхомъ, и землю и развеличися гордостью и рече в помысле своемъ, коль красная си, но не

¹ древяными пилами из *Новг. 1-й*. ² В *Син. списке Хроногр. Палеи* брадѣ мажущеса. ³ тѣмъ прибавлено из *В. С. и др. списков*. ⁴ живы пилами претросте из *С. К. и др.*, в *Кол.*: живы потросте ⁵ 2 из *В. С. и др.*, в *Кол.* 10. ⁶ на твердь ту из *В.*, в *Кол.* надъ твердоту. ⁷ богъ из *К. С. и др.*, в *Кол.* бо ⁸ подъ из *К. У. и др.*, в *Кол.* полъ. ⁹ Старѣшина из *К. С. и др.*, в *Кол.* старѣша

немъ съпадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятыи. Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, въ него же мѣсто постави старѣшину Михаила; сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы пьрвыя, наречеса противникъ богу

вижю живуцаго на неи; да приду на землю, и приму землю и обладаю ² ею, и буду яко богъ, и поставлю престолъ мой на обладѣхъ. Ту абье сверже и господь с небеси за гордость помысла его; по нем же спадоша иже бѣша подъ нимъ чинъ 10, аки пѣсокъ просушася с небесе (стлб. 73—74).

спадъши тыи сотона грѣши ³ помысла своего и наречеса супротивникъ божии. в него же мѣсто постави господь старѣшину Михаила (стлб. 76—77).

се же оубо сотона . . . да первыи отступникъ бысть, къ своей пагубѣ привлечеса и отпадъ благодати и в злѣ бысть (стлб. 75).

В Бытви этого нет.

Въ седьмыи же днь почи богъ отъ дѣлъ своихъ] иже есть субота.

и почи господь отъ дѣлъ своихъ въ день 7, иже есть субота (стлб. 127).

Ср. Бытие II, 3, где нет слов «иже есть субота».

И бѣ Адамъ въ рай, и видѣаше бога и славляше, егда ангели славляху

и бѣ. рече, Адамъ в рай, славяше бога, егда ангели славляху ⁴ на небесѣхъ (стлб. 127).

В Бытви этого нет.

и порадовася сотона [о проклятии земля]

и порадовася диаволь [о изгнаньи Адама] (стлб. 160).

В Бытви нет.

и ¹ яко изидоста, [въста Каинъ]. и хотѣаше убити и не умѣаше, како убити и

[и бысть, внигда има быти на поле], и оумьсли Каинъ на Авеля брата своего оубити, и не оумѣаше, како оубити, ⁵ не бѣ бо ⁶ кто кого убивать ⁷ (стлб. 190).

Ср. Бытие IV, 8, где этого нет.

и рече ему сотона: възьми камень и удари и

по наоучи сотона, рече: возми камень и оудари въ главу (стлб. 190).

Ср. Бытие IV, 8, где этого нет.

Адамъ же и Еуга плачущася бѣста, и дияволь радовашеся, рька: се,

и порадовася сотона, и рече: азъ есмь ему сотворихъ ись породы

¹ В Новг. 1-й [и бысть]. ² обладаю из К. С. и др., в Кол. облада
³ в Синод. списке Хроногр. Палеи: погрѣши ⁴ славляху из К. С., в Кол. славити
⁵ не оумѣаше како оубити вставлено из К. С. и др. ⁶ бо вставлено из К. С. и др
⁷ кого убивать из К. С. и др.; в Кол. губиваль

его же богъ почести, азъ сътвори хъ ему отыпаста бога и се нынѣ плачь ему налѣзохъ. И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его; и не умѣяста его погresti, и повелѣниемъ божинимъ пѣтеньца дѣва прилегѣста единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вѣложи умърѣшаго, и погребе и. Видѣвъша же се Адамъ и Еуга, ископаста яму, и вѣложи-ста Авеля и погребоста и съ плачьмъ

изгнану быти, и се оуже в ³ болшее зло въвергохъ и плачь има плѣзохъ. И плака же ся, рече, ⁴ Адамъ и Еуга надъ Авелемъ 30 лѣтъ и не съгни тѣло его, и не оумѣяста его погresti, и повѣленемъ божинимъ прилѣтѣста двѣ горлицы, едина же ею оумре и другая же ископавши ямоу, и вложи в ню оумершую и погребе. То видѣвъ Адамъ и Еуга и погребоста Авеля и оустависта ⁵ сии плачь (стлб. 191)

В Бытии нет.

[и умножишася по земли] и не познаша сътворѣшаго я, исполнишася блуда и всякой нечистоты, ¹ и убийства и зависти, и живѣаху скотьскы чловѣци

[оумножившимся чловѣкомъ на земли] и забыша бога створѣшаго ѣ, но исполнишася блуда и всякого скарѣдия и оубийства и зависти. . . но живяху скотьскы (стлб. 200—201).

Ср. Бытие VI. 1—2, где этого нет.

Егупты ² бо лавътемъ сажень зовуть. Дѣлаемоу же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Нои, яко быти потопу и посмѣахуся ему.

Егупты бо лавтемъ сажень зовуть. Дѣлаемоу же ковчегу за 100 лѣтъ. . . Дѣлаемоу же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Нои, яко быти потопу и посмѣахуся ему (стлб. 203 и 202).

В Бытии нет, ср. VI, 15—16.

И быша чловѣци мнози и единоязычни, и рѣша другъ къ другу: съвиждемъ стълпъ до небесе. И начаша зѣдати, и бѣ старѣишина имъ Невродъ. И рече богъ: се умножишася чловѣци и помысли ихъ суетьви.

Единоже же языка соуще вси вкоупѣ помышляхоу глаголюще другъ к другу. . . и рѣша другъ ко ⁶ другу. . . съвиждемъ стълпъ до небесе. . . И начаша зѣдати стълпъ, и бѣ старѣишина и началъникъ соуетьному ихъ помыслоу именовъ Невротъ (стлб. 228 и 229).

Ср. Бытие XI, 1—4, где иначе.

[И съниде богъ] и размѣси языки на 70 и дѣва языка. Адамовъ же языкъ бысть не отъять у Авера; ⁷ тѣ бо единъ не преложися къ безумию ихъ, рекъ сиче: аще бы чловѣкомъ богъ реклъ на небо стълпъ

Аверъ же единъ не приложися ⁷ к безумию ихъ, но рече сиче: аще бы чловѣкомъ богъ реклъ стълпъ на небо дѣлати, то повелѣл бы самъ богъ словомъ, яко же створи небо и землю и вся видимая и невидимая.

¹ см. всякая нечистоты, а *Новг. I-й* скарѣдия всякого ² В *Новг. I-й* Египтяни ³ в *вставлено из В. С. и др.* ⁴ рече *вставлено из К. С. и др.* ⁵ оустависта *из К. А. Я., в Кол. оуста* ⁶ Ко *вставлено из К. С. и др.* ⁷ Приложися *из К. С., и др., в Кол. преложися*

дѣлати, то повелѣлъ бы самъ богъ словѣмъ, якоже сътвори небеса и землю и море и вся видимая и невидимая. Сего ради того языкъ не премѣнися; отъ сего суть Еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася. . .

[И сниде господь] . . . и смѣси богъ языки и раздѣли я на 70 и на единъ языкъ, 2 языкъ Адамовъ, имже до суда ³ глаголаху, тотъ не отягъ бысть оу ⁴ Фалека, сына Аверова; зане ть ⁵ бо Аверъ не приложися къ безаконью ⁶ ихъ. Сего ради того языкъ не премѣнися тѣмже оубо Еврѣи ⁷ прозвашася (стлб. 229—230).

В Бытии нет, ср. XI, 6—8.

От Адама же и до потопа лѣтъ 2242, а отъ потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 529

Бысть же от Адама до потопа лѣтъ 2200 и 42. . . Отъ потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 500 и 20 и 9 (стлб. 216 и 245).

В Бытии нет.

Фара же творяше кумиры, навъкъ у отца своего

И начатъ же то дѣло творити Фара, еже оувидѣ оу отца своего Нахора (стлб. 246)

Ср. Бытие.

Аврамъ же, пришедъ въ умъ, възрѣ на небо и видѣ звѣзды и небо, и рече: въ истину ть есть богъ, иже сътворилъ небо и землю, а отъць мой прельщаетъ чловѣкы. И рече Аврамъ: искоушу бога отъца своего; и рече: отъче! чьто прельщаша чловѣкы, творя кумиры древяны? ть есть богъ, иже сътвори небо и землю. И приимъ Аврамъ огонь, зажъже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же ¹ Аронъ, ² братъ Аврамовъ, рвънуа по idolъхъ, хотѣ вымъчати идолы и самъ спорѣ ту Аронъ ² и умре предъ отъцьмъ; предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отъцьмъ, нѣ отъць предъ сыньмъ, и отъ сего начаша умирати сынове предъ отъци. И възлюби богъ Аврама, и рече богъ Авраму.

еже видѣвъ Аврамъ, во много размышление пришедъ, глаголаи в собѣ. . . тѣм же мню воистину, яко прельщается отецъ мой Фара. . . но се слыши, Фара, отче мой, да ти възвѣщу бога, створшаго вся; но токмо есть богъ истинный, иже оубагри небеса и оузлати солнце и оусвѣтлова луноу, и с нею звѣзды. . . Аврамъ же бывъ въ собѣ рече: искоушу богъ отца своего, аще могутъ си помощи. И приимъ Аврамъ огонь и зажъже храмъ, идеже стояху идоли отъца его. Видѣвъ же се Аронъ, братъ Аврамовъ, ревнуа по idolъхъ, хотѣ ³ вымъчати идолы, и самъ съгорѣ ту Аронъ и оумре предъ отъцьмъ; предъ симъ бо не бѣ оумиралъ сынъ предъ отъцьмъ, но отецъ предъ сыномъ, и отъ сего начаша оумирати сынове предъ отъци, и възлюби богъ Аврама, и рече богъ Аврааму (стлб. 247—250).

В Бытии этого нет.

¹ В Новг. I-й: видѣвъ же се ² Там же: Аронъ ³ досуда из К. С. и др., в Кол. досаду ⁴ оу из К. С. и др., в Кол. а ⁵ испр. ем. ту Кол. ⁶ в А: безумую ⁷ Еврѣи поставлено из С. Я. А. и др. ⁸ В Кол. прибавлено и, но в др. списках его нет

Въ се же время (съниде дъщи Фараонова) Ферьмуфи (купатъся, и видѣ отроча плачуще, и възя е и пощадѣ) (и нарече имя ему Моисѣи¹) и въскърми е.

тогда же оубо Фермуфъ (дъщи царя Фараона, сниде купатъся), и обрѣтъши отроча въ крабици (пощадѣ его) (и нарече имя ему Моиси) преже же имя ему бысть Немелхия, і въскорми и въ чести въ сыну мѣсто²

Ср. Исходъ II, 5, 6, 10.

Таче Саулъ не изволи ходити въ законѣ господьни.

таче не изволи Саоулъ ходити по глаголу господню (стлб. 747).

И угоди Давыдъ богу. Сему Давыду кляся богъ, яко отъ племени его родитися богу

Сии оубо великыи Давыдъ царь и пророкъ, иже по сердцю господню бывъ, к нему же богъ, якоже при Аврамѣ глаголаньемъ, обѣты створи. . . таковому же обѣту и Давыдъ сподобися, понеже царь бѣ и оугодевь богу бѣ, и тому обѣща и сѣмя и престолъ царства, непремѣнно пребывати, еже есть пакы о Христѣ (стлб. 772—773).

и первое нача пророчествовати о възльщении божии, рекъ: изъ чрева преже дѣвница родихъ тя.

Давыдъ же прорицашеть 1-е о безначалнѣи тронци . . . 4 о воплощении господа нашего Ісуса Христа . . . глаголетъ же пакы о безначалнѣмъ его божествѣ: ищрева преже дѣвница родихъ тя (стлб. 774, 775, 783)

Въ Самарии же царьствова Иеровивамъ, холопъ Соломанъ иже сътвори дѣвѣ кравѣ златѣ

Се слово бысть о Роавамѣ, холопѣ Соломани. . . яко отлучи е отъ³ бога и повелѣ имъ поклонятися двѣма кравома златыма (стлб. 314).

Ср. 3 Царств. XII, 23.

И нача посылати пророкы, глаголя имъ: прорицаите о отвѣржений Жидовствѣ и о призваннии странъ

Давыдъ прорицашеть. . . 24 о отвѣржении Жидовствѣ. 25 о призваннии странъ (стлб. 776).

Укажу, почему приведенные отрывки Толковой Палее можно возвести к летописи. Во-первых, в нескольких случаях обнаруживается комбинирование данных «Речи философа» с другими источниками; так, в Толковой Палее на столбце 202 издания читаем, согласно с летописью: «дѣлаемоу же ковчегу за 100 лѣтъ и повѣдаше Нои яко быти потопу и посмѣхаются

¹ В Новг. 1-й прибавлено: а преже имя ему бѣ Немелхия. ² Въ сыну мѣсто из К. С. и др., в Коля. сыну ³ вставлено из К. II. и др.

«му»; ниже, на столбце 203, находим: «Аще вѣси, окавѣне, повѣжь намъ, како та вся спидошася въ ковчегъ; аще ли не вѣси, то что льстишиися; бысть бо в днь тъ, рече господь богъ Ноеви: створи собѣ ковчегъ в долготу локоть 300, а въ ширяню 50, а възвыше 30; тогда бо быша щюдове на земли, рекше вологове; тѣхъ же 300 локоть, а нашихъ 9000 (так предлагаю читать вместо 3000 списков), тѣхъ ли 50, а нашихъ полторы тысоущѣ, тѣхъ ли 30, а нашихъ 900. Егѣптяне бо локтемъ сяженъ зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и рече господь богъ Ноеви: се азъ навожю потоупъ воду на землю», и т. д. Итак, слова «Дѣлаему же ковчегу за 100 летъ» повторены в Толковой Палее два раза. Совершенно ясно, отчего они явились во второй раз; составитель Палеи счел нужным объяснить размер ковчега; для этого он заимствовал из «Речи философа» слова «Егѣптяне бо локтемъ сяженъ зовуть» и списал механически слова, следующие за ними: «Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ». ¹ В рассказе о столпотворении находим сначала слова «глаголюще другъ к другу», а затем «рѣша другъ ко другу»; эти последние восходят к «Речи философа». Равным образом два раза сказано, что «Аверъ не приложися к безумью ихъ»; в первый раз (на столбце 229) согласно с летописью, а второй (на столбце 230) согласно с другим источником (Еллинским летописцем). Таким образом оказывается, что «Речь философа» была для составителя Толковой Палеи подсобным источником. Возможно, конечно, предположить, что заимствовались приведенные места не непосредственно из «Речи философа», а из ее протографа, существовавшего вне летописи, но подтвердить это предположение каким-нибудь определенным указанием я бы не сумел; буквальная близость к «Речи философа» доказывала бы, что предполагаемый протограф был очень близок к летописной редакции «Речи философа». Во-вторых, одно чтение Толковой Палеи (общее с «Речью философа») доказывает, что источником его был русский памятник: это слово «вымъчати» в рассказе об Аврааме; приставка вы — обнаруживает русское происхождение источника; если мы предположим, что этим источником была не русская летопись, а внелетописная редакция «Речи философа», нам придется признать эту внелетописную редакцию русским памятником, что едва ли само по себе вероятно. В-третьих, Толковая Палея не точно передает первоначальное чтение в первом из указанных выше отрывков, общих с летописью; мы читаем здесь: «И по главѣ своей и по бородѣ» вместо «и по брадѣ мажются».

Против признания «Речи философа» источником для Толковой Палеи говорит как будто следующее. Во-первых, Толковая Палея передает некоторые общие с летописью места подробнее, чем «Речь философа»; напр. рассказ о Сатанаиле или рассказ об откровении Авраама. Но не забудем, что Толковая Палея имела в своем распоряжении ряд других источников, кроме «Речи философа»; руководствуясь ими, она могла дополнить заимство-

¹ Ссылка на величину локтя у гигантов, повидимому, принадлежит русскому редактору; ср. слова «нашихъ»; локоть времен Ноя по расчету его равняется 30 современным локтям. Любопытно, что Александро-Невский и Якушкинский списки дают другой расчет, определяя древний локоть равным двум нашим: 600, вместо 9000, 100 вместо 1500, 60 вместо 900.

ванные из «Речи философа» места. Во-вторых, мы видим в Толковой Палее устраненными некоторые ошибки «Речи философа»; напр. Фара, отец Авраама, назван в Палее не сыном Серуха, как в «Речи философа», а сыном Нахора, внуком Серуха. Ошибка «Речи философа» была устранена редактором Толковой Палеи на основании библии. Совсем иное впечатление получаем, рассматривая отношение «Речи философа» к другим видам Палеи, сохранившимся в древней нашей письменности.

Хронографическая или Полная Палея. Едва ли можно сомневаться после исследования В. М. Истрина (Исследования в области древнерусской литературы, I—V. СПб., 1906), что в основании этого вида Палеи, известного по спискам Синод. № 210, Синод. № 211, Румянц. № 453 (1494 г.), Погод. № 1435 и др. положена Толковая Палея, причем она подверглась дополнениям и переработкам на основании многочисленных источников. В древнейшей редакции этой Палеи нельзя указать на места, заимствованные из русской летописи; ее хронограф включает в свой состав статьи, касающиеся русской истории из Еллинского летописца или сходного памятника, не внося поправок и дополнений из русской летописи. К древнейшей редакции относятся, как указано, Синод. список № 211, а также Погод. № 1435. Поэтому не нахожу возможным возвести к русской летописи, а в частности к «Речи философа» те места, которые общи ей и «Речи философу», но не имются в Толковой Палее. Они заимствованы, очевидно, из такого памятника, который послужил источником и для «Речи философа». Имея в виду, что те же статьи, равно как и другие, оказываются общими между «Речью философа» и Краткой Палеей (о которой скажу сейчас), я рассмотрю статьи Хронографической Палеи, общие с летописью, ниже.

Краткая Палея. Этот памятник известен по нескольким спискам, из которых назову список бывший И. И. Срезневского, Погодинский № 1434 и Карамзинский (Публ. библ. F. IV. 603). В противоположность Толковой Палее и зависевшей от нее хронографической, Краткая Палея почти не содержит обличений иудея, не представляет полемических выходов против него. Малый объем памятника зависел прежде всего от того, что составитель вообще держится строго исторического изложения, редко уклоняясь в сторону. Несмотря на это знакомство с русской летописью, из ниже приведенных сопоставлений можно убедиться в том, что статьи, общие Краткой Палее и «Речи философа», не заимствованы из летописи. Они в Краткой Палее изложены и полнее и, несомненно, ближе к предполагаемому греческому подлиннику. Все эти статьи имеют характер хронографический. Даю ряд сопоставлений:

[Речь философа]

Еъ четвертый днь . . . и украси богъ небо . . . Видѣвъ же първыи отъ ангель, старѣшина чину ангельску, помысли въ себѣ, рекъ: съиду на землю, и преиму землю, и буду подобѣнь богу, и поставлю престоль

[Краткая Палея]

Список Срезневского.

В сей бо днь единъ отъ аггелъ зовомыи Сатанаилъ, старѣшнии 10 моу чину, и видѣ яко украси богъ твердь и землю, и рече въ мысли своен: коль красна поднебеснаа си, но не вижу живуущаго на нем.

свои на облацѣхъ сѣверьскихъ. И ту абие свѣрже и съ небесе, и по немъ съпадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десяти. Бѣ же имя противънику Сотонаилъ, въ него же мѣсто постави старѣишину Михаила; сотона же, грешивъ помысла своего и отпадъ славы цѣрвыя, наречеса противъникъ богу.

[Въ седьмыи же днь почи богъ отъ дѣлъ своихъ] иже есть субота.

И бѣ Адамъ въ рай, и видѣаше бога и славляше, егда ангели славляху

Видѣвъ же дьяволъ, яко почести богъ чловѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде к Евузѣ

и порадовася сотона о проклятии земля

И яко изидоста, вѣста Каинъ, и хотѣаше убити и, и не умѣаше, како убити и. И рече ему сотона: възьми камень и удари и

И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его; и не умѣаста его погresti, и повелѣниемъ божиимъ цѣтеньца дѣва прилѣтѣста, единъ ею умѣре, единъ же ископа яму, и вѣложи умѣршаго и погребе и. Видѣвша же се Адамъ и Ева, ископаста яму, и вѣложиста Авеля и погребоста и съ плачѣмъ.

да придоу на землю и обладаю ею и боуду яко богъ и поставлю престолъ свои на облацѣхъ. И ту господъ свѣрже и съ небесе за гордость, и иже бѣша подъ нимъ 10 чинъ и просоушася аки песокъ с небесе и проразисаша въ преисподняя, а друуги отъ нихъ на земли быша, а ины на воздоусѣ повѣси архаггельскый гласъ. Си бо архаггель Михаилъ иногo чиноу старѣишина и видѣ отступника спадша и рече възвнимъ. И абие повѣшени быша на въздоусѣ, а иже пропадоша прежде гласа въ преисподняя, то ти не видятъ отътолѣ ничтоже въ мѣрѣ; но иже на земли падоша, то тѣ злаа дѣлають въ мирѣ. И постави господъ в того мѣсто Михаила.

[и почи богъ в 7 день отъ всѣхъ дѣлъ своихъ] еже есть субота.

И бѣ Адамъ в рай славя бога, егда славеляху аггели бога на небесехъ

и видѣ дьяволъ почтена чловѣка богомъ и позавидѣ и вѣниде въ змию, и обрѣте Еву в рай

и порадовася дьяволъ о изгнании Адама

и оумысли Каинъ оубити Авеля и не оумѣ како убити, и наочи дьяволъ, рекъ сице: възми камень и оудари въ главу

Плака же ся Адамъ и Ева лѣтъ 30 надъ Авелемъ и неоумѣста его погresti, и повелѣниемъ божиемъ прилетѣсти двѣ птицы, и едина ею оумре, и друугая погребе ю.

И то видивъ Адамъ и Ева, и погребоста Авеля

Бывъ же Адамъ лѣтъ 200 и 30 роди Сифа и 2 дщери, и поя едину Каинъ, а другую Сифъ

[и умножишася по земли] и не познаша сътворьшаго я и испълнишася блуда и всякоя нечистоты и убийства и зависти и живѣаху скотьски чловѣци

И бѣ Нои единъ правдѣнъ въ родѣ семь, и роди три сыны

Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Нои, яко быти потопу, и посмѣяхуся ему

И рече господь богъ Ноеви: сътвори ковчегъ въ дълготу локоть 300, а в ширину 50, а възвыше 30 локоть

И начаша здати, и бѣ старѣшина Невродъ. . . Адамовъ же бысть языкъ не отягъ у Авера: тѣ бо единъ не приложися къ безумью ихъ.

На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ

А отъ потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 529

Началникъ бо баше кумиротворению Серухъ, творяшеть бо кумиры въ имена мѣртвыхъ чловѣкъ

Фара же творяше кумиры, навикъ у отца своего

И рече Авраамъ: искушу боги отца своего: . . . Приимъ Авраамъ огонь, зажже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Аронъ, братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымчати идолы, и самъ сгорѣ ту Аронъ, и умре предъ отьцѣмъ; предъ симъ

И живе Адамъ лѣтъ 230, и роди сына и ины дщери. . . Сифъ же мужъ праведенъ бѣ и поя сестру свою 2 ю, Асуаму женѣ себѣ

и забыша чловѣци бога сътворьшаго і исполнишася блуда и зависти и оубиѣства. . . и всякого безакония исполнишася

Нои же бѣ праведенъ и съвершенъ в родѣ томъ и оугоди богу

Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше Нои яко быти потопу и посмѣяхуся емоу людие

И рече богъ Ноеви: сътвори ковчегъ въ дълготу 300 локоть, а в ширину 50, а въ высоту 30. . . а тѣ локоть 300, а нашихъ 3000.

и начаше стлѣпъ здати, и ихже старѣшина баше дѣлу Невротъ царствуа отъ колѣна Хамова, а Еверъ правнукъ Симовъ не приложися къ безумію ихъ

А всѣхъ языкъ на лицѣ всея земля, яже разсѣа господь 72 и разбѣгошася по странамъ многымъ.

Бысть же отъ потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 529

Тѣи же Сероухъ начатъ паки изперва кумиры творити во имя храбрыхъ чловѣкъ

Нахоръ же начатъ такожде кумиры творити навикъ оу отца своего Серуха (37.)

И по сихъ рече Аврамъ въ себѣ: Искушу богъ отца моего. . . и зажже храмъ, идѣже стоахоу идоли отца его. И абіе видѣвъ Аронъ братъ Аврамовъ, отьць Лотовъ и Саринъ, ревнуа по идолѣхъ, хотѣ вымчати ихъ и самъ паки сгорѣ ту, и оумре

бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцѣмъ, нѣ отъць предъ сынѣмъ, отъ сего начаша умирати сынове предъ отъци. Возлюби богъ Аврама и рече богъ Авраму.

рече Сара Авраму: влѣзи къ рабѣ моей. И поемши Сара Агарь, вдасть ю мужю своему. . . и роди сына Агарь и прозва и Аврамъ Измаиломъ. Аврамъ бѣ лѣтъ 80 и 6, егда родися Измаиль

По семь же зачевши Сарра роди сына, и нарече имя ему Исаакъ; и повелѣ богъ Авраму обрѣзати отрока, и обрѣза и въ 8 день

Мати же Моисѣева, убоявшись сего губления, възъмши младенецъ, вложи и въ крабицю и несши постави в лузѣ

Въ се же время съниде дъщи Фараонова Формуфи купаться и видѣ отрока плачущеся и взяа е и пощадѣ е

И нарече имя ему Моисѣи, а преже имя ему бѣ Немелхия, и въскърми е

В си же времена родися Моисѣи въ Жидѣхъ, и рѣша вѣлси Египтъстий царю: родилъся естъ дѣтищъ въ Жидѣхъ, иже хочеть погубити Еюптъ. Ту абѣ повелѣ царь ражающася дѣти Жидовьскыя вѣмстати іъ рѣку.

И бысть отрока красно, и бысть лѣтъ 4. и приведе е дъщи Фараона

предъ отцѣмъ; преже бо сѣхъ не бѣ оумиралъ сынъ предъ отцѣмъ, нѣ отецъ предъ сынѣми оумираше. И възлюби богъ Аврама и рече богъ Авраму

и рече Сарра. . . Влѣзи къ рабѣ моей Агарѣ. . . и дасть ю Аврааму. И роди Агарь отъ Авраама сынъ Изъмаиль. Авраамъ же бѣ тогда лѣтъ 80 и 6.

Зачевше же Сарра и роді Аврааму сынъ и нарече имя ему Исаакъ и обрѣза и Авраамъ въ 8 день

В тыи же дні родися Моисѣи и съкрыста и родители его 3 мѣсяци и оубоясася ищюущихъ и вложиста и въ крабицю и постависта и при рѣцѣ

Тогда же Фирмоуфъ, дщи царя Фараона сниде на реку купатися и обрѣтши отрока въ крабици и откывши видѣ дѣтище плачущеся и взяа его, пощади его

и нарече имя ему Моисѣи дщи Фараонова, а преже имя емоу бысть Немелхія и въскорми я въ чести въ сына мѣсто

В тыи же дні родися Моисѣи. . . священнокнижникъ нѣкто възвѣсти Фараоноу, яко родилъся естъ въ время то нѣкомуу сынъ въ Израильтѣхъ, иже хочеть смирити область егупетскоу и обративъся въсхватити хочеть Израильтѣ люди Тѣмъ же того послоушавъ повелѣ раждлющася мужеска полоу въ Израильтѣхъ не живити, нѣ в рѣку вѣмстати

Въ святъ днь Египетескъ, егда Фараонъ пиръ гворяше боляромъ

къ отцю своему. Видѣвъ же Моисѣя Фараонъ, нача любити отроча; Моисии же, хашаяся за шию, сърони вѣнѣць съ главы цареви и попра и. Видѣвъ же вѣлхвъ и рече цареви: о царю! погуби отроча се; аще ли не погубиши имать погубите всего Еюпта. И не послуша его царь, но наче повелѣ въ погубити дѣтии Жидовскихыхъ

своимъ, тогда Формоуфѣи дщи Фараона приведе къ отцю своему Моисіа, я(ко) приснаго сына своего соуща 4 лѣтъ. Опъ же обѣимъ его нача лобызати; вѣнѣць же свои възложи на главою его; онъ же снемъ поверже подъ нозѣ свои, нача топтати. Видѣвъ же нѣкто отъ священнописаникъ, біася по главѣ, вѣпаше глаголя: о царю, повелѣ, да сего убьютъ; сего бо аще не погубиши, а ты всего Египта хочеть попати и царство египетское смирити хочеть. И цареви моляшеся, дабы его послоушалъ. Царь же не послоуша его, нъ повелѣ да оставять гоубленіе дѣтеи Израильтескъ разждающихся.

Бывъшию цареви шному, взавидѣша ему бояре

И отъ того нача емоу бевати зависть отъ Египтянъ, паче отъ Хенефрия оубо бѣ оумерлъ Палановъ Фараонъ и дщи его Фермоуфи, нача же мыслити на нь Хананофинъ, велми емоу завидя, да быша оубили Моисіа. Оувѣдѣвъ же Моисии съвѣтъ ихъ оуби Хананофима, яко же есть писано в паремьи.

Моисии же убивъ Еюптянина, обидящаго Еврѣянина, бѣжа изъ Еюпта, и приде въ землю Мадьямску

И видѣ тоу Моисіи Египтянина бьюща Евреянина, и озрѣвся не видѣ никого же и оуби Египтянина и скры его въ песцѣ. . . и бѣжа в землю Мадіамскоу.

и ходя по пустыи и научися отъ ангела Гаврила о бытии всего мира, и о пръвѣмъ чловѣцѣ и яже суть была по немъ по потоцѣ, и о смѣшеніи языкъ, аще кѣто колико лѣтъ былъ, звѣздное хоженіе и число, землю мѣру и вѣску мудрость. Посемъ же явися ему богъ в купинѣ огнемъ

И бысть Моисіи ходя по поустыни с овцами тестя своего, нача любити премудрость, и оучашеся отъ ангела Гавриила о бытии всего мира и о пръвомъ чловѣцѣ и иже соуть были по тѣхъ, и о потоцѣ и по потоцѣ, и о спасенныхъ отъ потоца и о смѣшеніи языкъ, и о лѣтесхъ елико лѣтъ было, и о закоподаньи, еже бяше самому вдати иудѣиско(у) языкоу, и звѣздное хоженіе, и стухіа, и числа и земноуе

они же начаша пророкы избивати, обличаеми отъ нихъ

Царствовавъ лѣтъ 40 и умре. По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ, при семь раздѣлися царство на двое. Жидовско въ Ерусалимѣ едино, а другое въ Самарии

В Самарии же царѣствова Иеровамъ, холопъ Соломанъ, иже створи двѣ кравѣ златѣ, постави едину в Вефилѣ на холмѣ, а другую въ Енданѣ, рекъ: се бога твоя Израилю. И кланяхуся людье, а бога забыша

Кроме того, отмечу в предшествующей «Речи философа», где приведены речи миссионеров, пришедших к Владимиру, следующие слова магомстап (болгар).

Они же рѣша: вѣруемъ богу, и Бохмитъ ны учить, глаголя обрѣзати уды тайныя и свинины не ясти, пива не пити, а по смерти же рече, съ женами похоть творити блудную; дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, и избереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена; съде же, рече, достоить блудъ творити всякъ, на земь свѣтъѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамо, аще ли богатъ есть съде, то и тамо.

мѣроу и всякою премудрость. И прииде до горы Хоритотоу. И явися емоу богъ въ коушивѣ, и видѣ Моуси грѣзвъ, коушиноу стоящую пламенемъ огня горяше

нъ и пророкы своя начаша избивати, обличаеми о нихъ (225)

И оумре Соломонъ в Иерусалимѣ, царствовавъ лѣтъ 40. . . По Соломонѣ же царствова Ровамъ, сынъ его, лѣтъ 17, при томъ раздѣлися царство на двое (256)

а. царство Самарѣиско. По раздѣленіи же 10 скипетръ царѣствова Ировамъ сынъ Наватовъ отъ колѣна Ефрѣмова, рабъ Соломоновъ, и тѣи створи злое предъ богомъ. Створи двѣ кравѣ златѣ, единую постави въ Вифелѣ, а другую въ Ендани, рече къ людемъ: не ходите въ Иерусалимъ кланятися: се богъ твои Израилѣ, възведшу тя изъ Египта. И кланяхоуся сынове Израилови (268—269)

и наоучі а обрѣзоватися, мужемъ же и женамъ, единому кланятися богу. . .

Выше: наоучи же я бошью закона отъврѣгъшимся, ни приимаху свинныхъ мясъ, вина же весьма не приимаху. . .

Ниже: суть же и 3 реки, рече, в раи: едина медвена и едина молочна и едина винна, женамъ же с ними быти, всяко оу(го)ждяти имъ сластлюбезнаа телеса ихъ. . . кождо оубо здѣ поживеть или богатъ или въ нищетѣ, тако же и тамо (404 и 406).

В Хронографической Палее читаются также некоторые из приведенных по Краткой Палее места, но я не буду на них останавливаться.

Перехожу к тому заключению, которое было сделано выше. В виду невероятности того, чтобы общие с летописью места попали в Краткую Палею из летописи, и невозможности допустить, чтобы летопись заимствовала их из Палей, необходимо допустить, что летопись и Палея воспользовались одним общим источником. Невероятность пользования летописью со стороны составителя Краткой Палей увеличивается еще и тем, что почти во всех сообщенных выше сопоставлениях текст Краткой Палей оказывается более полным и первоначальным, чем текст летописи. Определение общего летописи и Толковой Палее источника я дам ниже. Здесь же перейду к сопоставлению нескольких мест «Речи философа» с краткой хронографической компиляцией, читающейся в одном сборнике XVI в., принадлежавшем Новгородской Софийской библиотеке и хранящемся теперь в б. Археографической комиссии [в Библиотеке АН СССР]. Помещенная в нем хронографическая компиляция довольно подробно излагает ветхозаветные события до учреждения в Израиле царей; затем, начиная с Соломона, изложение становится кратким и переходит к событиям всемирной истории (греческой и римской). Перечень византийских императоров доведен до 6961 (1453) г., после чего сообщено о событиях 6997 и 6998 гг. в Константинополе (ср. А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, II, М., 1869). Очевидно, мы имеем дело с компиляцией позднего происхождения: здесь соединены в сильном сокращении различные источники, поддающиеся отчасти легко определению; среди этих источников было, очевидно, и изложение ветхозаветных событий, местами весьма сходное с «Речью философа». Укажу общие места, не повторяя тех сближений, которые сделаны выше, в том предположении, что места, общие рассматриваемой компиляции с Палеей, могли попасть в нее из Палей.

[Речь философа]

И изгна господь богъ Адама из рая. И съде прямо рая, плачася и дѣлая землю.

Сотона же влѣзе въ Каина и пострѣкаше Каина убити Авеля; и рече Каин Авелю: «изидѣвъ на поле»; и послуша его Авель, и яко изыдоста въста Каинъ. . . возьмъ камень и уби и. . . Адамъ же и Евва плачущася бѣста. . . И плакастася по Авели лѣтъ 30.

Быв же Адамъ лѣтъ 200 и 30, роди Сифа и 2 дщери, и поля едину Каинъ, а другую Сифъ, и отъ того

[Краткая Палея]

Изгна бог Адама из рая того дне к вечеру, и всели его прямо раю пища, онъ же съде плачася.

Сатана же влѣзе в Каина и подстрѣкаше и оубити Авеля; и рече Каинъ Авелю: «изыдевъ на поле»; и послуша его Авель, изыдоста і въста Каинъ на Авеля, брата своего, і оуби и. Адам же и Евва плакастася надъ Авелемъ 30 лѣтъ

Быв же Адамъ лѣтъ 230 и роди сына по видѣнію и по образу своему и нарече имя ему Сифъ и двѣ

чловѣци расплодишася и умножишася по земли.

и не познаша сътворшаго я и исполнишася блуда и всякоя нечистоты¹ и убийства и зависти и живяху скотьскы чловѣци.

И бѣ Нои единъ праведенъ в родѣ семь, и роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече богъ: не имать духъ мой пребывати въ чловѣцѣхъ

дщери і Азару і Асуаму; и поятъ прьвую Каинъ, а другую Сивъ, и отъ того чловѣци расплодишася і оумножишася по земли.

и не познаше сътворшаго ихъ, но исполнишася блуда и всякого скаредиа і оубийства и зависти и живяху чловѣци скотскы.

Нои же бѣ лѣтъ 500 и роди сыны три, Сима, Хама и Афета; единъ праведенъ бѣ в родѣ своемъ. И рече господь богъ: не имать пребыти духъ мой въ чловѣцѣхъ сихъ в вѣкы.

Итак, перехожу к вопросу, каким общим источником пользовались, с одной стороны, летописец — составитель «Речи философа», а с другой — составители Краткой Палеи и краткой хронографической компиляции Новгородской Софийской библиотеки.

Предыдущее исследование показало, что «Речь философа» представляет общие с только что названными памятниками места только в первой части своей, содержащей рассказ о ветхозаветных событиях. Это дает нам основание разделить «Речь философа» на следующие части: первую — с только что указанным содержанием; вторую, заключающую в себе ветхозаветные пророчества; третью, излагающую новозаветные события и, наконец, четвертую — богословского содержания. Мы стоим перед вопросом об источнике первой части «Речи философа».

Краткая Палея, как указано В. М. Истриным,² в числе источников имела какой-то хронограф. Этот хронограф отличался от тех хронографов, которые представлены различными известными нам видами Еллинского летописца; он отличался от них, повидимому, отчасти большею краткостью, а отчасти еще использованием иными источниками, не использованными составителями Еллинских летописцев; кроме того, в нем не было заимствований из Амартола: главным основанием являлся текст Амартола, но последний был соединен с другой хроникой, тождественною или сходною с тою, которую В. М. Истрин обнаружил в Парижской греческой хронике, содержащей части хроники Синкела (назв. соч., стр. 85, 91, 144, 166—167, 173). Этот хронограф, который я вслед за В. М. Истриным назову Хронографом по великому изложению (назв. соч., стр. 110 и сл., 173), как можно думать на основании нижеследующего соображения, составил на славянской почве. Дело в следующем: значительную часть своего содержания он почерпнул из хроники Амартола и его продолжателя; эта хроника использована

¹ и скаредья всякого (Новг. 1-я).

² [Исследования в области древнерусской литературы. IV, СПб. 1906, стр. 70—198.] [Результаты работы по изданию «Речи философа» (1907)]

составителем хроники не в ее греческом оригинале, а в славянском переводе, и именно в том переводе, который дошел и до нас. Об этом заключаем из следующего обстоятельства: как в летописи (в «Речи философа»), так и в Краткой Палее читаем, что Иероваам, устроив два идола в виде золотых коров, поставил одну в Вефиле, а другую — «въ Енданѣ». В соответствующем месте библии читаем: в Дане, по-гречески ἐν Δάν. Между тем, то же ошибочное чтение «в Енданѣ», зависевшее от непонятого греческого ἐν Δάν, находим в славянском переводе Амартола: «створи бо кравъ златѣ двѣ: единоу поставивъ в Вефилѣ, а 2-ю въ Енданѣ». Отсюда видно, что чтение «въ Енданѣ» попало и в летопись и в Краткую Палею из славянского перевода Амартола. Можно бы думать, что Амартолом воспользовались непосредственно и летописец и составитель Краткой Палеи. Но против этого говорит следующее соображение: во-первых, между «Речью философа» и Краткой Палеей есть ряд таких общих мест, которых нет в хронике Амартола (см. ниже); во-вторых, «Речь философа», как увидим ниже, содержалась уже в том древнем летописном своде, который предшествовал «Повести временных лет»; ср. наличие этой речи с Новгородской 1-й летописью по спискам второго младшего извода; между тем, нельзя доказать знакомства составителя этого летописного свода с хроникой Амартола; как увидим, он пользовался каким-то хронографом: из него он извлек сообщение о походе русских на Царьград при царе Михаиле и об Игоревом походе; этот последний поход был отнесен им на 6428 (920) г., вопреки «Повести временных лет», правильно заключившей из Амартола, что поход имел место в 6449 (941) г.; но на тот же год относит несчастный поход Руси, бывший при царе Романе, Краткая Палея.¹ Заключаю отсюда, что «Речь философа», представляя чтения из Амартола, пользовалась последним не непосредственно, а через посредство того самого хронографа, который лег в основание и Краткой Палеи: летописец (он же составитель «Речи философа») заимствовал из него как чтения «въ Енданѣ», так и определение 6428 годом похода Руси на Царьград; те же заимствования видим и в Краткой Палее.

Итак, вот основания, побуждающие меня, вопреки прежним моим предположениям, возвести текст «Речи философа» в первой ее части к хронографу. Возможно, что кроме хронографа летописец в этой части «Речи философа» пользовался и другими источниками, но вероятнее отвергнуть эту возможность в виду сравнительно небольшого объема указанной части, а также еще и того, что многие места в ней оказываются общими с Краткой Палеей, положившей в свое основание все тот же хронограф. Поэтому с большою уверенностью утверждаем, что весь текст «Речи философа» восходит к хронографу; отличие «Речи философа» от Краткой Палеи в значительной части случаев объясняется тем, что составитель Краткой Палеи имел в своем распоряжении не один хронограф, а еще много других источников. Сходство же «Речи философа» с хронографической компиляцией Новгородско-Софийской библиотеки, рассмотренною выше, объясняется тем, что послед-

¹ Сп. Срезн.: «В лѣто 6428 индикта іюня же мѣсяца в 10 день пришлоуша Русь на Костянтинь градъ въ ладіахъ 10 000» и т. д.

няя в качестве одного из источников имела все тот же хронографъ, которым воспользовался и составитель летописи и составитель Краткой Палеи.

Скажу несколько слов о составе и источниках указанного хронографъ, насколько они выясняются из первой части «Речи философа». Как отмечено выше, в числе источников находился славянский перевод Амартола. Приведу те места «Речи философа», которые могут быть возведены к Амартолу, как к первоисточнику (через посредство рассматриваемого хронографъ).

«И нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имена, звѣрямъ и гадомъ, и самъма ангель повѣда имена». Ср. у Амартола: «Ибо Адамъ по повѣлению божию створи имена вѣмъ чътверьножинамъ и птицамъ и противныя и гадомъ и рыбамъ и своимъ чадомъ, своего же имени и женѣ его аггелъ господень рече има». «И поя едину (из дочерей Адама) Каинъ, а другую Сифъ». Ср. у Амартола: «ибо Каинъ поятъ женѣ свою сестру 1-ю Азоу-роу, Сифъ же 2-ю Асоуаноу». «Изидѣвѣ на поле» (слова Каина к Авелю). Ср. у Амартола: «изидевѣ на поле». «Бывѣ же Адамъ лѣтъ 200 и 30 роди Сифа». Ср. у Амартола: «Адамъ. . . бывѣ лѣтъмъ 230 и роди Сифа». «И бѣ Нои единъ праведенъ в родѣ семь и роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета». Ср. у Амартола: «Единъ обрѣтесе Нои праведенъ въ родѣ своемъ, тѣмъ сохраненъ бысть. Нои побывѣ 500 лѣтъ, роди Сима, Хама и Афета». «И рече господь богъ Ноеви: створи ковчегъ въ дълготу лакоть 300, а въ ширину 50, а възвыше 30 лакоть; Егупти бо лактемъ сажень зовуть». Ср. у Амартола: «и тако створиша ковчегъ 300 локоть въ дълготу ковчегу и 50 локоть въ широту а 30 локоть въ высоту ему. . . яко списанийхъ землечтець сы изъ Егюпта, науучи бо ся Моиси вся премудрости егюпетьскыя, земночтетьскыимъ локоть рече, аще кто сяженъ велии иматъ, ибо земночтетство егюптяне преже глаголють обрѣтъше». «Отъ Адама же и до потопа лѣтъ 2242». Ср. у Амартола: «соуть бо отъ Адама доже и до потопа лѣтъ 2242». «И умре предъ отцемъ (Аран). Предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцемъ, но отецъ предъ сыномъ». Ср. у Амартола: «тѣ оумре преже Фара отца своего. . . и никто же никогда же преже роженныхъ чловѣкъ является сынъ преже оумертвіа отча, но отци преже чадъ». «И рече (Аврам): отъче, что прельщаеши чловѣкы, творя кумиры древяны? Тѣ есть богъ, иже сътвори небо и землю». Ср. у Амартола: «Аврамъ бо. . . оучаще отца своего глаголя: что ради прельщаеши чловѣкы. . . иѣсть истиненъ богъ, токмо сы на небеси и всего мира тѣ сътвори». «Аврамъ же бѣ лѣтъ 70 и 5, егда изиде отъ Хараона». Ср. у Амартола: «Приде Аврамъ отъ межюрѣчья отъ града Хараоньска. . . Вѣ же тогда Аврамъ лѣтъ 75». «Лава уй его». Ср. у Амартола: «къ Лавѣ братоу матери своея Ревекы». «Исаку же бывшию лѣтъ 60, и роди 2 сына, Исава и Якова». Ср. у Амартола: «Исакъ же бывѣ лѣтъ 60, роди Иякова». Казни египетскыя: «1 рѣкы въ кровь, 2 жабы. . . 4 песия мухы. 5 смерть на скотъ. 6 прыщыве горуцей. 7 градъ. 8 прузи. 9 тма 3 дни». Ср. у Амартола: «кровь въ воду преложе. . . възидоша жабы. . . изидоша песья моухы. . . прещение смертное на скотѣ ихъ бысть. . . прыщивѣ ражигающе имъ быша. . . приде градъ. . . проузи наидоша. . . Въ 24 день доже и до 26-го тридцевная бысть тма». «Еда изъ сего неиспустивѣ воды». Ср. у Амартола: «еда ис камене сего изведевѣ вамъ воду». «Нѣ възведе и на

гору Вамьску». Ср. у Амартола: «на гороу Варимьскоую, иже и Авамьска». «По сихъ же соуужаше Илии пророць». Ср. у Амартола: «По соудьяхъ же соуужаше людемъ Илиа архиерѣи». «По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ; при семь раздѣлися царство на двое». Ср. у Амартола: «По Соломанѣ царствова Ровамъ, сынъ отъ толика женъ сынъ его, лѣтъ 17; при томъ раздѣлися цесарствие на двое». Выписку об Иероваме и его идолопоклонстве см. выше.¹

В библии многие вышеприведенные места читаются сходно, но, напр., в сообщении о Ное нет слова *единъ* (VI, 9); комментария насчет локтя нет.

[12.] Легенда об апостоле Андрее

Думаю, что легенда эта сложилась в Киеве на основании устных преданий о проповеди Андрея в северных странах. Мне представляется вероятным, что легенда эта существовала уже в готовом виде отдельно от летописи, в летопись же она включена в связи с упоминанием в легенде о Понте и об устье Днепровском и о пути Андрея через Варяги в Рим. Под влиянием именно этой легенды и сложилась географическая статья, ей предшествующая, где описывается путь из Варяг в Греки. На существование легенды в отдельном виде указывает то обстоятельство, что рассказ начинается с пребывания Андрея в Синопии и оканчивается возвращением его в Синопию. Как будто этот вставной эпизод составлен с таким расчетом, чтобы не нарушать последовательности в рассказе первоисточника, застающего Андрея в Синопии. «Странное сказание о посещении русской земли первозванным апостолом, — говорит Васильевский, — внесенное в нашу первоначальную летопись, никак не может быть считаемо изобретением или пустою выдумкою местного тщеславия, но, по крайней мере в основе своей, согласно с воззрениями византийской учености XI-го столетия, а следовательно находится в той или другой связи с древнейшими преданиями».² Предания эти, как кажется, были занесены в Киев из Корсуни. Нельзя ли предположить, что составителю рассказа о хождении Андрея была известна корсунская легенда об Андрее: эта легенда делала исходным пунктом его пребывания в Синопии, но рассказывала о проповеди в Корсуне, а также в смежной Скифии, после чего возвращала Андрея в Синопию. Составитель легенды, опустив корсунские похождения Андрея, делает Корсунь только этапом для дальнейшего путешествия в Русь и Словены. Путешествие Андрея

¹ К тексту Амартола восходит и то заимствованное из хронографа сообщение, где определяется магометанская вера. См. выше. У Амартола читаем: «науочи обрѣзываются моужемъ и женамъ, единомуу точию поклонятися богу. . . науочи же я бошию закона отъврѣгшимся не примати свинныхъ мясъ, вина же весма ти не примати. . . соутъ же три рѣкы в рай, рече, едина медвенаэ, едина молочна, етера вицна, якоже власть имоуть кождо ихъ да примаетъ и насыщается; женамъ же с ними быти и требити власы имъ, и всяко оугажати емоу сластолюбезная тѣлеса ихъ. . . кождо же оубо зде поживеть в богатствѣ ли в нищетѣ и бе славы, такимъ же образомъ тамо пребываетъ».

² Хождение апостола Андрея в страну Мирмидонян. Журн. Мин. Нар. Просв., 1877, янв. и февр.

в Скифию дает основание для предположения о поездке его в Русь и Словены. Чтобы объяснить поездку в Словены, надо было вложить Андрею в мысль поездку в Рим, которую он и предпринял через страну Словен и Варягов. Впрочем, вероятнее такой ход: 1) была курсунская легенда о проповеди Андрея в Курсуне и Скифии, 2) киевские курсуняне распространили ее рассказом о благословении Андреем гор киевских и пророчестве о будущем Киеве, 3) летописец осмыслил эту легенду о путешествии Андрея по Днепру желанием его добраться до Рима и вставил эпизод о посещении им Словен и поразивших его банях словенских: этот эпизод ведет нас к какому-то другому рассказу о каком-то другом лице, рассказу, приуроченному, однако, к Андрею.

Д. В. АЙНАЛОВ

Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“

I. Плач Ярославны

Давно уже отмечена высокая поэтичность плача Ярославны, однако до настоящего времени не объяснены некоторые особенности его, важные для понимания этого плача в общей конструкции Слова.

Прежде всего, обращает на себя внимание начало плача. Обычно оно читается так: «Копіа поють на Дунай. Ярославнынъ гласъ слышити, зегзицею незнаемъ, рано кычетъ. Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви» и пр. Это начало исправляли разное, так как никто не мог объяснить слов «копіа поють на Дунай». Одни читали «коней поят на Дунай», другие «кони пьют на Дунай». Вместо «на Дунай» некоторые читали «на Дону». Наконец, Смирнов, а за ним и некоторые другие относили слова «на Дунай» к словам «Ярославнынъ гласъ слышити», а слова «копіа поютъ» относили к предыдущему тексту, в котором говорится о розни между князьями Рюриком и Давыдом. Получался невразумительный текст: «нъ розньо ся имъ хоботы пашуть, копіа поють».

Все приведенные исправления не могут быть приняты, так как они не столько исправляют, сколько затемняют текст. Фраза «копіа поють на Дунай», совершенно ясная сама по себе, находит аналогию в дальнейшей фразе: «Дѣвици поють на Дунай», вследствие чего приведенные поправки отпадают. Но мало этого: имя реки Дунай подверглось насильственному объяснению. Некоторые комментаторы полагали, что река Дунай поэтически обозначает какую угодно реку, как это встречается в песенной поздней поэзии. Однако предположение, что река Дунай прикрывает собою любую реку на том основании, что реки Дуная в Путивле нет, а Ярославна плачет в Путивле,¹ не может быть принято.² Дунай упоминается в «Слове о полку Игореве» четыре раза, и всякий раз река Дунай есть исторически известная река и не прикрывает собою никакой другой реки. Два раза Дунай упоминается в обращении Святослава к галицкому Ярославу Осмомыслу в таких выражениях, которые не позволяют символического толкования этой реки. Выражения — «затворивъ Дунаю ворота», «суды рядя до Дуная» — указывают на его власть на реке Дунае, так как его владения простирались до места, где реки Серет и Прут вливаются в Дунай. Два другие раза Дунай

¹ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, стр. 304—306.

² Первый А. Лонгинов высказал предположение, что Дунай то же, что Днепр, и спутал все данные. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, стр. 72.

упоминается в плаче Ярославны, а пятый раз в конце Слова по поводу упомянутого выше пения девиц на Дунае: «Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрес море до Кіева». Ярославна, дочь Ярослава галицкого, в плаче своем вспоминает родную реку Дунай и мысленно летит над этой рекой кукушкой с плачем. Она еще недавно, в 1184 г., вышла замуж за Игоря, и потому неудивительно, что она мысленно стремится к родной реке Дунаю в ее отцовской области: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви». Этими данными можно объяснить введение в плач Ярославны реки Дуная, а вовсе не подражанием песенным воспеваниям Дуная.

Что упоминаемый в Слове Дунай не прикрывает собою никакой другой реки, а есть исторический Дунай, доказывается тем, что ни одна река, упоминаемая в Слове, не прикрыта именем Дуная. В Слове еще 10 рек, и все они являются со своими историческими именами. Эти реки следующие: Дон (12 раз — «великий» Дон, «синий» Дон и просто Дон), Донец (4), Сула (5), Рось (1), Двина (1), Немига (3), Волга (2), Стугна (1), Каяла (5), Днепр (1). В эту серию исторических рек совершенно равноправно входит еще одна река — Дунай, и было бы крайне произвольно при объяснении текста Слова придавать одному Дунаю символическое значение, а за другими реками оставлять их исторические названия.

Другой вопрос, имеющий в данном случае свое значение и никем еще не затронутый, связан с пребыванием Ярославны в Путивле: Она с Игорем княжила в Новгород-Северске. Почему же она плачет в Путивле, что могло ее привести сюда? Пребывание ее здесь может быть пояснено лишь отчасти, при пособии исторических данных. Татищеву из какого-то неизвестного источника было известно (это повторяет и Ипатьевская летопись), что после разгрома войска Игоря половецкие ханы Гза и Кончак разделились: «Гза князь половецкий, — говорит Татищев, — с великим войском пошел к Путивлю и многие волости пожег и, к Путивлю жестоко приступая, острог сжег и потерял много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил».¹ В Ипатьевской летописи читаем: «А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю — Кза в силахъ тяжкихъ и повоевавши волости (их) и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси». Из этих данных выясняется, что Путивль был очень хорошо укреплен, чем и можно объяснить присутствие здесь Ярославны. Путивлем владел сын Игоря от первой жены, Владимир, находившийся в данный момент в походе и в плену, а Ярославна в Путивле оказалась не только под хорошей военной охраной, но и в родственной среде. Она плачет на забрале городской стены, из чего следует, что город имел городские стены, закрытые сверху забралами.² За эти стены не могли проникнуть половцы, были с уроном отбиты и удалены. После осады Путивля Ярославна, повидимому, в скором времени возвратилась в Новгород-Северск, так как Игорь, возвращаясь из плена, был в свою область из города Донца с поврежденной ногой и остановился

¹ В. Н. Перетц, назв. соч., прилож., стр. 349—350.

² Во время перенесения гробниц Бориса и Глеба «бѣше людѣй множество много и по всему граду тѣснящемся и по заборолом и по стенам градным». И. Срезневский. Сказание о Борисе и Глебе, стр. 88.

в Михайловском селе. Татищев пишет: «В тотчас прибежал в Новгород крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал, и хотя долго тому не верили, но княгиня, не могла более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему». Произошла трогательная встреча. Из этого следует, что переселение в Путивль было временное, что доказывается и самым плачем Ярославны в Путивле, так как она знает только о ранах Игоря, о половецких наладениях и просит Днепр прилежать к ней Игоря, чтобы ей не слать своих слез на море рано. Из этого можно видеть, что автор Слова поместил плач Ярославны в своем изложении только после поражения войска Игоря, а вслед за плачем автор описывает бегство Игоря из плена.

В обращении Ярославны к ветру также есть особенности, не освещенные до сих пор в научном комментарии. В этом обращении замечается прежде всего порча текста. Это место читается так: «О вѣтрѣ, вѣтрило: чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моея лады вои». О каких стрѣлках, или, быть может, стрелкѣх говорится в данном месте? Выходит так, что ветер на своих легких крыльях бросает на воинов мужа Ярославны половецких стрелкѣв, или же бросает на них половецкие стрѣлки. Такое понимание текста мне казалось невразумительным. Текст не дает возможности представить несомых на легких крыльях ветра половецких «стрелкѣв», которые обычно называются в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской летописях «стрельцами». Приводимая для объяснения этого места параллель из Толковой псалтыри XII в.: «всацѣм бо вѣтром бѣша языци мычеми» — не объясняет ничего, так как не имеет отношения к крыльям ветра, о которых дело идет в Слове. Это место поясняется и исправляется текстом самого Слова, так как в плаче Ярославны оно является пересказом более раннего текста, в котором автором Слова описываются те же ветры: «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы». Здѣсь ветры веют стрѣлами, а не стрельцами, или стрелкѣми. Последние, т. е. «стрѣлки» встречаются всего один раз во всем Слове, именно в плаче Ярославны. Так как обращение к ветру Ярославны отвечает указанному более раннему тексту о ветрах, «веющих стрѣлами», то ясно, что в плаче Ярославны дело идет также о стрѣлах, а не о стрельцах. Должен сказать, что к этому заключению я пришел уже давно и упомянул об этом в своих замечаниях относительно фразы «смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ», но не оговорил тогда этого результата, как противоречащего тексту плача Ярославны.¹ Стрелы упоминаются в Слове много раз. Так, перед приведенным ранее местом о «ветрах веющих стрѣлами», описывается будущая битва: «быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великого», затем: «стрелы по земли сѣяше», «летять стрелы каленныя», «загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую», «рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами» и т. п.² Интересно,

¹ Сборник статей к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 181.

² Уже П. Савваитов собрал и сопоставил все случаи употребления слова «стрѣла» в «Слове о полку Игореве». Описание старинных русских утварей, стр. 132.

что перевод «Слова о полку Игореве» в первом издании его дает следующее понимание этого места: «О ветер, ветрило . . . к чему навеваешь легкими своими крылами Хиновские стрелы на милых мне воинов». Карамзин также говорит о «стрелах» в своей вольной передаче этого места. Сопоставляя оба текста, видим, что ветры, по словам Ярославны, имеющие легкие крылья, являются теми внуками Стрибога, которые упоминаются в первом тексте. Таким образом языческие ветры, внуки Стрибога, являются крылатыми, как и в античной мифологии. Крылатые ветры упоминаются не только в «Слове о полку Игореве»; о них несколько раз говорит Кирилл Туровский, и много раз «ветренные крылья» упоминаются в Псалтыри. Так, у Кирилла Туровского: «Ови (т. е. ангелы) облакы крылы вѣтренными приносят на взятие от земли», или «взыде бо, рече, на херовим и летѣ на крылу вѣтреннюю» — это перевод с греческого: ἐπάτασθη ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων, XVII, 11. Крылатые ветры греческой мифологии легко отвечали языческим славянским крылатым ветрам, внукам Стрибога. Тихонравов слово «стрела» производил от Стри-бога.¹

Ярославна два раза, обращаясь к ветру, называет его «господином»: «Чему, господине, насильно вѣши», «чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя». Это обращение не привлекало к себе внимания, но оно встречается в древнейшем известном нам плаче владимирцев, провожавших тело Андрея Боголюбского, когда его несли через серебряные ворота во Владимире. Этот плач внесен в Ипатьевскую летопись: «Ужели (к) Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлатъ послал бѣше», и т. д. (под 1175 г.). Не только обращение «господине», но и жалобный тон этого плача совпадают с плачем Ярославны.

В плаче Ярославны оказалась интересная деталь, поясняющая летопись. Обращаясь к Днепру, она восклицает: «О Днепре, Слопутицю, ты пробиль еси каменные горы сквозѣ землю половецкую, ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до пълку Кобякова». Упоминание о «насадах», которые Днепр нес на себе до войск Кобяка, есть намек на поход Святослава в 1183 г. против Кобяка и представляет новое данное сравнительно с летописным рассказом об этом походе в Ипатьевской летописи, в которой читаем: «Идущю же ему (т. е. Святославу) по Днепру и стату, идеже нарѣцается Инжирь брод и ту перебродися на ратьную сторону Днепра и 5 дни искаша их» (т. е. половцев; в Радзивиловской летописи сказано только: «и прешедше угл реку 5 дней искаша их», л. 23). Летопись ясно говорит, что Святослав шел Днепром, но не упоминает о насадах, о которых идет речь в плаче Ярославны, и таким образом текст Слова уточняет летописный рассказ.

Следует отметить также и другой любопытный факт. Параллельные Словоу тексты летописей описывают перипетии боев Игоря с половцами и говорят о том, что русское войско было отеснено от воды и изнемогало от жажды в течение трех дней. В Лаврентьевской летописи читаем: «Изнемогли бо ся бляху безводьемь и кони и сами, в знои и в тузѣ. . . по 3 дни бо не пу-

¹ Слово о полку Игореве. М., 1868, стр. 33. См. также у Георгия Писиды: «и прежде дыхания ветры проявляют ефера, объемлюще облакы своими крылами». Ф. Буслаев: Историческая хрестоматия, М., 1861, стлб. 919.

стили бяху их к водѣ». Этот эпизод вошел в жалобу Ярославны в ее обращении к солнцу: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче». Это обращение к солнцу и жалоба ему показывают, что Ярославна знала об этом эпизоде битвы с половцами и тяжело переживала его. Она упоминает о «туге», испытанной войсками, и, повидимому, слышала об этом от 15 возвратившихся воинов. Автор «Слова о полку Игореве», не упоминая об этом эпизоде, вспомнил о нем в плаче Ярославны.

Плач Ярославны совершенно нормально предшествует описанию бегства Игоря из плена, так как содержание его знает только битву с половцами и раны Игоревы.

II. „Не быть еликну“

Описание бегства Игоря из половецкого плена отличается порчей текста, до сих пор не исправленного критикой. Не установлена даже точка зрения на возможность устранения порчи и на хорошее понимание текста, который, в его настоящем виде, читается так: «Погасоша вечеру зори. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслю поля мѣрить отъ великого Дону до малого Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рѣкою, велить князю разумѣти „князю Игорю не быть“, кликну, стукну земля въшумѣ трава, вежи ся половецкіи подвизоша. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвржеся на брѣзь комонь и скочи съ него бусымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ».

В этом тексте, довольно ясном, должно отметить натуральное и тонко задуманное описание бегства Игоря, кое-где испорченное неверным чтением первоначального, т. е. древнего текста. С одной стороны, текст рисует замедление жизни, а с другой — ее быстрое движение. В этих двух особенностях поэтического замысла ярко выступают перебои нормального изложения. Интересны, поэтому, совпадения с параллельными текстами летописей и различия от них. Так, начало описания бегства согласуется с двумя источниками — с Ипатьевской летописью и с передачей какого-то неизвестного нам источника у Татищева. Слова «погасоша вечеру зори» отвечают словам Ипатьевской летописи: «не бяшетъ бо ему лзѣ бѣжати в день и в ночь, им же сторожевъ стражахуть его. Но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора с конемъ поводнымъ», бяшетъ бо свѣчал с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половцы напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечере. Пришедъ конюший повѣда князю своему Игореву, яко ждеть его Лаворъ». Таким образом Ипатьевская летопись и Слово говорят о вечере, о заходе солнца, о погасших вечерних зорях. Такое же время бегства описывает и Татищев, но более подробно: «По малом времени разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинилъ пир, на которомъ приставниковъ подчивал довольно медомъ и дарил; и как оныя довольно пьяны были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра, и как оный пришел, сказал ему, чтоб он на заходе

солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему был, тотчас взяв коней с седлами стал у реки».

Этот текст совпадает с текстом «Слова о полку Игореве» не только в том, что время бегства назначено было на заходе солнца, но и в том, что Овлур с конями стал за рекою, так как в Слове сказано, что «Овлур свисну за рекою». Река эта не названа по имени автором Слова, в Ипатьевской летописи она названа Тором, а у Татищева — Донцом. Можно думать, что сведение Татищева о реке Донце точнее, так как в Слове Игорь перед бегством не только меряет мысленно поля от Великого Дона до малого Донца, но и ведет разговор с Донцом, благодаря его за помощь во время бегства. В данном случае по существу нет особенной важности в названии реки, важно то, что свист Овлура за рекою, раздавшийся в тихую ночь, восполняет таинственную ситуацию всего повествования о бегстве Игоря. Автор Слова осмысляет свист Овлура. Своим свистом Овлур подает знак о готовности к бегству, но дальнейший текст этому противоречит, так как за словами «Овлур свисну за рекою, велить князю разумѣти» следует непонятная фраза — «князю Игорю не быть кликну» и т. д., нарушающая таинственный смысл свиста. Дело в том, что Игорь перед бегством поил стражу медом и много ей дарил, как сообщает Татищев. Ипатьевская летопись сообщает, что половцы напились кумыза, а потому свист Овлура мог пройти безнаказанно, но Овлур мог бы сразу выдать тайну бегства, если бы крикнул и назвал князя по имени. Фраза — «князю Игорю не быть кликну» — нарушает тайну бегства, о которой так подробно сообщает Татищев, и окутывает скрытностью само Слово. Игорь кланяется иконе и кресту, надевает их на себя, молится и только тогда поднимает край ковра и покидает свой шатер или вежу. Но, кроме того, самое построение и смысл приведенной фразы непонятны: в ней нет прямого ясного смысла, так как слова «князю Игорю не быть кликну» не могут быть связаны ни с положением Игоря, ни с его бегством. Тем не менее, эту связь, на мой взгляд, можно установить на основании слов самого Игоря, приписанных ему автором «Слова о полку Игореве» во время солнечного затмения в начале похода. Игорь, обращаясь к войску, говорит: «Братіе и дружино, луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бързья комони, да позримъ синего Дону». Этими словами Игорь выражает готовность идти против половцев и считает, что лучше быть убитым, чем попасть в плен. Так как Игорь бежит из плена и рискует своей жизнью, то, поставив вместо слова «кликну» слово «пленну», можно легко понять мысль, вносимую автором Слова в свист Овлура, которым он велит князю разуметь, что тот должен уйти из плена и бежать. Таким образом неясная фраза приобретает прямой и ясный смысл: «Овлур свисну за рекою велит князю разумети: князю Игорю не быть пленну». Число букв в словах «кликну» и «пленну» одинаково, и переписчики могли не разобрать написания только трех букв.

Что автор «Слова о полку Игореве» в своем поэтическом творчестве часто пользуется одними и теми же фигурами, оборотами и представлениями, доказывается не только многими эпическими повторениями, о чем речь будет в других замечаниях, но также еще и тем, что фраза «велит князю

разумѣти» находит себе аналогию в фразе «Дивъ кличеть... велить послушати земли незнаемѣ». В тексте плача Ярославны мною было указано также повторение более ранней фигуры о стрелах, несомых на легких крыльях ветрами, внуками Стрибога. Таким образом приемы поэтического творчества автора Слова позволяют, на мой взгляд, устранить некоторую неясность в дошедшем до нас тексте Слова мусин-пушкинской редакции.

III. На каком инструменте играл Боян?

Из текста «Слова о полку Игореве» видно, что Боян пел и сопровождал свое пение игрой на каком-то струнном инструменте, название которого автор Слова не сообщает. Молча, без доказательств принимается, что это были гусли. Такое понимание инструмента возможно, но требует пояснений и доказательств, так как текст, в котором описывается игра и пение Бояна, крайне важен для понимания деятельности этого знаменитого певца. Вот этот текст: «Боянъ бо вѣщій аще кѣму хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы. Помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху».

Первая часть приведенного текста заканчивается непонятным выражением: «помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ». Выходит так, что Боян творил свои песни потому, что помнил усобицы первых, т. е. прошлых времен. Как можно было бы понимать это указание автора Слова с историко-литературной точки зрения? Причем тут усобицы, которые помнил Боян? На это нет ответа в комментариях к Слову. Между тем древняя русская литература дает прямой ответ на эти вопросы. Кирилл Туровский поясняет задачи историков и поэтов: «Якоже историци и вѣтия, рекше летописци и пѣснотворци преклоняють своя слухы в бывшая межю цари рати и вѣноччєния, да украсят словесы и возвеличат мужествовавшая».¹ Из этого, современного «Слову о полку Игореве», указания видно, что летописец и песнотворцы следят за военными подвигами и распрями между царей, чтобы прославить речами их дела, и что Боян, как песнотворец, воспевал усобицы прошлых времен и подвиги князей. Автор Слова раскрывает эту мысль именно тем, что приписывает Бояну песнотворчество в честь деяний старого Ярослава и его битв, в честь храброго Мстислава, зарезавшего Редедю перед касожскими полками, и в честь войн Романа Святославича.

Слова Кирилла Туровского близко напоминают подобного же рода рассуждения в византийской литературе. Так, например, в одной из речей Василия Великого читаем следующее место, в котором дело идет об ораторах и живописцах, прославляющих военные подвиги: «Когда ораторы и живописцы изображают военные подвиги, одни украшая их словом, другие изобра-

¹ П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, стр. 7.

жая их на досках, то и те и другие многих побуждают к мужеству».¹ В русских пересказах этой мысли Василия Великого вместо живописцев, изображающих подвиги, речь идет о «песнотворцах», слагающих песни в честь героев.

Таким образом выражение — «помнишьте бо, рече, пьрвыхъ времянь усобиць» — определяет свойства песнопений Бояна, так как он был признанный творец песен в честь военных подвигов. Таких певцов Кирилл Туровский называет «вѣтии (витии), рекше пѣснотворци». Автор «Слова о полку Игореве» не оставляет сомнения в том, что Боян был творец своих песен — «Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь т в о р и т и». Становится понятным, почему автор Слова обращается к Бояну как песнотворцу военных подвигов, говоря о несчастливом походе Игоря: «О Бояне, соловію старого времени, абы ты сіа плѣкы ущекоталъ». Он считал, что этот поход мог быть воспет Бояном.

Таким образом Боян был песнотворец, сочинитель песен о битвах и ополчениях. Эти песни он сопровождал игрой на струнном инструменте, считаемом за гусли. Бояна считали гуслиаром не одни комментаторы «Слова о полку Игореве». Уже в Задонщине, в XV в., автор, знакомый со «Словом о полку Игореве», говорит: «Взыдем на горы киевскія, первее всех вшед восхвалим вещаго Бояна в городе Кіеве, гораздо гудца, той бо вещей Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, поаше славу русским князем. . . восхваляя их песнями и гусельными буйными словесь».² Несколько иначе этот текст передан в списке Ундольского: «Похвалим вещанного боярина (вместо Бояна) горазна гудца в Кіеве. Тот боярин воскладаша горазныя своя персты на живыя струны, поаша русским князем славу. . . аз же помяну Рязанца Софонія и восхвалю песнями, гусленными словесы сего великого князя» и т. д.³ Боян здесь называется «гораздым гудцем», он воспевае князей песнями и «гусельными буйными словесы», следовательно, играет на гуслиах и поет. Кроме того, эти тексты называют Бояна «гораздым гудцом», что восходит к пониманию слова «гудец» в XIV в. В новгородской рукописи XIV в. изображен сидящий на земле гуслиар. Гусли у него на коленях, и обе руки касаются струн. Над ним надпись: «гуди гораздо», из чего следует, что гуслиар называется гудцом.⁴ У Кирилла Туровского встречается выражение «в гусли гудуть»; в житии Андрея юродивого — «держаше гусли и гудяше» и пр. Из всего сказанного видно, что Бояна в XV—XVI вв. считали за гудца на гуслиах и что определение его музыкального инструмента как гуслей восходит еще к XIV в., а судя по некоторым данным, и к более раннему времени. Выражение, приводимое Срезневским из текста Григория Назианзского XI в. — «Гусельного творца гудца разумѣть», — показывает, что эта фраза могла бы хорошо пояснить игру на гуслиах и пение Бояна как творца песен и гудца.

¹ Homilia in 40 Martyres. Migne. Patr. graeca, t. 31, стр. 508—509.

² П. Сямони. Памяти. стар. русск. языка и словесности XV—XVIII стол. Вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII ст. Пгр., 1922, стр. 20.

³ Ф. Буслаев. Историческая христоматия, М., 1861, стлб. 1311.

⁴ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. 67, рис. 2.

М. О. СКРИПЦЕВ

Литературная история „Новести о Иулиании Вяземской“

1

«Повесть о Иулиании Вяземской» еще не привлекала внимания историков древне-русской литературы. Те немногие упоминания о действующих лицах повести, которые мы встречаем в специальной литературе, касаются их как исторических лиц; о самой же повести как литературно-художественном произведении обычно не говорится. Такие именно замечания мы находим и у Н. Карамзина,¹ и у Н. Полевого, и у Н. Барсукова.³

Но события, в которых участвуют как исторические лица Юрий Святославич, Симеон Вяземский и Иулиания Вяземская, не имеют особенно большого исторического значения, за исключением, конечно, смоленского периода жизни и деятельности Юрия Святославича. Эти события относятся к деятельности второстепенных князей и характеризуют, главным образом, бытовую сторону их жизни. В то же время освещение этих событий и манера их изложения, данные в Повести, представляют определенный историко-литературный интерес. Рассматриваемая с точки зрения историко-литературной «Повесть о Иулиании Вяземской» любопытна как одна из первых попыток древне-русской оригинальной историко-бытовой повести, построенной на развитии любовной трагедийной фабулы. Кроме этого, особые условия ее создания и ее литературная история далеко небезинтересны для нас, когда в изучении старинной русской повести мы идем широким фронтом, останавливаясь не только на крупных образцах повествовательной литературы, но и на второстепенных и третьестепенных произведениях этого жанра: она проливает некоторый свет на вопрос о генезисе нашей старинной повести.

*

¹ Н. Карамзин. История государства российского. СПб., 1834, т. V, стр. 169—177; прим. 173.

² Н. Полевой. История русского народа. М., 1833, т. V, стр. 230—231, прим. 232.

³ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 281.

Древне-русская летопись хорошо знает действующих лиц «Повести о Юлиании Вяземской» — Юрия Святославича, Симеона Вяземского и Юлианию Вяземскую.¹ Говорит летопись и о факте, положенном в основу фабулы повести, — об отвергнутой любви Юрия Святославича к жене Симеона Вяземского, Юлиании, и об убийстве этих последних Юрием. Но освещение этого факта в летописи иное, чем в повести: летопись явно осуждает Юрия Святославича. Осуждает она его потому, что грубо и преступно посягнул он на идеалы древне-русского общества — идеал целомудренной преданной своему мужу жены и идеал верного слуги. Но не в этом, конечно, была основная причина отрицательного отношения летописи к Юрию Святославичу. Причина эта в том, что политическая ситуация была очень неблагоприятна для Юрия Святославича, бывшего в конце XIV и в начале XV вв. великим князем смоленским.

Московское государство уже в этот период большое внимание уделяло своим западным границам. Великий князь московский Василий Дмитриевич, занятый на Востоке (в Орде и присоединением княжества Нижегородского), на фоне все более и более обостряющихся взаимоотношений между Москвой и Новгородом, настойчиво стремился к сохранению мира на западных границах Московского государства. У него были некоторые основания надеяться на этот мир, так как он был зятем Витовта. И вот, когда Витовт в 1404 г. нападает на Смоленск и захватывает его, великий князь считает это результатом интриг Юрия Святославича.² Отъезд Юрия Святославича на службу в Новгород мог только усилить неблагоприятное впечатление, оставленное им в Москве.

Летописец, очевидно, разделяет неприязненное отношение к этому князю, сложившееся в официальных московских кругах: Юрий Святославич — это человек, ведущий сложную политическую игру; к нему, несмотря на состояние его в родстве с московским князем,³ надо относиться осторожно и с опаской. Поэтому-то летопись и не находит никакого оправдания Юрию Святославичу после убийства Юлиании Вяземской. «И бежа к орде, — читаем мы в летописи о Юрии Святославиче, — не могий трыпети срама и горкаго безверемья и безчестия и студа».⁴ И только Троицкая летопись несколько доброжелательнее говорит о нем. Здесь, после сообщения о его смерти, мы читаем: «и проводиша его честно».⁵

¹ См. ПСРЛ. О Юрии Святославиче — т. III, стр. 97, 102, 103, 107, т. IV, стр. 45, 92, 93, 101, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 141, 143, 144, 145, 196; т. V, стр. 240, 247, 252, 253, 256, 257; т. VI, стр. 128, 131, 132, 133, 134, 135; т. VII, стр. 239; т. VIII, стр. 51, 52, 69, 72, 75, 76, 77, 81. О Симеоне Вяземском — т. IV, стр. 107, 109, 144; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 133, 134; т. VIII, стр. 81. О Юлиании Вяземской — т. IV, стр. 109; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 133—134; т. VIII, стр. 81.

² Н. Карамзин. История государства российского. СПб., 1834, т. V, стр. 174.

³ «В лето 6908. Женися князь Юрьи Дмитриевич на Москве, у князя Юриа Святославича Смоленскаго пня дщерь именовем Анастасию». ПСРЛ, т. VIII, стр. 72.

⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 134.

⁵ См. Н. Полевой, История русского народа. М., 1833, т. V, стр. 230—231, прим. 232.

2

Но взгляд на Юрия Святославича резко изменился, когда отошли в прошлое жгучие вопросы политики его времени и когда отпала сама причина его злоключений и ложного положения в Московском государстве, т. е. когда Смоленск перешел в руки московского князя. А это произошло в 1514 г.

XV и XVI столетия были столетиями все более и более растущей тенденции московских князей к политическому и культурному объединению северо-восточной Руси вокруг Москвы. К середине XVI ст. этот процесс объединения закончился. В течение всего этого времени литература была глашатаем указанной тенденции Московского государства. Уже во «Владимирском Полихроние» (1423 г.) достаточно четко была выражена идея единства Руси. Такие же произведения, как «Повесть о взятии Царьграда», «Сказание о князьях владимирских», «Послание к царю и великому князю Ивану Васильевичу» и пр., уже прямо обосновывали право Москвы на первенство в северо-восточной Руси. Когда закончилось объединение северо-восточных княжеств вокруг Москвы, перед литературой возникла задача ретроспективного обзора пройденного пути. Теперь с вершины достигнутых успехов многие исторические факты предстали в ином, более радужном освещении, чем это было в действительности.

Одним из грандиозных предприятий этого направления литературы XVI в. явилась «Книга степенная царского родословия». Она ставила своей целью доказать, что прошлое Руси — результат дружной деятельности русских князей в союзе со строителями церкви и что самый род московских князей «яко сад доброраетен, и красен лиственным и благоцветущ, многоплоден же и зрел и благоухания исполнен».

Слишком уродливо в этом аспекте должна была выглядеть фигура князя-убийцы, ближайшего родственника московских князей — Юрия Святославича. Пересмотр отношения к нему диктовался новым положением великокняжеского московского двора в XVI в. Это и было основным стимулом создания «Повести о Иулиании Вяземской» в ее старшей редакции.

*

«Повесть о Иулиании Вяземской», судя по ее старшему тексту, состоит из следующих частей: 1. Родословная Юрия Святославича и обстоятельства взятия Смоленска Витовтом, 2. Любовная трагедия в Торжке, 3. Скитания Юрия Святославича, его раскаяние и смерть и 4. Возвращение Смоленска.

Главное внимание в повести в этой ее редакции уделяется Юрию Святославичу. Это очевидно даже по ее названию: в этой своей старшей редакции она называется — «О великом князе Юрье Святославиче Смоленском и о князе Симеоне Мстиславиче Вяземском и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася».¹ При этом автора повести Юрий Святославич интересует как историческое лицо. Отсюда и подробная родословная его, и описание захвата Смоленска Витовтом, и характеристика скитаний Юрия Святославича, как скитаний князя, лишившегося своего «отечества

¹ Ркп. Акад. Наук. 21. 7. 14, л. 484 об. Здесь и ниже цитирую по этому списку

и великия своя княгини и чад своих и сродников и служащих ему князей и бояр и воевод, и всяких рядников и чиновников, и всех слуг своих», наконец, упоминание о возвращении Смоленска русским.

Повесть в этой редакции имеет характер исторического сказания. Мы эту редакцию повести и будем в дальнейшем именовать «Сказанием о Юрии Святославиче».

Исторический характер «Сказания о Юрии Святославиче» подчеркивается, прежде всего, близостью его к летописи, как к своему источнику. Первая часть его — родословная Юрия Святославича и обстоятельства взятия Смоленска Витовтом — пересказывает летописные записи под 1401 и 1404 гг. Уже между этой частью сказания и летописью есть ряд текстуальных совпадений. Больше всего этих совпадений с летописью по Воскресенскому списку.

Особенно близко стоит к летописи вторая часть сказания — любовная трагедия в Торжке. Приводимое ниже сопоставление легко убеждает нас в этом.

Сказание о Юрии Святославиче

«И оттоле прииде на Москву служити великому князю Василию Дмитриевичю, от него же приял бысть и в Торжку наместником учинен. Ему же служаше князь Симеон Мстиславич Вяземской. И той имея супружницу княгиню Ульявию...

...Взят ю к себе хотя с нею смеситися...

Она же не хотяше сего беззакония сотворити...

...И поверже ю, и ляже с нею, она же противляшеся ему, и не може отринуть его от себе, и взем нож удари его в мышцу, он же срама исполнися, и зело возяряся...

...Приложи к блудному устремлению двое убийство. Первое своима рукама уби неповиннаго, но вернаго служащаго ему князя Симеона Мстиславича, мужа Деломудренныя княгини Ульянии. Ей же повеле руже и нове отсеци. Еже и бысть. Князя же Юрья Светославича от-всюду обыде сугубо студ и поноше-

Летопись по Воскресенскому списку.

«Князь Юрьи Святославичь Смоленский прииде из Новгорода на Москву, и дасть ему князь велики Торжек, он же убил тамо служащаго ему князя Семеона Мьстиславича Вяземского и его княгиню Ульяну.

взя бо ю к себе, хотя с нею жити;

она же сего не хотяше,

и ако леци въсхоте с нею, она же, предобраа мужелюбица, мужески въспротивися ему, иземши нож удари его в мышку на ложи его; он же възъярявся и

въскоре сам уби князь ея, а ей повеле руки и ноги осеци, и в реку вьвъргоша ю;

и бысть ему в грехе и в студ велик, и с того побеже к орде, не терпя

ние, сугуба же срамота и укоризна, и не ведыи что сотворити, не могли терпети срама и поношения, уклонися ко орде. . .»

горкаго своего безвременна и срама и безсестиа». ¹

Третья часть сказания — скитания Юрия Святославовича, его раскаяние и смерть — составлена на основании летописной записи под 1406 г. Здесь также мы обнаруживаем текстуральные совпадения.

Сказание о Юрии Святославиче

Летопись по Воскресенскому списку

«... И начат скитатися безимянно ко чюжим странам

«Сентября в 14 преставися князь Юрий Святославичъ Смоленский, не в своей отчине, но на чюжей стороне в изгнании,

лишен бысть отечества и великия своя княгини и чад своих. . .

лишен своего княжения и жены и детей,

... И обрете в земли рязанстей на реце на Осетре между градов Тулы и Николы рязаньскаго, в Велеве пустыни, в монастыри святого Николы чудотворца, и тамо вселися у некоего христоролюбива старца и игумена именем, Петра, у него же неколико дни пребысть. . . и мало поболеев преставися ко господу и погребоша честно с песнями надгробными». . .

но в Рязаньской земли, в пустыни, в монастыри

у некоего игумена христоролюбва, именемъ Петра;

и ту неколико дни поболеев преставися и погребен бысть ту». ²

Четвертая часть сказания — возвращение Смоленска — не связана с каким определенным текстом летописи: она составлена самим автором. Но по своей форме — это типичная летописная запись.

Итак, текстуральная близость «Сказания о Юрии Святославиче» к летописи бесспорна. Но вопрос этим не исчерпывается. Еще интереснее стилистическое сходство сказания с оригинальной и переводной исторической литературой. Опираясь на летописный текст, сказание рисует любовную трагедию в Торжке гораздо более красочно, образно и тепло, чем летопись. В нем слышится поэтическое воодушевление автора и заинтересованность его в судьбе причастных к этой трагедии лиц. Относительно исторических событий автор сказания входит в такие подробности, каких мы не находим в летописи; действующих лиц сказания он кратко характеризует, подчеркивая отличительные особенности их душевного склада, мотивируя их поступки и пр. И вот весь этот материал, отступлений от текста летописи, все то, что составляет продукт самостоятельного творчества автора, по своим

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 81.

² Ibid., стр. 81.

жанровым и стилистическим особенностям обнаруживает большое родство с летописью.

Автор сказания рисует взятие Смоленска Витовтом благодаря хитрости этого князя. Собираясь напасть на Смоленск и подойти к нему с войсками, Витовт распространяет слухи, что он идет на Темир Аксака. И когда к нему выезжает Глеб Святославич, он оказывает последнему честь и, одарив, отпускает его в Смоленск, предлагая приехать к нему всем князьям смоленским для разбора существовавшей между ними распри. Приехавших к нему князей с боярами он схватывает и посылает в Литву, сам же занимает Смоленск.

Это традиционный, хорошо известный в переводной и оригинальной исторической литературе мотив взятия города хитрым вождем благодаря обману защитников города.

Автор вкладывает в уста Юлиании Вяземской речь, которая должна была защитить ее от насилия Юрия Святославича. Это тоже традиционный прием характеристики мудрой жены, известный старинной исторической литературе.

Автор повести мастерски владеет лексическими и фразеологическими оборотами, аналогичными и иногда сходными или даже тождественными летописи. Приведем несколько примеров.

Родословная князя: «Во граде Смоленске господствуя тогда великий князь Юрьи Светославичъ, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, преправнук Ростиславль Мстиславича. Мстислав же бяше сын Давыдов, внук Ростиславль, правнук Мстиславль Владимрича Манамаша».

Междоусобные распри: «Сему же великому князю Юрю Светославичю некогда нетерпящу нестроения и межоусобныя брани видети присныя своя братия, и отиде на Рязан к тестю своему великому князю Олгу Ивановичю рязаньскому. И тогда братия великаго князя Юрья в Смоленску пребывающу, наипаче между собою вражду велику и ненависть имущу и прю о княжении».

Движение войска: «Литовский же великий князь Витофт, усмотрив си время удобно своему коварству, и собрав силу многу, и поиде мимо Смоленск, творяся идти на Темир Аксака царя, и промчеша слово то повсюду».

Взятие города: «Они же мнящися в правду, выидоша к нему вси из града и з бояры своими. Он же прехватая всех их, и посла их в землю свою литовскую, а посады пожже и люди поплени, во граде же своих наместников посади. . .»

Скорбь: «Слышав же сия великий князь Юрье и воскорбе великою печалию от горести душа. И побеже с сыном Федором в великий Новъград. . .»

Все это свидетельствует об определенном стилистическом родстве «Сказания о Юрии Святославиче» с летописью, о том, что именно последняя является той литературной почвой с целым арсеналом своеобразных изобразительных средств и приемов, без которой невозможно было бы появление произведений, подобных Сказанию.

Однако необходимо признать, что стиль Сказания не так уж выдержан и ровен. В нем ясно ощутимы специфические элементы агиографии особенно в тех случаях, когда сама тематика представляет для этого определенные основания. Так, в агиографическом стиле дается характеристика Иулиании:

«И той имея супружницу княгиню Ульянию, и та бяше целомудрена, и божественною добротою украшена. Не толико же телесным доброзрачием светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе».

В агиографическом стиле говорится также о смерти Иулиании и ее мужа:

«Сице в купе пострадаша, и своею неповинною кровию выдоша к богу, от него же и мученическими венцы увязошася. . .»

Наконец, агиографические элементы мы находим и в описании покаяния Юрия Святославича.

*

Близко стоя к летописи, «Сказание о Юрии Святославиче» пытается в то же время внести возможные поправки в летописный образ Юрия Святославича. Автор сказания подробно говорит о раскаянии Юрия Святославича, о его тяжелом душевном состоянии в связи с осознанием своего греха, о его стремлении к добродетельной жизни. Всего этого нет в летописи. Все это необходимо автору сказания для того, чтобы примирить читателя с Юрием Святославичем. Эта тенденция Сказания совершенно очевидна. Внимательно всматриваясь в текст Сказания, мы находим и ту причину, которая заставляет автора изменить взгляд на Юрия Святославича. Юрий Святославич, в глазах автора Сказания, — «праведное семя Владимирово». Это оправдание Юрия Святославича как Рюриковича ставит данное Сказание в ряды памятников, пересматривавших исторические события древней Руси в целях возвеличения рода московских князей, что играло определенную политическую роль в годы завершения объединения северо-восточных княжеств вокруг Москвы. Неудивительно поэтому, что «Сказание о Юрии Святославиче» мы находим в «Степенной книге».

Наличие «Сказания о Юрии Святославиче» в составе произведений «Степенной книги» вызывает у нас большой интерес в связи с тем, что время написания Сказания мы можем определить с большой точностью.

Точная же датировка Сказания проливает некоторый свет на весьма запутанную хронологию образования «Степенной книги».

Идейное и стилистическое сходство «Сказания о Юрии Святославиче» со статьями «Степенной книги» сразу же бросается в глаза. Мы уже видели, что автор Сказания всеми средствами стремится обелить Юрия Святославича, приводя его к «праведному» концу жизни — к покаянию и очищая ему этим самым подобающее место в ряду предков московских князей. А эта тенденция, как мы знаем, составляет одну из особенностей «Степенной книги» по отношению ко всем предкам московских князей. Далее, — самой характерной особенностью стиля «Сказания о Юрии Святославиче» является доминирование в нем элементов летописи и исторических хроник на ряду с подчиненным, второстепенным

положением агиографических черт. А это оказывается самым характерным для литературного облика «Степенной книги». Затем, автор Сказания с особой тщательностью обрабатывает любовно-трагический эпизод взаимоотношений Юрия Святославича и Иулиании Вяземской, подробно пересказывая все перипетии борьбы между ними, причем сухая запись летописи его не удовлетворяет, и он разукрашивает этот эпизод, используя для этого традиционный прием «речи» героини.

И вот этот интерес к романическому неслучаен для «Сказания о Юрии Святославиче», как произведения, вошедшего в «Степенную книгу». Эта особенность является одной из характернейших литературных черт «Степенной книги» в целом. Трагические, трогательные или занимательные романические положения привлекают особое внимание составителей «Степенной книги». Они, кропотливо и тщательно собирая различные биографические сведения о членах княжеской фамилии, не проходят мимо и сведений романического характера. Наоборот, сосредоточивают на них свой интерес и находят для их выражения соответствующие литературные приемы. Стоит напомнить только некоторые страницы «Степенной книги», и наша мысль станет вполне очевидной. Так, в «Степенную книгу» попадает трагическая история Рогнеды.¹ Пространно и красочно описывается горе Евдокии, жены Димитрия Донского.² Но особенно замечательно в этом отношении житие княгини Ольги. Составители «Степенной книги» приняли во внимание все известные в XVI в. биографические произведения об Ольге;³ и вот любопытно, что они не ограничиваются только письменными источниками, но пользуются и народной легендой. Раздел жития «О великом князе Игоре, како сочтѣся со блаженною Ольгою»⁴ составлен на основе народных легендарных сказаний. Включение этого эпизода в житие весьма определенно характеризует художественный вкус составителей «Степенной книги».

Наконец, не лишено некоторого значения и то обстоятельство, что между материалами «Степенной книги», бесспорно являющимися результатами авторской (а не только редакционной) работы ее составителей, и «Сказанием о Юрии Святославиче» можно указать текстуальные совпадения. Так, напр., и в предисловии к «Степенной книге» и в Сказании одинаково характеризуются московские князья как «праведное семя Владимирово». Итак, очевидно, «Повесть о Иулиании Вяземской» в ее старшей редакции, т. е. «Сказание о Юрии Святославиче», написано для «Степенной книги» согласно ее плану и ее основным тенденциям. Поэтому датировка «Сказания о Юрии Святославиче» безразлична и для датировки «Степенной книги» как определенного литературного предприятия.

Четвертая часть «Сказания о Юрии Святославиче», представляющая собою запись событий, в недалеком прошлом предшествовавших времени создания самого сказания, дает вполне достаточный материал для

¹ Книга степенная царского родословия, ч. I, СПб., 1908, стр. 69.

² Ibid., ч. II, СПб., 1913, стр. 404—405.

³ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, стр. 40.

⁴ Книга степенная, ч. I стр. 7—8.

его датировки. Здесь говорится о присоединении Смоленска к Московскому княжеству Василием Ивановичем.

«И таковым тогда неправедным похищением Витофт Смоленское великое княжение из русския державы исторже к своей Литовской области, им же властвоваху Литва и до самодержавного государя и великого князя Василия Ивановича всея Русии, ему же благоволи бог многим подвигом паки исторгнути от латыньства град Смоленск от области литовскаго краля Жигдиманта к своему отеческому наследию рускаго царствия в достояние ему и чадом его в роды и роды. Их же благочестиву державу благостию своею, господи, сугубо ураспространи и всякия благодати исполни и на вся сопротивныя им пособствуй, мирно же и безмятежно и благоугодно тебе благочестивое царствие их во благоденьствии утверди. . .»¹

По ясному смыслу этих строк речь идет о княжении Василия Ивановича, причем о том времени его княжения, когда у него уже есть дети, а это произошло не ранее 1533 г., года рождения у Василия Ивановича второго сына — Юрия. Если, кроме этого, принять во внимание, что Василий Иванович умер в этом же 1533 году, а по приведенной нами записи очевидно, что во время написания «Сказания о Юрии Святославиче» он еще жив, то время создания сказания можно отнести только к 1533 г. Предпологать же, что это могло быть сделано позже, в «макарьевскую пору», как говорит об этом П. Г. Васенко,² мы не имеем никаких оснований: это противоречит прямому смыслу и духу записи.

Считая временем написания «Сказания о Юрии Святославиче» 1533 год, мы (по указанным выше соображениям) одновременно с этим должны признать, что и «Степенная книга» как определенное литературное мероприятие была задумана и в ряде своих «степеней» выполнена в домакарьевскую эпоху, т. е. должны возвратиться к старой точке зрения на происхождение «Степенной книги». Но детальное рассмотрение этого вопроса уже выходит за пределы настоящего очерка.

3

«Сказание о Юрии Святославиче» известно не только в составе «Степенной книги»: мы нередко встречаем его отдельно в рукописях XVII—XVIII вв., как одно из любимых произведений древне-русского читателя. Кроме этого, оно имеет свою длинную и любопытную литературную историю, так как оно несколько раз подвергалось переделкам. Остановимся кратко на этом вопросе.

Одна из переделок «Сказания о Юрии Святославиче» носит следующее название: «Сказание о убиении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренныя его княгини Иулиании, и о князе Юрии Смоленском».³ Судя по заглавию этого произведения, у автора его было наме-

¹ Ркп. Анад. Наук. 21. 7. 14, л. 138 об.

² П. Г. Васенко. Книга степенная царского родословия и ее значение в древне-русской исторической письменности. Ч. I, СПб., 1904, стр. 128.

³ Ркп. Румянц. № 156, лл. 177—178 об., XVIII в.

решение дать историческое сказание о Вяземских, поставив в центре внимания их, а не Юрия Святославича. Сказание и начинается соответствующим образом: «Святой благоверный князь Симеон Мстиславичъ Вяземский и княгиня его Иулиания мученически скончашася от великого князя Юрия Святославича Смоленского». Автор этой редакции повести оставил всего несколько слов из первой части старшей редакции повести и совершенно отбросил ее конец — четвертую часть. Вторая же и третья части старшей редакции сильно сокращены и переработаны. В результате этих изменений первоначального текста получилось совсем небольшое сказание, лишенное литературных достоинств, но довольно хорошо передающее основную тенденцию редактора — возвеличить Вяземских в ущерб Юрию Святославичу. И эта тенденция и наименование Симеона Мстиславича «святым» свидетельствуют о значительно более позднем времени возникновения второй редакции данного памятника. Ее надо отнести к концу XVI в., когда в Торжке уже сложилось почитание Вяземских как местных святых.

*

Другая переделка старшей редакции известна под названием «Повесть о благоверной княгине Иоулиании, супружнице великого князя Симеона Мстиславича Вяземского».¹ Цель этой редакции нашего памятника — восхваление Иулиании. Ее автор поступает очень решительно и прямолинейно: из памятника в его старшей редакции вычеркивается все, что имеет непосредственное отношение к Юрию Святославичу, а тем более — к положительной характеристике его. Так, почти полностью сокращена первая часть «Сказания о Юрии Святославиче» и совершенно опущены третья и четвертая части его. В результате этой работы в центре произведения оказалась вторая часть старшей редакции — любовная трагедия в Торжке. Литературно-романическая сторона произведения от этого значительно выиграла. Ослаб его исторический характер, и на первый план выдвинулось изображение быта княжеской среды небольшого города.

Но автор третьей редакции не остановился на этих изменениях первоначального текста. В стиле агиографических произведений он написал новое окончание повести, полностью посвященное тоже одной Иулиании. Здесь говорится о том, как крестьянин, «имя ему бог весть», идя по берегу Тверцы, увидел тело Иулиании и сообщил об этом причту собора, который и принял меры к погребению Иулиании.

В последующее время это окончание третьей редакции в свою очередь подверглось переработке все дальше по пути религиозной легенды: тело Иулиании плывет вверх по течению Тверцы, от него «бысть глас», крестьянин получает исцеление и пр., — все это уже типичные черты агиографического жанра. В самом деле, в агиографической литературе для доказательства «святости» того или иного лица издавна (Египетский патерик) используется мотив «плавания вверх по течению». В русских житиях он обычен: Василий Муромский плывет по Оке против течения на своей ман-

¹ Ркн. Румянц. № 364, лл. 289—290 об., XVII—XVIII вв.

тии;¹ Иоанн Новгородский плывет по Волхову вверх по течению на плоту никем неуправляемом;² на льдине, приплывшей против течения к Боровицкому корогу, оказалось тело юродивого, судовщика Иакова,³ и т. п.

Время создания третьей редакции также необходимо отнести к XVI в. Указания на это мы находим, анализируя записи «чудес» в конце списков этой редакции: датировка наиболее ранних из них относится к концу XVI в.⁴

Резюмируем наши краткие замечания о «Повести Иулиании Вяземской».

«Повесть о Иулиании Вяземской» в своей первоначальной редакции (Сказание о Юрии Святославиче) была написана между 1530 и 1533 гг. Она была одним из памятников, создаваемых в эти годы в целях возвеличения рода великих князей московских, и в свое время имела определенное политическое значение.

И задумана и осуществлена она была в связи с созданием «Степенной книги», с которой она имеет большое сходство в идейном и стилистическом отношении. Но по времени своего создания она относится к эпохе более ранней, чем время окончательного оформления «Степенной книги».

По своим жанровым и стилистическим особенностям — это и с т о р и ч е с к о е с к а з а н и е, в манере письма которого превалируют образы, лексика и фразеология летописи и исторической хроники над элементами агнографического стиля. Ее большая зависимость от летописи показывает нам, какую видную роль играла эта последняя в генезисе историко-бытовой повести на известном этапе ее развития.

В литературной истории этого памятника весьма любопытны попытки переработки его в агнографических целях. Из «Сказания о Юрии Святославиче» создаются в агнографических целях «Сказание о Симеоне Мстиславиче» и «Повесть о Иулиании Вяземской». Последняя затем и принимает на себя роль официального жития Иулиании, постепенно обрастая посмертными чудесами. Летописная запись, историческое сказание, житие — таковы этапы литературной истории этого памятника.

История литературного обращения этого памятника, распространявшегося в читательской массе в XVII и XVIII вв. одновременно во всех своих трех редакциях, говорит нам о том, как быстро и легко были забыты первоначальные стимулы и создания и переработки его. Читательская масса читала и любила это произведение в более позднее время, очевидно, не за его первоначальный политический смысл и позднейшие агнографические тенденции Торжка, а за занимательность и трагичность его содержания.

¹ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1, стр. 236.

² Ibid., стр. 246.

³ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. (См. Сборн. ОРЯС Акад. Наук. СПб., 1880, т. XX, стр. 151—152.)

⁴ Ркп. Румянц. № 166, лл. 5—7.

ТЕКСТЫ *

I ред.

Ркп. Библ. Акад. Наук СССР. 21. 7. 14. Сб. втор. пол. XVII в., лл. 484 об.—488 об.

О великом князе Юрье Светославиче Смоленском и о князе Симеоне Мстиславиче Вяземском и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася

Бысть в лета рускаго державства благовернаго великаго князя Василия Дмитриевича, во граде Смоленске господствуя тогда великий князь Юрье¹ Светославичь, внук Иванов, правнук Александров, правнук Глебов, правнук Ростиславль Мстиславича; Мстислав же бяше сын Давыдов, внук Ростиславль Владимирича Манамаша.² Сему же великому князю Юрию Святославичю некогда нетерпящу нестроения и межоусобныя, брани видети присныя своя братия, и отиде на Рязан к тестю своему великому князю Олгу Ивановичю рязаньскому. И тогда братия великаго князя Юрья в Смо||леньску пребывающу, наипаче между собою вражду велику и ненависть имущу и прю о княжении. Литовский же великий князь Витофт, усмотрив си время удобно своему коварству, и собра силу многу, и поиде мимо Смоленск, творясь иды на Темир Аксака царя, и промчеса слово то повсюду. И тому словеси верующе князи Смоленстии. И выде к Витофту князь Глеб Светославичь. Он же, почтив его и одарив, отпусти с миром, рек: Слыша в вас братия неединачество и вы приидете ко мне вси, братия, с любовию по опасу, и аз в правду разсужу, и во единичестве умирю. Они же, мянщеся в правду, выидоша к нему вси из града и з боляры своими. Он же, прехватая всех их, и посла их в землю свою литовскую, а посады пожже и люди поплени, во граде же своих наместников || посади. И тако бысть первое взятие граду Смоленску. По сих же в шестое лето великий князь Юрье Светославичь Смоленский с тестем своим Олгом рязанским, видеша Витофтову воинству оскудение от Тимир Кутлуева побоища, приидоша к Смоленску. И предашася смольяна. Витофт же паки потом по два лета не единою ратуя Смоленск. И тогда великий князь Юрье повеле смольняном ждати себе на три сроки, а сам прибеже на Москву, вдавая себе великому князю Василию Дмитриевичу, и град свой Смоленск со всем своим отеческим наследием. Правдывый же великий князь Василий Дмитриевич не прият его, Витофта ради тестя своего, да не разорится в них мирный завет. И не прииде великий князь Юрье на сроки. И предашася смольяне Витофту. Он же, вошед во град, || великую княгиню Юрьеву, з детми и князи и боляр смоленских в Литву послал, а иных смерти предаде. Град же ляхом предав, а сам в Литву отиде. Слышав же сия великий князь

* При издании титла везде раскрыты; ъ в конце слов опущен; і замечено и; ѣ — е; пунктуация современная.

1—2. В «Степенной книге» по списку Погод. № 1429 (ст. 13, гл. 26) это место читается в следующем виде: «Юрья светославичь, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, прправнук Ростиславль Мстиславича. Мстислав же бяше сын Давыдов, внук Ростиславль, правнук Мстиславль Владимирича Манамаша».

Юрье и воскорбе великою печалию от горести душа. И побеже с сыном Феодором в Великий Новъград, и тамо лето едино пребысть. И оттоле прииде на Москву служити великому князю Василию Димитриевичю, от него же прият бысть и в Торжку наместником учинен. Ему же служаше князь Симеон Мстиславичъ Вяземской. И той имея супружницу княгиню Ульянию, и та бяше целомудрена, и божественною добротою украшена. Не только же телесным доброзрачем светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе. Ея же целомудренному житию завиде древний враг || Еввий зачинатель, и взусти на нея господина ея великаго князя Юрья Светославича смоленскаго. И тако уязвен бысть блудною бранию, и тако безстыдным устремлением взят ю к себе, хотя с нею смеситися, яко господскую власть над нею имея. Она же не хотяше сего беззакония сотворити, но о целомудрии подвизашеся, и много моляше его и увещеая, глаголаше: Почто, господине, всеу подвизаешися, и яко вотще сие неподобное дело умышляеши, еже не имат быти. Веси бо господине яко мужа имам, и како мощно ми честное его ложе осквернити. Уне ми есть умрети, нежели такое неподобное дело сотворити. Аще ли не останешися сего осквернения, уязвен от мене имаша быти. Он же не внимаше словесем ея, наипаче же велми похотию разжигашеся; || и поверже ю, и ляже с нею. Она же противляшеся ему, и не може отринутьи его от себе, и взял нож удари его в мышцу. Он же срама исполнися, и зело возярися, и вместо еже бы умириться и на покаяние обратитися, видя в немощи женстей такоу крепкодушну о целомудрии ревность, но паче приложи к блудному устремлению двое убийство. Первое своима руками уби неповиннаго, но вернаго служащего ему, князя Симеона Мстиславича, мужа целомудренныя княгини Ульянии. Ей же повеле рuce и нозе отсеци, еже и бысть. Сиче вкупе пострадаша и своєю неповинною кровию въздохша к богу, от него же и мученическими венцы увязошася. Сиче скоро приобретоша вместо временнаго живота вечную жизнь и царство небесное. Князя || же Юрья Светославича отсюду обыде сугубо студ и поношение, сугуба же срамота и укоризна; и не ведыи что сотворити, не могши терпети срама и поношения, уклонися ко Орде. И начат скитатися безимянно по чюжим странам, лишен бысть отечества и великия своя княгини, и чад своих, и сродников, и служащих ему князей, и бояр, и воевод, и всяких рядников и чиновников, и всех слуг своих отчужися и пуст бых и мало не отчаявся. Преблагии же бог не хотяи смерти грешником, но всем хотяи спастися и в разум истинный прийти. И сему праведному семени владимирова великому князю Юрию Светославичю вложи во ум искрено каятися грехов своих, възскати пустыню. И обрете в земли рязанстей на реце на Осетре между градов Ту || лы и Николы рязаньскаго, в Веневе пустыни, в монастыри святаго Николы чудотворца, и тамо вселися у некоего христолюбива старца и игумена именем Петра, у него же неколико днии пребысть, поминая многия своя беды и напасти, и мирския мятежи и душевныя страсти. И вся сия собрав во уме своем и всегда в мысли своей обношаше; и тако в непрестанных печалех и в скорбех многих сетуя и плача о гресех своих, и забываящи жития сего суетнаго и прелестнаго, и скоро погыбающую славу, и всяко земное желание от мысли своя отвращаше и добро-

детельным житием тщашеся угодити богу. Таже в недуг телесный впаде и, мало поболев, преставися ко господу, и погребоша честно с песньми надгробными в лето 6917 месяца сентября, в 14 день. И таковым || тогда неправедным похищением Витофт Смоленское великое княжение из руския державы исторже к своей Литовской области, им же властвоваху Литва и до самодержавнаго государя и великаго князя Василия Ивановича всея Руси, ему же благоволи бог многим подвигом паки исторгнути от латыньства град Смоленск от области литовскаго краля Жигдиманта к своему от чешскому наследию рускаго царствия в достояние ему и чадом его в роды и роды. Их же благочестиву державу благостию своею, господи, сугубо ураспространи и всякия благодати исполни и на вся сопротивныя им пособствуй, мирно же и безмятежно и благоугодно тебе благочестивое царствие их во благоденствии утверди, христе боже наш, помилуй нас.

II ред.

Ркп. Румянцева № 156. Сборн. XVII—XVIII вв., лл. 177—178 об.

Сказание о убении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренныя его княгини Юулиании и о князе Юрии Смоленском

Святыи благоверный князь Симеон Мстиславичъ Вяземскій и княгиня его Юулианія мученически скончашася от великаго князя Юриа Светославича смоленскаго (внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, прапраправнук Ростислава Мстиславича), иже у него быша, служажу ему в Торжку граде; за целомудрие иже хоте княгиню Юулианію осквернити блудом. Она же много боряся || с ним и увещаваая его и не увеща. Он же силно хоте исполнити и яко ляже с нею. Она же взем нож и удари его ножем в мышцу. Он же разярився, уби князя мужа ея, а ей же повеле рuce и нозе отсеци и в реку воврещи в Торжку, иже ту был наместником от московскаго князя Василиа Димитриевича. Иже под ним взя Смоленск его Витофт князь литовскій без него и жену и дети его в Литву отосла. Он же по том много скитався за стыд, || и все покину, и бежа сам ко Орде, не могій срама терпети, и горкаго безвременія, и безчестія и студа. И по многом безуміи в чувство прииде и в пустыню вселися в земли резанстей на реце Осетре, меж Тулы и Николы Зарайскаго, в Веневе пустыне в монастыре святого Николы, у некоего игумена Петра имянем. И много потрудися и в покаянии преставися к богу в лето 6915 месяца септемвриа в 14 день. Ту же и положен бысть в монастыре, лишен бысть отчины, || и жены и детей своих. А тем исходатайствова убением своим вечный живот и небесное царство. Богу нашему слава. Аминь.

III ред.

Изд. по ркп. Румянц. № 156. Сборн. XVII—XVIII вв., лл. 169—173.

Варианты по ркп. Румянц. № 364. Сборн. XVII в., лл. 289—290 об. — Г,

и по ркп. Румянц. № 166, XIX в., лл. 1—5. — Р.

9 Повесть о ¹ благоверной княгине Юулиании ² великаго князя Симеона Мстиславича Вяземскаго

¹ Добавлено: святей — Г.

² Улианией; добавлено: супружнице. — Г.

В лета ¹ 6914 году ² бысть в лета ³ российского ⁴ державства благовернаго и великого князя Василиа Дмитриевича, князя ⁵ Георгия ⁶ Святославица ⁷ Смоленского. ⁸ Прииде из великого ⁹ Нова града ¹⁰ к Москве служити великому князю Василию Дмитриевичу, и от него ¹¹ в ¹² Торжок ¹³ наместни || ком ¹⁴ учинен ¹⁵⁻¹⁶ бысть. Ему же служаше князь Симеон Мстиславичъ Вяземской. И той имея супружницу свою благоверную княгиню Иулианию. И ¹⁷ за баше целомудренная, божественною добротою украшена, не толико же телесным доброзрачем светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе. Ея же целомудрому благоумию позавиде древний ¹⁸ диавол, Евин ¹⁹ запинатель. Изусти на ню ²⁰ господина ея великого князя Ге || оргиа Святославица ²¹ Смоленскаго. И тако уязвен бысть на ню блудною бранию, и тако безстыдным стремлением взят ю ²² к себе, хотяше ²³ с нею смеситися, яко господьскую власть имея над нею. Она же, ²⁴ не хотя ²⁵ сего беззакония сотворити, целомудрию подвизашеся. Много моляше его, ²⁶ увещеваше ²⁷ я, ²⁸ глаголаше: ²⁹ Почто, господине, всуе подвизаешися? И яко вотще сие неподобное дело содеваеши, еже не имать быти. Веси, господине, яко му || жа имам. И како мощно ³⁰ ми честное его ложе сквернити? ³¹ Уне ми есть умрети, нежели таковое и ³² неподобное ³³ дело сотворити. Аще ли ³⁴ не останешися ³⁵ сего осквернения, ³⁶ уязвен имаша ³⁷ от мене быти. ³⁸ Он же не внимаше словесем ея, но паче вельми похотию разжигаем блудною на святую. Она же, предобрая, ³⁹ мужелюбица, ⁴⁰ мужески сопротивляшеся ⁴¹ ему, и не может отречи ⁴² его от себя, ⁴³ и взем нож, и ⁴⁴ удари его в мышцу. Он же ⁴⁵ || срама исполнися, зело ⁴⁶ възъярися ⁴⁷ и, ⁴⁸ вместо еже бы ⁴⁹ умилилися, ⁵⁰ на покаяния ⁵¹ обратитися, ⁵² видя ⁵³ ю в немощи женстей и такую ⁵⁴ крепость духовную ⁵⁵ и о целомудрии ревность, ⁵⁶ но ⁵⁷ паче ⁵⁸ придожи ко блудному устремлению ⁵⁹ двое ⁶⁰

¹ Лето — Г. ² Добавлено: от рождества 1409 года — Р. ³ лето — Р. ⁴ рускаго — Г. ⁵ князь — Р. ⁵⁻⁸ нет — Г. ⁶ Георгии — Р. ⁷ Святославич — Р. ⁸ Смоленский — Р. ⁹ велика — Р. ¹⁰ Добавлено: князь Георгии Светославичъ смоленский — Г. ¹¹ Добавлено: же — Р. ¹²⁻¹⁴ наместником в Торжок — Р. ¹⁵ Добавлено: а — Р. ¹⁶ Добавлено: Георгию — Р. ¹⁷ Добавлено: и — Р. ¹⁸ Нет — Р. ¹⁹ Еввин — Г. ²⁰ Добавлено: святую — Р. ²¹ Светославица — Г. ²² ее святую — Р. ²³ хотя — Р. ²⁴ Добавлено: благоверная жена святая княгиня Иулиания — Р. ²⁵ хотяше — Р. ²⁶ Добавлено: и — ГР. ²⁷ увещевая — Г.; увещевана — Р. ²⁸ нет, добавлено: и — Р. нет — Г. ²⁹ глагола ему со гневом — Р. ³⁰ мочно — Р. ³¹ осквернити — Г. ³²⁻³³ нет — Р. ³⁴ Добавлено: господине — Р. ³⁵ оставиши — Р. ³⁶ помышления сквернаго — Р. ³⁷⁻³⁸ будещи от мене — Р.; будещи от мене имаша — Г. ³⁹⁻⁴⁰ Нет — Р. ⁴¹ воспротивився ГР. ⁴²⁻⁴³ от него отрещися, и неистовящися на ню — Р. ⁴⁴ Нет — Р. ⁴⁵ Добавлено: видя от нея к себе таковое убийство — Р. ⁴⁶ и вельми — Р. ⁴⁷ Добавлено: на святую. Изменися лице его, и бысть мрачен на мног час и претя ей казнию смертною, чтоб ей — Р. ⁴⁸⁻⁴⁹ Нет — Р. ⁵⁰ Добавлено: и ГР. ⁵¹ покаяние — ГР. ⁵² Добавлено: к нему и — Р. ⁵³ виде — Р. ⁵⁴⁻⁵⁵ такову крепку духовну — Г. ⁵⁴⁻⁵⁶ такову крепку и духовну и непоколебиму умом. Брася с ним, не убояся от него смертной казни и убийства, но паче просветися лице ея. Он же удивися о целомудрии и о доброте лица ея — Р. ⁵⁷⁻⁵⁸ паче же ревность — Р. ⁵⁹ Добавлено: но не получи — Р. ⁶⁰⁻⁶¹ два убийства сотвори — Р.

убиство. ¹ Первое своими ² руками ³ уби неповиннаго ⁴ служаща ⁵ ему князя Симеона Мстиславича, мужа целомудря ⁶ княгини Юулиании, ⁷ а ей же ⁸ повеле руце и нозе отсеци и в реку во Тверцу воврещи. Ей ⁹ же часть. ¹⁰ Сице вкупе ¹¹ пострадаша ¹² и ¹³ своею непорочною ¹⁴ кровию ¹⁵ выдоша к богу, от него же мученическим ¹⁶ венцем увязошася. ¹⁷ Сице ¹⁸ скоро обретоша вместо маловременнаго ¹⁹ живота ²⁰ жизнь ²¹ вечную ²² и царство небесное. Клязю ²³ Георгию бысть ему ²⁴ в ²⁵ грехе, и отсюду ²⁶ обыде ²⁷ сугуб студ и поношение. ²⁸ По времени же мало ²⁹ по прилучию ³⁰ некоему хотя господь ³¹ проявити тело ³² благоверныя ³³ княгини Юулиании.

(Румянцев. № 156). ¶

Ея же обрел ³⁴ некто крестьянин ³⁵ разслаблен, имя ему бог вестъ. Идяше по Тверце, ³⁶ ей ¶ же плывуще ³⁷ по реке Тверце. Ея же молитвами бысть исцеление. ³⁸ Пишет бо: Дивен бог во святых своих, волю боящихся его творит и молитву их услышит. Крестьянин ³⁹ же ⁴⁰ шед в ⁴¹ Торжок, ⁴² возвести в соборе ⁴³ протопопу с братиею, яже удивившись господь милость свою с ним молитвами ⁴⁴ благоверныя княгини Юулиании. ⁴⁵ Священники же шедше взяше ⁴⁶ ю честно и погребоша ю в церкви преображения господа бога и спаса

(Румянцев. № 166)

... «И по некоему времени некто христианин разслаблен, имя ему бог вестъ, идяше по берегу реки Тверцы ¶ и обрете святое тело, плывуще по реке Тверцы вверх, противу речных быстрин. И видя человек той преславное чудо, и напад на него трепет и ужас, и убояша зело, и стояше на месте том изумлен, и не можаше с места того двинутися. И в той час бысть ему от святаго тела исцеление, и от разслабления избавлен бысть. Пишет бо: дивен бог во святых своих, волю боящихся его сотворит и молитву их услышит. И глас бысть ему от святаго тела: Человече Божий, иди, не убойся, во град Торжок в соборную преображения господня церковь и возвести протопопу с братиею, чтоб мое грешное тело отсюду взяли и погребли б в реченной соборной церкви на правой стороне у полуденных дверей. И тот человек ¶ с радостию идяше во град Торжок и возвести протопопу с братиею в соборной церкви о преславном чудеси, что видя и что слыша от святаго тела благоверной княгини Юулиании. И по известию человека того, града Торжка соборной протопоп с братиею и со множеством

¹ убийство — Г. ²⁻³ своими руками — Р. ⁴ Добавлено: верою — Р. ⁵ служащаго — Г. ⁶ целомудренныя — Р. ⁷ Улианией — Г. ⁸ Нет, добавлено: святей — Р. ⁹⁻¹⁰ Испорч.; еже и бысть — Р. ¹¹ и — Р. ¹² Добавлено: от него — Р. ¹³ Нет — Р. ¹⁴ Добавлено: и неповинною — Р. ¹⁵ Добавлено: венчавшася и — Р. ¹⁶⁻¹⁷ венец мученический восприяша и — Р. ¹⁸ Нет — Р. ¹⁹ Добавлено: своего — Р. ²⁰ Добавлено: получиша — Р. ²¹⁻²² и — Р. ²³ Наоборот — Р. ²⁴ Добавлено: же — Р. ²⁵⁻²⁷ нет — Р. ²⁸ во — Г. ²⁹ отсюду — Г. ³⁰ Добавлено: вечное — Р. ³¹ малем — Г.; ³² малом — Р. ³³ прилучаю — Г. ³⁴ Добавлено: бог — Р. ³⁵ Добавлено: святой — Г.; о святем теле — Р. ³⁶ благоверной — Г. ³⁷ обрете — Г. ³⁸ христианин — Г. ³⁹ Тверцы рече — Г. ⁴⁰ плывущи — Г. ⁴¹ Добавлено: ему — Г. ⁴²⁻⁴³ той же христианин — Г. ⁴⁴ во град — Г. ⁴⁵ Добавлено: и — Г. ⁴⁶ соборной церкви — Г. ⁴⁷ Добавлено: святыя и — Г. ⁴⁸ Улианией — Г. ⁴⁹ взяша — Г.

нашего Иисуса христа у сторон || них дверей на правой стране,¹ и до днесь поведают о чести, и² о страдании, и и³ обретении мощей ея. Проче, еже о ней хочещи уведати, о страдании и о целомудрии, о⁴ благоверной княгине Иулиании,⁵ и ты обрящещи в⁶ царском сокровищи,⁷ написано в Степенной книги⁸ в летописаной порядку: о благоверном князе Георгии Святославиче⁹ смоленском, и о¹⁰ благоверной¹¹ и христоролюбивой княгине¹² Иулиании, и благоверном князе Симеоне¹³ Вяземском.

народа идяше на место, идеже святое тело обрете человек той. И пришед на место, обретоша святое тело благоверной княгини Иулиании, плавающее в Тверцы реки близ берега, от града Торжку поприще едино. И взяша честное ее тело, и положиша в раку каменную, и принесоша е во град Торжок в соборную церковь, и погребоша святое тело в соборной церкви со псалмопением честно на правой стороне у полуденных дверей. И в той час от святого тела бысть многим людям исцеление просящим от нея с верою во всяких || недузех и скорбех. И до днесь поведают же мнози, яко и после того бысть от нея прощение и исцеление с верою приходящим, и до днесь. О чести, о страдании и о обретении мощей ея и прочее о ней хочещи уведати — о страдании, о целомудрии благоверной княгини — и ты обрящещи написанное в Степенной книги летописной порядку: о благоверной и христоролюбивой княгине Иулиании, о благоверном князе Георгии Святославиче смоленском и о благоверном князе Симеоне Вяземском.

¹ *Добавлено:* яже — Г. ² *Нет* — Г. ³ *Добавлено:* о — Г. ⁴⁻⁵ *благоверная княгиня Улияней* — Г. ⁶⁻⁷ *Нет* — Г. ⁸ *книге* — Г. ⁹ *Святославиче* — Г. ¹⁰ *Добавлено:* страдании святых — Г. ¹¹⁻¹² *благоверная и христоролюбивая княгиня* — Г. ¹³ *Добавлено:* Мстиславиче — Г.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии

(К истории переводной литературы XVII в.)

Указания на литературный факт, о котором идет речь в настоящей статье, в научных работах по древне-русской литературе были сделаны дважды, но изучению он не подвергался. Составители «Описания рукописей П. П. Вяземского»¹ ограничились простым воспроизведением эпитафии и начальных слов первого и второго предисловий к повести. В. Н. Перетц² отметил «Повесть о королевиче Бруне» особым названием и ремаркой: «у Пышина не указана» (попутно изменив датировку списка Вяземского на XVIII в.).

Между тем при ближайшем ознакомлении с рукописным текстом оказывается, что мы имеем дело не с новым сюжетом, а всего лишь с особой редакцией давно известной исследователям повести «О славном рыцаре Петре-Златых Ключей и о прекрасной королеве Магилене Неаполитанской». По сравнению с обычной версией повести,³ попавшей в Россию через посредство польской литературы,⁴ фабула старинного провансальского романа рассказана здесь по-иному, с рядом характерных лишь для этой редакции особенностей.

Прежде всего «Повесть о королевиче Бруне» интересна тем, что она имеет определенную целеустремленность, четко сформулированную в «предисловии читателю». Романическая история о разлученных судьбою любовниках предлагается в качестве назидательного чтения («молю не просто прочитати сию книгу, но со усердием, зане глаголется дверь до способного

¹ Описание рукописей П. П. Вяземского. Изд. ОЛДЦ, № СХІХ, СПб., 1902, стр. 349—350, сборник Q № СLXXX. В настоящее время рукописи собр. Вяземского хранятся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² В. Н. Перетц. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии, I—VIII, Киев, 1905, стр. 94.

³ Подробный пересказ ее содержания см. В. Резаев, Из истории русской драмы. Изв. II отд. Акад. Наук, т. XI (1906), кн. 4, стр. 201—244.

⁴ В. Резанов. Непосредственный источник романа о Петре Златых Ключах. Изв. II отд. Акад. Наук, т. XVI (1911), кн. 4, стр. 144—150.

жития») и приравняется к «списаниям благородных князей, и благочестивых мужей, и жен, и чистых и добродетельных отроковиц, еже поведения или ж и т и я' их списах в пользу многим». Определяя точнее тему своего рассказа, автор «повествования почитающим» даже и оформил ее в житийном заголовке: «великопрестолнаго и славнаго королевича Бруна, иже паче тленной славы небесную возлюби, сиречь премудрости пожелал, такожде и подобную ему благородием, паче же и мудростию кипящую супругу Мелеонию глаголю: како во едином госпде упованием себе утвердиста, и колико пострадаста, и от искушении яко от огня злато просветистася, зане надежды в бозе не погрешиста». Само изложение начинается так: «В лето от воплощения божия слова осмысленное, индикта первого, во дни Федерика пятого цесаря, во Ишпании велицей бысть чудо велие и преславное...»

Эту основную установку можно проследить на протяжении всего изложения. Королевич Брун — «вымоленное у бога» дитя славных родителей, дарованное им за усердные молитвы, милостыню и благотворительные дела. С самого раннего детства Брун поражает окружающих своей мудростью и разумом «от бога надаренным». Рыцарские его доблести, так усиленно подчеркнутые в повести о Петре Златых Ключах, в нашей редакции затушеваны, вероятно, как не отвечающие требованиям христианской морали, а все картины турниров вовсе опущены. Обстоятельства и мотивы его отъезда в чужие края тоже несколько иные. Товарищи стыдят его за то, что он не желает обогатить своею мудростью иные страны: «стыд бо подобовидну тебе мудрым на едином месте себе явити. . .», «мудрых бо пожитие не себе, но многим. Молим же тя, объяви на крузе земнем своего разума достояние и не прогневи мудрости надарителя всех благих бога, дабы темны гроб тебе не посрамил и не явил тя незнаема и бесплодна суца». Брун, по их совету, оставляет родителей и совершает подвиг смирения, служа при дворе венецианского князя «последним салдатом», «дабы собою всякое обносящееся в нуждах искушение уразумети». «И много бо лет ему себе изнури во служении иным подобовидным себе князем безо всякой гордости». Образ Мелеонии с самого начала стилизован под добродетельную мудрую деву и, так как сперва трудно найти достаточно элементов «святости» в ее поведении (в дальнейшем благотворительная деятельность дает возможность показать ее «во весь рост»), то здесь указывается на беспрестанные молитвы ее к богу, которому она вверяет судьбу своего замужества. Своего будущего жениха Мелеония впервые видит не на турнире, а на празднике, устроенном в ее честь. Красочная фигура мамки Петронилы, двигающая действие в обычном рассказе о Петре Златых Ключах, из этой редакции выпала; ее заменяет отчасти опекун Мелеонии, устраивающий по просьбе последней свидание молодых людей. Далее следуют: традиционный обет целомудрия до свадьбы и тайный отъезд обрученных на родину героя, вызванный отрицательным отношением отца Мелеонии к избранному ею жениху. Мелкая, но, может быть, не случайная подробность: в эпизоде похищения перстней нет ни слова о греховных мыслях героя повести — пропуск, исключаящий соблазнительную картину из жизнеописания добродетельной пары, но наносящий

ущерб логическому обоснованию всех их дальнейших злосюючений. Следующие за этим приключения героев в общем совпадают с повестью о Петре Златых Ключах; отметим только, что изложение фактической стороны событий, данное обычно в более сжатой форме, склонно при всяком удобном случае отягощаться рассуждениями на благочестивые темы. Очень показателен с этой стороны хотя бы рассказ о найденном внутри щуки перстне. Перстень приносят князю, и он размышляет «где бы тои перстень приписать, дабы не во грех вменилось ему быти». Приближенные советуют сдать драгоценность в казну, «он же, яко мудр сый, егда предсташа вопиюще, тихо их вопрошаше глаголя: о, друзи мои, вопрошаю вы, — что более человеку, очесы ли зрак погубити или услаждающими сего света маловременными вщми себе увеселити?», понимая под светом очей истинную правду. В результате длинного рассуждения (на двух листах рукописи) князь приходит к решению: «должно тому им властвовать, иже его нам вручи. С г) ради приписую его господеви, да не явлюся желатель чюждаго».

К сожалению, нам не удалось найти первого тома серии «Bibliothek älterer deutschen Uebersetzungen», где старинному немецкому переводу с французского предпослан составленный И. Больте обширный перечень изданий романа о Петре и Магелоне на различных европейских языках.¹ Отсутствие этого ценного библиографического указателя, на который ссылается В. Резанов в своих статьях, очень затрудняет разрешение вопроса о непосредственном источнике русского текста, так как судить об иноязычном оригинале, лежавшем перед переводчиком, о стилистических приемах самого перевода и о его литературной истории после выхода из-под пера переводчика приходится на основании одного единственного русского списка.

Сборник Вяземского Q № CLXXX сплетен из нескольких рукописей (Александрия, Космография, повесть об Оттоне песаре, о королевиче Бруне и др.), и на листах его довольно много записей, проб пера и помет как более поздних, так и одновременных с написанием текста. На полях Александрии есть записи, говорящие о бытовании этого списка в б. Смоленской губернии: л. 101 — «сия книга смоленского мещанина василия. . .» (фамилия неразборчива. — В. П.); л. 18 — заголовок: «в смоленскую губернскую канцелярию доношение». Вопреки датировке печатного описания, считающего сборник принадлежащим XVII в., отдельные составные части его явно написаны в последующем столетии, и даже не в начале его, а в середине, например повесть о песаре Оттоне, после которой тем же почерком поставлена дата: «1752 году марта 15 дня». Что же касается тетради с повестью о Бруне, имевшей первоначально свой особый счет листов, то ее палеографические признаки (бумага и характер скорописи) типичны

¹ Die schöne Magelona, aus dem Französischen übersetzt von Veit Warbeck. 1527. Nach Originalhandschrift herausgegeben von Johannes Bolte. Weimar, 1894. (Bibliothek älterer deutschen Uebersetzungen, herausgegeben von August Sauer, № 1). Einleitung, S. LVI—LXVI.

для конца XVII в. или для самого начала XVIII в.¹ Более точное приурочение списка к начальным годам XVIII в. подтверждается также тем, что язык повести совершенно чист от иностранных слов, так сильно засоривших русскую литературную речь в 20—30 годах XVIII столетия. Упомянутый дважды капральский чин Бруна при прохождении им солдатской службы («юноша той благородны Бруна в чину ко пранства с славою своею проходяше» (мимо Мелеонии), «даждь мне видети. . . того юношу. . . его же в капранском чине видех») и «персона» в значении внешний облик человека («а его более любляше, видя его персону, мня подобия своего супруга, а не самого его зрети. . .») вошли уже тогда в обиход русской речи (см. Н. Смирнов, «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». — Сборник ОРЯС, т. 88, стр. 133—134 и 224). Текст несвободен от налета украинизмов и полонизмов, недостаточного, впрочем, для определения национальности переводчика или для заключения о польском посредничестве. Из украинизмов отметим такие, как: прилюби, заставих (= оставил), добродейство, государич, хапися о выю его, сключися и др. Примерами полонизмов могут служить: педробливость, кролеви, на имя (= по имени), спиталь, шпитальня, обрести в олит, обран (= избран), прилучай (= случай), жаль («а мне самой жаль приносиши») и т. д.

В то же время языковая форма, в которую облечено повествование, полна своеобразия и поражает какой-то особой архаичностью лексики и синтаксических построений, свободно и непринужденно, без малейшего напряжения выдержанной от начала до конца. Обильные церковнославянизмы,² глагольные формы далекого прошлого истории русского языка, двойственное число, дательный самостоятельный и т. п. встречаются на каждой строке. Достаточно привести для иллюстрации небольшой отрывок:

«По неколиком же времени поят оныи Бруна Мелеонию и, утаяся родители ея по намерению своему, бегу ястася точию едини, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещех, дабы не срам ей был такова отца дщери в ыноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припадеша сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослята близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, припадше к коленама своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитие и недоумевашеся чесому быти; и пожелаша уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и вына той свои обручалной перстень с червленым обвитием, и нача паки в первое свое место устроить. И по некоему строению той перстень и с червеною

¹ Близкая по начертанию филигрань — гербовая лилия — встретила Лихачеву на документе 1706 г. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. II, стр. 273, и ч. III, альбом снимков, № 3546.

² К церковнославянизмам относятся и такие слова, как «юнак» (= молодец, герой) и «дельва» (бочка), сохранившиеся теперь только в славянских землях, но зарегистрированные И. И. Срезневским в древне-русских памятниках (см. «Материалы для словаря древне-русского языка», т. III, СПб., 1903, столб. 1626; т. I, столб. 651), и глагол «надарити» и все производные от него.

обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; враг же создади его седя, Бруне же сего не ведящу, и мняше враг себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя» (лл. 257 об.—258 ркл.).

Такой способ изложения весьма показателен для данного перевода, и стилистически он примыкает не к литературе светских повестей XVII—XVIII вв., которым архаичность языка не свойственна, а к группе переводных произведений житийного, богословского и учительного содержания. На мысль о сопоставлении с последними натолкнуло одно несомненное заимствование из печатного Анфологиона 1660 г. А именно, плач покинутой Медеонии в повести о Бруне дословно повторяет слова жены Алексея, человека божия (перевод Арсения Грека), слегка видоизменив их согласно новым обстоятельствам (механическое приспособление привело даже к бессмысленному сочетанию слов «живомужня ж е н а», вместо «живомужня вдова»).

Повесть о Бруне (лл. 258 об.—259 об).

Житие Алексея, человека божия (Анфологион, 1660 г., стр. 20—22)

«и нача (Мелеония) горестно плакати, глаголя сице: Увы мне, безрадостной невесте, живомужней жене и бедной! Горе мне, окаянной и злочастной! Ох, увы! Где обретесь возлюбленные мои обручник, и в каком месте есть, что был еси женише мои любезнейшии? Чесо ради толико явилми ся еси жестокии ко мне? Како оставил мя еси в пустыни сей? Которое зло тебе сотворила, что тебе погрешила? За кую вину отрекся еси мене, толико возненавидел еси мене, яже бы предательница тебе была? Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради от боку родителей моих отлучил еси мене и положил еси в срам и мучение? Ох, увы! где ныне обретаешися, любезнейшии мои, да известиши ми, камо поиду и что буду. Но ни едино попече-

«И слышаше многожды жену свою святыи глаголати нижныя плачи по женскому обычаю. Горе и *оувы мне безрадостной невесте, живомужней вдове и бедней. Горе мне окаянней и злополучней, в каком месте обретается возлюбленными сожителю мои, что был еси, женише мои любезнейшии.* Како явился еси толико жестокии ко мне окаянней, и не пребыл еси поне единого дне, да насладится (так!) един другаго. *Кое тебе зло сотворила есмь. Что тебе погрешила, и отреклся еси мене. За кую вину толико возненавидел еси мя. Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради положил еси в мучения, и скорблю толико лет о любви твоеи немилосерде.* И поне часть писания не послал еси проведати како пребываеши в странстве и где обретаешися, да известуеши мене, что да буду камо поиду. Но ни едино попечение о мне имаши, токмо оуневестил мя еси всеу и безвременно. Та же побегл еси, и огнушался еси мене толико, яко же была бы предательница твоя. Но

ние о мне сотворил еси, но ты убо явил ми ся еси жестоковьи и безболезвенныи. Аз же да сотворю все сопротивное, да подражаю непорочную горлицу и нелестную, яже, егда погубит своего сожителя, уже вящее к тому не сидит на зеленой ветви, ниже пьет тогда воду чисту, ниже поет, но плачет счастье свое, и ни едину радость приемлет, но всегда печалует, дондеже умрет от скорби своя. Сице сотворю и аз, злочастная в прискорбная, и несчастная; да не отиду в дом своих родителей, но сотворю по завещанию моему к тебе и иного бо никого не отягчу собою, но да рыдаю на всякий день и плачу счастье свое и тебе, пожеланнаго ми обручника, нигдеж инде, точию во отечествеи твоем, и не изменю сего моего намерения дондеже испущу едину реку слез, и тогда умру от болезни и скорби моеи и общ нам с тобою гроб да будет, глаголю, отечествеи твое, яже великая Ишпаня».

ты оубо явился еси ко мне сипевыи жестокии и безболезнен, аз же да сотворю все сопротивное, да подражу непорочную горлицу и нелестную, яже егда погубит сожителя своего, не сидит вящши на зеленой ветви, ниже пьет когда воду чисту, ниже поет, но плачет щастие свое, и ни едину радость приемлет, но всегда печалуетя дондеже оумрет от скорби своя. Сице да сотворю и аз злочастная прискорбная и несчастная, да рыдаю на всякий день и плачу сожителя моего, дондеже испущу едину реку слезы, и тогда да оумру от болезни и скорби моя».

Поскольку плач Мелеонии органически входит в изложение, а не имеет характера позднейшей вставки, то тем самым определяется наиболее раннее возможное время перевода нашей повести: 1660 г. Сближение с Анфологионом может быть продолжено несколько дальше. Обстоятельства рождения королевича Бруна совпадают в общем с появлением на свет Алексея человека божия. Образ Мелеонии рисуется теми же чертами, что и мученицы Екатерины, «яже всех прочих превосходящая в премудрости и красоте и во иных многих достоинствах»; и та и другая получают от родителей право самостоятельного выбора жениха и больше всего заботятся о том, чтобы выбрать равного себе по достоинству и мудрости. Но наличие

этих совпадений менее доказательно, так как они являются общими местами агиографической схемы и могли проникнуть в повесть о королевиче Бруне независимо от житийных переводов Арсения Грека. Укажем еще, что в нашей редакции обычный узелок с перстнями заменен «червленым о б в и т и е м» или «о б в и в о ю»; в Анфологионе: «. . . (Алексей) о б в и в перстень и пояс свои, яже бяху многоценныя вещи, даде я отроковице» (стр. 11). Общий художественный образ — «река слез» («яко реку испущаше слезы», «велию реку излия слез» — повесть о Бруне; «омываше я рекою слез своих», — Анф., стр. 32) в житии Алексея развит в обращение: «о источницы и моря, взаимодейдите воду главе моеи и дадите очима моима толико слез, да возмогу плакати злополучение мое ко удовлению» (Анф., стр. 34). Жена Алексея «яко новая Руфь не восхоте ити в дом отца своего. . . » (Анф., стр. 19); точно так же Мелеония, очутившись в аналогичном положении, «яко новая Руфь, нача по намерению своему до Ишпании путь искати».

После этих несомненных доказательств пользования Анфологионом, естественно, возникает вопрос: нельзя ли перевод повести приписать Арсению Греку? Думается все же, что такое заключение было бы слишком поспешным, так как для заимствования из жития Алексея человека божия нет необходимости быть переводчиком его. Правда, нельзя отрицать того, что общий строй речи в Анфологионе 1660 г., Скрижали 1656 г. и в других переводах Арсения Грека близко подходит к особенностям ее строения в повести о Бруне, но в равной степени это относится и ко второй части рукописного Хронографа Досифея,¹ заведомо переведенной не им. Приведем несколько примеров архаичных грамматических форм: «архиерей вземлет камения своима рукама и полагает во основание» (церкви) — Скрижаль, стр. 17; «Отнеле же познаста себе (Адам и Ева) яко обнажистася, взяста от оныя (смоковницы) листвие и сшиста одежду и наложиста на тело свое» — Хронограф, л. 18; «Царьствующу Давиду царю бысть брань еллинов с трояны» — Хронограф, л. 120; «. . . и тако вергоша его в лес и обретоша его пастуси, иже пасяху овцы, и взяша его, и воспиташа и положиша имя его Парис» — Хронограф, л. 121. Конец «предисловия читателю» в повести о Бруне: «и милостию сицевою, верою и надеждою себе оградивый, душею и телом здравствуй» можно сравнить с таким же пожеланием в предисловии к Хронографу, составленном в 1665 г. после окончания перевода всей книги: «Всем православным и благочестивым христианом, получающим настоящую историчную книгу, здравие и благополучие от христа бога».

Осторожнее будет поэтому говорить сейчас не об определенном имени, а только о близости времени перевода к 1660-м гг. и о том, что для переводчика еще не утратил значения тот художественный канон, образцами которого были переводы Арсения Грека и современных ему переводчиков житийной и богословской литературы. Это тем более правильно, что в повести

¹ Рукопись Ленингр. Гос. Публичной библиотеки F, XV, № 574. Перевод начат Арсением Греком, а в 1663—1665 гг. продолжался Дионисием Греком.

о Бруне есть и свои излюбленные художественные образы и другие особенности стиля, не подтверждающиеся Анфологионом, а или перенесенные из оригинала, или принадлежащие лично переводчику. Перечислим, напр., ряд таких отдельных выражений, как: «славна себе сотвори на всем крузе земнем», «объяви на крузе земнем своего разума достояние», «на всем крузе земнем прославистася»;¹ «от боку родителей моих отлучил еси мене», «едино има (родителям Бруна) сетование бе. . . дабы има по себе наследника от своего боку видети»; много раз повторяющиеся определения: «мудростию (разумом и т. п.) кипящая я», «богом надаренный (разум, смысл, наука)», «вижду бо я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость», «зря его отовсюду мудростию кипети», «одежда на гражденная мною ценою» и т. д. Интересны для художественной манеры изложения два эпизода, вставленные в нашу редакцию и отсутствующие в обычной версии романа о Магелоне: 1) разговор Мелеонии с отцом: «Она же благородная отроковица, егда его [Бруна] узре, вопрошаше об нем отца; он же ничесоуж к ней отвещеваше и велми о сем гневашеся на ню. Она же паки его вопрошаше, дабы ей явил род того юноши. Отец же ея яростным оком на ню позре и со гневом к ней отвещеваше: о, отроковица честная, чесо ради беседою бесчестие и гнев ми твориши своему отцу, о благородных и любимых мною, паче же достойных себе честию и саном, не вопрошаешь мя, но о сиротах малородных желашеши у мене ответа? Срам бо ми есть твоему родителю, и велию скорбь задаваеши ми таковая от тебя слышати. Она же, благоразумна сущи, боле того ничтоже рече своему отцу тогда, дабы на болшии гнев и ярость того не привести, и в сердце своем непрестанно мысляше и желаше како бы ей в едине искусити того юношу и увести род и достоинство его» (лл. 254—254 об.) и 2) упомянутый уже рассказ о мудром князе и злых советниках, разработанный до мелочей, с тонким подчеркиванием тихого облика князя и неистовствующих приближенных («он же, яко мудрый, егда предсташа в описи, тихо их вопрошаше, глаголя. . .» — л. 261 об.). Уча и наставляя своих слушателей на примере долгостерпения Мелеонии и Бруна, повествование не раз пользуется приемами проповеди, ссылаясь на Иова («ниже порошцем ко владыце, но со Иовом возопием: господь даде и господь взя и прочая возглаголем с ним. Аще же надежду таковыи положит в бозе, яко Иов может прославиться, которыи покажет Иовово терпение — не точию яко Иов, но яко и вси святии может славою просияти. . .»), напоминая образ светильника под слудом и злата, очищающегося в горниле, приравнивая разумную Мелсоению к мудрой в ответах Юдифи т. д. И даже обращение к читателям вылилось в более привычную формулу: «Сладка нам божественная писания, братие, не точию почитающим, но и слушающим» — л. 249; «Мы же, братие, слышавше таковая, в первых себе положим надежду твердо имети о бозе, по сем милостивым быти, по глаголющему: блажени милостиивии, яко тии помиловани будут» — л. 272.

¹ Сравни латинское: orbis terrae.

Как известно, большинство своих переводов Арсений Грек сделал с новогреческих изданий, выходявших в Венеции.¹ Вынужденный писать на непривычном ему языке, вполне усвоенном только во время пребывания в России, Арсений Грек подчас не находил для ряда понятий соответствующих русских выражений и шел по пути словотворчества, буквально передавая составные предложения греческого оригинала. Наличие этих грецизмов, зачастую очень неуклюжих, вроде: солнечнозрачная отроковица, многоболезненная смерть, подвигоположник Христос, терпеливодушный, памятозлобие, нетяжкоценен буди (т. е. не бери большой цены при продаже), рыбоснедный человек и человекоснедная рыба, ризообнажатель, пшеницолишие² и т. п., служит одним из признаков для определения оригинала переводного произведения. Аналогичную особенность имеет и перевод повести о Бруне. Такие сложные слова, как: подобовидный, подобообразный,³ подобочестный, подобославный,⁴ благосмысленный,⁵ благоискусство, муж благоискусный, доброобразен,⁶ высокославный, высокообразный, высокопрестольный,⁷ ратоводство, полкостройцы, златоодеждные,⁸ красовиден,⁹ маловременный и др., выглядят в русском тексте совсем не по-русски и объясняются строем греческого языка, щедро образующего новые слова путем присоединения частиц: ὑψι — высоко, εὖ — благо, добро, ὁμοιο подобно, μετὰ, παρὰ и т. п. или механически соединяя два различных понятия. Напомним также, что «строитель» в смысле управляющий, опекун, и «дому строительство» — управление домом — восходит к греческому διοιτήτης (управитель) ст глагола διοικέτω с первичным значением — строить.

В предположении о том, что непосредственным источником для русского текста мог являться новогреческий оригинал, нет ничего невероятного. В печатной продукции на новогреческом языке уже в XVII в. нашли себе место два-три представителя средневековых рыцарских романов, в том числе и роман о Петре и Магилене, резко выделявшиеся на общем «божественном» фоне изданий богослужебных книг, богословских трактатов и философских трудов и ставшие затем популярными народными книгами, нашедшими свое отражение в позднейшем греческом фольклоре.¹⁰ Указатель Легранда перечисляет пять изданий «Истории об Империисе» (так называлась на греческом языке история о прекрасной Магелоне («Ἡμπεριὸν ἱστορία») в 1601, 1624, 1638, 1646 и 1666 гг.¹¹ Затруднение только в том, что издания XVII в. давно стали библиографической редкостью и недоступны для сличения. Издание 1666 г. было перепечатано Мейером в 1876 г. в Праге, но и этой пражской перепечатки в нашем распоряжении нет. Остается судить

¹ См перечень у А. И. Соболевского, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб, 1903, стр. 296—297, 310, 326, 333—334, 338, 342—343, 356—357, 364—365.

² Примеры взяты из Анофологиона 1660 г.

³ Греческое: ὁμοιοσχημος, ⁴ ὁμοτιμος, ⁵ εὐγνώμων, ⁶ εὐμορφος, εὐσχημων, ⁷ ὑψιτολις, ὑψιζυγος, ⁸ χρυσοφορος — носящий золотую одежду, ⁹ κλλιμερφος.

¹⁰ E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorlauffer. Leipzig, 1876, стр. 533—534.

¹¹ Émile Legrand. Bibliographie Hellenique... des ouvrages publiés par des grecs au dix-septième siècle. Paris, 1894, т. I, стр. 183—184 и 396; т. II, стр. 35 и 199; т. V, стр. 3.

о содержании ранних греческих текстов на основании французского перевода одного из поздних (1779 г.) изданий «Истории об Империсе и Маргароне»,¹ допуская, что при несомненно подновленном и литературно обработанном внешнем виде основная сюжетная канва рассказа сохранена. И это сопоставление не выводит наше предположение из стадии гипотезы. Имена героев: Империс или Иберис и Маргарона не созвучны Бруну и Мелеонии; место действия в сравнении с повестью о Петре Златых Ключах остается неизменным, а именно Франция и Неаполитания; начальные слова греческой «Истории» буквально повторяют известные французские тексты XV в. о Петре Провансальском; роман продолжает попрежнему интересоваться рыцарскими турнирами, хотя в рассказе о них отступает от французской редакции; обнаруженные «новшества», как, например: 1) Империса в его странствиях по чужим землям сопровождает преданный слуга, 2) свадьба героя с Маргароной происходит до их отъезда на родину Империса и тайная поездка эта остается ничем немотивированной, 3) родительское благословение похищено не вороном, а орлом, который прячет узелок с талисманом в скалах, где будет построен потом монастырь Маргароны, и т. д., — не свойственны повести о Бруне. Таким образом для бесспорного решения вопроса об источнике перевода нужны дальнейшие поиски.² Если бы они подтвердили окончательно греческое происхождение этой редакции романа о Петре Златых Ключах, то тем самым было бы внесено дополнение в перечень А. И. Соболевского, утверждавшего, что «список переводов с греческого, сделанных в Москве в XV—XVII вв. (кроме трудов Максима Грека) показывает, что это влияние по своему значению было почти ничтожно (курсив Соболевского): оно не только не обновило, но даже не пополнило русской литературы. . .»³ Как бы то ни было, стилистическое единство русского текста с переводами с новогреческого 1660—1670-х гг. несомненно, и обнаружение повести о Бруне, несмотря на регрессивность ее содержания и формы, имеет значение очередного факта, говорящего о том, что народная книга из Западной Европы кочевала в Россию по разнообразным путям, а не только через Польшу, и что эти пути были проложены еще в XVII в.

Что же касается судьбы этого литературного произведения на русской почве, то слишком опрометчиво было бы ссылаться на случайность того, что за 30—40 лет от времени перевода до написания списка Вяземского сохранился только один экземпляр этой редакции. Не следует забывать, что, как указывал Соболевский, переводы, сделанные с греческого в XVII в. («даже интересно составленный Анфологион»), не имели печатных переизда-

¹ M. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Imitations en grec de nos romans de chevalerie depuis le XII siècle. Paris, 1866, стр. 269—288.

² Отметим, что имя Брун (в рукописи оно перемежается с формой: «Брун а» — именит. падеж) напоминает такие итальянские имена рыцарей Круглого Стола — как Sigurans lo Bruno cavalier Agragone, Brunoro lo Bruno, Brunoro lo Nero сын короля Обеланда, и Brunoro lo Vermiglio. См. Tavola Rotonda, ed. Polidori. Bologna, 1864, т. I, стр. 413—415 и 436; т. II, Indice, стр. 295—296

³ Соболевский, *op. cit.*, стр. 288.

ний, а рукописи дали единичные экземпляры, зачастую только автографы переводчиков,¹ т. е. витиеватый и напыщенный стиль их не получил признания у общественных слоев, потреблявших эту продукцию в XVII в. Тем более естественно, что написанная в такой же манере повесть о Бруне не могла удовлетворить возросших идеологических и эстетических запросов читателя светской литературы в последующем XVIII в. и, отринув «житийную» редакцию повести, масса оказала явное предпочтение принесенному из Польши занимательному рассказу о рыцарских доблестях перед скучным морализующим рассуждением о христианских добродетелях (число сохранившихся списков XVIII в. повести о Петре Златых Ключах доходит до 60).

ТЕКСТ

Предисловие читателю

248

Читателю любезный, сладость услаждает гортань, а слово душу: ни отнюда бо точию от вкуса познавается сладость, а от поведения умных мудрость и от благоискуства крепость и ничто же благоискусна мужа тако увеселяет, еже всяку вещь познати собою во искушении и не в лености сию маловременную жизнь изнурити, яко же и сия благородна, о них же повествословие являти будет иным на подвиг усердный. Сего ради молю, вникнув в сию книгу, яже во образ сего маловременнаго века пременою и непостояннаго ввоображена и дверию до способнаго жития утвержена, от нея познаеши, како во едином бозе надежду жити, яже учит по глаголющему: «блажен муж, иже во искушении себе водит, и злато не в земли просвещается, но от искуса и от огня светлеиши бывает». Тако и мужа не буеть, но разуму достоинства явит. Сего ради молю не просто прочитати сию книгу, но со усердием, зане глаголется дверь до способнаго жития, ни на чем токмо, но на спасителевых словах живот чтущаго ю подверждает: еже в бозе надеяться и искати царствия его и правды, — по том вся приложатся имущему. А в печальных не унывати, ниже надежду и верою ослабевати, наипаче милостиву быти; и милостию сицевою, верою и надеждою себе оградивши, душею и телом здравствуй.

19 Повествословие почитающим зело полезно, иже во едином бозе надежду иматъ,² и желают себе во обучении видети

Мудрость очи просвещает,

Безумие помрачает.

Бодрых ум мудростию процветает,

Ленивых мудрости не достизает.

Милость же любящих ю оживляет,

Немилосердие же убивает.

О, человеце, сия бо чтый самому тебе,

Да не безвестно бо се приидет смерть тебе.

¹ Соболевский, *op. cit.*, стр. 289.

² Следует читать: имуть

Сладка нам божественная писания, братие, не точию почитающим, но и слушающим, сладчайшее творящим и верующим во нь: — се бо принесит ползу спасения и живот вечный подает. В правду пророк глаголет: кто разуме ум господень, или кто советник ему бысть, воистинну глас силы — глас божий. Того ради и прежде бывшия благочестивыя мужи историям¹ поведением (так!) или повествословием ползоваху себе сице, и сиречь списанми благородных князей, и благочестивых мужей, и жен, и чистых и добродородных отроковиц, еже поведения или жития их списах в пользу многим, дабы более надеяние наше во едином бозе простиралось и в нем же присно уповающе ни в злате, ни в серебре, ни во иных мимотекущих вещах услаждающих и прелщающих очеса наша, упование свое полагаем, но точию во едином госпoде должны есмы надеяться. Аще и прискорбное случится нам, — не отречемся убо носити их бога ради: многажды бо сключается лишатися мимотекущая и тленныя славы или презрением родителей, или имении свобождением невольное и, просто реку, аще и всего мимотекущаго сего света насладженей лишатися нам, — не ужаснемся убо, молюся, ниже поропщем ко владыце, но со Иовом возопием: «Господь даде и господь взя», и прочая возглаголем с ним. Аще же надежду таковыи положит в бозе, яко Иов может прославиться; который покажет Иовово терпение — не точию яко Иов, но яко и вси святии может славою просияти, или яко и сия благородная княжата, о них же повествословие предлежит, глаголю: великопрестолнаго и славнаго королевича Бруна, иже паче тленной славы небесную возлюби, сиречь премудрости пожелал, такожде и подобную ему благородием, паче же и мудростию кипящую супругу Мелеонию глаголю: како во едином госпoде упованием себе утвердиста, и колика пострадаста, и от искушений, яко от огня злато, просветистася, зане надежды в бозе не погрешиста. Воистинну, по спасителеву словеси, не может град укрытися верху горы стоя, ниже светилник под спудом, но на свещнице светит всем. Сице и сия благородная княжата, и по смерти на всем крузе земнем прославистася, зане надежды в бозе не погрешиста. Но убо более не простру слова ко описанию и к похвалению ею, но самая история явити может. Молю убо имеющих щедробливість и твердо надежду в госпoде о таковых благожелетелне (так!) послушати.

Начало сему сице

В лето от воплощения божия слова осмысленное, индикта первого, во дни Федерика пятого цесаря, во Ишпании велицей бысть чюдо велие и преславное: Ишпанскому кролеви на имя Бруна, велми цветущу и преспевающе во славе своей, не толико славою, елико разум¹ растящу и преспевающе; такожде и супружества себе подобно имеяй, лепотою разума и телесною красотою сияти. Едино има сетование бе о рождении чад, дабы има по себе наследника от своего боку видети; о таковых наипаче молитвами и милостынею простирахуса ко убогим и в строении спиталей себе упражняху. Всехитрец же всех творец и бог не презре моления ею, дарова има плод

¹ Следует читать: разумом

чрева мужеска рода тезоименна своему отцу. Они же видевше своего сына растуша и преспевающа радовахуся, паче же надеждою в бозе простирахуся, но не толико попечение имяху, дабы благородному их сыну здравием преспевати, елико бы разумом и всякою наукою ему процветати; отроку же велми во обучении философии цветущу и остро являющуся радующеся родители его, зряще своего сына разумом сияти. Благоразумный же тои отрок отовсюду являше себе достоина престола своего отца, разумом же не точию сверстник своих преспеваше но и рождших более себе уразумеваше, паче же в воинской науке более себе томяше и славна себе сотвори на всем крузе земнем обучением разума и храбростию сияти. Из ыных краев пребывшии в державе родителя его подобни ему княжата вси дивляхуся, зряще такова юношу в разуме сияюща, и зазираху ему, глаголюща такова: о, благородный и славный юноша, велми удивляеши нас острою своего смысла и жалением снадэеши сердца наша и велми смущаеши нас о такихъ болети, дабы достоинства твоего благороднаго, паче же богом надареннаго в тебе смысла премудрости не угасла заря, обносяся между любви твоею родителю. Стыд бо подобовидну ¹ тебе мудрым на едином месте себе явити, паче же неискусна себе в вещах видети, еже и в тебе ныне зрим. Или не вестъ твое доб-

2. родство, яко матерне жаление никогда млека своего сушит при устну юных? Молим тя, дабы не приключилось быти тебе такова, и безмерная их жалость в смех не обратилась, паче же в прогневании мудростидавца, мудрых бо пожитие не себе, но многим. Молим же тя, объяви на крузе земнем своего разума достояние и не прогневи мудрости надарителя всех благих бога, дабы темны гроб тебе не посрамил и не явил тя незнаема и бесплодна суща. В первых тя молим, лиши себе своего отечества и отдаи себе в след мудрым поступкам, дабы не едина Ишпания, яже тя воспитала, веселилась тобою; зрим убо в тебе и всего света земный круг едва ли может вместити тя за высочества богом надаренного в тебе разума. Сиде и множае ему глаголаху. он же, яко мудр сын, не можаше презрети совета их, оставляет своих родителей и отходит в Венецию со множеством богатства и отдает себе венецыйскому князю во служение, желая собою всяко искушение в рате разумети. Сего ради не ратоводства пожелала, но последним салдатом восхоте себе видети, не просто бо, но в такихъ бо жии промысл об нем бяше, — не мздою некоею достоинств достизает, но надаренною богом ему наукою, от многих князей славу постизает: аще и не призираше его венецыйскии князь, но бог с ним бяше. И много бо лет ему себе изнури во служении иным подобовидным себе князем безо всякой гордости. Сего ради и бог его прославляет и во всем споспешествоваше ему, виде мужа несуменную веру и крайнее смирение.

Венецыйскому же князеву имущу дщерь единородну, разумом и доброю велми сияющу, Мелеонию именем, не толико благородством и красотою веселястася ей родители, елико разумом утешахуся. Благородная же та отроковица болшее желание имяше непрестанно в молитвах обноситься и к милости прилежаще, и того ради дабы даровал ей всех промыслительи бог

¹ Следует читать; подобовидным

супруга, благородством и разумом подобовидна ей, и в сидевых бо от родителей своих прият милость, яко вина сама будет своему супружеству, а не родителема своима принуждена будет, паче же кого вышний сотворитель обрести волит, не о себе полагая надежду, но в бозе. И сего ради более растекашеся слава об ней по всему миру. Того бо ради всякий благородный юнак, слыша об ней обходящую такуюю славу, не толико желая благородства и красоты ея видети, елико желая насладитися благоразумия ея; и сего ради подобовидни има княжата отечество своё оставляху и в вечное служение предавахуся отцу ея, дабы слышали мудрые ея глаголы, — аще и мудри суть, не толико удивившася и возжалеша добродетству ея, елико болши к ней любвию приплетающе себе за высочество богом надаренного ей смысла и желаху видети ю себе в жену; и мнози того ради в нищету от славы себе приведоша и желания не получиша. Она же благородная, паче же премудрая и честная отроковица, видя себе в таковых, не внимаше родителей своих, им же они ея желаху увести, ни сверстниц своих слушаше, но точию во едином бозе надежду свою полагаше и непрестанно моляшеся, дабы не лиши ея такового супруга видети, его же желает душа ея. Во един же от дней отец тоя благородные отроковицы повеле всем всего своего княжества велможным почесть ей принести и дары, яко надлежит владычней дочери (не толико того ради дабы собрати много имения, елико того ради, дабы тая благородная его дочь кого себе от подобных излюбила к браку сопряжения), и повеле всем рыцарем и полкостроителем и благородным юнаком, коемуждо в своем чину, по единому пред лицом тоя благородной своей дочери со опасством благочинне приходити. И егда там повелению исполнитися, юноша той благородный Бруна в чину копралства ¹ с славою своею проходилаше. Она же благородная отроковица, егда его узре, вопрошаше об нем отца; он же ничесож к ней отвещеваше и велми о сем гневашеся на ню. Она же паки его вопрошаше, дабы ей явил род того юноши. Отец же ея яростным оком на ню позре и со гневом к ней отвещеваше: о, отроковица честная, чесо ради беседою бесчестие и гнев ми твориши своему отцу, о благородных и любимых мною, паче же достойны ² себе честию и саном, не вопрошаеши мя, но о сиротах малородных желаеши у мене ответа? Срам бо ми есть твоему родителю, и велию скорбь задаваеши ми, таковая от тебя слышати. Она же, благоразумна сущи, боле того ничто же рече своему отцу тогда, дабы на болшии гнев и ярость того не привести, и в сердца своем непрестанно мысляше и желаше, како бы ей наедине искусити того юношу и увести род и достоинство его, — зело бо его любляше. Во един же от дний глаголаше назирателю, опекунови своему тако: о, вернейший мой строитель, веси бо не точию дому моему отец мой вручи тебе строительство, но и мене самую в снабдение тебе дарова; и о сем веси ко мне твое добродейство, яко от родителей своих помилованну себе вижду, не чрез их повеления, но мною любим будет мой обручник, и желание мое веси, — паче же чрез волю моего творца будет мне желаемое, дабы не посрамлен был мой разум и достоинство мое, иже подобен бы мне явился. Молю ко мне верное

¹ Следует читать: копралства (?)

² Следует читать: достойных

- л. 255 твое служение, даждь мне видети глаголюща того юношу с тобою или слово его слышати, его же в капранском¹ чине видех оного дне, иже отец мой мне на честь учинил и приходити им з дары повеле предо мною, и о котором многажды я вопрошах своего отца, дабы ми явил род его и отечество; он же не точию явити ми восхотел его, но и со гневом велиим ответословил, зане такова юношу не присмотрех между любимых ему, точию отечества его и разума не вем и того ради зело желаю слышати слово его и род его уведети. Молю, сотвори верное сие служение, дабы не весно было отцу, его же желаю от тебе. Благоразумный же той опекун, слыша о такихых у благоразумной той отроковицы, велми о том недоумевашеся, и страхом и жалением к ней прилежаше, и в себе размышляше; и по сем уразуме не блудническая в ней смущения, но высокоумдрья ея глаголы, велми о словеси ея веселяшеся и повеле втай приити к себе юноши тому; ей же заповеда тайно за некою завесою быти, точию слово его слышати. Егда же той благородный отрок высокообратными (так!) и мудрыми глаголы опекунови ея ответоваше, тогда сердце ея более к нему любовию разгорашеся, и не можаше себе утаити, без стыдения себе объяви и сама нача глаголати к нему сице: о, благородный, премудрый юноша, от словес твоих уразумеваю тя мудра быти, таже вижду тя, не проста еси родителя сын, но от подобославных нам честию и саном. Вижду бо обноситися тебе желающа смиренномудрием, но порода твоя, паче в тебе кипящая премудрость, не может прикрытися, но всем являет твое достоинство. Много бо и я желалх слышати человека, иже бы подобен был ми беседою и родом, паче же и разумом; так же и от родителей своих помиловану себе вижду, яко не понужденна ими на их воли видети себе супруга, но токмо в волю себе божию предала и мною обран будет мой обручник; и сего ради молю тя, да явиши ми ныне свое отечество и чин, дабы мне уведети о тебе, зане не присмотрех между любимыми родителями своих подобовидна быти тебе кому. Молю, не снейдай моей души, яви ми своего достоинства чин, дабы ми не бесчестно было таковой дщери отца не подобна себе честию и разумом слышати мужа, — а тебе бо аз зело возлюбих. Он же, слышав от нее таковая, благоразумен сын, и позна в такихых быти творца своего волю и нача ей глаголати сице: о, благородная и благоразумная отроковица, паче же владычице моя, не просто бо, но по вашему достоинству, паче ж богом по надаренному вам смыслу, отовсюду на вас сияюще в высокославную силу слышах и не безбедно пожелах юже сам видети и ныне уразумеваю в себе, яко за споможением моего творца полезнейши себе приобретаю. Вижу бо, яко никогда благомысленну такову во ответах жену слышати ми. Воистинну недоумеваюся, како о тебе разумети, — или яко новую Иудифь, или ину от подобных ей, — тебе благородну вижду, того бо ради не могу тайти пред тобою ничесо же. В первых отечество свое тебе явлю: — сын есмь славнаго испанскаго краля Бруны, ему же тезоименный, желаю в мудрых поступках себе водити по совещанию присных ми, внешне в неискустве богатством кипети, по писанному: мудрость очи просвети, а серебро разум помрачи. Того ради оставих своих родителей, и честь
- л. 255 об.
- л. 256
- л. 256 об.

¹ Следует читать: капранском

и достояние их, и приидох к последней нищенской службе со усердием служити твоему отцу, дабы собою всякое обвосящееся в нуждах искушение уразумети, — а еже слышу от твоего благородства, яко пожелала есмь¹ привязанна ми быти богом, и я тя зело возлюбих. Она же, слыша добродна и разумна его суща, зело возрадовася и воздаде благодарение богу, яко не лиши желанія ея, и многажды моляше своего отца, дабы дал ю ему к сопряжению закона. Отец же ея велми прещаше в таковых и клятву ей налагаше, — бояся бо прелести от блудства, яко отец чадолюбив, паче же во искушениях являяся благоразумен. Благородная же та отроковица, видя своего отца непрочна к воли ея, даде тому благородному ювоши залог свой перстень, его же более всего любляше, у него же взя его перстень, великою ценою награжденный. И устависта между себе, дабы ко сочетанию браку приступити им во славной Ишпании в дому славнаго Бруны, а из Винцеи, утаяся всех, бежати; таже в первых себе подтвердиста, — донеле ж к сочетанию брака не приступят законне, не осквернитися им друг от друга смертным грехом; и по таком залозе начаша искати подобна времени, како бы им уллучити хотение свое. Мелеония же толико его любляше, егда от Бруны взя залог перстень и обвив его червленою обвивою, и скры в своих одеждах у сердца своего, и непрестанно его ту ношаше. л. 257 об.

По неколиком же времени поят оный Бруна Мелеонию и, утаяся родителей ея по намерению своему, бегу ястася точию едини, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещах, дабы не срам ей был такова отца дщери в иноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припаде има сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослыта близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, и припадше к коленому своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитиѣ и недоумевашеся чесому быти; и пожелаша уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и выня той свой обручалной перстень с червленим обвитием; и нача паки в первое свое место устроить. И по некоему строению той перстень и с червленою обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; вран же создади его седя, Бруне же сего не ведящу, и мяяше вран себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя. Бруна ж, видя таковая, велми опечали себе и нача помышляти, дабы вран ва море не ушел, всяко домышляшеся, како бы уловити его; и егда приблизися к нему, вран же от великого страха подьемшися и полете на море, а той перстень во устну своєю имяше; он же нача по нем стреляти и уби его. Перстень же со червленою обвивою в море упаде. Бруна же узре малый кораблец и вслед в него поплыве по морю, хотя той перстень восхитити, и егда бывшу ему на мори, припаде великая буря в мори и нача носити его и отвесе далеко в незнаемыя места, а в перстне желанія своего ему не получившу. Мелеония же о том и чего же ведущи, зане сном одержима бе, егда же возбудився и нача приходити в себе, семо и авамо² обзирающеся

¹ Следует читать: еси

² Следует читать: овамо

- быстро, своего же супруга пред собою не обрете и нача горестно плакати глаголя сице: увы мне безрадостной невесте, живомужней жене и бедной! Горе мне, окаянной и злочастной! Ох, увы! Где обретесь возлюбленный мой обручник, и в коем месте есть, что был еси женише мой любезнейший? Чесо ради толико явил ми ся еси жестокий ко мне? Како оставил мя еси в пустыни сей? Которое зло тебе сотворила, что тебе погрешила? За кую вину отрекся еси мене, толико возненавидел еси мене, яже бы предательница тебе была? Аще имел еси намерение оставити мя, чесо ради от боку родителей моих
- л. 259 отлучил еси мене и положил еси в срам и мучение? Ох, увы, где ныне обретаешися, любезнейший мой, да известиши ми, камо пойду и что буду. Но ни едино попечение о мне сотворил еси, но ты убо явил ми ся еси жестоковый (ный — *приписано после*) и безболезненный. Аз же да сотворю все сопротивное, да подражаю непорочную горлицу и нелестную, яже, егда погубит своего сожителя, уже вящее к тому не сedit на зелено¹ ветви, ниже пьет тогда воду чисту, ниже поет, но плачет счастье свое и ни едину радость приемлет, но всегда печалует, дондеже умрет от скорби своея. Сице сотворю и аз, злочастная и прискорбная и несчастная: — да не отыду в дом своих родителей, но сотворю по завещанию моему к тебе и иного бо никого не отягчу собою, но да рыдаю на всякий день и плачю счастье свое и тебе пожеланнаго ми обручника нигде ж инде, точию во отечестве твоем, и не изменю сего моего намерения, дондеже испущу едину реку слез, и тогда умру от болезни и скорби моей и общ нам с тобою гроб да будет, глаголю отечестве твое — яже великая Ишпания. Сия бо и множае глагола Мелеония, горестно рыдая, егда не узре пред собою пожеланнаго ей обручника, и от великаго сетования едва прииде в себе; и узре оба ослыта, и прииде в размышление, недоумевашеся таковому прилучаю, не ведяше звер ли его унесе или разбойницы ухватиша, или в море утопе; недоумевашеся, что приключися ему, точию плакашися неутешно; и, яко новая Руфь, нача по намерению своему до Ишпаний пути искати. И мало поступи узре престареющуюся жену,
- л. 260 в худей и в раздранней одежде шествующу, и о том мало утешився от печали, и глагола ей, дабы показала ей до Ишпаний путь, и с великим усердием нача молити ту убогую вдову, дабы ей худую и раздранную одежду свою даровала, а у ней прияла какую она ношаше. Она же вдовица недоумевашеся о сем, видя многою ценою ея одежду награжденну, срамляшися взяти ю и много отрицашися, точию Мелеония ея не презре; и путь ей показа ко Ишпани. Мелеония же тайная и многоценная своя сокровища, яже взя в малых вещах у своею родителю, елико можаше обра в недра своя, скрыв тайно, и взя на ся нищетную одежду и яся пути до Ишпаний, велми себе снесавше жалением по неложном своем обручнике. Егда ж достиже первых градов того
- л. 260 об. царства, нача вопрошати о своем обручнике и уведe, яко не обретeся у своих родителей, помышляше смертна его быти и моление посла к державным места того, дабы позволено ей к строению спитали дати место, обраное ею близ моря. Державный же града того ниже рода ни отечества ея вопрошая, точию усердно ей таковая строити свободи и велми возрадовашеся о тако-

¹ Следует читать: зеленою

вом ея намерении. Благородная же она отроковица велми тому прилежаше, и в таковое строение всю свою жизнь изнури, и в болезненном своем сетовании о бозе надеющийся велию себе радость и утешение приобретаетше. И изыде слава всюду об ней, яко нигде таковое прибежище бедным странним и болным упокоение являшеся и донесено бысть о ней князю. Слышав же о ней князь, зело о том веселяшеся и многожды сам ю посещаше, — а рода и отечества ея не вопрошаше, зане не належит в мудрых чюжда ведати и стыд бо такова им суть. Болии божий промысл о том бяше. Она же благородная отроковица и цвет милости не точию единым испанцем милость творяше, и всякому чюжеземцу прибежище бяше. Зело любляху ея вси, того ради пройде слава повсюду о ней. л. 261

По неколицех же днех случися княжеским ловцем ловити рыбу и поимаша великую и страшную рыбу и принесоша ю ко князю своему в дарех. Удивлься же князь велми, и величества ради ея повеле пред своима очима распороти ей чрево, и обретоша в сердце ея той обручальный перстень с червленою обвивою, его же Бруна у Мелеонии во одежди взя, и вран ухвати и в мори потопи. Князь же зря таковая недоумевашеся и не ведяше бывшаго и нача помышляти в себе, где бы той перстень приписатьи, дабы не во грех вменилось ему быти, зело благоразумен и благолюбив сый и никогда же желаше чюжда. Предстоящи к нему рекоша, да повелит его в сокровищах своих блюсти, — немольно к нему вопияху, глаголюще, яко не обрящется в его имени такий камык чистый и безценный. Он же, яко мудр сый, егда предсташа вопиюще, тихо их вопрошаше глаголя: о, друзи мои, вопрошаю вы, что более человеку, очесы ли зрак погубити или услаждающими сего света маловременными вещми себе увеселити? Они же рекоша: без очеснаго ничто ж ползует. Он же глагола им: правду глаголите ми, без очеснаго века сего вещи не услаждают, более же правду презирающаго и вместо разсуждения безразсудна себе являющаго. Воистину легчаше (так!) чюственных очес зрениа стоящую сию маловременную жизнь себе лишити и света не видети, нежели истиннаго света очес и вечнаго живота, глаголю правды, себе лишити или богом надареннаго светлаго светила, сиречь разум или праваго разсуждения, в себе изгубити. Правду глаголите ми, яко не обретается в сокровищах моих такий камык безценный, сим бо более понуждасте о нем мене на разсуждение, и унее к нему ума своего не привязую и возжеления своего ему не даю, зане не в мори он рожден, ни тая рыба его златом укра (так!)¹ и в червленая обвития скры, но человеческая рука, и отсюду разумети должно есть, яко не безбедно ис человеческих рук морю ему вдатися; аще кто от человек тех владеющий им и неведоми нам суть, но должно тому им властвовать, иже его нам вручи. Сего ради приписую его господеви, да не явлюся желатель чюждаго. Еще же и о сем возсылаю богублагодарение, зане на земли поставлен есмь от бога человеческих душ паситель и строитель; того ради должно нам о таковых положить милость и явити о тех поболение, ис которых рук не безболезненно таковой камык морем отъят бысть и рыбе вдадеса, более сего ради приписуем госпо-

л. 261 об

л. 262

л. 262

деви: аще владычествующи им живи суть, — дабы более здравие и счастье их простилось (так!) ¹ на земли, аще ли мертви суть, — дабы за наше усердие более отпущение грехов им получитьи. И вси удивишася княжеску ответу, ласкающии ему посрамишася. И по сем повеле князь той перстень отнести до шпиталеи тоя благородныя отроковицы и вручити ей. Она же узре той обручальвый перстень и слыша, како из моря рыбою вынесен бе, и наедине многия излиа слезы, и разуме своего обручника мертва быти, и отложи все свое чаяние о животе его, паче же возсылая благодарение богу, что благоволил явити ей о нем таковою вещь, и к тому уже со усопшими поминати его всегда повеле, а перстень той скры у себе и со червленым обвитием, мысляше в себе по своем животе его продать на память своего спасения, а о обрученике своем всю свою надежду отложи к тому видети, но более положи попечение ко строению спиталеи и безмерною милостию цете, — не безделно бо повсюду слава об ней бяше.

л. 263

Благородный же тот Бруна, егда от великих волн морских спасение получи, велиими ветры принесен бысть к берегу морскому в дальних и незнаемых пустых краех. И егда от великаго волнения и биения морскаго на брег вынесен бе и прииде в себе, оглядаше место отовсюду пустотою объято, и не увиде пред собою благородной своей обручницы, нача велми горко плакати; и жалостно рыдая, безчастие свое вменяя быти, и в великом размышлении бяше, и не ведаше что сотворити, во многом сетовании возведе очи свои и виде по морю корабль грядущ и рад бысть нача велми звати. Корабленицы ж услышаша глас вопиющаго и пришлаша к нему малый кораблец и взяша его к себе. И егда же узреша его доброобразна и благородством сияюща, велми удивишася и желающе увести отечество его. Он же ничесо же им отщещеваше и проста человека быти себе им являше. Они же, видевше красоту его, паче же богом надаренну в нем премудрость, турскому салтану пръведоша его в дары; он же с великою любовию у них его прият; и благородный же юноша велию услугу ему творяше.

л. 263 об.

л. 264

Салтаново же величество, зря его отовсюду мудростию кипети и благородством и добродством (так!) сияюща, зело возлюбил его, паче же за верное служение ему, и приставил его над всем домом своим и царством строителя и толико его любляше, яко своего сына вменяше быти. И благородный же той юноша велию храбрость и службу ему показа и велми процветаше во своей славе и в богатстве, а о обручнице своей Мелеонии такоже отложи чаяние видети ю, мысляше ей возвратитися ко своему отцу, точию даде обет богу не искати иного супружества себе. По неколицех же днех прииде ему желание видети своя родители и прииде до салтанова величества и нача его молити мудрыми глаголы сице: о, славный и всего света царю, кто тако почтен от вышняяго честию и множеством царств ко обдержанию, яко твое величество. Милостию и правдою и родством никто же тако сияет на земли, яко твое высокопрестолство, кою милость и на мне недостойнем излияти благоволил еси, ни за выслугу кою мою к тебе, но являше ко всем недостойным мною множеством своего милосердия, — никогда мне в памяти моей

л. 264 об.

невозможно предати забвению. И о том более разсудительство твое весть, какова любовь своих родителей всякому разумну мужу бывает, иже много лет не видят своя родители и велми болезнуют любовию к нима. От многих лет уже не вижду ю, ныне бо возжадах видети и достоинство их оглядати; ишпанскаго краля есмь сын и ничто же мя тако опечалевает, яко желательство видети своя родители; и им не безпечално велми есть, ничто же когда слышаша о мне, егда от боку их оторван есмь. И егда вышний то мое желание исполнит, паки к тебе возвращуся и вернейши явлюся твоему величеству. Молю твое высокопрестолное державство, да повелиши ми ехати до моих родителей до Ишпаниа великой и отечество свое обглядати. Салтан же, слыша от него таковыа глаголы и отечество его уведе, велми возрадовася и нача ему глаголати: о, верный мой, подобочестный нам государичь, слышу бо от тебе правду и вем воистинну ничто же более печалию снedaет сердце, еже родителема о рождении своем не слышати и сыну о своих родителях не ведети. Аще и мене оставляеши, жалость велию и печаль приносиши ми, но не могу тебе нуждею держати, такова отца еси сын, паче же за верное твое ко мне служение; точию о сем недомышляюся, како тебе сотворити за честь твою, паче ж за верную ко мне твою услугу. Не вем чем почествовати тя, да не с тщетными руками приидеши от мене ко своим родителям, да ми не к посрамлению ни на смех своим явитися. Аще бы и многочисленных полков в честь твою тебе к провождению даровал, о том сам более веши — не возможно состоятися за далиною края, но едино тебе даю и повелеваю: вся моя сокровища изыщи и лучшее себе избери на честь имяни своему и скрый у себе яко сам веши, дабы и мне к посрамлению не было такова честна и благородна юношу отпустить во отечество его, паче же верна себе приятеля во отлучении себе тщиама руками ведети. Сицевая и множайша глагола ему салтан и велми оскорбися о нем, не хотя его лишитися, зане велию любовь к нему имяше. Благородный же юноша, слыша от него тако-

л. 265

л. 265 об.

л. 266

л. 266 об.

¹ Следует читать: имуть.

- Егда же поступившу кораблю с места своего плаванием до велицей Испани-
 нии, благородный же юноша на нем пловый радуясь; и плывущим им кора-
 бленницы же помыслиша на мало прохладити себе от великаго волнения
 морскаго и приставше ко берегу начаша ту почивати. Благородныи же той
 юноша вниде на брег далече от них, никим же ведом, и обрете место полно
 и украшено от цветов благоуханных, и прилюби себе и нача почивати от
 великаго труда морскаго; и промыслом же Божиим нападе на него велии сон,
 чрез день и ночь не можаше проснуться. Корабленником же егда приспе
 время плыти, поискавше его много и не обретоша, отчалиша корабль
 и плаванію вдашася, а его оставиша на брезе, помысливш зверю его снести.
 Благородныи же юноша, возбудився от сна, и прибеже к морю и озираяся
 быстро и не обрете корабля; и нача горестне плакати паче перваго и, видя
 себе в пустыни, недоумеваше что сотворити; и от великаго того сетования
 печална возвед очи свои к морю и узре шествующ ии корабль, нача звати,
 милости прося, велиим гласом глагола: помилуйте мя, странна суща, не
 предайте человека зверем на погубление, возьмите мене к себе на корабль.
 Они же, услышавше на брезе человека вопиюща, приваливше корабль ко
 берегу и взяша к себе и начаша вопрошати его отечества и како ему сключися
 на таковой пустыни пострадати. Он же на мног час не можаше им глаголати
 от печална сетования, но точию яко реку испущаше слезы и помалу быв
 в себе нача им глаголати: родом емь славного некоего рыцаря, отечество же
 мое бе Испания великая, и много лет изнунив себе во обучении и у турскаго
 салтана явихся и отпущен им бе сискати своих родителей и шествовах
 от него в корабли, имение мое имех у них заставих; и от великих волн мор-
 ских пристахом zde дати себе покой телу и сном отягощен бе; они же не воз-
 будиша мя и оставиша мя ту, имение же мое увезоша с собою. Молю ваше
 благодетелство, возьмите мя к себе на корабль, дабы зверие плоти моей не
 насытились в пустыни сей. А сам непрестанно обливаше себе слезамъ.
 Они же слышавше таковая, зело умилишася и взяша его к себе на корабль,
 утешаху его глаголюще: о, благородный юноша, положи о сем на бога
 упование и не отчаявайся, силен бо бог помиловати тя, по реченному: не
 оставит господь уповающих на него. И тако Бруна мало утешися от печали
 и сотвори им поклонение, сам же возложи упование на бога, яко же хочет
 он тако и да сотворит. И потом по неколицех днех достиже той корабль того
 града, в нем же та милостивая цветет, на котором Бруна бе, в велицей ему
 скорби и болезни тогда бывшу, и едва живу сущу и в нищетней и раздран-
 ной одежде, ниоткуда бо можаше признатися первое его достоинство. Кора-
 бленницы же они, видевше его в велицей той болезни, едва с трудом его приве-
 соша в тую шпиталню и с молением его в пречестныя ея руце вручиша и вся
 порядку ей об нем явиша, како сключися явитися ему у них на корабле.
 Она же, милостивая и щедролюбивая, по обычаю своему повеле его с радо-
 стию прияти у них и велие милосердие о нем показа. И по сем помалу нача
 от болезни свободжатися и ина болезнь припаде ему: стыдящися и мысляше
 в себе, како бы явитися отцу и недоумевашеся, видя себе нищетна суща от
 таковой славы разлучшася; и позна Мелеонию, она же его не позна; и более
 снадеше себе печалию, нежели скорбию, приключышеся ему от естества.

Обычай же бе Мелеонии на всякий день из своих рук напаяти странных, а его более любляше, видя его персону, мя подобия своего супруга, а не самого его зрети. Егда же он от скорби более исцелеваше и нача кровь в нем процветати, она же более ему любовь прилежаше, и найде ей помышление о нем, яко он бе, ина же мысль побеждаше ю, — перстень он обретенный в море не даваше расти в ней совершенно познавательной к нему мысли. А оный юноша уже желаше ей себя явити и не ведяше како, бояся да не в горшее прийти себе мяше. Но точию во един от днии прииде благородная та отроковица по обычаю своему напаяти странных и доиде до того юноши, и без стыдения воззва его наедине, и нача к нему глаголати: «о, юноше, велие удивление ми явит о тебе и недоумеваюся, паче вижду бо ты всегда печална суща, не толико скорбию, елико вижду в тебе некую от мнения растущую печаль, юже и дохтуры сей шпитални не могут тебя уврачевати от естественной твоей болезни, заве дохтурскую науку посрами твоя мнению подлежащая скорбь; а мне самой жаль приносиши, не бо себе более жалею, яко тебе явити попечение, вижду ты подообразна (так!)¹ моему обручнику, ему же при бозе (?) дарствовав залог». Егда сие изрече слово не можаше без слез быти, велию реку излила слез, припомня о своем обручнике, и по сем мало удержав себе, паки нача глаголати: «или ты стыдением и страхом объят еси? Чесого желаеши zde от бога данных ми богатств насытитися? Или в златоодежных себе увеселити, или на конских ристаниях веселитися? Без сумнения вся ми исповеждь о сем — вся ти воздам и более его же желаеши. Сия и сицевыми глаголы глагола ему благоразумная его заложница. Благоразумный же Бруна, слыша от нея таковыя глаголы, велми обдия сердце свое слезами, точию ей не яви первее сего, дондеже воздаде втай богу благодарение, и по благодарной молитве нача глаголати к ней с плачем: «о, благочестивая и милостивая отроковица, отовсюду бо вижду я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость и неизреченную милость к странним, юже еще корабленики моими утешен бых, слыша от них о тебе, иже мене в честныя твои руже воистинну во спасение отдаша, а ныне и сам вижду более их о твоём милосердии, того ради не утаю от бога дарованнаго тебе смысла о себе ни единой вещи, обносящейся о мне. И нача ей вся подробну явити о себе: в первых свое отечество, таже свое имя, потом вся приключышася ему с нею, яже во отечествии и яже на пути, и яже у салтана во служении, и потом на корабли, и вся подробну ей поведа. Она же, егда услыша от него таковая, от великой радости не можаше удержатися от слез, и познаша друг друга, и тайные его вещи перстень той обручальный со обвивой червленею пред нею положи, от него же случися ему пострадати, и все ему яви: како, богу изволшу, вдадеса отцу его и с каким намерением принесен к ней от отца его; таже о сокровищах ему, иже в дельве отданом ей от купцов, и вся реченная ими подробну изъяви и свидетельство их ему показа. И от множества радости оба излияху много слез и удивляхуся величию божью, како на них призре и не остави я тщетных друг друга видети. Отцу же его о том ничто же ведущу, она же вскоре повеле уготовати

л. 269 об.

л. 270

л. 270 об.

л. 271

¹ Следует читать: подообразна.

ему светлые и высокообразные вещи по его достоинству во одеждах и в бинях, иже належит величеству его, также что к своему достоянцю прилично, и скоро посла ко отцу его и яви ему об нем. Егда услыша отец его, с радостию прииде и позна его, и халися о выи его и облобыза его, и от радости множество излиша слез. По сем уведе совершенно отец его и о Мелеонии, с радостию великою прослави бога и похвали ея мужественный и крепкий ум. И по сем вси достигоша столичного своего града, таже сотвориша законне браку сочетание вскоре. Отец же его великою радостию двояко себе возвесели: первое, о обретении сына своего, второе, о сочетании его подобней ему невесте, и вси прославиша бога и удивишася таковому страшному чудеси. И по сем по смерти своих родителей оные Бруна с своею Мелеониею достойне наследоваша престол своего отца и не точию во единой Ишпании, но и на всем свете возгреместа славою и разумом, паче же милостию ко всем, и вся Ишпания о том славяху бога, видяще у себе таковых руководителей и спасителей. И по многолетном жителстве не въ едино время, но в малых днех разстоянием, разлучи их бог от сего маловременного света на будущее веселие. Она же благородная, елико лет има к состарению приспеваста, толико более милостию простирахуся ко всем и до конечного разлучения души с телом не лишиста себе милости и по своем животе велию повелеша показати милость многим. Мы же, братие, слышавше таковая, в первых себе положим надежду твердо имети о бозе, по сем милостивым быти, по глаголющему: блаженни милостивии, яко тии помиловани будут.

В. И. АДРИАНОВА-ПЕЬЕТЦ

Из сатирической литературы XVIII в. Сатира на Феодосия Яновского

Среди людей петровской эпохи, быстро выдвинувшихся, а затем еще быстрее исчезнувших с политического горизонта, видное место принадлежит первому вице-президенту вновь учрежденного Синода, новгородскому архиешкопу и архимандриту Александро-Невской лавры Феодосию Яновскому.¹ Родом из польской шляхты (отчего, вероятно, Сильвестр Холмский в своем показании против него называет его Францышком), он, будучи хутынским архимандритом, еще в 1704 г. обратил на себя внимание Петра, и с тех пор начинается его быстрое возвышение. В 1707 г. он исполняет поручения Петра по устройству церквей и духовенства во вновь завоеванных у шведов городах, а в 1712 г. — он первый архимандрит вновь учрежденного Александро-Невского монастыря. С тех пор его отношения с Петром крепнут. Феодосий назначается администратором духовных дел, ближайшим исполнителем распоряжений Петра по церковному управлению. С этих же пор быстро растет число его врагов, которых Феодосий, человек заносчивый и неуживчивый, наживал себе в самых разнообразных слоях общества, начиная с приближенных царевича Алексея и кончая своими ближайшими сослуживцами. В 1721 г. Феодосий, сознавая сам, что он окружен врагами, просит Петра отпустить его на покой, но вместо того получает новое повышение: он — новгородский архиешкоп и первый синодский вице-президент.

Двигаясь по служебной лестнице все выше, Феодосий увеличивал и число врагов своих, так как перестал стесняться и выражал свое неудовольствие даже на распоряжения Петра, а после его смерти — Екатерины. К тому же рядом с ним выдвигался молодой и талантливый любимец Петра — Феофан Прокопович. Не останавливавшийся в свое время перед доносом, чтобы отстранить неудобных ему людей, Феодосий и сам пал в скором времени жертвой таких же доносов. Чтобы свергнуть Феодосия с его прочной, казалось, позиции, достаточно было умело использовать некоторые его неосторожные выражения: так создалось дело «о непристойных словах, которые от него происходили про императорское величество

¹ О Феодосии Яновском см. Г. В. Есипов, «Чернец Федос», Отеч. Зап., 1862, июнь, стр. 478—537; Русский Архив, 1864, стр. 121—172, где по рукоп. Чертковской библиотеки издано «подлинное дело Новгородского архиешкопа Феодосия»; И. Чистович, «Феофан Прокопович и его время», СПб., 1868, гл. VI и X.

и про ея величество государыню императрицу». Феодосий давно уже обратил на себя внимание неподходящим для духовного лица роскошным образом жизни, своим сребролюбием, но не это было поставлено ему в главную вину. Как видно из целого ряда показаний, полученных следственной комиссией от свидетелей — духовных и светских, Феодосий не только громко осуждал некоторые мероприятия Петра (когда они касались материального благополучия монастырей и духовенства вообще), но особенно после его смерти стал обнаруживать строптивость и неповиновение некоторым распоряжениям, исходившим от Екатерины. Этим он дал против себя оружие в руки своих конкурентов, и члены Синода, во главе с Феофаном Прокоповичем, расправились с ним до конца. Принципиальности искать в деле против Феодосия излишне: с одной стороны, здесь было желание удалить сильного и властного соперника, с другой — стремление свести счеты за старые обиды (см. показания Сильвестра Холмского).

В итоге следствия Феодосию был предъявлен ряд пунктов. Кое в чем он сознался, добавив, впрочем, что «говорил от глупой ревности, чаял, что к добру, а не от злобы или к замыслам каким злым». От большинства обвинений он отговорился: «говорил ли или нет, под судом божием истинно не помню». Тем не менее Феодосий непривычно для него смиренно закончил свое ответное показание так: «И хотя б на вышенианные пункты никакого болши доказательства не было, однако пред ея величеством согрешившему и то довольно есть на осуждение: того ради, припадая к стопам ея величества, милостивейшего просит помилования и пощадения». Ни того, ни другого не последовало. 11 мая 1725 г. был объявлен указ императрицы: «Феодосия за учиненныя в церкви божией противности и непристойные слова, вместо заслуженной смертной казни, от синодского правления, новгородской епархии и архимандрии монастыря александро-невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в корельский, который на устье реки Двины, и содержать его там неисходно». 21 июня Феодосий был водворен в одной из подцерковных светлиц Никольского корельского монастыря. Но и этого показалось мало его врагам: 17 октября 1725 г. приехал из Петербурга граф Мусин-Пушкин, в его присутствии холмогорский архиерей снял с Феодосия архиерейский и нерейский сан, и простой чернец Федос был запечатан «в тюрьму каменную, неисходную», где сняли даже, как излишнюю роскошь, деревянный пол. После тщательного обыска тюрьму запечатали. До января 1726 г. Феодосий жил в этой темной и холодной келье. Когда вспомнили о нем и приказали улучшить его содержание, было уже поздно: переведенный в лучшее помещение, Феодосий умер 3 февраля 1726 г.

Следственное дело сохранило нам показания против Феодосия, его ответы, но, конечно, истинные причины всего этого «дела» — борьба честолюбий, борьба за власть — в нем скрыты. Только в одном показании отчетливо видны и личные мотивы, диктовавшие показания.¹

¹ Это «объявление» без указания имени автора впервые издано при статье Г. В. Есипова «Чернец Федос», Отеч. Зап., 1862, июнь, стр. 535—537, и вторично — уже с именем Сильвестра, архиеп. казанского, в книге И. Чистовича, «Феофан Прокопович и его время», 1868, стр. 705—709, по рукописи архива Синода № 292, 1731 г.

Как будто незаконченное в рукописи 1731 г., не подписанное именем Сильвестра казанского, это «объявление», несомненно, принадлежит ему. Биографические данные, которые Сильвестр сообщает в нем, вполне совпадают с тем, что мы знаем о прохождении им службы. «Как я послан был из Нижнего в Смоленск», — пишет Сильвестр, рассказывая, что на пути в Смоленск он заезжал в Петербург, где дал богатые подарки Феодосию: это было в марте 1719 г., когда Сильвестр из Нижнего Новгорода был переведен в митрополиты смоленские и дорогобужские. Затем идет подробный рассказ о том, как обидел Сильвестра Феодосий при назначении его рязанским митрополитом. По «высокой милости» Петра после смерти Стефана Яворского Сильвестр был из Твери переведен в Рязань митрополитом (3 февраля 1723 г.), но, по проискам Феодосия, оказался там только епископом: в Синоде ему сказали: «пожалован де ты в рязанскую епархию, и ты, будучи тамо митрополитом, во время церковных служб бога молить за себя не вели, а пишися епископом». «Какое приятно будет, — восклицает огорченный Сильвестр, — как пожалуют кого из генералов в полковники, а в духовном чине из попов в диаконы, а из офицера в солдаты».¹

В отличие от других свидетелей, которые согласно и даже в сходных выражениях, старались доказать главную, с их точки зрения, вину Феодосия — его «непристойные слова» против Петра и Екатерины, — Сильвестр именно об этом совершенно умалчивает. В самом конце своего «объявления» он общими словами указывает на «различные хулы», которыми «поносительно и ругательно» Феодосий бранил «святейших иерархов» — патриархов и митрополита новгородского Иова. Но ни слова — об оскорблениях царских особ. Зато, не в пример прочим свидетелям, Сильвестр подробно излагает все, что ему известно о «сребролюбии» Феодосия, о его роскошной жизни и о том, что он «дненощно вымышлял, как бы брату своему пакость сотворити, а иногда иский, кого бы и поглотити».

Этим повышенным интересом к меропритиям, с помощью которых Феодосий обогащался, «объявление» Сильвестра Холмского сближается с вновь найденной сатирой-виршами на Феодосия, написанными, видимо, по свежим следам суда над ним, так как в них речь идет о Феодосии, как еще живом, и даже, возможно, не расстриженном, — глухо сказано лишь, что он «от монастыря и епархии отрешен». Таким образом вирши могли быть составлены между 11 мая и 17 октября 1725 г.

Текст сатиры на Феодосия Яновского читается в сборнике первой половины XVIII в. библиотеки б. Общества истории и древностей российских, № 213, на лл. 322—325.

ГИСТОРИЯ

Объявление пунктов.

1.

Ижеи архиенискои именем Феодос

Иривел себя в 725-м году в ташкой донос.

¹ Сведения о служебных перемещениях Сильвестра см. П. Строев, «Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви», СПб., 1877, стр. 289, 416, 444, 592.

2.

О чем же себя публикацією привел в винность,
Которая пришла во всенародную дивность,

3.

О непорядочных ево житейских делах,
О недостаточных безумных своих бедах,

4.

Таковы имел у себя удобы:
Наполнен был всякие пакости и злобы,

5.

О чем ниже сего в сеи гистории обявляю,
А по делам-же его любезных читателей удивляю.

6.

Имел он гордость, лесть, зависть, лихоимство,
Сребролюбие отчасти и лукавство,

7.

А гордость же паче меры богу есть противна,
Которая в сем народе есть дивна.

8.

Сей бо горды малародны человек
Лстивостию намерен во власть себя привлечь.

9.

Однако ж помешателство ево лстивое познали
И вместо смерти ссылкойю честь воздали.

10.

Таковым бо лестью в чести содержался,
А в сотворении злобы весма не ужасался.

11.

Не токмо протчими делами,
Но имел веселие снятием колоколами.

12.

Обаче образы в забвении не покидал,
Оклады и всящее прочь отдирал.

13.

Вси бо завистию яко к себе прибирал,
Образы и иконы пилою растирал.

14.

Древнюю ризницу и амофоры и сакосы златые,
Сребро и камене драгие

15.

Все в продаже расточал,
А за то деньги себе получал.

16.

На собранные вещи виписал из за моря купил сервис,
За когори в России немного и сам не повис.

17.

Драгих же многих вещей у себя утаиша,
От которых иные ныне и проч ево отдалиша.

18.

Никому мог задружить.
Ибо тщался все разрушить.

19.

Но имел в своем сердце внятность,
Которую признавал себе в приятность.

20.

Християн российских идолопоклонниками называл,
Много весма яко сон сам себя не знал.

21.

Дерзновенная совесть в помешательство отдала,
Заключением, скорбию в тягость привела.

22.

Принудила ево жизнь от добра отводить,
Злую имел мысль более сребра уловити.

23.

Таковы злыи умысел имел,
На сие поползновение пусть себе смел.

24.

Ныне возымел он покаяние,
Егда получил себе тяжкое истязание,

25.

Сам себя негодным и винным признал,
И под всяким пунктом вину свою подписал.

26.

За что от монастыря и епархии отрешен,
И для поминовения несмертно вершен.

27.

Но отослан в далной монастырь в Корелск, что на Двины,
За непотребные тяжкие вины.

28.

Тамо такое не может иметь веселие,
За свое безделное рукоделие.

29.

Когда было ему счастливое время,
Тогда ему дало тяжкое бремя.

30.

Ныне никаких тягостей не имеет,
Но без повеления никуда итти не смеет.

31.

За которую бывшую сладость
Ныне привлек себя в печальность.

32.

Чего ради сам себя виновным признал
И в жестокую печаль себя вдал.

33.

Когда ему началства
Тогда не имел ни о чем печалства.

34.

От самого начала
Власть его скончала.

Любезны читателю, других благ спискателю,
Прочетши вирши мои, отдаю в волю в разсуждение твое.
Хотя по мнению своему найдеш что неисправно,
Покорно прошу принять за потребно.

Ныне он потом в веселии в велицей печали пребываю,
А о себе конца всечасно ожидаю.

Автор этих вирш, несомненно, знает показание Сильвестра и указ императрицы и, очень глухо говоря о других винах Феодосия, подробно, насколько позволяла ему избранная литературная форма, говорит о его «сребролюбии».

Вирши построены в форме «пунктов» — обвинений, пародируя принятую с 1723 г. форму изложения судебного дела. Список XVIII в. не везде исправен, местами дает испорченные чтения. Вирши для того времени не слишком искусные, неравносложные, но зато автор их хорошо осведомлен: общая репутация Феодосия правильно передана стихами: «Имел он гордость, лесть, зависть, лихоимство, Сребролюбие отчасти и лукавство». Карьеру этого «малородного человека» автор объясняет его «лживостью» — таково было общее мнение. В полном согласии с царским указом, он пишет: «вместо смерти ссылкой честь воздали. . . от монастыря и епархии отрешен. . . отослан в далной монастырь в Корелск, что на Двины» —

ср. «вместо заслуженной смертной казни, . . . от новгородской епархии и архимандрии монастыря александро-невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в корельский, который на устье реки Двины».

В перечне вин Феодосия — ясное совпадение с «объявлением» Сильвестра Холмского. Вот как описано в виршах усердие Феодосия в собирании богатств:

«Имел веселие снятием колоколами.
Обаче образы в забвении не покидал,
Оклады и висящее прочь отдирал,
Все бо завистию яко к себе прибирал,
Образы и иконы пилою растирал,
Древнюю ризницу и амофоры и сакосы златые
Сребро и камене драгие
Все в продаже расточал,
А за то деньги себе получал.
На собранные вещи выписал из за моря купил сервис
За которой в России немного и сам не повис.
Драгих же многих вещей у себя утаиша
От которых иные ныне и проч ево отдалиша».

Гораздо более подробно все действия описаны Сильвестром Холмским: «Да он же, Францышка, на московском подворье велел послушнику своему Тарасу с колокольной старинные колокола продать, чтоб не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать. . . да он же, яко сущий бесноватый, будучи в Москве в 723 году, на память великого святителя Алексея митрополита, в чудов монастырь во время литургии в алтаре кричал бешеным своим гласом: Ризничей, чудовский, принеси ко мне Алексея чудотворца образ, который носят в крестном хождении. И паки он же кричал нелепым гласом: Ризничей, подай нож. И взяв нож, святителя помянутый образ положи на лавку, с гневом говорил хульные слова: Некто де безумный золотой сей оклад приложил. И резал проволоку, едва смог, однако развращенный он желаемое получил, золотую пату оторвал чеканной работы и положил себе в карман нагло при всех. . . Он же распечатав патриаршу ризницу, разобрал всякую святейших патриархов рухлядь, похитил себе лучшие портищи, рясы теплые, мехи старинные. . . много вещей исхитил». «Также они вымыслили после умерших архиереев келейную всякую рухлядь к себе забирать, подобно с лучших и знатных архимандритов к себе обирать же, и лучшие вещи и оставшие деньги делят по себе. . .» (Есипов, назв. соч., стр. 535).¹ Однако среди других способов

¹ В рукописи, принадлежащей Никите Ивановичу Кашину, который служил при Петре солдатом и умер в сержантском чине, записан следующий случай, подтверждающий жадность Феодосия: «На Питербургском острове церковь деревянная во имя пресв. богородицы казанския и образ богоматерин украшен. И весма полюбился оклад бывшему тогда архимандриту Невского монастыря Феодосию, потом был архиепископ новгородской; приехав в церковь Казанские для осмотра порядка церковного, при том выговорил, что образ богородицы ниско в каностасе стоит, всякие люди к нему прикасаются; велел ее взять и отвести в Невской монастырь»;

обогащения, которые перечисляет Сильвестр, ничего не находим у него о выемке драгоценных камней и серебра из архиерейских одеяний. Но Есипов, излагая по архивному делу 1731 г. обвинения, предъявленные Феодосию, говорит между прочим и об этом: «из старинных архиерейских шапок, амофоров выбирал жемчуг и камни а из саккосов древних и риз золотых и серебряных выжигал серебро; распродал все это и выписал „из за моря“ для себя серебряный сервиз; едучи из Москвы в С-Петербург в никольском монастыре, что на столпе, „распиловал“ образ Николая чудотворца» (стр. 507). Из чьих показаний взяты эти данные, неизвестно, но среди них интересна деталь — выписанный «из за моря» сервиз, т. е. то же самое, что буквально повторяет и автор вирш. Надо думать, что такая близость содержания вирш и судебных показаний не случайна: автор их, довольно неискусный стихотворец, и по своему общему отношению к Феодосию, и по основательному знакомству с его «делом» несомненно включается в тот довольно разнообразный круг лиц, которые были втянуты в следствие. Там были и высокие духовные особы, для которых Феодосий был опасным конкурентом и которые потому старались изобразить его государственным преступником, порицавшим действия верховной власти, были и люди, лично обиженные Феодосием, как Сильвестр Холмский, были, наконец, и светские лица — Тайная канцелярия и Сенат также были подовольны строптивостью Феодосия и показывали против него. Следствие велось совместно властями духовными и светскими, и где-то в этой атмосфере возникли, конечно, и наши вирши. Автор их не вдается в высокую политику, но с развязностью скорее светского, чем духовного лица, пишет, как Феодосий за выписанный «из за моря сервиз едва сам не повис». Ему интереснее эта подробность, чем та борьба за власть, которая кипела вокруг вице-президента Синода и которая в конечном итоге была главной действующей пружиной во всем этом громком деле. Поэтому из всех «непристойных слов» Феодосия он вспомнил только одно — «христиан российских идолопоклонниками называл» — так показывал против Феодосия один из лютейших врагов его Феофилакт Лопатинский «всякаго чина людей от мала даже до великаго без всякаго выключения нарицал безумными, нехристианами, горшими турков и всяких варваров, афеистами, идолопоклонниками российский народ» (Русск. Арх., 1864, июнь, стр. 135—136). Впрочем, Иван Болтин, которому предъявили это показание Феофилактом, написал под ним «того он Иван не слыхал» (там же, стр. 159). Для автора вирш это обвинение, касавшееся оскорбления вообще всего русского народа, еще представляло какой-то интерес, но вся остальная полемика в показаниях по поводу вопросов церковного управления не остановила на себе его внимания. Все это заставляет предположить, что автор вряд ли вышел из кругов синодальных, скорее это был кто-то из канцеляристов светского суда, принимавшего участие в разборе дела Феодосия

не по многому времени ризу ободрав, велел поставить в святых воротах того ж монастыря» По приказу Петра образ был возвращен с окладом (Поступки и забавы имп. Петра В. Запись современника. Сообщ. В. В. Майкова. Пам. др. ц., СХ, СПб., 1895, стр. 19)

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ

Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.

I. Троицкий диалог

К числу неизданных и неисследованных пьес нашего школьного театра относится диалог елизаветинского времени «Стихи по вопросам и ответам сложенные, от двоих учеников пред великою монархинию сказываемыя».¹

По своему художественному оформлению этот диалог-панегирик заслуживает изучения, так как обнаруживает при ближайшем рассмотрении свои связи с репертуаром других школьных театров — тверского и новгородского, а по основной тенденции сближается с официальной публицистикой елизаветинского времени.

Краткую характеристику этого диалога с небольшими выписками из него по Киевской рукописи дает Н. И. Петров (Очерки по истории украинской литературы XVIII в. Киевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Киев, 1880, стр. 108—109), датирующий пьесу 1744 г. Он указывает что 8 сентября этого года диалог был произнесен студентами Киевской академии перед Елизаветой Петровной и характеризует диалог, как «хвалебную песнь, довольно, впрочем, бесцветную». Поправку к этому совершенно необоснованному и с содержанием диалога несогласованному выводу Н. И. Петров внес во втором издании «Очерков» (Киев, 1911, стр. 348). Основываясь на том, что в одном из стихов диалога называется «лавра», Петров считает теперь, что диалог произнесен был учениками новоучрежденной Троицкой семинарии и написан учителем Киевской академии приблизительно в 1743 г., после заключения мира с Швецией.

Киевский список диалога сохранился в рукописи, содержащей кроме него ряд приветственных вирш Елизавете Петровне на русском и латинском языках, взятых из издания 1744 г. (СПб., 4^о, 27 стр., или Москва, в лист, 15 лл.), в котором, как показывает заглавие, дано «описание краткими стихами иллюминации на всерадостное ея имп. величества благоч. самодержницы великия государыни нашея императрицы Елизаветы Петровны

¹ Диалог сохранился в двух списках середины XVIII в.: Библ. Акад. Наук УССР, собр. б. Церк.-археол. музея при Киевск. дух. акад., № 477 (муз. 58), лл. 37 об. — 41, и Научн. библ. Сарат. Гос. унив., собрания Мальцева № 305 (901), лл. 170—173 об.

всёя России и его имп. высочества благоверного государя и великого князя Петра Федоровича в Троицкую Сергиеву обитель пришествие, в той же обители зажженные Высокия Высокомонаршия Души добродетели и оными рожденное всевожденнаго вечно заключеннаго мира торжество присеняющия». Пышная церемония, с картинами, кантами, приветственной речью учителя семинарии Федора Ляшевского между прочим включала и те 9 латинских и русских вирш, которые были переписаны вместе с диалогом, не входившим в состав специально к этому случаю написанных панегириков. В Киевской рукописи эти 9 вирш в том же порядке, как в печатном издании, переписаны полностью. В Саратовском списке из них сохранилось лишь три русских, расположенных между новыми виршами, видимо, уже новгородскими. Киевская рукопись старше по своему составу, в ее языке больше украинизмов, показывающих, что список сделан на юге, что подтверждается и наличием в ней копий «Трагедокомедии» Варлаама Лящевского. Саратовский список явно новгородского происхождения: диалог помещен в нем рядом с словами преподавателя новгородской семинарии — «школы реторики учителя Тимофея Соколовского» на различные праздники; здесь же читаем краткий катехизис «через вопросы и ответы учителя и ученика в новгородской семинарии составленный и на пользу малым отроком 1755 года мес. окт. 11 дня предложенный», ряд стихотворений на приезд в Новгород Елизаветы Петровны с наследником и его женой, стихи, посвященные митрополиту, архиепископу Амвросию, ректору Иннокентию, префекту Симону. В сборнике имеются две записи учеников новгородской семинарии: на л. 186: «Ода апобатерическая Стефана Михайлова из Новгородской семинарии, где учась и уча словесных наук от октября месяца 1740 жил по ноября 18 день 1754 года уже по указу отежжающего в Московскую Академию», и на л. 99: «Сии вопросы Новгородской семинарии ученика Спиридона Агафонникова собственные 1757 года месяца декабря 1 дня читал».

Часть приветственных вирш, содержащихся в Саратовском списке, сохранил и другой сборник, несомненно, также новгородского происхождения, заключающий в себе текст пьесы в честь Елизаветы Петровны, поставленной учениками новгородской семинарии, — «Стефанотокос».¹ Этот сборник старше Саратовского, составлен между 1741 и 1745 гг.

Вирши из печатного издания 1744 г., полностью сохранные Киевским списком и частично Саратовским, были произнесены в третье посещение Елизаветой Петровной Троицкой семинарии, как об этом прямо говорит в своей приветственной речи Федор Ляшевский. Диалог двух учеников указывает на второе посещение. Очевидно, мы имеем в новгородской рукописи приспособление готовых панегириков, одновременно произносившихся в Троицкой семинарии, к визиту Елизаветы Петровны в Новгород, причем, в добавление к ним, были сложены новые вирши, упоминающие уже не только наследника, но и Екатерину, его жену. Киевский список сохранил только троицкие панегирики.

¹ См. описание этого сборника при издании текста Стефанотокоса. В. Резанов. Школьные действия XVII—XVIII вв. Нежин, 1907, стр. III—XIII.

Сам по себе этот факт перехода готовых панегириков из одной школы в другую вполне допустим, если мы вспомним, что преподаватели часто переводились с места на место, что все они в половине XVIII в. были воспитанниками либо Киевской, либо Московской академий, откуда выносили одинаковые литературные вкусы и навыки. Составление всякого рода приветственных речей и стихотворений, обучение тому же учеников входило в их прямые обязанности, и, не всегда будучи в состоянии давать к каждому случаю свежий материал, они, конечно, брали иногда из готового запаса, лишь слегка приспособляя к местным условиям панегирики, произносившиеся раньше в другой обстановке. Так случилось и с диалогом двух учеников: для новгородского торжества ограничились заменой только одного выражения — в троицком диалоге первоначально читалось явное указание на путешествие Елизаветы Петровны в лавру пешком — «пешеходит»; новгородский переписчик ставит вместо этого слово «путеходит», так как в Новгород Елизавета Петровна, конечно, не приходила, а приезжала. Таким образом репертуар молодой Троицкой семинарии, которую Елизавета Петровна посещала особенно часто, перекочевал с течением времени в Новгород, и здесь диалог и часть вирш были произнесены уже после августа 1745 г., когда женился Петр Федорович, которого вирши чествуют вместе с Екатериной.

Когда же был произнесен впервые диалог двух учеников, и каково его место среди других панегириков елизаветинской эпохи?

Диалог построен в форме беседы двух учеников. Первый побуждает второго «украсить речь словы», т. е. восхвалять Елизавету. Второй рядом пышных сравнений доказывает невозможность выполнить это: «лучше сознать, ясно сказать, что несилен в слове». Первый ободряет его: «Сама радость, чудна сладость внутрь глагол мне родить», но второй снова рисует свое смятение перед трудной задачей: «мне страх крылат велит воснять вскоре уступати». Первый допытывается: «с чего страх он, скажи резон, скажи, не сумнися». Второй отвечает на это панегириком Елизавете «с Петром наследным», посещение которых привело его в такое смущение.

Монархиня, героиня, скипетродержавна,
 Через победы и вси следы во всем мире славна.
 Чудный крови плод Петровый и действий забрало,
 Гром противных, в делах дивных светлое зеркало.
 Ея зрелый ум всецелый круг российский правит,
 На мериле в точной силе вся разумно ставит.
 Мир России дни благии зажже скоро в диво,
 Все без брани власти страны держить смотреливо.
 Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила
 Со всех примет Елисавет чудно украсила.
 Дух, мысль, слово в ней Петрово, мечь его и дело,
 Чиста вера без примера, око ума зрело,
 Красно в мире и в порфире, прехрабра в державе,
 Увенчанна, дарованна от небес нам к славе.

(174)

Ея орел коль быстр возшел с солнца светои дружно
 Пребывая, почивая, говорить не нужно.
 Ивропейских круг, жаром весь вдруг брани возгорелся,
 Он, покойно, чинно, стройно к Фебу засмотрелся.
 Стал в полудни, славы чудный к чуду всего света,
 Ибо крыле страшны в силе Петр Елисавета.

Первый останавливает его похвалу, указывая на трудность взятой им на себя задачи — перечислить все заслуги Елизаветы: «втрудится слух, устанет дух, слово не изможет». Второй, объясняя свой страх, — «дрожат уды, трепет всюду, сердце внутрь ужасно», — продолжает прославление Елизаветы, изображая ее преемницей Петра.

Зрю бо мины без отмины скипетра достойны,
 Дух пространный, ум избранный верх венцу пристойны.
 Прозорливо, смотреливо в всех действиях око,
 Мысль дозрелу, слово делу согласно высоко.
 Руку мочну Петру точну правящу нас в мире,
 Зрю с всех примет Елисавет рожденну к порфире.
 Вжду купно неотступно с ней Петра грядуща,
 Б самом цвете в юном лете зрела умом суца.
 В нем с пригоды всех благ роди, как плод в вертограде,
 Пространились, умножились отечеству к отраде.
 Корень Петров ветвь ту в покров израсти России,
 Зде в час варный благодарны почуют благии.
 Виждь окружно, коль услужно храбр дух кавалеры
 Суть собранны, столп избранный отчества и веры.
 Македону и Катону храбростию равны,
 Умом чудны, всерассудны, всеи Еуропе явны.
 Ктось бы возмнел, что з всех предел света зде герои
 Толь суть силны и обилны так в мире, как в бои.

(к. 172)

Этот панегирик он заключает вопросом своему собеседнику, как он «предстать явно пред державно лице не стыдится». Первый отвечает, что действительно перечень заслуг Елизаветы мог бы привести его «в робость многу». Но «едина мне притчина отгонит унылость, Высочайша, всеблажайша монархиня милость». И в длинной речи он прославляет эту милость, именуя Елизавету «мать благосерда», которая прощает даже «врагам злобным, безутробным». От этого панегирика он переходит к благодарности Елизавете за покровительство школе. Выслушав эту речь, второй сознается, что у него «страх отиде, смелость приде и внутрь сердце живо», но он все же «недоумеет», «что сами ей воздамы». На это первый отвечает скромно: «Принесем в дар свнутрь любви жар и сердце готово, Хотя кратко и несладко воздадим ей слово, Не коль должно, но коль можно вдруг сложим приветы Всеблажайшей, вседражайшей матере как дети». Ободренный этим, второй, по примеру первого, благодарит Елизавету за «щит щедрот» ее, который охраняет их «в вертограде нашем младе».

Заключительное слово первого от лица «обоих» высказывает благодарность Елизавете за посещение школы.

Диалог, как и приложенные к нему в рукописях вирши — одинаково троицкие и новгородские — по своей теме тесно примыкают к церковной панегирической литературе времени царствования Елизаветы Петровны. Основной мотив тех многочисленных проповедей, которые высшие иерархи приносят в большом количестве, особенно в первые годы после переворота, доказывая его законность, это — параллель между Елизаветой Петровной и ее отцом, изображение ее деятельности, как прямого продолжения петровских реформ. Со времени объявления наследником Петра Федоровича к этой теме присоединяется аналогичная, в применении к наследнику: будущего Петра III прославляют именно как внука Петра I, как его достойного преемника. В этом отношении среди других проповедников особенно выделяется своим неумеренно хвалебным тоном учитель Петра Федоровича Симон Тодорский, который, совершенно не считаясь с действительностью, уже наследником изображает его «не великим телом, но великим делом, внуку Петра Великого весьма приличным»;¹ ср. в диалоге: «в самом цвете в юном лете зрела умом суца». Так писали панегиристы о наследнике, которому тогда не было еще 16 лет. Эти проповеди были, с одной стороны, выполнением тех обязанностей, которые в XVIII в. возлагались на духовенство — насаждать верноподданнические чувства, для чего с особенной пышностью было предписано совершать богослужения в царские дни, с другой — они были ответом на возвращение некоторых привилегий, отнятых у высшего духовенства в предыдущее царствование, особенно при Бироне. Синод получил обратно в свое ведение церковные земли, вернулись из ссылки часть пострадавших при Анне Иоанновне, сокращены права иноверцев. Оттого так не скупилась на похвалы Елизавете Петровне ее придворные проповедники, а за ними и другие «князья церкви». К тому же именно в первые годы для Елизаветы Петровны такая панегирическая проповедь была необходима, как оправдание совершенного ее именем переворота.

Значительная часть этих проповедей печаталась и могла таким образом стать известной далеко за пределами того узкого круга слушателей, перед которым она произносилась. Официальная точка зрения на царствование Елизаветы, как на продолжение правления Петра I, была усвоена и многочисленными панегириками, какими встречали императрицу во время ее посещений городов, монастырей, школ. И эти праздники со всеми произнесенными на них хвалебными речами, стихами становились известными благодаря печатным их описаниям (см., напр., цитированное выше описание торжества в Троицкой лавре 1744 г., дважды изданное; затем в киево-печерской типографии «трегубым диалектом» изданные «рифмы» Михаила Козачинского, произнесенные в августе 1744 г. во время пребывания в Киеве Елизаветы и наследника с женой, и другие издания). Повторяя придворных проповедников, учитель Троицкой семинарии Федор Ляшевецкий в феврале

¹ Н. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. Лет. русск. лит. и древн., т. II, 1859, стр. 29 и др.

1744 г. обращается к Елизавете Петровне с таким приветствием: «Усмотрим в руках твоих мечь Петров прежде преславными победами, ныне торжественным всенародного безмятежия лавром красящийся, мать благоутробная, . . . живой портрет действий Петровых» (см. «Описание краткими стихами иллюминации. . .»). В это третье посещение Елизаветой Петровной Троицкой лавры и семинарии к обычным похвалам ей присоединяется благодарность за окончание войны с шведами, о чем прямо говорит заглавие описания иллюминации, связывающее ее с «всевожделенным вечно заключенным миром». Вероятно, особая торжественность, с какой обставлен был именно этот визит Елизаветы в Троицкую лавру, побудила издать подробное описание всего церемониала встречи. В стихотворениях, произнесенных учениками семинарии, неоднократно упоминается о заключении мира: «та венча побед лавром нас и мира», «оним обручили мы с Свеем дружбу вечну», «заключили с Свеем мир»; среди картин, сопровождавшихся иллюминацией, есть «Юдифь обезглавляющая Олоферна» — намек на победу над шведами. В разных вариациях повторяется основной мотив панегирической литературы в честь Елизаветы Петровны — «род Петров, Петрова кровь» течет и в ней и в ее наследнике. О том же говорит М. Козачинский, встречающий Елизавету Петровну через полгода в Киеве: «дух он Петров», «имей победы Петру точны» и т. д.

Елизавета и наследник, как преемники славного царствования Петра I, — это основная тема и диалога двух учеников, произнесенного учениками Троицкой семинарии во второе посещение ее императрицей: «Чудный крови плод Петровый», «Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила Со всех примет Елисавет чудо украсила. Дух, мысль, слово в ней Петрово, мечь его и дело», «Руку мочну Петру точну правящу нас в мире», «Корень Петров ветвь ту в покров израсти России» (наследника). Все эти мысли чрезвычайно близко напоминают мотивы приветствий, которыми встретили в той же школе Елизавету в третье посещение: «Днесь Россия зрит благия дни Петрова века. . . Зрит победы и вси следы в вас Петровым равны». Сам собой просится вывод, не тот ли Федор Ляшевецкий, который своей приветственной речью организует все торжество в феврале 1744 г., несколько раньше дал материал для диалога двух учеников? Этот вывод становится еще более вероятным, если мы обратим внимание на то, что и диалог двух учеников и стихи, произнесенные в феврале 1744 г., используют один и тот же источник — диалог об Александре Македонском, поставленный в Тверской семинарии после 28 января 1743 г., ни словом не упоминающий о заключении мира с Швецией, следовательно сложенный до августа того же года. Диалог же двух учеников, знающий об этом мире, произнесен между августом 1743 г. и февралем 1744 г., когда Елизавета уже в третий раз была в Троицкой семинарии. Судя по выражению — «пешеходит», надо думать, что этот второй визит был вскоре после заключения мира, до наступления поздней осени, когда Елизавета вряд ли пошла бы пешком в лавру.

И диалог двух учеников, и некоторые из вирш, произнесенных в феврале 1744 г., текстуально близки к тверскому диалогу. Приведу примеры, которые покажут, что в данном случае речь идет уже не об общности

мотивов, а о повторении определенных художественных образов, которое нельзя назвать случайным. Оно выдает знакомство троицкого автора с тверским диалогом: целый ряд стихов в обоих диалогах и в некоторых виршах 1744 г. либо совпадают буквально, либо перифраз ограничивается самыми незначительными изменениями, которые не могут скрыть зависимости текстов.

Уже первые строки троицкого диалога — речь первого ученика — почти дословно совпадают с тверской пьесой:

*Ныне должно сколь возможно украсить речь словы,
Дух подвижный, ум постиженный члеть и готовы.*

Ср. речь Паллады в тверском диалоге:

*Сколь постижны ум подвижны имам и готовы,
Вся украсить, всех удивить речию и словы* (стр. 183).

Второй ученик отвечает на это предложение «украсить речь словы»:

*Коль ты чуден, нерасуден, осмотришь хоть мало,
Пред кем ты стал, то б рассуждал, zde молчать пристало.*

Второй стих буквально повторяет гордое обращение Дария к Александру Македонскому, собирающемуся на него напасть, а первый взят из снисходительного ответа юноши этому царю:

*Ты пред кем стал, кого задрал, рассуди хоть мало,
Сколь ты чуден, нерасуден, хотя стар летами* (119).

Восхваляя достоинства приближенных Елизаветы, второй ученик так рисует их доблесть:

*Македону и Катону храбростию равны,
Умом чудны, всерассудны, всей Еуропе явны,
Ктось бы возмел, что з всех предел света zde герои
Толь суть сильны и обильны так в мире, как в бои.*

Те же стихи читаем в речи Паллады, воспевающей подвиги Петра I:

*Кто бы помел, что с всех предел света, где герои.
Македонны, и Самсоны в бранех и покои* (стр. 134).

Та же речь Паллады отозвалась и в виршах 1744 г., изображающих царствование Елизаветы, как благие времена ее отца:

*Днесь Россия зрит благия дни Петрова века,
Умашенны, упоенны от меда и млека.
О час щаслив, се Петр мой жив. . .*

Ср. в речи Паллады:

*Тем России дни благия, дни златаго века
Умашенны, упоенны от меда и млека.
В час щаслив, Петр его жив* (стр. 136).

Речь Дария, написанная тем же леонинским стихом, что и троцкий диалог, отзывается в нем то отдельными стихами, то лишь образами из них:

Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила. . .

Ср. гордое заявление Дария:

Весь мир знает, ощущает Дария меч дело (стр. 118).

или —

Ты даждь ответ на мой увет.

Ср. обращение Дария к Александру:

На твой увет сей дашь ответ (стр. 119).

Первый отрок, начиная похвалу Елизавете за ее заботы о школьниках, так говорит о своих скромных силах:

Ум последни, глас мой бедный и мысль зри убогу.

Сходными словами Дарий выражает свое недоверие к силам молодого Александра:

Веспоследний мысли бедной уму недоспелу (стр. 118).

Менее убедительны совпадения в отдельных выражениях, которые могут быть приняты во внимание только на ряду с несомненными заимствованиями, например: диалог — «око ума зрело» (у Елизаветы) — ср. Дарий о себе: «о к о у м а з р е л о» (стр. 118); «зрю бо мины без отмѣны» — ср. Александр Дарию: «грозши мины без отмѣны» (стр. 119); «чиста вера без примера» — ср. в тверской пьесе в виде эпитета Елизаветы — «ты ч и с т о й в е р ы чистое зеркало» (стр. 138); оба панегирика именуют Елизавету «мати сердоболна» (л. 174 и стр. 140); «мысль убога» первого ученика соответствует «мысли убогой» Смерти в тверской пьесе (стр. 122). Такие же отголоски тверской пьесы есть и в троицких приветственных виршах 1744 г.: «Биват, мати! веки златы! Биват, Петр, весело!» — ср. «л е т а все з л а т ы . . . В и в а т П е т р наш наследны» (стр. 140).

Таким образом выясняется, что троицкий диалог 1743 г. и приветственные вирши 1744 г., произнесенные в той же школе, как-то связаны с тверской пьесой, написанной несколько раньше, но по аналогичному поводу. Одинаковые украинизмы в языке всех этих панегириков могут указывать на авторство воспитанника Киевской академии, поставлявшей преподавателей молодым семинариям.

Весь выдержанный двойным леонинским стихом диалог воспользовался и из тверской пьесы только теми отрывками, которые написаны тем же размером — сценой Александра с Дарием и речью Паллады. Вряд ли и это можно считать случайным. Точно так же и приветственные вирши, сложенные в виде четырехстиший типа 11 + 11 + 11 + 5, отражают только аналогичные по построению строфы тверской пьесы — речи Александра и Меркурия в явлении IV и Благочестия в явлении VII. Стихотворной формой автор и диалога двух учеников и вирш владеет недурно. Двойной леонинский стих, которым целиком написан диалог, лишь очень редко не выдерживает требуемого числа слогов в стихе (4 + 4 + 6), опасаясь в первой части на один слог. Возможна, впрочем, и некоторая порча текста при переписке. Рифмы довольно разнообразны: рифмуют глаголы, существительные, прилагательные, глагол с существительным, существи-

тельное с наречием, причастия, но из интересных, необычных рифм можно отметить только одну: «власти — дасть ти».

Язык троцкого диалога — типичный для памятников школьной поэзии XVIII в. Обычная славяно-русская речь прорывается нсмногими украинизмами, которые, как указано выше, вошли в употребление и под воздействием преподавателей — питомцев Киевской академии, и под влиянием сборников украинских вирш и песен, бывших в это время в обращении среди русских читателей. В лексике диалога украинизмов очень мало: «тварь» (в значении лицо), «ктось», «дитинка», вот и все, что можно отметить на весь текст. Многочисленнее следы украинизмов в рифмах, но и они принадлежат к числу обычных в виршах XVIII в.: это рифмующие Ы — И (цветы — зрети, брани — станы, природы — роди, правыи — настави, покрывает — лиет и т. п.), Ъ — И (имѣл — спросил, мины — отмѣны, а в одном случае сохранилось даже написание, соответствующее украинскому произношению ъ — лѣты — привиты). Но и таких рифм на весь, довольно длинный, диалог можно считать около 20. В остальном язык панегирика для школьной поэзии даже довольно простой: нет перегрузки мифологическими образами — из них упоминаются лишь Феб, Марс, из героев древности автор диалога вспомнил, и то под воздействием тверской пьесы, «Македона и Катона», а из всех иностранных слов, вошедших в употребление в XVII и XVIII вв., по одному разу вставил «ковалеры», «зиват» и «резон».

Ко времени произведения диалога двух учеников молодой Троицкой семинарии исполнился только один год: постановление об ее открытии состоялось в 1738 г., но фактически школа начала функционировать только в 1742 г., после неоднократных напоминаний Елизаветы. Этим объясняются в диалоге стихи: «Кто бо зде знал или слышал мудростныя реки? Не мнели и не зрели вси прешедшии веки. Кто когда мнел, дабы прсцзел вертоград зде плодный? . се же чудна неоскудна милость монархини Излияла, показала разума быстрины. Се насади и огради всех щедрот оплотом». Этой школе, видимо, уделялось императрицей особое внимание, так как, по словам панегирика, «сама зрети досмотрети второе приходит», «Дабы же дело спех имело, Сама наблюдать Се приходит и приводит с собой Петѹ а мати». Эти последние стихи, отсутствующие в Киевском списке диалога, но продолжающие последнюю речь ученика, несомненно, относятся к самому диалогу, повторяя его основной мотив — благодарность за посещение вновь открытой школы — «сверх всех давных щитов славных делает учений Новы племы». Та же мысль о молодой школе есть и в виршах 1744 г.: «прими цвет, Елизавет, плод пока дозреет; прими, Петре надеждо, наших труд начатки».

Таким образом диалог двух учеников представляет собой панегирик, произнесенный учениками только что открытой Троицкой семинарии во время второго посещения ее Елизаветой Петровной осенью 1743 г. Его автор, возможно, — Федор Ляшевецкий, преподаватель этой семинарии, через полгода встретивший императрицу приветственной речью и виршами, напоминающими и отдельными художественными образами и настроением более ранний диалог. В этих панегириках заметна связь с тверской пьесой

об Александре Македонском. Молодая Троицкая семинария не могла встретить Елизавету ни пышным представлением типа «Стефанотокоса», каким чествовала ее Новгородская семинария, ни более скромной, но все же развитой школьной драмой об Александре Македонском, какую в честь ее и наследника поставили в Тверской семинарии. Диалог двух учеников исполнялся без всяких сценических приспособлений, ученики говорили от своего лица, и в целом церемония, на которой произносился и диалог, и, вероятно, отдельные вирши, представляла обычную торжественную декламацию, какие в школах XVIII в. устраивались по разным поводам.

Уже после августа 1745 г., когда Елизавета с наследником и его женой Екатериной приехала в Новгород, местная семинария устроила в честь ее торжество, менее пышное, чем в 1741/42 г., когда был поставлен «Стефанотокос». На этом торжестве был повторен с легким изменением троицкий диалог 1743 г., часть вирш 1744 г. и, кроме того, декламировались новые вирши, в которых есть уже прямые указания на Новгород: «Все сие, Новаграда сыны, ощущаем», «Ликуите ныне, люди Новаграда, се вам прииде благая отрада».

Эти вирши неоднократно подчеркивают, что приезд гостей совпал с весной: «Иным весна, нам класы радости доспели», «Как приятно днесь смотреть на поля, дубравы, Ибо весело цветут тамо разны травы», «Коль весело днесь растут селни крини, Цветут, красятся и самы пустыни. Весна то поля вся красит травами и злак цветами». Из этих указаний видно, что вирши составлены не раньше весны 1746 г., первой весны, когда Петр Федорович мог путешествовать вместе с женой, вирши же обращаются к ним обоим, называя их «двоица едина», «двоице желанна».

И новгородская школа благодарит Елизавету за «милости росу»: «Аще бо не издадим ни малы приветы, Мысль в тебе возродится, яко zde не цветы Произрасли, но волчек, затем от немалы Сердце уязвленное будет ти печали, Яко vsуе тобою труды суть подъяты, Vsуе милости росой тщи-лась напояти», «Матернюю бо милость к нам везде являеш, Егда щедрот на них вод токи изливаеш». Новгородская школа медленно оправлялась после того упадка, в какой она пришла при Феофане Прокоповиче, перенесшем главную ее часть в свой архиерейский дом в Петербург.

Новгородские вирши довольно разнообразны по форме, умело скомпонованы и, мало нового давая по содержанию, интересны как показатель высокой культуры стиха в школьной практике. Среди выдержанных силлабических вирш разного рода, следует отметить одно стихотворение, которое показывает, что новое тоновое стихосложение проникло уже и здесь в силлабическую систему; начало этого стихотворения:

«Как приятно днесь смотреть на поля, дубравы,
Ибо весело цветут тамо разны травы»

явно тонизировано, давая не только правильный 13-сложный стих, но и разбиваясь на стопы — —, с цезурой после 7-го слога.

Тесная связь между школами, осуществлявшаяся через обмен преподавательскими силами, объединяла и школьную поэзию, создававшуюся

в одинаковых условиях, под углом зрения одних и тех же художественных вкусов, в определенную литературную систему; эта система надолго задержала в духовной школе старые литературные навыки XVII в. и медленно уступала место новым поэтическим приемам, шедшим из светской литературы XVIII в.

II. К истории школьного театра в Астрахани

В рукописном собрании Научной библиотеки Саратовского Государственного университета среди поступлений недавнего времени имеются два сборника конца XVIII и начала XIX вв. (№ 2127 и 2128), составленные протоиереем Скопиным, служившим в Астрахани (в сборниках есть ряд слов, произнесенных им в Астрахани, и несколько черновиков писем к астраханскому епископу Платону). Оба сборника составлены из самого разнообразного материала: тут и печатные брошюры различного содержания — светского и духовного, копии его собственных сочинений и писем, образцы политической сатиры конца XVIII и начала XIX в., бытовавшей в рукописной традиции — отголоски французской революции, войн с Наполеоном и т. д.¹ Собиратель, как показывает состав сборников, живо интересовался всей тогдашней жизнью в целом, а не только своими профессиональными делами. В сборник № 2127 вплетена маленькая тетрадошка, писанная поблудневшей скорописью второй половины XVIII в., содержащая неоконченную копию пьесы, неизвестной еще исследователям старинного русского театра.

Не внося ничего нового по существу в наше знакомство с разнообразными типами школьных драм, новая рождественская пьеса, повторяющая их и своим замыслом, и литературным оформлением, интересна, однако, в том отношении, что она дает возможность предположить наличие хотя бы самого упрощенного школьного театра в Астрахани, где до сих пор мы не имели на него никаких указаний.

Пьеса начинается без всякого заглавия непосредственно прологом, произносимым «монахом». Этот пролог сразу вводит нас в содержание пьесы, относящейся к циклу рождественских драм, так распространенных в репертуаре школьного театра. По построению пролог представляет тот простейший тип, который давал зрителям краткое изложение содержания всей пьесы.² На основании этого пролога мы можем установить, что в копии недостает лишь самого конца пьесы — последний, упоминаемый в прологе эпизод, — избивание младенцев Иродом. От этого эпизода в рукописи сохранилось начало, и утерян, видимо, конец разговора офицера с воином.

¹ См. об этих сатирах мою статью в «Трудах Отдела древней литературы ИЛИ АН СССР», т. III, стр. 335—366.

² Этот тип пролога знают все наши пиитики, усвоившие формулировку Понтана: «Prologus est oratio ante fabulam legitimam habita ad spectatores, in qua... argumentum fabulae enarratur» (В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 24). Понтан в этом пункте повторил в 1707 г. Лаврентий Горка в своей пиитике «Idea artis poeseos» (там же, стр. 34).

Как видно из окончания пролога, пьеса не была лишь литературным упражнением, но, несомненно, предназначалась для постановки: в заключительных словах его монах обращается к зрителям: «Мы же ныне, собравшиеся здесь, Желаем сие в действие произвести. А вас, доброжелательных зрителей, покорно просим посмотреть, И, естли какая будет неисправность, то оное поправить, А за нашим недостатком вину сию оставить».

Нет никаких данных предполагать, что пьеса была поставлена на настоящей сцене, с декорациями и костюмами. В ней нет разделения на действия или явления, нет ни одной ремарки: все это скорее указывает, что пьеса была школьной декламацией, не требовавшей никаких сценических приспособлений, тем простейшим видом драматизации библейских сюжетов, который предшествовал развитым по всем правилам школьной пьесы пьесам школьного театра. Автор, однако, знал эти правила, как показывает и его пролог вполне определенного типа, и то, что он, согласно требованиям школьного театра, не выводит на сцену фигуру бога: в то время, как все остальные действующие лица говорят за себя сами, речам бога предшествует пометка: «от лица бога». Как известно, школьный театр не позволял прямо показывать божество, заменяя его обычно каким-нибудь олицетворением, либо допуская слышать его голос, но не видеть говорящего. Так поступил и автор нашей пьесы.

Центральную тему пьесы начинает показывать, как и обычно в школьных пьесах, с изображения грехопадения человека. Перед зрителем все время меняются пары собеседников, очень кратко в диалоге передающих главные события от грехопадения Адама до избиения Иродом младенцев. Бог и Адам беседуют о запрещении вкушать от «древа познания добра и зла». Демон уславливается со змием, чтобы он за награду дал ему свой образ для соблазна Евы. Сцена искушения Евы змием-демоном. Бог укоряет соблаздившегося Адама, проклинает Адама, Еву и змия. Иоаким и Анна передают Захарии отроковицу Марию. Архангел предвещает Захарии рождение сына. Благовещение архангела деве Марии. Пастушки приносят дары Христу. Симеон принимает младенца Христа. Ирод беседует с царями. Цари приносят дары Христу. Ангел приказывает Иосифу бежать в Египет. Иосиф и дева беседуют о бегстве. Ирод призывает книжников и узнает о рождении Христа. Ирод приказывает воинам убить младенцев. Офицер укоряет воина за «измену».

Пьеса-декламация, так элементарно располагающая свой материал, совершенно отчетливо обнаруживает свои источники. Пять первых сценок очень близко передают рассказ книги Бытия (первая книга Моисеева, гл. 2, ст. 7, 8, 17 и гл. 3, ст. 1—5, 8—14, 16, 19). Автор ограничивается легким изменением языка и приспособлением текста к рифмованной форме. Встреча девы Марии в храме Захарией вся соткана из отголосков церковных песнопений службы на праздник введения во храм богородицы. Отсюда взяты все эпитеты, которыми полна речь Захарии к деве: «нескверна, трилетствующая юнице, избавление Израилю, божие жилище» и т. п. Разговор Захарии и архангела Гавриила, так же как сцена благовещения и сретения

младенца Христа Симеоном, почти дословно повторяют текст евангелия от Луки, гл. 13—15, 18, 19.

Только в сцене благовещения автор допустил отступление от своего основного источника. Дева Мария отвечает архангелу в пьесе скорее во вкусе жеманной барышни XVIII в., чем покорной божьей воле девицы, какой рисует ее евангельский рассказ. Вместо обычного ответа, Мария сначала гневно обращается к архангелу с упреком: «Что так странно во ушеса моя влагаешь и паче меры получить обещаешь? Иди отсюда, никакo мне прикоснися, ибо я вижу, что ты летец явишися. Да и почто ты тако поступаешь и в чертог ко мне входить дерзаешь? Но это единственное отступление автора от шаблона рождественских пьес.

С появлением на сцене Ирода наш автор подпадает под воздействие вертепной драмы или, возможно, ее источника в этой части — вирша «Шедше триє пари ко христу со дары», который драматизован в вертепе. Разговор Ирода с царями, идущими на поклонение Христу, не оставляет никаких сомнений в своем источнике. Здесь лишь переставлены отдельные фразы: то, что в вертепе и в вирше говорит Ирод, в пьесе произносят цари.

В и р ш и

Шедше триє цари
 Ко Христу со дары.
 Ирод их пригласил
Куда идут, испросил.
 Отвещаша ему:
Идем к рожденному.
 К рожденному идите
И мнѣ возвестите.
Аз шед поклонюся
Пред царем смирюся.
Воздам честь обычну
Царевѣ приличну.¹
 В другом варианте
 продолжение описывает
 поклонение:
 Триє цари пришли,
 Дар Іусу внесли
 Ливан, злато, смирну.²

П ь е с а

И р о д к ц а р е м.
 Царие прелюбсзны, *камо идите,*
 Прошу вас да мне объявите.
 Ц а р и И р о д у.
Идем к рожденному царю Иудей-
скому
Отдать ему честь обычную
Царевѣ бо всех приличную.
 И р о д ц а р е м.
Идите и мнѣ возвестите,
 Где он пребывает
 И как там обитает.
Аз шед поклонюся
И пред ним смирюся.
 В пьесе этому отрывку соответствует
 сцена поклонения царей.

В данном отрывке пьесы характерно наименование волхвов, которых звезда привела к Христу, царями, как это мы читаем в вирше, вертепе и апокрифической литературе. Конечно, определить ближайшим образом, из вирши или вертепной драмы наш автор взял сцену Ирода с царями, трудно. Начитанность его в литературе, связанной с темой рождества христового, видна и из того, что он не ограничивается общим наименованием

¹ П. Безсонов. Калекѣ переходже. М., 1863, вып. 4, стр. 24.

² В. Гнатюк. Угроруські духовні вірші. Львів, 1902, стр. 148.

«три царя», а называет каждого из них по имени. Эта подробность могла быть известна ему из полуапокрифической литературы слов на рождество христово, основанных на «сказании Афродитиана о чуде в Перской земле». Именно здесь мы читаем эти имена и с тем же, что и в пьесе, разделением между ними даров. Такие слова были особенно широко распространены в украинской литературе XVII в., вошли даже в учительные евангелия (см., напр., I. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Т. II, Львів, 1899, стр. №, 18, 127); в них речь идет, в отличие от канонической литературы, о поклонении царей (= королей), а не волхвов, тогда как русский список подобного же слова присваивает эти имена трем волхвам царя перского (см. И. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 155). Таким образом есть некоторое основание думать, что в сценах с Иродом и царями автор пьесы связан с украинской литературной традицией.

В стиле вертепной драмы выдержан и разговор Ирода с книжниками, его наказ воинам «избить младенцев от двух лет и ниже» — ср. в вертепе «избить младенцев мужьского пола из двух лет и более». В той же манере шла и сцена, неоконченная в рукописи, — разговор офицера с воином.

А ф и ц е р

Почто ты тако, бестия, поступил?

Я вижу, что ты измену учинил.

Развѣ ты не помниш того,

Что присягу принял за кого,

Чтоб тебе верно служить,

И измены не чинить?

В о и н к о а ф и ц е р у.

Ваше благородие, я это от незнания артикула учинил,

Всепокорно прошу, чтобы ету мне вину простил.

А ф и ц е р.

За незнанием артикула ету вину тебе прощаю,

А впредь от таковых поступков опасатся повелеваю.

Таким образом в целом наша пьеса представляет довольно примитивную компиляцию, которая в первой части приближается к пьесам-декламациям, во второй же отходит в сторону вертепа и связанной с ним литературы. Но она значительно беднее и в литературном и в сценическом отношении таких школьных пьес-декламаций, какими были, напр., пьесы Митрофана Довгалевского. Она не знает ни развитого диалога, ни деления на действия и явления, никаких украшающих приемов вроде фигур-олицетворений и т. п. Ее вирши также очень слабы: хромает в них не только рифма, но и самый размер — число слогов в соседних стихах от 8 до 13, от 4 до 8, иногда даже от 8 до 16. Там, где манера пьесы сближается с вертепом, и стих становится более похожим на рифмованную прозу. На фоне обычного славяно-русского языка пьесы обращают на себя внимание три словарных украин-

низма: «всход» (л. 153) в значении восток, «породила девица» (там же) и «вчину» («с собою вкупе жить вчину» — л. 153 об.).

Итак, тот вид, в котором дошла до нас эта новая рождественская пьеса, дает лишь следующие указания. Ее текст сохранил человек, долго живший в Астрахани; пьеса обнаруживает знакомство автора с правилами школьного театра и с украинской литературой, разрабатывающей тему рождества христового; в ее языке есть следы украинизмов. Какие предположительные выводы позволяют сделать эти указания?

В начале XVIII в. в Астрахань пробрались капуцины и иезуиты (см. об этом «Русская речь» 1861, № 91). Здесь они, между прочим, занялись и воспитанием юношества не только католического, но и других исповеданий. Из воспоминаний Тредьяковского о его детских годах, проведенных в Астрахани, мы узнаем, что он учился, по желанию отца, «словесным наукам на латинском языке. . . в Астрахани у Римских живущих там монахов» (П. Пекарский. История Академии Наук в Петербурге, т. II, СПб. 1873, стр. 3—4). О программе этого «учения словесным наукам» можно судить по тому, что в Москве в 1723 г. Тредьяковский поступил прямо в класс реторики славяно-греко-латинской академии (см. там же, стр. 5). Надо полагать, что в программу этого обучения у «Римских монахов» в Астрахани входило хотя бы некоторое знакомство с формами школьной поэзии, в том числе, возможно, и с школьной драмой. Неизвестно, были ли школьные спектакли у этих монахов, но нет ничего невозможного в предположении, что какие-то представления, как вспомогательное средство обучения латинскому языку, существовали в их училище. Отсюда могло пойти знакомство астраханцев с школьной драмой. Это знакомство, впрочем, если оно и было, не могло выйти за пределы узкого круга людей, знавших латинский язык.

Первые образцы пьес на славяно-русском языке мог привезти в Астрахань Лаврентий Горка, бывший с 8 сентября 1723 г. по 7 сентября 1727 г. епископом астраханским и ставропольским. Еще в 1707 г. он занимал в Киевской академии кафедру пиитики и составил здесь курс под заглавием «*Idea artis poeseos*», повторяющий частью непосредственно Понтана, частью более близкого по времени к Лаврентию Горке Феофана Прокоповича. В следующем 1708 г. Лаврентий Горка дал приложение своей теории к драматической практике, написавши трагедокомедию «Иосиф патриарха». Привыкнув в Киеве к школьным спектаклям, Лаврентий Горка, возможно, попытался завести их и в Астрахани, где почва могла быть подготовлена «римскими монахами». Оставалось продолжить их работу и упражнения на латинском языке обратить в спектакли, доступные зрителям более широкого круга. Наконец, в 1729 г. в Астрахани открывается «латинская школа», куда, по требованию Варлаама Ливницкого, присылают учителем ученика Московской славяно-греко-латинской академии Павла Горошковского (С. Смирнов. История Моск. слав.-греко-лат. академии. М. 1855, стр. 229). С этого момента школьные традиции двух старейших академий — Киевской и Московской — находят себе в Астрахани постоянное прибежище, и здесь, в этой новой «латинской школе», возможно сделана была

попытка завести постоянные школьные спектакли, один из образцов которых сохранила нам рождественская пьеса. Если это предположение верно, тогда понятно, почему, с одной стороны, в пьесе чувствуется воздействие украинской литературной традиции и языка, с другой — она построена так примитивно. Конечно, никаких сценических приспособлений, которые дали бы возможность развернуть пышные спектакли, какими уже блистали в это время театры Киевской и Московской академий, в скромной астраханской «латинской» школе не было. Можно было ограничиться лишь такими пьесами, которые приближались к типу декламаций и довольствовались одной площадкой («rodium»), где поочередно сменялись исполнители разных ролей. Киев также знал пьесы такого упрощенного типа. Для Астрахани он, вероятно, остался единственно возможным.

Таким образом есть основание полагать, что Астрахань, куда с XVIII в. сведения о школьных представлениях могли проникнуть из трех источников — непосредственно с Запада через капуцинов и иезуитов, из Киева через Лаврентия Горку и из Москвы через преподавателей новой «латинской» школы, — откликнулась на эти воздействия извне и, судя по сохранившемуся тексту пьесы, попыталась сделать свой вклад в репертуар школьных театров, устраивавшихся в XVIII в. во всех почти городах, куда проникали в качестве руководителей воспитанники Московской и Киевской академий.

И. П. ЕРЕМИН

Драма-игра „Царь Ирод“

Характеризуя репертуар так наз. «народного» игрового театра (XVIII—XIX вв.), обычно говорят о «Царе Максимилиане» и «Лодке» или «Шайке разбойников». Между тем репертуар народного театра далеко не исчерпывается этими двумя пьесами. В этнографической литературе, посвященной описанию разного рода народных увеселений и игр, рассеяно немало сообщений о целом ряде «драм», из которых многие представляют неменьший историко-литературный интерес, чем прославленные «Царь Максимилиан» и «Лодка». Одной из таких драм, несправедливо обойденных историками игрового театра, и посвящена настоящая статья. Речь идет о популярной в недавнем прошлом и у нас на Севере, и на Украине, и в Белоруссии святочной игре в «царя Ирода».

Типичная шутовская буффонада, восходящая своими корнями к мистериальному театру западноевропейского средневековья, эта драма-игра представляет собою пережиток далекого прошлого в условиях нового времени: не только в XIX в., но и в XX в. живет театральный жанр, происхождение которого относят к XI в., а расцвет к XIII—XIV вв. Драма-игра «Царь Ирод» интересна, однако, и не только в этом отношении; самым фактом своего бытования в недавнем прошлом она в особенности наглядно иллюстрирует ту позицию, которую всегда занимало правительство царской России в вопросе о «народном» театре: не препятствуя бытованию игр типа «Царя Ирода», всячески мешать продвижению в народные массы настоящей литературной драмы.

1

Первым в этнографической литературе более или менее подробным описанием этой игры, а также текстом самой драмы, мы обязаны А. Малинке.¹ Игру А. Малинка видел в г. Нежине; там же записал и текст драмы со слов одного николаевского солдата Александра Збронского, родом из с. Тульчина Брацлавского уезда, Каменец-Подольской губернии. По словам А. Збронского, драма была «составлена» солдатом Котляревским, который в свое время играл роли Ирода и мужика, был сценаристом и гри-

¹ А. Малинка. К истории народного театра. Этнограф. обзор., 1897, № 4, стр. 37—43; ср. М. Харламов, «К истории русского театра». Филолог. зап., V, Воронеж, 1911, стр. 753—761.

мировщиком, а также заведывал бутафорскими принадлежностями. «Представления происходили на рождественских святках, — сообщает А. Малинка. — Солдаты брали у своего начальства разрешение и отправлялись с кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домам жителей города. Солдат, игравший роль донского казака, входил в дом и, показав разрешение, спрашивал, желают ли хозяева видеть их игру. Получив согласие, солдаты-актеры расставляли ширмы, переодевались, и представление начиналось».¹ Записанную им драму А. Малинка подразделил на пять действий. Действие первое начинается с того, что Ирод в мантии, в короне, со скипетром и державой в руках сидит на троне и зовет: «Воя, воя, престаньте ко мне двоя в тот же час!» Входят «Спекулятор» и Донской казак: «Что, цару Гироду, требуешь?» Царь приказывает им отыскать «некоторых баб, что варылы грибки». «Спекулятор» и казак уходят. Входят казак и Рахиль с ребенком, сделанным из соломы. «Спекулятор» обращается к царю: «Что, царь, вельшь, — отпустить или казнить?» Царь приказывает казнить. Рахиль падает на колени и просит царя пощадить «невинную душу». Царь неумолим. «Спекулятор» вонзает меч в ребенка, поднимает его вверх и бросает к ногам Ирода. Хор поет: «Не плачь, Рахыля, дятя твое жыве; телом убиенне, но душа спасенна». Является Смерть с косою: «А полно тебе, цару Героду, на сем свити жыты, чаю-пуншу пыты, а времяя тебе иты в ад вечно жыты». Ирод мечется в разные стороны. Смерть косою ударяет его по шее. Ирод падает. Два «служителя» уносят Ирода. Вслед за этим эпизодом следуют в записи А. Малинки отдельные сценки интермедийного характера, с «Царем Иродом» не связанные. Действие второе начинается выходом Наполеона в белых штанах, ботфортах, мундире и треуголке, — персонажа, имя и внешний облик которого «составителю» драмы Котляревскому могли быть подсказаны лубочными изображениями этого императора.² Наполеон кланяется публике и произносит монолог, составленный из традиционных формул выходного приветствия «скорохода-фельдмаршала» в драме «Царь Максимилиан» и первого монолога самого Максимилиана: «Вот, русский господа, я прыхал к вам сюда. Вы знаете, хто есть таков? Я есть французский король, по имени-прозванью Наполион; на престоли сидаю и вси земли забыраю. . .»³ Является горбатый мужик, одетый в лохмотья. Между Наполеоном и мужиком завязывается беседа: Наполеон расспрашивает мужика, кто он такой, из какой деревни и т. п.; мужик отвечает. Беседа эта представляет собою вариацию диалога барина и мужика или «старосты» известной народной драмы «Барин» или «Помещик».⁴ В действии третьем выступает Донской казак. «Голя, голя! Я казак из чыстого поля, — представляется он зрителям. — Я козацькой натуры: пропился од ног и до шкуры; на мне куртка и шаровары из свынячої шкуры; шабля пры

¹ А. Малинка. Ibid., стр. 49.

² См. Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. V, СПб., 1881, стр. 278—284, 475—476.

³ Ср. Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 2, 50 и др.

⁴ Ср. Е. Н. Ончуков. Ibid. стр. 126—133.

боку, сам без оку. . .» Он рассказывает, как его «вчорась у гостях шанувалы», какой он «предивный сон» видел, затем поздравляет всех с праздником пасхи: «Крестос воскрес!» Голос из-за ширм напоминает ему, что нынче не пасха, а рождество: «Брешы, як пес!» Казак приглашает одну из присутствующих на представлении девиц выйти за него замуж и обещает ей за этошить шубу «с вовкив, из лысыць, из прусакив, блошыць. . .», а затем «з горя» запеваает песню: «Да немає лучче, да немає краще, ой, як у нас на України. . .» Является еврей. Казак просит у него, «собашковой горилки». Сцена, несомненно, заимствована из вертепа, откуда в наш вариант попали не только образ казака-гуляки и эпизод с евреем, но и такая деталь, как ошибочное поздравление с праздником пасхи.¹ В четвертом действии выступают «Лыцарь» и девушка. «Лыцарь» обнимает девушку; девушка отталкивает его. «Лыцарь», в любовном отчаянии, стреляет из револьвера в девушку. Из-за ширм раздается известный «жестокий» романс: «Померла наша надежда и скончалася любовь. . .» Заканчивается драма А. Малинки диалогом цыгана и цыганки. Цыган спрашивает цыганку, где она «скрывалася»; цыганка сообщает, что «ходыла на трейте село сыровцю добываты»; цыган предлагает ей «нызенько» поклониться зрителям: «Паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть». Цыганка берет тарелку и просит у зрителей вознаграждения, а цыган по временам подгоняет ее плетью. Эта сценка пятого действия также находит себе параллель в вертепной драме, в частности в ряде ее белорусских вариантов.²

Интересные сведения о постановке «Царя Ирода» в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1889 г. сообщает М. К. Васильев.³ Здесь «Царь Ирод» ставился одновременно с «Царем Максимилианом»; сводная пьеса носила название «Трон», и, по словам М. К. Васильева, исполнялась из года в год более двенадцати лет. «Уже за несколько недель до рождественских праздников, — рассказывает М. К. Васильев, — идет в рабочих казармах Лебединского сахарного завода, в свободные от смены двенадцать часов и даже между делом на самом заводе, разучивание ролей; несколько искусников готовят в то же время из закупленной разноцветной и золотообрезной бумаги убранство для играющих: шапки, военные костюмы, напоминающие форму павловских времен, мечи и пр. Определенного места для игры нет. В первый день праздника, в час или два пополудни появляются «трончики». Царь Максимилиан, идя впереди, заходит под ряд в квартиры служащих и испрашивает позволение на представление; если получается положительный ответ, то труппа заходит в комнаты и открывает действие. . .; кончив в одном доме, идут в следующий. «Трон» обыкновенно сопровождается «музыкой» из двух, трех музыкантов-украинцев. . . Обошедши всех «панов»,

¹ См. Е. Марковский. Український вертеп. У Києві, 1929, стр. 76—82, 88—91, 175.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 101. Ср. П. В. Шейн, «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», т. III, СПб., 1902, стр. 150—151.

³ М. К. Васильев. К истории народного театра. Этнограф. обзор., 1898, № 1, стр. 76—100.

труппа до вечера гуляет, выпивает; на следующий день обыкновенно предпринимается путешествие в соседние местечки и сахарные заводы. . . »¹ Текст представления М. К. Васильевым был записан от Филиппа Терешкова, крестьянина с. Уноковичи Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Выходит царь Ирод и сообщает зрителям, что «в городе Вихлиеме родился новый царь юдейский», который хочет его «с парского престола сверзгнуть». Ирод зовет своего «воина». Является Аника-воин. Ирод ему приказывает: «Пойди, братец, во все четыре страны, край белого свету, зайди в город Вихлием, зруби младенцев мужского полу яко двух до трех лет». Ирод уходит. Аника прохаживается, размахивает мечом, делая вид, что истребляет младенцев. Снова появляется Ирод. Аника сообщает Ироду, что приказ его выполнен, чему «свидетель» — меч. Ирод обещает Анике «большую награду». Аника уходит. Ирод похвально: «Хожу я, броджу я по чистому полю, по широкому раздолю, нет мне стрешника-поперешника, с кем бы я мог биться-рубиться на сбрую ратную, на меч булатный». Является Смерть.

С м е р т ь. Вот я тебе стрешница и поперешница.

И р о д (*кидаясь к Смерти*). Ох ты баба, ты старуха, подозрное у тебя брюхо.

С м е р т ь. Я не баба, не старуха, я — твоя смерть. . .

Ирод, опешив, просит у Смерти «свободы» сперва на три года, потом на три месяца, наконец, на три дня. Смерть отказывает ему в просьбе, заманивается косою и убивает его. Хор поет:

Время льется так, как речка,
Год проходит так, как час;
Человек живет, как свечка:
Ветер дунул — он погас.

Входит Аника-воин и говорит: «Истинно, господа, время льется так, как речка. . . Так и сей Ирод: учера пил, гулял, веселился, но сегодня пришла смерть, скасовала его. О, погиб Ирод, погиб! Но я был, господа, его воин. Теперь сам предаю себя злой смерти. . . Нет, господа генералы, не предам себе смерти, предамся королю Мамаю ухтерительно (sic!) службу служить». Хор поет: «Ох, ты Ирод, ты безбожный, поспешай скорей во ад».

Е. Гай-Сагайдачная в статье «Три царя»,² следующим образом описывает представление «Царя Ирода», которого она одновременно с «Царем Максимилианом» видела в Чугуеве в исполнении труппы, состоящей из 32 человек: «. . . Грянул выстрел, и в залу вошел, как оказалось, «палач Брамбеус», огромный, широкоплечий мужица в красной кумачевой рубахе, в высоких сапогах с двумя кинжалами и тремя старинными большими пистолетами за поясом. . . Он взял кресло и

¹ М. К. Васильев, *Ibid.*, стр. 77.

² Южный край, 1900. № 6877.

поставив посреди сцены, молча удалился. Три выстрела один за другим означали приближение царя Ирода. Хор запел:

Х о р. Во парь Ирод грядет
Во все страны пленитесь
В Вифлеем вифлеемский.

Появился царь Ирод. На нем была черная бурка с нашитыми клоками ваты, на голове корона из золотой бумаги и в руках длинная палка. Он вошел торжественно и важно, сел на кресло и начал, сильно волнуясь:

И р о д: Я слышал, господа, от своих учителей и законодателей, что в городе Вифлееме родился царь иудейский и хатит меня с этава престола свергнуть, — ну, а я этого ужасаюсь и не магу сваво сердца вталить, чтобы младенцев не избить. Ох, война ты мой воин, где ты мой любезный воин. . .

Является воин в старом солдатском мундире с кумачными лампасами на клетчатых нанковых шароварах, с тремя орденами от котильона, в игрушечной каске, с пехотным тесаком и саблей наголо.

В о и н. Здесь, здесь, царь Ирод. Зачем изволишь призывать и куда изволишь посылать?

И р о д. Пойди во все страны иудейские, избей младенцев мужеска пола от двух и до трехлетнего возраста, где только можешь приобрести.

В о и н. Пойду и изобью (*уходит*).

Хор за сценой поет: «Дева днесь».

В о и н (*входит*). Ходил и избил. Ну, одна ихняя женщина не дает младенца губить, хочет твоей милости просить.

Входит актер, одетый в женский малороссийский костюм, прижимая к груди ребенка, свернутого из тряпок, и горько плача.

Подойдя к Ироду, она становится пред ним на колени.

Ж е н щ и н а. Ирод, Ирод, царь ты великий, не губи сына моего ты единого, оставь его ты на радость мне, на радость да на утеху.

И р о д. Брось, брось, злодейка, а то будет и тебе, что чаду твоему — смерть.

Ж е н щ и н а. Пощади! Сына моего не губи!

И р о д. Взять его силой.

Воин вырывает ребенка и бросает его на пол. Вбегает душ двадцать воинов все с саблями наголо, у многих пики. Один из воинов подражает крику ребенка. Воины набрасываются на ребенка, закалывают его и выкидывают за кулисы. Мать с криком бросается за ним. Солдаты уходят.

Входит Смерть. В длинной белой женской рубаше, на которой углем нарисован скелет, голова туго повязана белым платком, на ногах белые шерстяные чулки без башмаков, в руках коса. Смерть идет медленно, неслышно, скользя по полу, и рукой дотрагивается до Ирода.

И р о д (*вскакивая, грозно*). Прочь, старая старуха, распорю тебе брюхо, как ударю в висок, рассыпешься в песок. Прочь, баба негодяйка. **С м е р т ь**. Будет тебе, царь, царевать, пора и с места устать. Я не баба негодяйка, я мать смерть твоя.

И р о д (*падая перед ней на колени*). Смерть! Ох, смерть, мать моя, дай мне еще хоть один год пожить.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. Месяц.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. День.

С м е р т ь. Нет. Коль говорить с тобой мало тебе голову снимаю или позову брата с питейного ада. Братья, братья, возьмите его. Выскакивают два черта в вывороченных тулупах, в масках с рожками, тащат Ирода, он падает, упирается. Смерть идет за ними.

Х о р (*поет*). Погиб, погиб Ирод ужасный
Смертью несчастной,
Не говоря худого слова,
От беззакония большого».

Необычайно пышную постановку «Царя Ирода» в 1910 г. видел А. Смирнитский¹ в Новоархангельской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии: в представлении — «Царь Ирод» шел одновременно с «Царем Максимилианом» — было занято около пятидесяти человек; спектакль сопровождали хор певцов, шумовой и духовой оркестры. А. Смирнитский так описывает первую часть виденного им представления этой сводной пьесы, которую местные жители называют «Троном»: «По середине комнаты, сарая ставится трон — высокий стул, спинка которого удлиняется подвешиванием палок, — покрывается кумачем и разукрашивается золотой бумагой. Полукругом располагается хор. На троне садится царь Ирод. Три волхва; они в белых, чистых сорочках, «гарно» вышитых, подпоясанные широкими цветными поясами; две широких ленты обхватывают накрест грудь; на груди иконы с изображением рождественского вертепа; на голове картонные шестизубчатые короны, оклеенные золотой бумагой, украшенные серебряными звездами и крестами; остальное одеяние их — обыкновенное праздничное платье. . . Волхвы выходят вперед, останавливаются вправо и впереди трона; у них в руках восковые зажженные свечи; они поют рождественский кондак «Гряде звезда чудна», и ветер в нарочно открытую на это время дверь колеблет пламя их свеч, и, когда кончают петь, он гасит их (конечно, они задувают сами): от небесного они переходят к земному. Ирод обращается к ним с вопросом, куда они идут. «Поклониться новорожденному младенцу», — отвечают они, и Ирод просит их сообщить, где находится этот младенец. Но один из них вполголоса убеждает остальных не говорить. «ибо он погубит мать и отроча». Один за другим волхвы тают в хоре. Следует небольшая

¹ А. Смирнитский. К вопросу о вырождении вертепной драмы. Изв. Одесск. библиограф. общ., т. II, вып. 5, Одесса, 1913, стр. 194—211.

пауза, после которой Ирод, высказав опасения за свое царство, зовет война. Воин, выскочив из хора, салютует ему саблей, «как полагается»: он поднимает ее в уровень с глазами и опускает. «Явление мое пред тобою!» — выкрикивает он, как можно громче, сильно сжимая горло: — «Не вгодно ли песни петь пред тобою?» Но Ирод песен не хочет слушать. Он приказывает ему отправиться в Вифлеем и избить, изрубить младенцев «от ниже двух и до трех летнего возраста». Воин, просалютовавши, отправляется исполнить приказание Ирода. Хор поет тогда первую «печатальную» песню:

Черная хмара наступила на небеса,
А вже нашему Иродею помрачались глаза.
Гряди, гряди ты, безумный, во град воевать.
А ще дав нам таку волю, щоб младенцев убивать.

За первой непосредственно следует и вторая, рассказывающая бегство Иосифа и Марии в Египет. Таким образом хор рассказал, что должно было непосредственно произойти перед зрителем: избивание вифлеемских младенцев и бегство Иосифа в Египет. Ирод заставляет вернувшегося война, в доказательство, при нем убить ребенка, которого выносит мать из хора. Появляется Смерть; она дает, по его просьбе, «вильготы на три часа, потому что младенцы еще не считанные», и затем дает ему «острую косу». Хор опять рисует то, чего нельзя изобразить:

Врата ада растворилися, без терпения тебя ждуть.
И все грозно расступилися, словно свищут, отсекут.
Просветился ты, безбожный, поспешай скорей у в ад.
С раскаленными цепями, сатана ты, адский брат.
Время льется так, как речка,
Год проходит так, как час;
Человек живет, как горит свечка:
Ветер дунул й он погас.

Так наш царь Ирод: вчераж жил, пил, веселился, а нынче смерть с блестящею косою разом поразила его.

Является Чорт, берет Ирода за плечи и ведет его в ад; хор стучит ложками. Старший воин, лишившись своего любимого начальника, Ирода, думает кончить жизнь самоубийством, но, чтобы «не нарушить закона против веры Авраамовой», идет и предается неверному королю Мамаю: «Здравия желаем, твое султанское величество! Я пришел принять твое покровительство», говорит он королю Мамаю, пока еще не выделявшемся из хора. Король Мамай принимает его, и хор поет ему славу.¹

Драма «Царь Ирод» была известна не только на Украине.

В 1907 г. Н. Е. Ончуков, путешествуя по Северу, набрел на следы этой драмы в с. Чекуеве на р. Онеге. Здесь Н. Е. Ончукову удалось свести

¹ А. Смирнитский. Ibid., стр. 196—198. В Елизаветградском уезде Херсонской губернии ежегодные представления драмы «Трон» были традиционными. Ср. В. Ястребов. Святочная народная драма „Трон“. Киевская старина, 1895, № 2, стр. 55—59.

знакомство с волостным старшиной С. Я. Коротких, местным знатоком «Царя Максимилиана» и других пьес игрового театра. В с. Чекуеве, по словам С. Я. Коротких, «Царя Максимилиана» играют так: «Вносят на сцену трон, выходит царь Ирод, в солдатском мундире, в порфире из шубы на меху и короне и заявляет, что он грозный царь Ирод и воцарился не для того, чтобы сделать урон, а чтобы сделать мир, тишину и оборону, а сам зовет фельдмаршала и приказывает ему обойти все стороны и побить всех младенцев. Скорород-фельдмаршал уходит и приводит мать с отроком, но выходит Смерть и говорит: «Полно царю Ироду на сем свете царствовать, младенцев убивать, невинную кровь проливать». Ирод просит пожить, погулять, повеселиться, с белым светом проститься. Смерть разрешает, Ирод поет: «Близко Дону, близко Тихого Дуная»; снова является Смерть и подрезывает Ирода косой. Входит «команда» и уносит Ирода с песней: «Понеси душу в ад, в вечное жилище, так и черти говорят про его светлице». Затем идет обычное представление «Царя Максимилиана. . .»¹

Известны случаи представления «Царя Ирода» и в Белоруссии. Здесь «Царь Ирод» обычно шел одновременно с «Царем Максимилианом»; сводная пьеса носила название «Мушкарата»; по словам Е. Р. Романова,² этот «Мушкарат» неоднократно ставился в г. Гомеле и Белице.

2

Обзор известных нам записей и пересказов драмы о царе Ироде показывает, что все варианты этой игры, несмотря на расхождения в частности, несомненно восходят к одному общему источнику. Этим источником, связывающим драму «Царь Ирод» с нашей школьной рождественской драмой XVII—XVIII вв. и ее многочисленными западноевропейскими предками, был бродячий народный кукольный театр «вертеп» или «батлейка».

Вспомним содержание вертепной драмы. Начинается она, по варианту Г. П. Галагана, наиболее полному из пока известных, с появления на сцене двух ангелов. Один из них будит спящих пастухов и сообщает им о рождении Христа. Хор поет «Слава в вышних богу. . .» Пастухи встают и с ягнёнком в руках идут поклониться новорожденному. Появляется царь Ирод. Ему навстречу идут три волхва. Ирод спрашивает их, куда они идут и кому несут «такие драгоценные дары». Волхвы говорят, что идут поклониться «Христу новорожденному». Ирод просит их и его известить о месте рождения Христа, чтобы и он мог поклониться ему, как царю. Затем волхвы поклоняются Христу, приносят ему дары и, по внушению ангела, не заходя к Ироду, а возвращаются домой другим путем. Ирод в гневе зовет воинов и приказывает им обойти все города и пределы его царства и беспощадно избить всех младенцев. Воины уходят. Хор поет: «Перестань рыдать, печальная мати. . .» Во время пения хора воин ведет к Ироду Рахиль, держащую на руках ребенка. Воин сообщает Ироду, что приказ его выполнен: во всех городах дети убиты, в живых остался только младенец Рахили, «которая хочет

¹ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере. Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1909, т. XIV, кн. 4, стр. 227.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 73.

заменить его смерть собою». «Что велишь: убить или жизнь ему даровать?» — спрашивает Ирода воин. Ирод приказывает убить ребенка. Воин исполняет приказ. Рыдающую Рахиль утешает хор: «Не плачь, Рахиле, видя чадо не живое. . .» Воин прогоняет Рахиль. Ирода томит предчувствие смерти. Он приказывает воинам встать у порога и на впускать к нему Смерть. Хор предвозвещает Ироду грозящую ему участь. Является Смерть: «Что ты, Ироде несытый, почто сие болтаешь, меня убити своим воинам повелеваешь! Я в помощь призову своего брата из пропасти ада. Будешь, будешь знать, как убивать неповинные чада!» Смерть зовет Чорта. Входит Чорт и, узнав в чем дело, советует Смерти, сестре своей, поднять косу и ударить Ироду «во главу». При виде Смерти Ирод обнаруживает заносчивость и величается своею славою, богатством и силою. «Безумне!», говорит Смерть Ироду. «Всего свята я сильнее нахожуся и от начала века никому не поклонюся. . .» Она напоминает Ироду, что ей подвластны все «парие и князие», берет косу и поражает ею Ирода. Чорт подходит к убитому Ироду и уносит его. Хор проклинает Ирода.¹

Как видим, сюжет драмы «Царь Ирод» буквально соответствует вертепному сценарию: одни и те же сцены, одна и та же последовательность в их чередовании.

Исключение представляет только сцена поклонения пастухов новорожденному Христу; во всех известных нам вариантах драмы о царе Ироде она отсутствует; ее не было, повидимому, и в архетипном тексте драмы: то, что сравнительно легко можно было изобразить при помощи кукол на специально приспособленной для этого вертепной сцене, могло представить целый ряд серьезных затруднений при исполнении этой же сцены живыми актерами. В архетипном тексте драма о царе Ироде, вероятнее всего, началась сценой прихода к Ироду волхвов; утраченная большинством вариантов драмы сцена эта сохранилась в варианте А. Смирнитского, правда, без эпизода поклонения волхвов Христу, эпизода, который, повидимому, выпал по тем же причинам, по которым не вошла в состав драмы сцена поклонения Христу пастухов. В херсонских вариантах драмы В. Ястребова и А. Смирнитского промежуток времени между приказанием Ирода об избивании вифлеемских младенцев и возвращением воина заполнен песней хора, в которой рассказывается о бегстве Иосифа и Марии в Египет; отсутствующая в Галагановском вертепе, эта песня известна вертепу Славутинскому.² О теснейшей связи драмы о царе Ироде именно с вертепным сценарием рождественской мистерии в особенности наглядно свидетельствует сцена с Рахилью. Отметим, что во всех пока известных школьных драмах рождественского цикла Рахиль никогда не появляется; в «Комедии на рождество христово» Дмитрия Ростовского вертепной сцене с Рахилью соответствует песня хора и аллегорический «Плач и рыдание о убиенных отрочат подобием плачевной Рахили»;³ в анонимном «Действии на р. х.» — плач «Дщери

¹ См. С. Марковский. Украинський вертеп. У Києві, 1929, стр. 40—61.

² См. С. Марковский. Ibid., стр. 145—146, 152—153.

³ В. І. Рєзанов. Драма Українська. ІV. Шкільні діяства різдвяного циклу. У Києві, 1927, стр. 128—132.

Сионской»;¹ в «Комическом действии» М. Довгалевского имя Рахили вообще не упоминается. Сцена между Иродом и Смертью, по большинству вариантов драмы о царе Ироде, представляет собою диалог — торг Ирода со Смертью: Ирод сперва просит отсрочки обычно на три года, затем на три месяца, на три дня и, наконец, на три часа. Те варианты драмы, которые не знают этого мотива, очевидно, ближе воспроизводят архетипный текст драмы, так как ни один из известных нам вертепных текстов этого мотива также не знает. «Царь Ирод», нет сомнения, этим мотивом обязан драме о царе Максимилиане, точнее, одному ее эпизоду, а именно сцене между Аникой-воином и Смертью.

Из числа всех известных нам вариантов «Царя Ирода» наиболее тесную связь с вертепной драмой обнаруживает вариант А. Малинки. Эта связь сказывается и в песне хора: «Не плач, Рахыля, дытя твое жыве. . .», песне, неизвестной остальным вариантам, и в отсутствии сцены торга Ирода со Смертью, и в наличии интермедийных сенок с Донским казаком и евреем, цыганом и цыганкой. Связь настолько сильна, что невольно возникает вопрос, не вторичного ли происхождения «Царь Ирод» в записи А. Малинки, не «составлен» ли он действительно солдатом Котляревским на основе какого-то вертепного сценария, независимо от драмы об Ироде. Так это или не так, сказать трудно. Не исключена, впрочем, возможность, что А. Малинке удалось записать драму о царе Ироде в варианте, по составу наиболее близком к архетипу. Отсутствие интермедийных сенок вертепного происхождения во всех остальных известных нам вариантах «Царя Ирода» еще ни о чем не свидетельствует: они могли естественно выпасть, когда «Царя Ирода» присоединяли, как это бывало, к «Царю Максимилиану». Одновременное в ряде случаев исполнение обеих пьес — факт, который вообще многое объясняет нам в литературной судьбе «Царя Ирода». Обе драмы, соединенные в одну сводную пьесу, не могли не оказать известного влияния друг на друга. Во всяком случае примеров прямого воздействия «Царя Максимилиана» на драму о царе Ироде можно указать немало. Сюда относятся сцена торга Ирода со Смертью, несомненно навеянная диалогом Аники-воина и Смерти, диалогом, известным почти всем вариантам «Царя Максимилиана», — появление самого Аники-воина в варианте М. Васильева, «скорохода-фельдмаршала» — в чекуевских вариантах. Воздействием «Царя Максимилиана» объясняется также эпизод, которым заканчиваются варианты М. Васильева и А. Смирнитского и которому мы тщетно стали бы искать параллели в вертепных текстах: «Аника-воин» первого варианта и «Старший воин» — второго, проводив Ирода в ад, решают кончить жизнь самоубийством, но, обдумав, идут служить новому господину, «неверному королю Мамаю»; аналогичную сцену знают некоторые варианты «Царя Максимилиана», именно Е. Р. Романова,² А. И. Мякутина³ и Н. Е. Ончукова:⁴ после смерти короля Мамаю его «пле-

¹ В. И. Рязанов. Ibid., стр. 162—164.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. V. Витебск, 1891, стр. 281.

³ А. И. Мякутин. Песни Оренбургских казаков. IV. СПб., 1910, стр. 302.

⁴ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 43—44.

мянник» или «тонец» с горя кончают жизнь самоубийством даже тогда, когда им удастся поступить на службу к царю Максимилиану. Нам известны, наконец, случаи полной ассимиляции «Царя Ирода» с драмой о царе Максимилиане.¹

Когда возникла драма о царе Ироде, сказать трудно. А. Сулоцкий² утверждает, что «Царь Ирод» разыгрывался тобольскими семинаристами уже в XVIII в. на ряду с «Максимилианом», «Фомкой» и «Калифом на час».

3

Зимой 1896/1897 г. в местечке Славуте Заславского уезда Волынской губернии этнограф В. А. Мошков записал два варианта драмы «Царь Ирод». В представлении первого варианта принимали участие парни 18—20 лет; второго — мальчики 13—14 лет. Запись вместе с театральными аксессуарами, а также четырьмя фотографическими снимками, в свое время была передана В. А. Мошковым в Городецкий музей Ф. Р. Штейнгеля, где она и хранилась до 1917 г.³

В своем письме по поводу этой драмы, частично опубликованном Е. Марковским,⁴ В. А. Мошков сообщает следующие сведения. Представления «Царя Ирода» в местечке Славуте происходили на рождественских святках. Пьеса исполнялась двумя труппами. «У этих трупп для их представлений не было, разумеется, никаких декораций; все их театральное имущество состояло из их костюмов, которые они вновь шили на каждое рождество, и палатки, в которой помещался трон Ирода (попросту табуретка)». Царь Ирод, по воспоминаниям В. А. Мошкова, изображался «в солдатском мундире, поверх которого накинута красная мантия; он подпоясан широким кушаком, оклеенным золоченой бумагой; через левое плечо повешена цветная бумажная орденская лента, а через правое — шашка на португусе, обклеенной золотой бумагой; на голове картонная корона, обклеенная золоченой бумагой, на руках белые перчатки». «Хранитель» Ирода выступал «в обыкновенной маринарке с золотыми галунами на груди, с лентой через плечо и с шашкой; на голове невысокая цилиндрическая шапочка с пером». Воины — «в корот-

¹ См. сборн. ОРЯС АН, т. ХС, № 7. СПб. 1914, стр. 186—187.

² А. Сулоцкий. Семинарский театр в старину в Тобольске. Чтения в Общ. истор. и древн. рос. при Московском унив., 1870, кн. 2, т. V, стр. 157.

³ Н. Беляшевский. Отчет Городецкого музея Волынской губернии барона Ф. Р. Штейнгель, за первый год, с 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Варшава, 1898, стр. 32. Материалы Городецкого музея после революции были переданы Историческому музею им. Т. Шевченко в Киеве. Среди этих материалов, однако, не оказалось записи «Царя Ирода»: рукопись исчезла. Не удалось отыскать ее и Е. Марковскому, который недавно сообщил некоторые новые подробности о постановке этой драмы в м. Славуте на основании письма к нему В. А. Мошкова от 1917 г. Весною 1937 г. мне совершенно случайно удалось приобрести эту утерянную рукопись вместе с фотографическими снимками в Киеве у одного букиниста на базаре, в руки которого она каким-то образом попала. Эта находка дает нам новый, в историко-литературном отношении небезинтересный материал для характеристики литературной судьбы «Царя Ирода».

⁴ Е. Марковский. Український вертеп. У Кліві, 1929, стр. 137—140, 156—160.

ких мундирах из ситца, в кожаных кушаках с бляхой, с шашками через плечо; на головах каски из золоченой бумаги; у одного из них кроме шашки пика». Рахиль — «хлопец, одетый в женское платье с тряпочной куклой в руках». Чорт — или «в обыкновенной маринарке с черной маской на лице, с рогами», или «в полушубке, вывороченном наизнанку». Смерть — «хлопец с накиннутой на голову простыней, в белой маске, с деревянной косой в руках». Волхвы одеты «в красные мантии из кумача, с золотыми коронами на головах». Книжник — «в старинном еврейском костюме, в белых чулках и туфлях, с длинными дейсами, в меховой шапке»

Первый вариант драмы в записи В. А. Мошкова читается так (текст воспроизвожу точно по рукописи, но по новой орфографии):

Перед зрителями стоит палатка с двумя занавесями; на первой занавеси наклеена икона рождества Христова, на второй — звезда. Хлопцы, стоящие за палаткой, поют коляду.¹ Выходят два воина (после пения коляды); они одеты в светлозеленые мундиры и красные штаны; поднимают сначала первую занавесь (по местному — «заслону»), потом вторую. В палатке на троне сидит Ирод.

Ирод. Хранитель, выступи к трону.

Хранитель. Здравствуй, царь Ирод, на что свою верную слугу призываешь? На какой указ повелеваешь? Что хошь сказать? Куда хошь послать? Желание исполню.

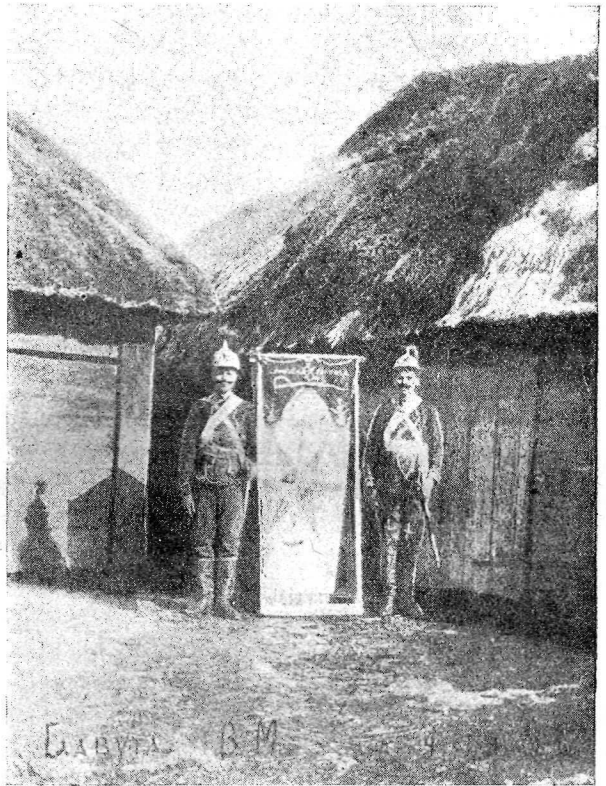
Ирод. Призови мне моих воинов.

Приходят воины и, держа шашки на караул, говорят: Царь Ирод, чего изволишь?

Ирод. Ступайте мне отыщите Рахилю с младенцем.

Воины. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени они возвращаются и говорят: Везде искали и не нашли Рахилю с младенцем.

Фиг. 1.

¹ Ср. Х. Сакович, «Духовные песнопения», Почаев, 1887, стр. 12.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

И р о д. Ступайте под Кавказские горы, хорошенько разыщите и приведите их ко мне.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени возвращаются: Нашли, только стража стоит, нельзя ей оттудова взять.

А

И р о д. Я этого знать не знаю, мне стражу разбейте и приведите пред мои глаза.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

В

Ге же и Рахиль.

Р а х и л ь. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Где ты пряталась?

Р а х и л ь. Я нигде не пряталась, только свое дитё прятала.

И р о д. Я тебе велю его казнить к смерти.

Р а х и л ь (задом к публике). Царь Ирод, лучше не казни дитя, казни меня.

И р о д. Ты мне не нужна, только твое дитё.

Р а х и л ь. Дай моему дитю хоть на три дня жизни.

И р о д. Не дам даже на три минуты.

Р а х и л ь. Дай хоть на два дня жизни.

И р о д. Даже на две минутки не дам.

Р а х и л ь. Дай хоть на один день жизни.

И р о д. Даже на одну минутку не дам, бо со мно(й) не разговаривай, катуй, катей.

Солдаты поднимают ребенка на пику и уносят его; за ними уходит Рахиль.

С

Приходит Смерть с косой.

С м е р т ь. Их ты, Ирод, погибшая душа, погибнешь ты сию минуту.

И р о д. Смерть моя дорогая, чего жь ты так скоро по мене пришла, почему ты не дала мне хоть на три дня жизни?

С м е р т ь. Даже на три минуты не дам.

И р о д. Дай хоть на два дня жизни.

С м е р т ь. Даже на две минуты не дам.

И р о д. Дай мне хоть на один день жизни.

С м е р т ь. Даже на одну минуту не дам. Тотчас ты погибнешь, сею минуту

Ирод, при виде Смерти, становится на колени. Смерть, при последних словах, дотрогивается до него косой и уходит. Ирод остается стоять на коленях, но опускает ниже голову. Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха, Ирод, проклятая душа. Я на тебе ждал 37 лет и три года, покуда до тебе дождался. Теперь пойдя за свои дела в пекло.

Чорт толкает Ирода за палатку.

Д

Приходит один из воинов и говорит, глядя на пустую палатку:

В о и н. Нет нашего царя Ирода, верно его смерть взяла.

Является Хранитель.

Х р а н и т е л ь. Феодул, что губы надул?

В о и н. Как мне губы не надувать, когда нашего царя Ирода нет?

Х р а н и т е л ь. Почему жь ты на страже не оставался?

В о и н. Это тебе надо было остаться.

Х р а н и т е л ь. Нет тебе.

В о и н. Нет тебе.

Х р а н и т е л ь. Пойдем сражаться, увидим, кому надо было остаться

Сражаются. Хранитель убивает воина.

Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха! Счастье за счастьем, один за другим. Пойди за свои дела в пекло (толкает его).

Е

Выходит другой воин и говорит, поднявши кверху копьё:

В о и н. Что я за воин, что я за герой, вот мое копьё, вот моя защита, моего дедушки Атита. Мой дедушка был Атит, со всеми богатырями бит. Я млад юноша остался, в Миоланом я дрался и то ему не поддавался. Выходи, кто на стране, не поддамся и самому сатане. Правой рукой города разбиваю, левой рукой села и башни под облака бросаю.

Приходит первый воин (уже убитый).

1 - й в о и н. Если бы ты в наших змеиных пещерах бывал, даже твой прах бы не существовал.

2 - й в о и н. Я в ваших змеиных пещерах бывал, таких молодцов, как ты, по семьсот убивал и тебя убью.

Они бьются, и первый воин убивает второго. Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха. . . Счастье за счастьем. Взял двух, наготовленный третий. Пойди и ты за свои дела в пекло.

Вариант в т о р о й.

Два волхва подходят к палатке Ирода.

В о л х в ы. Здравствуй, Ирод.

И р о д. Здравствуйте. Что вы за люди?

В о л х в ы. Мы волхвы, т. е. мудрецы, живем на востоке и по звездам узнаем судьбу каждого человека. И вот мы увидели необыкновенную звезду и узнали, что должно быть родилось какое-нибудь божеское лицо и пришли спросить тебя. Как есть в твоём владении, то расскажи нам, а как нет, то мы пойдем дальше.

И р о д. Постойте, сейчас позову книжника.

К н и ж н и к (одет евреем, с книгой в руках). Чего изволишь, царь Ирод?

И р о д. Кто в этое время должен родиться?

К н и ж н и к (раскрывает книгу). В этое время должен родиться царь иудейский в городе Вифлееме, потому что сказано через пророков.

Опускается занавесь с рождеством. В это время хор поет коляду, В это время приходят волхвы и поклоняются рождеству. После того открывается занавесь, приходят два воина и говорят:

В о и н ы. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Идите у город Вифлеем, избивайте младенцев мужеского пола до двухлетнего возраста и разыщите между ними царя иудейского.

В о и н ы. Слушаем и исполняем (*уходят*).

Хор поет коляду (продолжение).

В о и н ы (*возвращаются*). Всех младенцев избили до 14 тысяч, но царя иудейского не нашли.

И р о д. Идите, разыщите Рахилью с младенцем и приведите ее ко мне.

В о и н ы. Слушаем и исполняем

Хор поет коляду (продолжение).

В о и н ы. Нашли, только стража большая, нельзя взять ее оттуда.

Затем см. 1 вар. от А до В.

Хор поет коляду (продолжение).

Затем см. 1 вар. сцены с Рахилью, от В до С.

По уходе Рахили хор поет коляду (продолжение)

См. далее 1 вар. сцены со смертью, от С до D.

Хор поет коляду (конец).

Приходит Еврей и во время предыдущего пения плачет над Иродом. Приходит Чорт и булавою (мягкой) убивает еврея, и еврей уходит. Далее вар. 1 от D до E. После этого Чорт садится на троне Ирода и жестами выражает свою радость. Приходит Воин.

В о и н. Что за чортова харя сидит на троне? Я тебе череп разможжу шашкой.

Ч о р т. Ты хочешь со мной драться? Я всех неверных побил и тебя убью и в пекло заберу (берет воина на руки и уносит).

Оба варианта драмы «Царь Ирод» в записи В. А. Мошкова сходны между собою; взаимно дополняя друг друга, они, несомненно, восходят

дедушки Атита. Мой дедушка был Атит, со всеми богатырями бит. Я, млад юноша, остался, с Миола-ном я дрался и то ему не поддался. Выходи, кто на стране, не поддамся и самому сатане. Правой рукой города разбиваю, левой рукой села и башни под облака бросаю...

... Если бы ты в наших змеинных пещерах бывал, даже твой прах бы не существовал.

— Я в ваших змеинных пещерах бывал, таких молодцов, как ты, по семьсот убивал и тебя убью.

воды — воды кипят!.. Вот моя награда, вот моя защита — от дедушки Тита. Мой дедушка Тит был двенадцатиглавым змием убит; но я, млад юноша, остался, было бы их двое — и то б я не поддался! Кто есть в сей стране? Выходи! — Не поддамся самому сатане!¹

... Ах, ты, распроклятый Змеу-лан! Ты не знаешь, как я в ваших пещерах и дебрях бывал, по семисот таких храбрецов убивал. — ... Если бы ты в наших пещерах и де-брях бывал, твой дух и прах на сем свете не существовал...²

¹ Сборн. ОРЯС АН, т. XC, № 7. СПб., 1914, стр. 187.

² Там же, стр. 181—182, 184.

Акад. А. С. ОРЛОВ

Гистория об Илье Муромце и Соловье Разбойнике

Среди рукописей собрания Н. П. Лихачева, принадлежащих Академии Наук, есть сборник XVIII в. (4^о, на 130 лл.), который числится под № 74 в инвентаре, составленном мною для части рукописного собрания б. Института книги, документа, письма. Этот скорописный сборник состоит из трех разновременных частей.

I. Первые 54 лл., писанные в начале XVIII в. одною рукою на бумаге с филигранью «герб Амстердама» хорошего рисунка, заняты тремя «Словами» против «ересей»: Козьмы пресвитера против богумилов, константинопольского патриарха Фотия против латинян и Иосифа Волоцкого против жидовствующих. Последние два слова даны в выдержках, списанных из рукописных миней четых Макария, архиепископа Новгородского и Псковского по экземпляру 1539 г.

II. Следующие 17 лл. (55—72) писаны особым почерком, на более грубой бумаге и позднее, чем начало XVIII в. Здесь помещена «История о семи мудрецах». Последние, заключительные восемь строк «Истории о семи мудрецах», занимающие верх 72-го л., писаны еще новой рукою, которой принадлежит и нижеследующее замечание: «Конец Сей Истории писалъ на чюлочной фабрики чюлошный ткачь Матвей [в 1767^м году декабря 8 дня]».

III. Лл. 73—130 писаны одним почерком на бумаге разных сортов. Из филиграней отметим на л. 91-м и 96-м дату: «763 году», которая свидетельствует о том, что вообще лл. 73—130 писаны не ранее 1763 г. Здесь помещены две статьи: лл. 73—88 об.: «Гистория ѿ славвѣомъ ѿ храбрѣ и силномъ Богатыре Илье Муромце сыне Иванѣиче ѿ Соловѣе Разбойнике», и лл. 89—130: «История ѿ славномъ и храбрѣ витезе Бове Кѣролевиче и о прекрасной Королевне Дружневне». На л. 130 об. рукою писца Историй об Илье Муромце и Бове Королевиче записано: «1773 году месеца сѣтебря 15 дня Сия тетра^т писана в марте 761 году дописана в августе 10 числа». Дату «761», новидимому, следует считать ошибочной в виду филиграней лл. 91 и 96 с «763» годом. Другие записи свидетельствуют о принадлежности сборника жителям города Углича, купцам Окатову и Священникову.

Из всех статей этого сборника наибольшего внимания заслуживает Гистория об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, представленная здесь в списке 60-х годов XVIII столетия. По редакции своей текст этой Гисто-

рии тождествен с напечатанным по рукописи Забелина № 244/1 в статье Б. Соколова «Былины старинной записи», журнал «Этнография», 1927, № 1, стр. 109—113. В виду того, что текст № 74 собрания Лихачева — Академии Наук является только вторым представителем данной редакции, что он заполняет дефекты Забелинского списка и, повидимому, старше по времени письма,¹ издание его признаю необходимым.

[л. 73] Гѣстѡрїя

Ѡ слѣвнѡмъ Ѡ храбрѡ ѣ сѣлномъ Богатыре Илие Муромце сыне Ивановиче ѣ Ѡ Соловьѣ Розбойнике.

Бысть в славномъ городе Муроме жил тутъ старъ матеръ чѣвкъ именемъ Иѡанѣ Елеѡерне[вич. И обе]² щание положи[ли женою] (л. 73 об.) своєю: ежели гдѣ бгѣ даруѣ мужескѣ полъ, то ѡправля молебное пение свѣтителю хрѣтову Николаю чудотвѡцу каждой годъ. И по умоленію ихъ бгѣ дароваль имъ сына, и во святом. крещени нарекл[и] имя ему Илия. И какъ ста[лъ] вѡрастать до семи летъ и болея же ходилъ. И прилучилося в день свѣтителѣ хрѣтова Ник[о]лая чудотворца, пошли ѡцъ [и мать] в прѣковъ Николая чудо[творца] молебное пение сове[ршити], а без ихъ явился ему (л. 74) свѣтитель хрѣстовъ Николай чудотворецъ и рече ему: Илия, имаша ли что пити? Ѡн же рече: Имамъ, ѡц і мати варили пиво для прѣдника свѣтителѣ гдѣня Николая чудотворца. Он же рече ему: Давай мне, Илия, пити. Илия рече ему: Не могу, ѡче мой, вос[т]јати на ноги. Он же даде ему пити и рече: Востави и ходи. А сам невидѣ бысть. И ѡ того часа встѣ, аки ни в чемъ не бываль, и вышелъ на улицу, и почѣ с ребятами (л. 74 об.) поигрывать, и почу в себе силу великую: которого вѡметъ за руку, руку оторветъ, которого за ногу, ногу оторвет, а которого вѡмет за голову, голову оторветъ. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему. Тогда же у нѣ кобыла принесла жеребенка худово и шелудиваго. І молодецъ Илья Муромецъ свѣ Ивановичъ выпросилъ молодова жеребчика на свои руки и сталъ ево кормить и поить и³ свой^х рук и по зорямъ поваживать (л. 75) и покатывать, и в десять летъ такой ста великъ, храбръ и силенъ. И накупилъ Илья Муромецъ доспехи бѣгатырския и ста быть в великой славе и чести, славной бѣгатырь и сѣны Илья Муромецъ. И былъ въ прѣкви бѣжи, слушалъ святую заугреню воскресную и, ѡслушав заугреню, похѡ держалъ к стѣному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держѣ на свою вострую саблю и на крепкой (л. 75 об.) лукъ с стрелами, что во всю дорогу вострой сабли із пшженъ не вынимать і на крепкой лукъ калены стрелы не накладывать. И подымаетца ево дѡрой конь, аки дѣ стѡбомъ. и скачетъ черезъ лѣсы дремучія, горы и доли межъ ногъ

¹ Редакция Гистории, представленная двумя списками Забелина № 244/1 и Лихачева — Академии Наук № 74, возникла сама не ранее начала XVIII в., судя по соединению в ее тексте таких слов, как «банкет», «церемония», «музыка», «миткалинный». Имя царя «Веспасион» могло появиться здесь по ознакомлении с Петровским изданием Иудейской войны Иосифа Флавия (1713 г.).

² Поставленное в прямые скобки вырвано в рукописи и восстановлено по изданию текста Забелина № 244/1 у Б. Соколова.

пускаеть. И какъ будетъ по^х градомъ по^х Себежѣ, услышалъ тутъ стукъ, топотъ, и конское ржаніе, кри^т и шумъ великоя. И проведаль Илья Муромецъ, ажно стоя^т по^х градомъ три црѣвича, (л. 76) а со всякимъ црѣвичѣ^х по сту и по тысячи войско, и хотять Сибирское црѣство взять, а самого црѣя полонить. И тутъ Илья Муромецъ заветъ свой переменяеть, вострую саблю вынимаеть и напущаеть на всю силу ратную, и побилъ все^х, а тре^х црѣвичевъ в полонъ взялъ і подарилъ Сибирскому царю. И Сибирской црѣ спрашиваетъ: Гой еси ты, доброй молодець! Какъ тебя іменемъ зову^т, какъ величаю^т по ѡчеству і которого города? (л. 76 об.) Ѡтветъ держитъ дѡрой молодець: Меня по имени зовутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ снѣ, уроженецъ города Мурома. И еще спрашиваетъ Сибирской царь: Куда твоя дорога імеется? Ѡтветъ держитъ Илья Муромецъ: Еду я к столному граду Киеву. И Сибирской црѣ говори^т: Пожалуй, Илья Ивановичъ, сживи ты у меня, и золота ка^{на} тебе црѣская будѣ^т незаперта, и дамъ тебе да поцрѣствія моего. А Ия [л. 77] Муромецъ не сойволяетъ и спрашиваетъ прямой дороги ко граду Киеву, какъ бы ближе ехать. И Сибирской црѣ говоритъ: Прямой, гдѣрь Илья Ивановичъ, дороги нетъ у насъ х Киеву, а прямая была дорога на Брынская леса, на грязи топучія, на мосты калиновыя, черезъ реку Смородину; толко та дорога залегла ровно тритцать лет; и в те годы ни одинъ члвкъ не прохаживаль, ни верь не прорыскиваль, ни птица не пролетывала, того ради ту (л. 77 об.) дорогу завладель Соловей Рабѡйникъ и поныне та^х живѣ и дѣтми своими. И ту^т бгатырское сердо рагорелося, поехѡ прямою дорогою х Киеву. І какъ будетъ на мосту калиновомъ чре^х реку Смородину, напустилъ на него Соловей Рабѡйникъ и засвисталь своимъ бгатырски^м посвистѡ рабѡйническимъ. И тутъ под Бѣю Мурѡцемъ бгатырской конь спотыкну^тся; и что зговори^т Илья Муромецъ: Али нетъ на свете русской земли? Удари^т добра коня своею палицею (л. 78) желѣною: Что ты вѡчьа сытъ, травеной мешокъ, спотыкаешся ѡ^т такой лесной пугалицы, чучелы!¹ Свой кренкой лукъ и^т налушника, калену стрелу ис кочана і, натянувши, выстрели^т в Соловья Рабѡйника, і попала ему стрела в правой гласъ. И Соловей Рабѡйникъ упѡ съ 12 дубѡ аки бѡшей снопъ на землю. І Илья Муромецъ поскочилъ и селъ у Соловья Рабѡйника на белы^х грудя^х, и хочеть у него вынуть ретиву (л. 78 об.) сердо. І вѡмолитца Соловей Рабѡйникъ: Гой еси ты, снѣы бгатырь Илья Муромецъ снѣ Ивановичъ! Оста^т дшю на покаяние. Что зговори^т Илья Муромецъ: Где твоя, Соловей Рабѡйникъ, золота ка^{на} лежитъ? І Соловей Рабѡйникъ ѡвещаетъ: Моя золота ка^{на} лежитъ в моихъ селахъ Кутузовы^х, а гонцы гоняютъ по два мѣа до те^х селъ а скоро на скоро в одинъ мѣцъ. И тутъ (л. 79) Илья Муромецъ привязывае^т Соловья Рабѡйника к своему стремени булатному. І какъ будутъ по^х селами Кутузовыми, завидели Соловьевы 12 снѡвъ и говорятъ: Вонъ нашъ батюшко едетъ, а в торока^х ведеть доброва молотца, у стремени привязана. А бѡшей снѣ говоритъ: То едетъ Илья Муромецъ, а в торока^х ведетъ нашево батюшку. И тутъ дети пометалися в кладовую горницу в золотую ка^{ну}, и надевають (л. 79 об.) на себя ружье бгатырское и хотять

¹ В Забелинском списке здесь прибавлено: «И вынимаеть».

с Бѣлею Муромцемъ поледать.¹ И Соловей говорит: Гдѣри мой, детуки, не дразните вы дѣрова молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево да столы дубовыя за ествы сахарныя. А Илья Муромецъ поворотилъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как будетъ по градумъ Киевомъ, и скачетъ (л. 80) чрезъ стену белу каменную, и прямо едет во ворецъ, не ъсылаючи и шапки не снимаючи. И у ворца постави своего [своего] коня бѣгатырскаго и Соловья Разбойника привязана, а самъ поше во ворецъ, в княженецкия полаты и, воше в полату, молитца чунымъ образомъ, а князю Владимиру ниско челомъ бьетъ, а после поклониса на все четыре стороны.

И князь Владимиръ Киевской спрашиваетъ: Как тебя, (л. 80 об.) доброй молодець, именовъ зовут, и как величаютъ по отечеству, и ис которова города, и давнѣ и города?

Отвѣтъ держитъ доброй молодець: Зовут, гдѣрь, меня Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ города Муромъ, а и Муромъ, ѡслуша воскресную заутреню. И князь Владимиръ усмежается: Что ты, Илья, врешъ и не свое говоришь, не твойскія у меня гонцы — гоняютъ ровно два мѣца, а скоро на скоро что (л. 81) в одинъ мѣцъ ис Киева в Муромъ. И Илья Муромецъ говоритъ: Да еще, гдѣрь, мои две на меня причины были и беды великия на дороге, и иволите выслушать. Я скажу вашему величеству: ѡслуша я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завѣ я положилъ на себя, чтобъ из ноженъ сабли не вынимаю, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать. И приеха я по градъ Себежъ Сибирской, и тутъ стояли три прѣвича, а со всякимъ прѣвичемъ (л. 81 об.) силы по сту и по тысячи, и хотели тотъ градъ по руку свою взять, а самого цря Сибирского полонить. И ту я силу всю порубилъ, и трехъ прѣвичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю Веспасиону. А ругая причина была: как буду я на мосту калиновомъ на реке Смородине, напусти на меня Соловей Рабѣйникъ, и засвисталъ шнъ свой рабѣйничъ посвистомъ, и подо ною конь спотыкнуся ѡ того посвисту, а я (л. 82) прострели Соловья в правой глазъ и привесъ ево с собою для поинного ивѣстия. И нѣе шнъ у вашего величества дворца ѡбретается. И князь Владимиръ выгляну из окошечка и увидель Соловья Рабѣйника, весма веселися и велель ему засвистать своимъ рабѣйничскимъ посвистомъ.

И Соловей Рабѣйникъ ѡвѣтъ держитъ: Не твой, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего гдѣря, синѣго бѣгатыря Ию Мурѣца (л. 82 об.). И Илья Муромецъ велѣ засвиста, и засвиста Соловей Рабѣйникъ, и тут гдѣ у богатырей кресла и стулья поломилась, а у князя Владимира скамья поломилась. И князь Владимиръ сталъ быть весма радостенъ и говорить таково слово: Тебе у меня, Илья Муромецъ, золота казна незаперта, бери, сколько иволишь, и конюшню не заперты, бери сколько иволишь лошадей и поежай, куда иволишь, и погреба тебе не заперты (л. 83). И для сей великой радости, что прочисти дорогу, велики кня Владимиръ Киевской указа учинить великой банкетъ и одари Ию Мурѣца вели-

¹ В Забелинском списке вместо «поледать» — «повоевать».

кѣми дарами и весьма благодарѣ ево. І веселились немалое время. А повеселясь, захотелось Ильѣ Муромцу сыну Ивановичю погуляти по чистому полю розѣдѣти, и ѡпросѣя у князя Владимира. И князь Владимиръ Киевской подарилъ ему (л. 83, об.) слугу верново, бѣатыря, именемъ Торопа і ѡпустилъ ево с честью і велѣ с собою взять что хочетъ дене, бѣатырскѣ доспѣ. И слуга ево верной Торопъ осѣла коней бѣатырскѣ, а под Илью Муромца седлаеть седелечко черкасское, пштники бухарскія, у седла попруги шелковыя, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ и стремена булатныя. А са приговариваетъ: Шелкъ не рвѣца, (л. 84) а булатъ не гнѣца, а чистое серебро не ржавиет. І поехалъ и славного города Киева, переска, киваетъ чрѣ стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым стѣбѣ. І поехалъ далече в чистое поле за горы высокия, за лѣсы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промежь ногъ пускалъ и приехали на чистое поле, (л. 84 об.) и тут ставили шатры полотняныя. И спалъ молодець Ильѣ Муромецъ 3 дни и 3 ноци, а слуга ево Торопъ на карауле стоялъ. И слыши в поле далече конской топотъ ржание і человеческой шу, крикъ великой. И будить Илью Муромца. І ту встаетъ молодець, и умывается водою ключевою, утирается полотнечко, молища чужимъ образомъ, поклоняется на все четыре стороны, а самъ вговоритъ таково слово: Хотя я дого спалъ, да впору всталъ і на срокъ поспелъ (л. 85). І приказываетъ своему верному слуге Торопу, что поехад далече в чистое поле и осведомѣся, нели какой силы, не идут ли на святую Русь. И слуга скоро побегалъ і, недобежавши силы, испугася, скоро возвратѣся назадъ. Гой еси ты, гдѣрь мой батюшко, Ильѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ, идетъ сила великая звериная на святую Русь; наперѣ идетъ страшнѣ і люты зверь, изорту у него огонь и польмя пышетъ, (л. 85 об.) а и поздрей у веря часты искры сыплютъ, из ушей у веря аки дысѣ. І што зговоритъ ту Иѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ: Гой еси ты, слуга мой верной, Торопъ, силы у тебя есть противъ меня, а скоро пужаешь: вѣтъ, идетъ тутъ в поле Тухманъ црѣ со своею силою босуманскою, а не стадо звериное. И выходитъ и бѣла шатра полотняного і приказываетъ сѣлатъ добраго коня своего. И слуга беретъ скоро добра (л. 86) коня, кладетъ на него поничекъ бухарской, сѣлаетъ седелечко черкасское, потягиваетъ попруги шелковыя, шелку шемаханского, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ булатныя. А садѣся Ильѣ Муромецъ скоро на своего добра коня, и втыкаетъ в ма сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесилъ на него ширинку миткалинную, наказываетъ своему верному слуге Торопу: Буде и моей ширинки мѣкалинной потечетъ кровь горячая, то буду убѣ, доброй молодець (л. 86 об.) Ильѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ; буде же оная ширѣка мѣкалинная висѣ как хѣтия бѣлая, то я жиѣ есть. І прибежа скоро и побил сперва суперника и нѣруга, царя Тумана, а потомъ напускаетъ на всю силу босуманскую. А слуга Торопъ пробудѣся со сна, взглянувъ на ширинку миткалинную, и показалось ему, якобы по ней идетъ кровь горячая. И садѣся для поспешения на своего добра коня и бѣ седла. І прибежа к той (л. 87) боевой силѣ, ажко едит, шумуетъ и винтуетъ на коне

И^я Муромецъ сынъ Ивановичъ в шишаке , во всяко бгатырско убванстве. И не поналъ слуга Торопъ своего гдна, Илью Муромца и би с коня долой, бчего і пал на землю. А слуга же Торопъ напѣ на ево белы груди, и вынимаетъ и^я ноженъ свое чанжалище, и хочѣ спороть у него груди белыя, а самъ говорить таково слово: Что ты, злодей Туман царь, убилъ моего гдра, Илью Муромца, за то тебе скорая смерть (л. 87об.) будетъ жестокая. И что зговорить Илья Муромецъ: Слуга верны, Торопъ, я Илья Муромецъ, гднъ твой. Еще же выкатѣся на груди крестъ золотой, і при^{на} и благим матомъ ѡскочи ѡ него, і поьялъ ево за белы руки, і поставилъ на ноги, и па^а поклонися ему, і проси прощения, что не в ведени ушѣ его. И то ему в вину Илья Муромецъ не постави, а поставилъ в верность и прости, и целова^{сь} во уста во сѣрныя, и сядились на добры коней, и порубили осталную всю силу босурманскую. И с той победы с великою славою ввратились в столны градъ Киевъ ко князю Владимѣ (л. 88) к сѣнышку Всеславьевичю. І кня Владимерь Киевской встрей ихъ с великою радостію і с почтениемъ великимъ и с церемонією великою, так что не можно вздумать о великѣ их весели и радовани. что бгъ да^а победу на супостаты и одолени и оборони ѡ и^я свтую Русь ѡ тогѣ поганского нахѣдения. И учини по всемъ прквамъ молебное пение и всенощное бдение всю сѣмицу. И пошелъ звонъ великой по всему граду Киеву і в политавры игрою и барабаннымъ боемъ и со всякою музыкою. І по той великой радости ѡдалъ кня Владимерь Киевской сѣнышко Всеславьевичъ до поцарствія своего (л. 88 об.). И тут И^я Муромецъ сѣнъ Ивановичъ стал жить во всякомъ благости и честности лета довольно и жаловал слугу своего великою честию, на^а всеми люми бѣшимъ балриномъ. И привезъ и^я Муромца і мать и самъ женися и слугу своего Торопа жени. И жили во всякомъ благополучие в радости. . . и чести. . . до глубокой старости і тако... ѡидоша, и погребение бысть славное. І те еке люди миновалися, и слава и^я до скончания века. Конецъ.

В. И. МАЛЫШЕВ

Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей

В июне 1937 г. я был командирован Литературно-лингвистическим институтом (теперь Филологический факультет Лгр. Гос. унив.) на Север для собирания устных преданий о протопопе Аввакуме. Одновременно я поставил своей задачей ознакомиться со всеми собраниями рукописей и старопечатных книг в городах и селах, вошедших в мой маршрут.

Наблюдения произведены мною в следующих местах: в городах Архангельске, Вологде, Кирове, Вел. Устюге, Сольвычегодске, Нарьян-Маре, Яренске и в селениях Ижма, Усть-Цильма, Оксина, Усть-Вымь. Интересующий меня материал находился в библиотеках районных и областных, архивах областных и районных, в музеях районных, городских и окружных; некоторое количество материала дали архивы райисполкомов и сельсоветов, было осмотрено и несколько частных собраний.

Мне не удалось побывать в библиотеках педагогических инсттутутов Архангельска, Вологды, Кирова, где нахождение рукописного материала вполне возможно. Особенно можно ожидать найти его в Вологодском педагогическом институте, в стенах которого долгое время был один из лучших краеведческих кружков Севера, организовавший несколько экспедиций по своей территории и, в частности, для сбора старинных книг.

Всего я осмотрел 23 рукописных собрания. Часть из этих собраний имели до революции свои печатные описания. Но иметь по ним сейчас определенное представление о составе этих собраний нельзя. Например, мы знаем, что в Архангельске имелись собрания духовной семинарии, собрания Сийского монастыря, городского Троицкого собора, Архангельского археологического комитета. Теперь собрания духовной семинарии и собора целиком находятся в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР. Здесь же находится большая доля книг археологического комитета. В Архангельском же музее за последние 4 года образовалось новое собрание.

Архангельский областной архив получил рукописи холмогорских Преображенского собора и Успенского монастыря, причем некоторые книги из этих собраний попали и в областную библиотеку. Викторов, описывая собрание Холмогорского собора, видел в нем 11 рукописей, теперь только в одном областном архиве насчитывается их около 30. Изменило свой преж-

ний адрес собрание архангельского подворья Красногорского монастыря. Книги эти теперь в Библиотеке Академии Наук СССР. Собрание сольвычегодского Благовещенского собора попало к трем адресатам: несколько книг осталось в Сольвычегодском музее, 5—6 книг имеется в Велико-Устюжском музее, остальные рукописи, вместе с некоторыми велико-устюжскими собраниями, были переданы в рукописный фонд Библиотеки Академии Наук СССР.

Таким образом в настоящее время некоторые собрания переменили свой прежний адрес, другие значительно пополнились, иные разбились на несколько частей и, наконец, образовались новые собрания. Нашим археографам, следовательно, надо значительно освежить все сведения, которые они имеют из дореволюционной печати.

По содержанию осмотренные мной собрания неравноценны. В большей своей части собраны из закрытых церквей и монастырей, духовных семинарий — они, конечно, содержат значительный процент культовых книг, которые могут представлять интерес в поздних списках лишь для лингвиста, если в них проникли черты живого языка. Но почти во всех осмотренных мною хранилищах есть, кроме того, остатки старообрядческой литературы, которая имеет интерес для истории быта, а частично и для истории литературы; особенно любопытны сборники, в которых немало литературного материала. Наибольшее количество литературного материала можно найти в собраниях, поступивших от краеведческих и археологических кружков.

Условия хранения старинных рукописей в большинстве случаев должны быть улучшены (Нарьянмарский окр. музей, Кировский обл. музей, Оксинский сельсовет). Во многих книгохранилищах (Вологодский музей, Архангельский облархив, Кировская облбиблиотека) необходимо произвести учет рукописей.

За исключением Архангельской областной библиотеки и Велико-Устюжского музея, где книги описаны и лежат в надежных помещениях, остальные книгохранилища нуждаются в серьезном вмешательстве авторитетной организации, которая либо на месте изменила бы существующий сейчас порядок хранения, либо передала бы рукописный материал в более приспособленные для него учреждения.

Мною проведена в данный момент лишь предварительная разведка: самый выбор мест, которые я посетил, диктовался задачами моей непосредственной работы (собираением сведений о протопоне Аввакуме), а потому для целей археографических он, конечно, оказался случайным. Но и этот опыт показал, что потребность в организованном обследовании рукописных материалов, хранящихся на нашем Севере, вполне назрела. Необходимо не только установить новые адреса рукописей, но и сличить состав тех собраний, которые были описаны раньше: повидимому, много окажется такого, чего не видели старые археографы. Ниже я сообщаю для ориентировки будущей экспедиции мои предварительные заметки об отдельных северных книгохранилищах, а также о тех частных собраниях, которые я видел главным образом у старообрядцев Усть-Цильмы.

Архангельская область

АРХАНГЕЛЬСК

1. **Областная библиотека.** Общее число рукописных книг — около 80. Литературного материала мало, большинство рукописей — культовые книги. Рукописи поступили главным образом из закрытых церквей Архангельской области, частью — из монастырских собраний (Артемьева-Веркольского, Красногорского на реке Пинеге, Пертоминского и др.). Рукописи описаны в 1936 г. б. сотрудником библиотеки Л. Гневушевым. Собрание Пертоминского монастыря описано Приклонским (Арханг., 1927).

2. **Областной архив.** Рукописных книг около 80. Книги поступили из холмогорских собраний — Преображенского собора, Успенского монастыря и двух церквей. Книжный фонд Холмогорского собора полнее, чем он был описан А. Викторовым в 1890 г. (Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб. 1890). Некоторое количество рукописей поступило в архив из Николо-Карельского монастыря.

3. **Областной музей.** Рукописных книг около 20, преимущественно старообрядческие сборники XVIII—XIX вв., поступившие из разных районов Архангельской области. В музее хранятся также давно известные в печати «Ломоносовские тетради» (рукописные книги со вставками-автографами Ломоносова). Есть старопечатная Триодь постная, напечатанная дьяконом Кореси около 1580 г. (редка).

4. Ряд рукописных собраний, хранившихся ранее в Архангельске, — духовной семинарии, Троицкого собора, кружка любителей древней письменности, Сийского монастыря — и имеющих печатные описания, перевезены в 1928 г. в Рукописное отделение Библиотеки АН СССР (Ленинград).

СОЛЬВЫЧЕГОДСК

Городской музей. Рукописных книг 30, из них литературное значение имеют следующие: «Беседа отца с сыном», XVIII в.; «История о пленении славного Царьграда», начала XVIII в. (нач.: «Магомет, султан турецкий»); «Повесть о царе Соломоне, како восхоте испытати, какова мудрость и целомудрие мужское и женское» (из судов Соломона), XVIII в.; сказание о табаке, конца XVIII в. — Собрание музея составилось из рукописей городских церквей и приобретений от отдельных граждан; 4 рукописи перевезены из сольвычегодского Благовещенского собора (см. об этом собрании И. Томский, «Синодики Сольвычегодского Благовещенского собора», Сольвыч типогр. Совнархоза, 1919). 5 рукописей — из Введенского городского монастыря. Остальные части двух последних собраний 12 лет тому назад перевезены в Устюг.

ЛРЕНСК

Городской музей. Рукописных книг 6 (служебные, XVIII в.) и старопечатных 10. Книги поступили из двух городских церквей.

Ненецкий нац. округ**НАРЬЯН-МАР**

Городской музей. Рукописных книг 12, старопечатных 15. Собрание привезено в 1934 г. работниками музея из района. Из книг литературного содержания назову: старообрядческий полемический сборник середины XVIII в., писанный на бересте; старообрядческий сборник 1730-х гг., содержащий повести о происхождении короткого платья, галстука и прочих частей костюма; житие Андрея Денисова, конца XVIII в.; отрывок из жития Корнилия «о Никоне патриархе».

СЕЛО ОКСИНО

Архив Райисполкома хранит 4 рукописных книги (два старообрядческих полемических сборника XVIII в., псалтырь следованная конца XVII в., нотный октоих поморского письма 1750 г.) и несколько старопечатных книг.

Вологодская область**ВОЛОГДА**

Старые собрания — Вологодской археографической комиссии, большая часть книг духовной семинарии и часть собрания городского Софийского собора в 1928 г. перевезены в рукописное отделение Библиотеки АН СССР. Оставшиеся в Вологде рукописи распределяются между хранилищами таким образом.

Районная библиотека. Рукописных книг около 80, поступивших из собраний Вологодской духовной семинарии, Тотемского Спасо-Суморского монастыря и Вологодского кружка любителей древней письменности.

Областной архив. Рукописных книг около 80, поступивших из различных вологодских монастырей (Глезинского, Сумского, Шенкурского свято-троицкого и др.).

Областной музей. Рукописных книг около 40. Среди рукописей — часть пергаменных рукописей б. Вологодской духовной семинарии, остальные поступили из закрытых городских церквей. 15 рукописей представляют сборники житий русских святых или отдельные жития.

Вологодское общество краеведения имеет 10 рукописных и 12 старопечатных книг, поступивших частью из собрания Вологодского кружка любителей древностей. Среди старопечатных книг имеется библия Пискатора.¹

¹ Вологодские собрания имели следующие печатные описания: собрание духовной семинарии: Н. Суворов. Пять харатейных рукописей б-ки Вологод. семинарии. Волог. епарх. ведом. 1869, № 2. — П. М. Строев. Указатель к библиологическому словарю.—И. А. Шляпкин. Доклад. Протоколы Общ. любителей древней письменности за 1892—1893 гг. Пам. др. письм., ХCV.—Собрание архиепископской ризницы описано в Библиологическом словаре П. М. Строева.—Собрание Софийского собора: Н. И. Суворов. Описание Вологодского Софийского кафедр. собора с 47 прилож. М. 1863.

ВЕЛИКИЙ УСТЬЮГ

Районная библиотека имеет 4 рукописные книги (служебные XVIII—XIX вв.) и один сборник XVIII в. с выписками из Великого Зеркала.

Районный архив имеет 18 рукописей, из которых половина — служебные книги. Среди остальных рукописей — сборники поучений Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и Симона Тодорского, сказание о зачатии Коряженского монастыря. Рукописи поступили из двух монастырей — Сольвычегодского Коряженского и Архангельского в Великом Устюге — и описаны в 1929 г. В. П. Шляпиным. Книги Архангельского монастыря были описаны в 1848 г. П. Савваитовым в Описи Архангельского монастыря.

Районный музей. Сравнительно большое (около 100 номеров) рукописное собрание его составилось из книг кружка любителей древностей, собраний местных краеведов — В. П. Шляпина и Л. Н. Комарова, встречаются также отдельные рукописи сольвычегодских и велико-устюжских церквей и монастырей (Благовещенского собора, Введенского и Предтеченского монастырей, Архангельского монастыря). Созданием такого значительного собрания музей обязан энтузиасту-краеведу А. П. Бекряшеву, а приведением его в порядок и описанием — знатоку местной старины В. П. Шляпину. Среди рукописей, не известных по старым описаниям поступивших собраний, отметим: 1. Сборник XVIII в. (по описи № 87), содержащий ряд житий, и три повести XVIII в.: «История о графе Ипполите и графине Жулии», «История о губернаторском сыне Родерике и королевской дочери zelo остроумной и прекрасной Берте», «Сказание о гишпанском короле». 2. Звезда пресветлая (№ 89), конца XVIII в.; здесь же повесть о Савве Грудцыне. 3. «Вертоград с латинского на русский язык переложенный» (№ 76), начала XVIII в.

Собрание велико-устюжского Успенского собора (описанное Н. Румовским. Описание собора. Вологда, 1848, и П. Строевым, Библ. словарь), большая часть коллекции кружка любителей древностей, часть рукописей сольвычегодского Благовещенского собора и Архангельского монастыря перевезены в 1929 г. в рукописное отделение Библиотеки АН СССР.

Кировская область

КИРОВО

Областная библиотека имеет до 150 рукописных книг, поступивших из старых собраний Вяткой духовной семинарии, Археологического музея при Трифоновом монастыре, Преображенского собора и городских церквей. Часть рукописей из этих собраний поступила в хранилища г. Горького. Среди рукописей областной библиотеки имеется немало интересных в литературном отношении. Прежние собрания имели следующие описания: библиотека духовной семинарии описана в журнале «Православное обозрение», 1865, № 8; 1868, № 3, и 1870, № 3, и в «Библиоло-

гическом словаре» П. М. Строева; рукописи Археологического музея — Каталог памятников, имеющихся в Вятском Трифоновом церковно-археологическом музее, Вятка, 1914, и дополнения к нему — Вятка, 1915, и Вятка, 1917.—П. М. Строев. Библ. словарь.

Областной архив. В историческом отделе архива находится около 30 книг, поступивших сюда из б. вятских монастырей.

Городской музей. Из городских церквей поступило 20 рукописных книг, среди них интересны жития Трифона Вятского, Нифонта, лицевые синодики (старший 1690 г.).

Областной художественный музей им. Горького имеет в библиотеке 5 рукописей, XVIII и начала XIX вв., интересных лишь красочными иллюстрациями.

Коми АССР

СЕЛО УСТЬ-ЦИЛЬМА

Село не имеет государственного архивохранилища, но у местных жителей (преимущественно старообрядцев) хранятся еще немало рукописных и старопечатных книг. В общем мне удалось видеть около 200 рукописей XVII и XVIII вв. Сообщаю сведения о наиболее интересных из них.

Рукописи **Т. И. Ермолина**: «Козмография от разных книг собрана», конца XVII в., Пролог за первую половину года, конца XVI в., повесть о табаке, конца XVIII в., повесть о вине, половины XVIII в.

Рукописи **А. С. Носова**: Путешествие Трифона Коробейникова, XVIII в., Зерцало, конца XVII в.

Рукописи **А. В. Дуркиной**: Римские Деяния, начала XVI в., с пятью иллюстрациями. **В. А. Дуркина** — Путешествие в Иерусалим игумена Даниила, половины XVIII в. **А. Тороповой** — Александрия, конца XVII в. **С. Торопова** — Зерцало, 1741 г. **А. Попова** — повесть о патриархе Никоне, начала XIX в. **А. Г. Чупрова** — История о Петре Златых ключах, конца XVIII в.

Наиболее значительными и интересными собраниями рукописей владеют **Н. Е. Торопов** и **П. Г. Чупров**. У **Н. Е. Торопова** имеется около 50 рукописей, среди которых интересны лицевые — Апокалипсис, половины XVIII в., и Обиход, начала XVIII в.—и литературно-исторические: повесть о 12 снах Шахаши, половины XVIII в., житие Андрея Денисова, конца XVIII в., и повесть о самосожжениях на Мезени в 1747 г. Из наиболее интересных рукописей собрания **П. Г. Чупрова** отметим — повесть о Савве Грудцыне (сокращенной редакции), 1780 г., повесть «о старом муже и молодой жене», конца XVIII в., «о русском князе Иване и польской королеве», начала XIX в., повесть об Акире Премудром, XIX в., повесть о новгородском посаднике Щиле, начала XVIII в., «Хождение Афанасия Никитина за три моря», конца XVII в., с двумя миниатюрами позднего происхождения, «Сказание о бывших чудесах в Великом Новгороде», XVIII в.

Собрание, богатое редкими старопечатными книгами, принадлежит **И. Я. Попову**.

В необследованной области от Мезени до Печоры (районы рек Цильмы, Пижмы, верховья реки Мезени) можно еще найти немало ценных рукописей преимущественно XVII—XVIII вв., хотя изредка попадаются и более древние: мне удалось приобрести Пролог XV в. для Библиотеки АН СССР, видел я пергаменную Минею XIV в.

СЕЛО ИЖМА

В архиве местного сельсовета есть 5 рукописных книг XVIII—XIX вв. и 5 старопечатных. Среди рукописей интересен лицевой сборник XVIII в. — житие Василия Нового, с большими раскладными красочными иллюстрациями, реалистической манеры.

СЕЛО УСТЬ-ВЫМЬЕ

В архиве Райисполкома хранятся 4 рукописных служебных книги и 3 старопечатных.

Почти во всех перечисленных хранилищах, кроме рукописных, есть значительное количество и старопечатных книг. Возможно, что среди них есть и редкие издания, но по недостатку времени, а иногда из-за плохих условий хранения этого материала не удалось его осмотреть с должным вниманием. В Велико-Устюжском музее и в Архангельской областной библиотеке собрания особенно значительны. В Архангельске — в областной библиотеке и в городском музее есть недурное собрание народных картинок. Заведующий Вологодским музеем А. Никшин собрал интересную коллекцию надписей на металле, дереве и тканях. Новый материал для вещевой палеографии есть также в музеях Великого Устюга и Архангельска.

